В. Реймонтъ.

Комедіантка.

V

B J

D

B

В. Реймонтъ.

В. Реймонтъ.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ.

Томъ I.

Изданіе В. М. Саблина.

В. Реймонтъ.

КОМЕДІАНТКА.

Переводъ П. Левицкаго.

Москва. — 1911.

Типографія В. М. Саблина.
Москва, Петровка, домъ Обидиной. Тел. 121-34.

КОМЕДІАНТКА.

I

Станція Буковицы домбровской желѣзной дороги лежитъ въ прекрасномъ мѣстѣ!.. Полотно изгибами врѣзается въ холмы, покрытые буками и соснами; а въ болѣе ровномъ мѣстѣ — между огромной горой, торчащей надъ лѣсами лысинами вывѣтренныхъ скалъ, и длинной, узкой долиной, наполненной водой и заросшими болотами — построена станція. Кирпичный, неоштукатуренный вокзалъ двухъэтажный, съ квартирами начальника станціи и его помощника; сбоку деревянный домикъ для телеграфиста и низшихъ служащихъ; тутъ же у послѣднихъ стрѣлокъ другой такой же домикъ для желѣзнодорожнаго смотрителя, три сторожки въ разныхъ мѣстахъ полотна, открытая рампа для товаровъ — и все.

Кругомъ со всѣхъ сторонъ шумѣлъ лѣсъ. Кусокъ голубого покрывала-неба, закиданный сѣрыми тучами, протянулся вверху, какъ широкая крыша.

Солнце близилось къ полдню; свѣтило все ярче и сильнѣе грѣло; рыжіе склоны каменистой горы съ растерзанной, словно изрытой весенними потоками, вершиной утопали въ лучахъ солнца.

Царила тишина весенняго полдня. Деревья стояли безъ звука, безъ движенія. Зеленые, острые листья буковъ свѣшивались внизъ — сонные, упоенные свѣтомъ, тепломъ и тишиной.

Птицы рѣдко отзывались изъ лѣсной чащи, только со стороны болотъ доносились ихъ крики и звучали въ воздухѣ вмѣстѣ съ гудѣніемъ комаровъ.

Надъ длинной, ярко-синей линіей рельсъ, протянувшихся безконечной цѣпью изгибовъ и зигзагъ, распаленный воздухъ отливалъ фіолетовымъ.

Изъ канцеляріи начальника станціи вышелъ низкій, квадратный человѣкъ съ свѣтлыми, цвѣта конопли, волосами. Онъ былъ одѣтъ, скорѣе втиснутъ, въ элегантный сюртукъ, держалъ въ рукѣ шляпу и надѣвалъ пальто, которое ему подавалъ рабочій.

Начальникъ станціи стоялъ передъ нимъ, машинально гладилъ длинную, сѣдую бороду и привѣтливо улыбался. Онъ былъ такой же коренастый, крѣпко сложенный и широкоплечій, и также въ его голубыхъ глазахъ, весело сверкающихъ изъ-подъ сросшихся бровей и квадратнаго лба, проглядывала рѣшительность и непреклонная, мощная воля. Прямой носъ, очень полныя губы, и извѣстная манера стягивать брови, прямой пронзительный взглядъ указывали на силу характера.

— До свиданія, до завтра! — весело сказалъ блондинъ, протягивая для пожатія большую руку.

— До свиданія! Давай губы... Завтра разопьемъ магарычъ!

— Боюсь я немного этого завтра...

— Смѣло, парень! Не бойся, ручаюсь тебѣ за хоро-

шій исходъ. Сейчасъ все скажу Янкѣ. Пріѣдешь къ намъ завтра на обѣдъ, объяснишься, будешь принятъ, черезъ мѣсяцъ свадьба... будемъ сосѣдями... хе! Люблю я тебя, Андрей! Всегда мечталъ имѣть такого сына; не имѣю, что подѣлаешь... хоть зятя имѣть буду.

Они сердечно расцѣловались; молодой сѣлъ въ легкую бричку, поджидавшую его у подъѣзда, порывисто тронулся съ мѣста и поѣхалъ узкой дорожкой черезъ лѣсъ. Обернулся, снялъ шляпу, затѣмъ отвѣсилъ другой, болѣе глубокій поклонъ окнамъ второго этажа и исчезъ въ тѣни лѣса. Немного отъѣхавъ, слѣзъ съ брички, приказалъ кучеру ѣхать, а самъ пошелъ черезъ лѣсъ.

Начальникъ станціи, какъ только блондинъ скрылся съ глазъ, вернулся въ канцелярію и принялся за казенную корреспонденцію.

Онъ былъ очень обрадованъ предложеніемъ Гржесикевича и обѣщалъ руку дочери, будучи увѣренъ въ ея согласіи.

Гржесикевичъ хоть и не поражалъ красотой, но былъ уменъ и очень богатъ. Лѣса, въ которыхъ находилась станція, и нѣсколько сосѣднихъ хуторовъ принадлежали его отцу.

Старый Гржесикевичъ былъ прежде простымъ крестьяниномъ, держалъ сначала шинокъ, а затѣмъ сталъ торговать, и на лѣсныхъ порубкахъ и торговлѣ нажилъ большое состояніе.

Въ окрестности еще многіе помнили, что въ молодости старика звали Гржесикъ. Не разъ подсмѣивались надъ нимъ; но никто не видѣлъ дурного въ перемѣнѣ

фамиліи, такъ какъ онъ не корчилъ изъ себя барина и не чванился своимъ богатствомъ.

Онъ былъ мужикъ и, несмотря ни на какія перемѣны, оставался имъ. Сынъ получилъ хорошее образованіе и теперь помогалъ отцу. Два года тому назадъ онъ познакомился съ дочерью начальника станціи, пріѣхавшей къ отцу послѣ окончанія нѣмецкой гимназіи, и отчаянно въ нее влюбился. Старикъ не препятствовалъ ему, сказавъ, что если хочетъ, пусть женится.

Съ барышней онъ видался часто, влюблялся въ нее все сильнѣе; но ни разу не осмѣлился заговорить о своей любви. Она была съ нимъ ласкова и привѣтлива, и при этомъ такъ удивительно проста и откровенна, что слова признанія и любви замирали на губахъ.

Онъ видѣлъ въ ней женщину какой-то болѣе высокой расы, недоступную для такихъ «хамовъ», какъ нерѣдко самъ откровенно называлъ себя; но именно благодаря этому своему хамству любилъ ее еще сильнѣе.

Наконецъ, онъ рѣшилъ открыться ея отцу. Орловскій принялъ его съ распростертыми объятіями и сразу со всей своей неосмотрительностью обнадежилъ словомъ. И тотъ былъ увѣренъ, что теперь и Янка ему не откажетъ, такъ какъ вѣрно говорила уже объ этомъ съ отцомъ.

— А почему бы и нѣтъ! — шепталъ онъ.

Онъ молодъ, богатъ, къ тому же такъ любитъ ее.

— Черезъ мѣсяцъ свадьба!.. — быстро добавилъ онъ и чувствовалъ себя такимъ счастливымъ, что летѣлъ черезъ лѣсъ, обламывалъ вѣтви, билъ ногами старые, полуистлѣвшіе пни, сбивалъ головки весеннихъ грибовъ и посвистывалъ, ухмыляясь при мысли о радости ма-

тери, когда разскажетъ ей все, такъ какъ мать горячо желала этого брака.

Это была старая крестьянка, кромѣ наряда подъ вліяніемъ денегъ ничего не измѣнившая ни въ обычаяхъ своихъ ни въ мысляхъ. О Янкѣ думала она, какъ о королевѣ. Ея мечтой было имѣть невѣсткой настоящую барыню, дворянку, которая импонировала бы ей красотой и благороднымъ происхожденіемъ; мужъ и его деньги, и уваженіе, которое имъ оказывали, были для нея недостаточны. Она чувствовала себя мужичкой и все принимала съ недовѣріемъ настоящей мужички.

— Ендрусь! — не разъ говорила она сыну, — Ендрусь, женись на барышнѣ Орловской. Это — барыня! Только взглянетъ на человѣка, такъ по тѣлу со страха мурашки забѣгаютъ... Должно быть добрая, такъ какъ всякій разъ, какъ встрѣчается въ лѣсу съ людьми, поздоровается, поговоритъ, поласкаетъ дѣтей... другая бы такъ не сумѣла! Во всякомъ случаѣ это родъ, происхожденіе! Послала ей какъ-то корзину грибовъ, такъ потомъ какъ встрѣтила меня — поцѣловала въ руку... Охъ, ужъ и умная она! Знаешь что — у меня сынъ — одно заглядѣніе. Ендрусь, женись! Куй желѣзо, пока горячо, — заканчивала она пословицей.

Ендрусь обыкновенно смѣялся, цѣловалъ у матери руки и обѣщалъ скоро все кончить.

— Королевой будетъ у насъ, посадимъ ее въ свѣтлицѣ! Не бойся, Ендрусь, не позволю ей пачкать ручки; буду ходить вокругъ, прислуживать, все прибирать... пускай ужъ себѣ тамъ читаетъ по-французски или играетъ на фортепіано. На то она и барыня! — продолжала мать, мечтая о будущемъ счастьѣ. — Я стару-

ха. Ендрусь, внуковъ бы мнѣ!..—часто грустно говорила она сыну.

И онъ въ глубинѣ души былъ такой же мужикъ; подъ лоскомъ цивилизованнаго, образованнаго человѣка въ немъ такъ же дрожало мужицкое желанiе жены-барыни! Этотъ силачъ, который въ минуту увлеченiя могъ вскидывать на телѣгу шестипудовыя копны ржи и работать, какъ простой наемникъ, чтобы немного утомиться и утишить въ себѣ безумную жажду жизни и бури, переливающейся въ здоровой крови, не истощенной десятками поколѣнiй, мечталъ о Янкѣ, погибалъ отъ ея красоты и очарованiя. Онъ непремѣнно хотѣлъ имѣть господина, который тиранилъ бы его своей слабостью.

Теперь, какъ вихрь, летѣлъ онъ черезъ лѣсъ, а потомъ черезъ поля, зеленѣющiя волной яровыхъ хлѣбовъ—бѣжалъ къ матери, хотѣлъ разсказать ей о своемъ счастьи. Онъ зналъ, что застанетъ ее сидящей въ любимой комнатѣ, въ три ряда увѣшанной образами святыхъ въ золоченыхъ рамахъ; это была единственная роскошь, которую она позволяла себѣ.

Между тѣмъ начальникъ станцiи, кончивъ писать какой-то рапортъ, подписалъ его, вынулъ изъ книги, положилъ въ конвертъ, написалъ адресъ: «экспедитору станцiи Буковицъ» и позвалъ:

— Антонъ!

Служитель показался на порогѣ.

— Экспедитору!—сказалъ Орловскiй.

Слуга взялъ молча конвертъ и съ самой торжественной миной положилъ его на столикѣ, стоящемъ по другую сторону окна.

Начальникъ всталъ, потянулся, снялъ съ головы красную шапку и подошелъ къ другому столику; надѣлъ простую фуражку съ красными кантами и медленно распечаталъ только что написанное письмо. Прочелъ и, набросавъ на оборотной сторонѣ нѣсколько словъ вновь, подписался; написалъ адресъ: «въ городъ, начальнику станціи» и приказалъ Антону отнести.

Это былъ маніакъ, надъ которымъ потѣшалась вся желѣзная дорога. Въ Буковицахъ не было экспедитора, слѣдовательно обѣ обязанности исполнялъ онъ; справа у столика начальника станціи одну, а у столика экспедитора — другую.

Какъ начальникъ станціи онъ самъ былъ своимъ собственнымъ начальствомъ; и нерѣдко, замѣчая какую-нибудь ошибку въ счетахъ или какое-нибудь упущеніе въ обязанностяхъ экспедитора, онъ переживалъ минуты почти безумной радости; онъ писалъ самъ на себя рапорты и себѣ же дѣлалъ замѣчанія.

Всѣ смѣялись надъ нимъ; онъ не обращалъ вниманія на это, говоря:

— Все опирается на порядокъ и систематичность; не будетъ этого — все погибло!

Онъ кончилъ теперь работу, заперъ ящики, выглянулъ на платформу и пошелъ домой. Вошелъ не черезъ переднюю, а черезъ кухню. Долженъ былъ видѣть все, что дѣлается и какъ. Заглянулъ въ трубу, помѣшалъ огонь, выбранилъ служанку за разлитую на полу воду и пошелъ въ столовую.

— Гдѣ Янка?

— Барышня сейчасъ придетъ — отвѣтила Кренска,

что-то въ родѣ экономки и дамы-компаньонки, блондинка съ красивымъ живымъ лицомъ.

— Что готовите на обѣдъ? — спросилъ онъ тѣмъ же инквизиторскимъ тономъ.

— То, что баринъ такъ охотно кушаетъ: сосусъ изъ цыплятъ, супъ изъ щавеля, котлеты!

— Лишнее! клянусь Богомъ, лишнее! Супъ и одно мясное вполнѣ достаточно для самого даже короля! Разорите вы меня, клянусь Богомъ!..

— Только для васъ я и велѣла готовить такой обѣдъ.

— Враки! клянусь Богомъ, враки... У васъ, женщинъ, въ головѣ только и есть, что разныя фрикасе, лакомства, деликатесы и ничего больше. Все только фью! фью!

— Несправедливо осуждаете насъ; мы бережливѣе мужчинъ.

— Да! бережете, чтобы потомъ накупить побольше тряпокъ. Знаю я это, клянусь Богомъ!

Кренска ничего не отвѣтила, а принялась накрывать столъ.

Вошла Янка.

Это была двадцатидвухлѣтняя дѣвушка, высокая, прекрасно сложенная, широкая въ плечахъ, съ виду гордая и надменная. Имѣла правильныя черты лица, черные глаза, прямой лобъ, немного черезчуръ широкій, темныя, рѣзко обозначенныя брови, римскій носъ, губы полныя и красныя. Взглядъ глубокій, какъ бы засматривающій внутрь себя; губы крѣпко сжатыя, что придавало видъ недоступности или затаенной злости. Двѣ глубокія морщины пересѣкали ея ясный лобъ. Бѣлоку-

рые волосы съ рыжеватымъ оттѣнкомъ, прекрасные по своему цвѣту, прикрывали какъ короной ея круглую маленькую голову. Цвѣтъ лица у нея былъ какъ персикъ — золотистый; дивный голосъ: альтъ, звучащій иногда баритономъ, съ мужскимъ акцентомъ.

Кивнула отцу головой и сѣла по другую сторону стола.

— Былъ у меня сегодня Гржесикевичъ, — произнесъ начальникъ, медленно разливая супъ; онъ всегда самъ хозяйничалъ за столомъ.

Янка спокойно смотрѣла на него, ожидая, что скажетъ дальше.

— Былъ и просилъ твоей руки, Янка!

— Что же вы отвѣтили ему? — живо воскликнула Кренска.

— Это наше дѣло — отвѣтилъ онъ сердито. — Наше дѣло... Отвѣтилъ, что хорошо; будетъ завтра здѣсь на обѣдѣ и тогда поговорите...

— Не нужно! Разъ ты сказалъ ему, что хорошо, то принимай его себѣ завтра, а отъ меня скажи, что совсѣмъ нехорошо... Не хочу съ нимъ говорить. Уѣзжаю завтра въ Кѣльцы! — быстро отвѣтила Янка.

— Влѣзъ на грушку, рвалъ петрушку!.. клянусь Богомъ! — презрительно отвѣтилъ Орловскій. — Если бы ты не была идіоткой, то поняла бы, что это за человѣкъ и какая это партія!.. что Гржесикевичъ хоть и хамъ, для тебя значитъ больше князя, ибо хочетъ тебя... а хочетъ тебя, ибо — глупъ; не такую бы могъ взять! Должна быть благодарна ему. Завтра объяснится съ тобой, а черезъ мѣсяцъ будешь госпожей Гржесикевичъ.

— Не буду ею! Разъ онъ можетъ взять другую, пускай беретъ...

— Клянусь Богомъ, будешь Гржесикевичъ!

— Нѣтъ! И не только за него не выйду, вообще не выйду замужъ, не хочу!

— Дура! — грубо прервалъ онъ ее. — Пойдешь, такъ какъ должна ѣсть, жить, одѣваться, наконецъ, быть чѣмъ-нибудь... Я не думаю въ конецъ разоряться... а если не хватаетъ у меня, такъ — какъ же?

— У меня есть свое приданое; сумѣю обойтись и безъ Гржесикевича. Ага, значитъ, ты этимъ замужествомъ хочешь мнѣ обезпечить только существованіе! — издѣвалась она, вызывающе глядя на отца.

— Да, клянусь Богомъ! — зачѣмъ же женщины выходятъ замужъ?

— Выходятъ по любви и за тѣхъ, кого любятъ.

— Дура, говорю тебѣ! — произнесъ онъ энергично, кладя на тарелку соусъ. — Любовь, это только этотъ соусъ, цыпленка съѣдятъ и безъ него; соусъ, это — прихоть, глупость, новый предразсудокъ!

— Никто не продается первому встрѣчному только потому, что тотъ имѣетъ средства къ существованію!

— Дура, клянусь Богомъ! Всѣ такъ поступаютъ, всѣ продаются. Любовь, это — пансіонскія бредни, глупость, клянусь Богомъ. Не волнуй меня...

— Тутъ дѣло не въ волненіи и не въ томъ, глупость любовь или нѣтъ; рѣчь идетъ о моемъ будущемъ, которымъ ты достаточно распоряжался. Говорила же я тебѣ, когда мнѣ сдѣлалъ предложеніе Зѣленкевичъ, что я не думаю выходить замужъ.

— Зѣленкевичъ, это — только Зѣленкевичъ, а Грже-

сикевичъ — это господинъ, молодецъ хоть куда! Золотое сердце, умный, кончилъ вѣдь въ Дублинѣ, сильный, какъ быкъ, клянусь Богомъ; такой молодчина, что сдержитъ самую дикую лошадь, разъ такъ далъ рабочему въ зубы, что сразу шесть штукъ выбилъ... не молодецъ ли! Клянусь Богомъ, идеалъ, самый идеальнѣйшій идеалъ.

— Прекрасенъ твой идеалъ, отецъ: калѣчитъ людей и могъ бы показываться въ циркѣ.

— Ты помѣшанная, какъ и твоя мать. Подожди, возьметъ тебя Ендрикъ на двойные мундштуки, кнута не пожалѣетъ.

Янка стремительно поднялась, бросила ложку на столъ и вышла вонъ, громко хлопнувъ дверью.

— Не зѣвай, сударыня, а вели подавать котлеты! — прикрикнулъ начальникъ на Кренску, которая съ соболѣзнующей миной слѣдила за Янкой; униженно подвинула блюдо и съ тревогой въ голосѣ шепнула:

— Вы когда-нибудь заболѣете отъ волненія.

— Отрава моя! — отвѣтилъ онъ протяжно. — Нельзя поѣсть спокойно, вѣчные скандалы.

Онъ принялся жаловаться на упорство Янки, на ея характеръ и вѣчныя хлопоты съ нею. Кренска поддакивала ему, подчеркивала нѣкоторыя подробности; жаловалась сама, что и она должна много, очень много переносить по той же причинѣ; часто тяжело вздыхала и при каждомъ удобномъ случаѣ льстила ему. Принесла кофе, поставила ромъ, сама наливала, придвигала, часто какъ бы случайно дотрогивалась до его рукъ и плечъ; опускала глаза, упорно кокетничала и стара-

лась зажечь въ немъ какую-то искру... Имѣла свои разсчеты, а потому дѣйствовала такъ.

Орловскій клялся все тише, а выпивъ кофе, сказалъ:

— Благодарю! Клянусь Богомъ, вы единственный человѣкъ, который меня понимаетъ.. добрая вы женщина...

— Ахъ, господинъ начальникъ, если бы я могла только высказать все, что чувствую, что... — заикалась Кренска, опуская глаза.

Орловскій пожалъ ей руку и ушелъ въ свою комнату вздремнуть.

Кренска велѣла убирать со стола — и потомъ, оставшись одна, взяла какое-то рукодѣліе и сѣла у окна, выходившаго на платформу; иногда смотрѣла на лѣсъ, на рельсы; но кругомъ все было тихо. Встала, такъ какъ не могла усидѣть, и принялась ходить вокругъ стола тихимъ, кошачьимъ шагомъ, кружилась, улыбаясь своимъ мыслямъ:

— Будетъ онъ мой... будетъ! Наконецъ-то человѣкъ отдохнетъ какъ слѣдуетъ! Все кончится!.. — думала и видѣла себя женой начальника.

Представляла себя барыней... Съ облегченіемъ снимала съ себя эту маску добродушности, покорности, униженія и бережливости, которую должна была носить въ присутствіи людей. Обѣщала сквитать все... что вытерпѣла.

Это была единственная цѣль, къ которой упорно стремилась она въ теченіе двухъ лѣтъ.

Снова въ памяти проходили образы прошлаго; цѣлые годы скитаній съ провинціальнымъ театромъ...

Бросила театръ, поймавъ юношу, который женился

на ней. Жила съ нимъ цѣлыхъ два года... два года, которые вспоминала съ горечью. Мужъ былъ до безумія ревнивъ и временами, когда она недостаточно крѣпко сдерживала свой темпераментъ, билъ ее.

Наконецъ была свободна, но уже не стремилась къ театру; привыкла къ относительному благосостоянію, къ болѣе тихой жизни. Дрожь охватывала ее при мысли объ этомъ вѣчномъ скитаніи изъ города въ городъ, вѣчной нуждѣ. Распродала все, что имѣла, получила нѣкоторое пособіе отъ управленія, въ которомъ служилъ ея мужъ, и въ теченіе полугода играла роль вдовушки; страстно хотѣла выйти вторично замужъ. Закидывала сѣти; но все напрасно; ея темпераментъ являлся помѣхой. Съ деньгами, которыя почувствовала у себя въ карманѣ, проснулась въ ней бывшая актриса — легкомысленная, буйная, любящая развлекаться и наслаждаться... Была еще привлекательна, а потому ее и окружилъ рой ухаживателей, съ которыми промотала все, что имѣла, вмѣстѣ съ репутаціей, пріобрѣтенной благодаря мужу..

Дѣлать ничего не умѣла; но имѣла достаточно нахальства и энергіи, чтобы не опустить въ отчаяніи руки — а когда послѣдній изъ поклонниковъ бросилъ ее, напечатала въ «Кѣлецкой газетѣ» объявленіе, что вдова чиновника, пожилая, ищетъ мѣсто экономки, компаньонки или у вдовца.

Ждала недолго. Появился Орловскій, которому было нужно лицо, — вести хозяйство, такъ какъ Янка была еще въ гимназіи и онъ не могъ сладить съ прислугой. Онъ не разспрашивалъ ее ни о чемъ — такой она пока-

залась ему тихой, покладистой, огорченной смертью мужа — сразу же увезъ ее съ собой.

Орловскій былъ вдовецъ; получалъ недурное жалованіе, имѣлъ нѣсколько тысячъ наличными и одну дочь — необыкновенную дочь, которую ненавидѣлъ. Сначала Кренска задумала было кружить головы чиновникамъ; но скоро была поймана на мѣстѣ преступленія и уже играла новую роль, упорно стремясь дотянуть до послѣдняго акта — замужества.

Орловскій привыкъ къ ней. Умѣла сдѣлаться нужной и начала новую роль, упорно стремясь дотянуть до послѣдняго акта — замужества.

Орловскій привыкъ къ ней. Она умѣла сдѣлаться нужной и умѣла всегда подчеркнуть необходимость въ себѣ такъ ловко, что никто не замѣчалъ этого.

Длинные зимніе вечера, осеннее ненастье приближали ее къ цѣли, такъ какъ Орловскому было пятьдесятъ восемь лѣтъ, онъ страдалъ ревматизмомъ — былъ всегда маніакомъ; но во время приступовъ болѣзни дѣлался просто сумасшедшимъ. Она умѣла успокоить его и угодить своей догадливостью и ловкостью многолѣтней сценической дѣятельности.

Была одна помѣха — Янка.

— Кренска понимала, что пока Янка будетъ дома, сдѣлать ничего не удастся. Рѣшила ждать и ждала терпѣливо.

Орловскій любилъ дочь ненавистью, то-есть потому только и любилъ, что ненавидѣлъ.

Ненавидѣлъ ее за то, что была дочерью его жены, память которой отчаянно проклиналъ, — жены, которая послѣ двухлѣтней совмѣстной жизни уѣхала съ ре-

бенкомъ къ роднымъ, будучи не въ силахъ выносить дольше его тираніи и чудачествъ. Велъ процессъ, хотѣлъ силой заставить ее вернуться; но сепарація разлучила ихъ навсегда. Со злости сходилъ съ ума; но его неслыханное упорство, безуміе — не позволяли ему просить жену вернуться, которая быть можетъ и вернулась бы подъ кровъ мужа, такъ какъ была доброй женщиной. Страдала болѣзнью, непонятной провинціальному доктору. Это была душа мимозы, которую каждая слеза, каждое страданіе, грусть приводили въ отчаяніе; такъ боялась грома, дождя, лягушекъ, темныхъ комнатъ, несчастныхъ дней и другихъ вещей — и мужъ убивалъ ее своей грубостью.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ разрыва съ мужемъ умерла отъ разстройства нервовъ, оставивъ Янку, уже тогда десятилѣтнюю. Отецъ силою отнялъ ее отъ родныхъ жены, которые не хотѣли отдать ее ему добровольно, ссылаясь на его характеръ и на то, что дѣвочка воспитана въ другой атмосферѣ.

Онъ ненавидѣлъ ее еще и за то, что была дѣвочкой. По своимъ дикимъ наклонностямъ хотѣлъ имѣть сына, на которомъ могъ бы пробовать не только свои кулаки, а и вымещать свое ежедневное расположеніе духа.

Мечталъ о сынѣ. Представлялъ его себѣ большимъ мальчикомъ, полудикимъ, энергичнымъ, крѣпкимъ, какъ дубъ, — между тѣмъ родилась дѣвочка.

Все простилъ бы женѣ; но этого не могъ. Сейчасъ же отдалъ Янку въ пансіонъ и видѣлся съ нею только разъ въ годъ, во время каникулъ, такъ какъ Рождество и Пасху она проводила у дядей.

Этихъ каникулъ уже третій годъ ждалъ съ нетерпѣніемъ, такъ какъ скучалъ на этой уединенной станціи; ни съ кѣмъ не сходился, а потому, какъ только Янка пріѣзжала, между ними начиналась война.

Янка росла быстро; великолѣпно развивалась; по зачатая, рожденная и воспитанная въ вѣчной тревогѣ отца, возненавидѣла его и боялась его насмѣшекъ. Все это выработало въ ней скрытность и замкнутость. Она возмущалась его деспотизмомъ и скупостью.

По наслѣдству отъ матери получила нѣсколько тысячъ рублей, и отецъ категорически заявилъ ей, что она должна довольствоваться процентами съ этого капитала и онъ не дастъ ей больше ни гроша.

Она была въ первоклассномъ пансіонѣ; на жизнь и на правоученіе въ гимназіи ей оставалось такъ мало на необходимѣйшее, что вѣчно должна была думать о томъ, какъ свести концы съ концами, и вѣчно должна была стыдиться то за порванные ботинки, то за платье, то за недостатокъ какой-нибудь мелочи. На станціи смѣялись надъ нею, и это всего больше унижало ее.

Черезъ нѣсколько лѣтъ ее стали бояться; даже классныя дамы уступали ей, такъ какъ у нея былъ порывистый характеръ отца, нетерпящаго никакихъ преградъ. Никогда не плакала и никогда не жаловалась, но за обиду, несмотря ни на что, готова была расплачиваться кулаками, но при всемъ томъ была лучшей ученицей.

Ее открыто не любили; но принуждены были отдавать первенство, такъ какъ она сама имъ завладѣла, почувствовавъ свое превосходство надъ толпой подругъ, которыя съ нею, какъ дочерью чиновника, обраща-

лись надменно, смѣялись надъ ея порванными ботинками и платьями и не дружили. Преслѣдовала потомъ этихъ благородныхъ дѣвицъ съ бѣшенствомъ.

Это была дикая, самостоятельно развивающаяся натура. У ней была только одна подруга, которую она сдѣлала своей собачкой, становившейся на заднія лапы при первомъ ея окликѣ.

Не любила никого, даже мать занимала очень мало мѣста въ ея дикомъ сердцѣ.

— Твой отецъ такой!.. твой отецъ сдѣлалъ это! твой отецъ такой подлый!.. твой отецъ...—вѣчно стонала мать, обливаясь слезами, въ пароксизмахъ истерики.

Опротивѣли ей эти спазмы, возненавидѣла всякое проявленіе слабости, и образъ отца въ ея воображеніи достигъ огромныхъ размѣровъ. Представляла его себѣ злымъ, негодяемъ, но огромнымъ и крѣпкимъ.

Узнала его ближе послѣ смерти матери и ненавидѣла изъ боязни, которую чувствовала въ его присутствіи. На каникулы пріѣзжала въ Буковицы, такъ какъ тамъ были огромные лѣса, скалистыя горы, стремительные потоки, дикость, которая импонировала ей своимъ очарованіемъ и умиротворяла ея темпераментъ. Не любила города, такъ какъ тотчасъ же вспоминались гимназія, подруги и испытанныя униженія. Здѣсь чувствовала себя свободной и вольной. Ссорилась съ отцомъ ежедневно, ни въ чемъ ему не уступала; а Орловскій въ эти мѣсяцы ея отдыха дѣлался просто невозможнымъ; нарочно дразнилъ ее, доводилъ до вспышекъ гнѣва и былъ безмѣрно счастливъ, когда въ припадкѣ злости она дѣлалась похожей на молодую пантеру, готовую вотъ, вотъ броситься на него и искусать.

Онъ тосковалъ по силѣ и съ горькой радостью видѣлъ, что у Янки въ темпераментѣ есть сила; тогда еще больше жалѣлъ, что она — дѣвочка.

Открыто говорилъ ей, что она противна ему какъ женщина; издѣвался, что кромѣ крючка и книжки ничего не умѣетъ держать въ рукахъ; показывалъ ей свое ружье и съ грустью откладывалъ, замѣчая, что только мальчикъ умѣлъ бы въ достаточной степени оцѣнить такую вещь.

Это были нареканія, которыя оставляли у нея на душѣ неизгладимые знаки.

Въ такія минуты она срывалась съ мѣста, какъ жеребенокъ, подхлестываемый кнутомъ, хватала ружье и по цѣлымъ днямъ бродила за птицами по трясинамъ и лѣснымъ чащамъ; научилась хорошо стрѣлять, приносила цѣлыя кучи дикихъ утокъ и бекасовъ и торжествующе бросала ихъ отцу подъ ноги.

Орловскій сходилъ съ ума отъ злости; унижало его еще и то, что она сильная, въ то время какъ самъ онъ безсиленъ — не можетъ покорить и укротить ее; а потомъ еще сильнѣе жалѣлъ, что столько дикой стойкости въ ней — въ дѣвушкѣ.

Иногда гордился ею и съ запальчивостью защищалъ передъ знакомыми, такъ какъ въ окрестности почти всѣ приходили въ негодованіе отъ ея склонности къ авантюризму. Ее встрѣчали въ лѣсу, ночью, въ дождь и непогоду, всегда одну, какъ отбившуюся отъ стада овцу. Она не стыдилась лазить по деревьямъ въ поискахъ за птичьими гнѣздами или дѣлать съ крестьянскими мальчиками набѣги на сосѣднія пастбища.

Уходила изъ дому отъ отца на цѣлые дни, мечтая

о возвращеніи въ пансіонъ, а въ пансіонѣ мечтала опять о домѣ и одиночествѣ.

Такой была почти до восемнадцати лѣтъ. Кончила гимназію и навсегда пріѣхала къ отцу.

Наружно успокоилась; но голова ея пламенѣла все больше. Принялась мечтать, искать чего-то, какой-то цѣли жизни.

Съ пріятельницей своей Еленой Вальдеръ, идеально прекрасной и вѣчно мечтающей о самостоятельности женщинъ — разсталась... Елена уѣхала въ Парижъ — на естественный факультетъ; она же не хотѣла, просто-на-просто не видѣла необходимости въ наукѣ. Стремилась къ чему-то, что оказало бы могущественное вліяніе на ея темпераментъ... къ чему-то, что захватило бы ее всю и навсегда.

Осталась совершенно одинокой и принялась присматриваться къ людямъ. Искала идеала; но окружающее общество надоѣдало ей до смерти. Для нея было мало того, что видѣла въ окрестностяхъ, тѣхъ развлеченій, скромныхъ и сонныхъ, тѣхъ людей, которые ее окружали.

Эта жизнь тихая, мирная, распредѣленная на вставаніе въ извѣстный часъ, завтракъ, обѣдъ, ужинъ, съ преферансомъ по четвергамъ у нихъ, по субботамъ у помощника, по воскресеніямъ у смотрителя, — убивала ее своей монотонностью. Она задыхалась въ ней.

Мужчинъ почти избѣгала; они сердили ее своей наглостью; женщины опротивѣли вѣчными сплетнями, жалобами, интригами. И всѣ отъ нея отстранились.

Всевозможныя небылицы распространялись на ея счетъ въ окрестности.

Для всѣхъ она была только пугаломъ.

Между тѣмъ она боролась съ собой, со своей душой, съ стремленіями, которыхъ не умѣла себѣ объяснить. Не понимала: для чего живетъ и зачѣмъ... Мучила себя чтеніемъ, но покоя не находила. Чувствовала, что найдетъ что-то, что захватитъ ее, когда-нибудь найдетъ... пока же сходила съ ума отъ мукъ ожиданія.

Зѣленкевичъ, владѣтель небольшого имѣнія, обремененнаго порядочными долгами, сдѣлалъ ей предложеніе. Она разсмѣялась ему въ лицо, говоря, что своимъ приданымъ не намѣрена платить его долговъ.

Ей пошелъ двадцать первый годъ, и она начала терять терпѣніе.

Ничтожный случай рѣшилъ ея судьбу.

Въ ближайшемъ мѣстечкѣ затѣяли любительскій спектакль. Выбрали три одноактныя пьесы, обсудили роли и — остановились, такъ какъ ни одна изъ барынь не хотѣла играть жену Павла въ «Мартовскомъ кавалерѣ» Близинскаго.

Инициаторъ и вмѣстѣ режиссеръ настаивалъ на этой пьесѣ, такъ какъ думалъ ею досадить какому-то сосѣду, но ни жену Павла, ни Эдлалію играть никто не хотѣлъ.

Кто-то подалъ мысль — просить Орловскую, такъ какъ было извѣстно, что она никогда и ни съ чѣмъ не считается. Она приняла роль Павловой довольно равнодушно, а Кренска, въ которой пробудились воспоминанія прошлаго, ухитрилась заставить самого Орловскаго поѣхать и объявить, что есть любительница и на роль Эдлаліи.

Репетировали что-то мѣсяца три, нѣсколько разъ мѣнялся составъ играющихъ. Обыкновенныя пертурбаціи провинціальнаго театра, гдѣ ни одна изъ барынь не хочетъ играть роли: старой, злой, сварливой, двусмысленной или горничной, а всѣ хотятъ играть героиню.

Кренска, которую Янка держала на почтительномъ отъ себя разстояніи и никогда не просила у нея помощи, сама на почвѣ театра первая сдѣлала шагъ къ сближенію. Учила ее играть на сценѣ и была терпѣливой преподавательницей; только благодаря ея вліянію Янка начала интересоваться ролью и спектаклемъ.

Янка глубоко прониклась ролью, такъ вошла въ характеръ и бытъ пьесы, что играла великолѣпно. Была такимъ полнымъ воплощеніемъ крестьянки Павловой, что подъ конецъ спектакля вся зала аплодировала ей.

И тогда почувствовала безумную дикую радость отъ этого минутнаго господства надъ толпой; сходила со сцены почти со слезами сожалѣнія, что уже конецъ, и чувствовала, что гдѣ-то глубоко въ сознаніи въ ней пробуждается что-то новое.

Кренска также произвела настоящій фуроръ! Это была роль, которую она когда-то играла съ большимъ успѣхомъ на настоящей сценѣ. Въ антрактахъ только и было разговоровъ, что о ней и о Янкѣ.

— Комедіантка! Отъ рожденія комедіантка! — шептались барыни съ какимъ-то высокомѣрнымъ сожалѣніемъ.

Орловскій, котораго благодарили и поздравляли съ такой дочерью и подругой, махнулъ только рукой.

— Если бы это былъ сынъ, увидѣли бы вы, какъ онъ показалъ бы себя!..

Однако былъ доволенъ, пошелъ за кулисы, Янку погладилъ по щекѣ, а Кренску поцѣловалъ въ руку.

— Хорошо, хорошо! хоть и не большая радость, все-таки не стыдно — сказалъ имъ въ похвалу.

Янка послѣ этого представленія сблизилась съ Кренской, и та, въ минуту какой-то непонятной слабости, выболтала ей свою такъ усердно скрываемую тайну; для Янки открылся новый міръ, такой странный, такой привлекательный, что даже сердце учащенно забилось.

Слушала съ благоговѣніемъ разсказы о сценѣ, о тріумфахъ, о выходахъ, о пестрой актерской жизни. Кренска увлекалась и мастерски разсказывала; уже не помнила ничего изъ этой жизни, но свѣтлыя стороны ея открывала восхищенной дѣвушкѣ. Извлекла изъ сундука пожелтѣвшія отъ времени тетради ролей, нѣкогда игранныхъ, и повторяла ихъ передъ ней, увлеченная воспоминаніемъ прошлаго.

Это захватывало Янку, будило въ ней какія-то страстныя желанія; но не увлекло еще всю, это еще не было то «что-то», чего она такъ давно ждала.

Позднѣе еще нѣсколько разъ играла, такъ какъ актерская горячка понемногу начала ее мучить.

Внимательно прочитывала театральныя критики въ газетахъ и главнымъ образомъ объ актерахъ. Впрочемъ, благодаря ли скукѣ или инстинктивному увлеченію раздобыла себѣ Шекспира—и тогда—погибла!

Нашла то «что-то», нашла героя, цѣль, идею, — это былъ театръ.

Проглотила Шекспира со всей страстностью своей натуры — всего и сразу.

Пришлось бы написать очень много, чтобы хоть слегка изобразить восторгъ ея души, этотъ бѣшеный полетъ воображенія, духовную возвышенность, которые она чувствовала послѣ чтенія. Ее окружилъ рой душъ — злыхъ, благородныхъ, ничтожныхъ, богатырскихъ и страдающихъ; но всегда чѣмъ-нибудь выдающихся. Ее охватывали такіе порывы, такія слова, такія мысли и могучія чувства, что чувствовала себя словно сверхчеловѣкомъ.

Прочитавъ нѣсколько разъ эти безсмертныя книги, рѣшила, что сдѣлается актрисой, что должна ею сдѣлаться непремѣнно — ея ежедневная, будничная жизнь показалась ей такой жалкой, люди такими безцвѣтными, что сама себѣ удивилась, какъ до сихъ поръ не замѣчала этого.

Почувствовала себя артисткой, почувствовала, что какой-то огонь освѣтилъ ее, какъ зарницей, и разбудилъ; что искусство—это и есть благо, столь долго жданное и желанное.

Ее терзала лихорадочная жажда театра и необычныхъ переживаній.

Зимы казались ей слишкомъ теплыми, снѣга недостаточно глубокими, весна слишкомъ медленно приближающейся, зной — холоднымъ; въ ея мозгу все это было въ сотни разъ могучѣе. Хотѣла видѣть красоту — возвышенной; зло — преступнымъ, каждое дѣяніе — титаничнымъ.

— Мало!.. еще!—не разъ восклицала она осенью, когда вихрь съ шумомъ сгибалъ буки и листья летѣли,

и лежали на землѣ какъ пятна красной крови, когда дожди лили цѣлыми недѣлями такъ, что всѣ дороги, рвы, долины были покрыты водой, а ночи были ужасны своей темнотой и бѣшенствомъ стихій.

Бывало въ дни, когда казалось, что все на небѣ и на землѣ померкло, стерлось, смѣшалось, и сѣрѣетъ только пыль разбитой вселенной, и отовсюду въ міръ проникаетъ безцвѣтность — унылая и терзающая душу безбрежной грустью умиранія — она убѣгала въ лѣсъ, ложилась надъ потокомъ или гдѣ-нибудь на лишенномъ растительности возвышеніи, и такъ отданная во власть дождя, насилію вихря и холода, уходила въ свои мечты и летѣла въ міръ великаго; тогда бывала счастлива до потери сознанія. Безумствовала заодно съ ураганомъ, который сражался съ лѣсомъ, вылъ въ его вѣтвяхъ и жалобно визжалъ, какъ дикій звѣрь на привязи.

Обожала такіе дни и ночи; тосковала по этому пронизывающему жалобному плачу природы, умирающей въ осеннихъ болотахъ. Тогда представляла себѣ Лира, и голосомъ, которымъ тщетно пыталась заглушить бурю и шумъ лѣса, бросала свѣту трагическія проклятія...

Жила тогда жизнью душъ Шекспира. Это было почти какое-то возвышенное, духовное помѣшательство. Страстно полюбила эти великія, трагическія фигуры драмъ.

Орловскій зналъ кое-что о ея болѣзни; но смѣялся надъ этимъ презрительно.

— Комедіантка! — бросилъ ей прямо въ лицо со всей своей грубостью.

Кренска раздувала этотъ огонь, такъ какъ во что бы то ни стало хотѣла выжить Янку.

Говорила ей о ея талантѣ и горячо восхваляла театръ.

Но Янка не рѣшалась сдѣлать послѣдній шагъ. Боялась этихъ темныхъ, непонятныхъ предчувствій и тревоги, которая иногда охватывала ее.

Знала, что ей слѣдовало бы порвать со всѣми и итти одной въ свѣтъ, въ свѣтъ, котораго она инстинктивно боялась. Никогда не жила самостоятельно. Леденило при одной мысли о пробиваніи себѣ дороги кулаками. До сего времени ее вели; рука, которая вела ее, была тверда и безжалостна; но вела ее и болѣе или менѣе бодрствовала надъ ней. Здѣсь она имѣла свой уголъ, свой лѣсъ, свои любимыя мѣста, къ которымъ какъ-то органически приноровилась — а тамъ, гдѣ-то въ широкомъ свѣтѣ, что ждетъ ее?

Нѣтъ! Не могла рѣшиться. Должна была бы подняться какая-нибудь буря, вырвать ее и забросить далеко отсюда, въ родѣ того, какъ вырывала деревья и бросала по опустошеннымъ полямъ. Между тѣмъ Кренска все время освѣдомляла ее о провинціальныхъ обществахъ. Впрочемъ и изъ газетъ она знала фамиліи всѣхъ директоровъ и мнѣнія, какихъ тѣ держатся. Дѣлала нѣкоторые приготовленія и сбереженія. Отецъ регулярно выплачивалъ ей процентъ съ капитала, и въ теченіе года она ухитрилась сберечь болѣе двухсотъ рублей.

Предложеніе Гржесикевича и категорическое заявленіе отца, что она должна выйти за него — взбудоражили ее.

«Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! — думала она, ходя по своей комнатѣ. — Не выйду замужъ!»

О замужествѣ никогда не думала серьезно. Иногда на мысль приходила любовь великая, потрясающая, временами она мечтала о ней; но о замужествѣ никогда не думала.

Отчасти она даже любила Гржесикевича, такъ какъ онъ никогда полусловами не говорилъ съ нею о своихъ чувствахъ, не игралъ передъ нею любовной комедіи, къ какой ее пріучили другіе поклонники; любила его за простоту, съ которой онъ разсказывалъ о своихъ школьныхъ мученіяхъ, о томъ, какъ его ругали хамомъ, сыномъ корчмаря, какъ унижали его и какъ онъ расплачивался съ ними кулаками — по - мужицки.

Разсказывая это, смѣялся; но въ смѣхѣ его звучалъ какой-то оттѣнокъ грусти и обиды.

Иногда она гуляла съ нимъ, бывала съ отцомъ въ ихъ домѣ, очень любила старуху Гржесикевичъ; но выйти за него замужъ!.. Она разсмѣялась при этой мысли — настолько показалось ей это смѣшнымъ и страннымъ.

Отворила дверь въ комнату отца, чтобы сказать ему, что Гржесикевичу незачѣмъ пріѣзжать; но Орловскій уже спалъ въ креслѣ, съ ногами на подоконникѣ. Солнце свѣтило ему прямо въ лицо, почти мѣдное отъ загара.

Вернулась. Чувствовала по безпокойству, которое росло въ ней, что будетъ страшная буря, такъ какъ отецъ не захочетъ уступить; но и она не уступитъ.

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!.. Хоть убѣгу изъ дому, а замужъ не выйду!

Тутъ же охватывала чисто женская безпомощность, послѣ столь твердаго рѣшенія она смотрѣла почти со

страхомъ впередъ, въ будущее, въ которомъ, казалось, видѣла себя одинокой, покидающей домъ.

— Поѣду къ дядямъ... да!.. а оттуда въ театръ. Никто не заставитъ меня оставаться здѣсь.

Почти закружилась голова отъ возмущенія, что ее можетъ кто-нибудь заставить, и тотчасъ же гордо смотрѣла въ будущее — и была готова на все, только не уступить.

Слышала, какъ отецъ всталъ, потомъ смотрѣла изъ окна на отходящій пассажирскій поѣздъ; слышала станціонные звонки, быстрый разговоръ нѣсколькихъ уѣзжающихъ евреевъ; видѣла красную шапку отца, желтые канты телеграфиста, разговаривающаго подъ окномъ вагона съ какой-то дамой; все видѣла и слышала; но ничего не соображала. Эта рѣшительная минута, это завтра уже оказали на нее свое вліяніе.

Пришла Кренска и начала ходить по комнатѣ своимъ тихимъ, кошачьимъ шагомъ, и, наконецъ, отозвалась голосомъ сочувствующимъ и ревнивымъ:

— Барышня!

Янка взглянула на нее и ясно прочла ея опасенія.

— Нѣтъ! можете мнѣ вѣрить, что нѣтъ!—отвѣтила она съ силой.

— Отецъ далъ слово... непремѣнно будетъ добиваться послушанія... что же выйдетъ изъ этого?

— Нѣтъ! не пойду замужъ! Отецъ можетъ взять свое слово обратно; меня не заставитъ!

— Да... но начнется же война... начнется!..

— Перенесла столько, перенесу еще.

— Я боюсь... это такъ гладко не кончится. Отецъ такой вспыльчивый... Я даже не знаю, какъ вы, барыш-

ия, можете вынести столько... Если бы я была на вашемъ мѣстѣ, то ужъ знала бы, что дѣлать... и это тутъ же... сейчасъ!

— Любопытно... посовѣтуйте!

— Прежде всего уѣхала бы отсюда, чтобы уйти отъ травли. Поѣхала бы въ Варшаву...

— А потомъ?—спросила Янка съ дрожью въ голосѣ.

— Заангажировалась бы въ театръ, и пускай тамъ себѣ творится, что хочетъ!

— Да, это хорошая мысль, но... но...

Не кончила, такъ какъ вернулись прежняя безпомощность и прежнія опасенія; сидѣла, ничего не отвѣчая Кренскѣ, которая, видя, что ея проектъ не будетъ выполненъ, вышла взволнованная.

Янка одѣла какую-то кофту, шляпу, взяла папку и пошла въ лѣсъ; но сегодня не могла безцѣльно бродить и не находила утѣшенія въ общеніи съ собой, даже не могла мечтать о сценѣ.

Взошла на вершину той каменистой горы, откуда открывался видъ на лѣса, на деревни за ними и безконечныя дали. Смотрѣла, но эта тишина вокругъ, безпокойство, предчувствіе бури, какая-то тревога сильно дергали нервы. Чувствовала, что завтра что-то рѣшится, что-то совершится, чего желала и въ то же время боялась...

Въ сумерки вернулась домой. Не разговаривала ни съ отцомъ, ни съ Кренской, а тотчасъ же послѣ ужина ушла въ свою комнату и долго читала «Consuelo» Жоржъ Зандъ.

Ночью мучили ее тяжелые сны, такъ что ежеми-

нутно просыпалась, вся въ поту, и передъ разсвѣтомъ проснулась и больше уже не могла спать. Лежала съ широко открытыми глазами и смотрѣла на потолокъ, на которомъ было пятно свѣта отъ фонаря на платформѣ. Громыхая, шелъ какой-то поѣздъ, долго слышала его ритмичный стукъ, и цѣлые хоры голосовъ потоками звуковъ рвались къ ней сквозь окна.

Въ глубинѣ комнаты, утопающей во мракѣ и полной какихъ-то мигающихъ искръ, словно оторванныхъ отъ давно погасшихъ свѣтилъ,—показывались призраки, очертанія какихъ-то сценъ, фигуры, движенія... Образы измученнаго мозга наполняли комнату. Видѣла какое-то огромное зданіе, длинное, съ рядами колоннъ... видѣла, какъ оно вырисовывалось изъ мрака... не знала, что такое, но смотрѣла...

Затѣмъ шли сцены и образы трагедій, пространства, залитыя свѣтомъ, звуки музыки, толпы людей, большой городъ, длинныя улицы, высокіе дома, уличная давка.

Встала рано и была такъ разстроена, что едва на ногахъ держалась.

Слышала, что отецъ заказываетъ парадный обѣдъ, что дѣлаетъ приготовленія къ торжественной встрѣчѣ. Кренска ходила вокругъ нея на цыпочкахъ, съ какой-то хитрой усмѣшкой, которая сердила ее. Была ошеломлена бурей, которая поднялась въ ней. На все смотрѣла равнодушно, такъ какъ была вся поглощена предстоящимъ сраженіемъ съ отцомъ. Хотѣла читать, заняться чѣмъ-нибудь, но все выскальзывало изъ ослабѣвшихъ рукъ.

Пошла въ лѣсъ; но сейчасъ же вернулась назадъ,

такъ какъ не могла сообразить, зачѣмъ идетъ туда? Какая-то скука овладѣла ею, и безпокойство все сильнѣе обволакивало сердце. Никакъ не могла стряхнуть съ себя этого настроенія.

Начала было играть гаммы, но монотонные звуки разстроили ее еще больше.

Потомъ играла ноктюрны Шопена, играла долго, вслушивалась въ эти неопредѣленныя мелодіи, которыя были какимъ-то нездѣшнимъ напѣвомъ, съ оттѣнкомъ слезъ, страданія, безсильнаго отчаянія; сіяніе зимнихъ, лунныхъ ночей, стоны, подобные шопоту умирающихъ душъ, журчаніе, блескъ, улыбки разставанія, трепетъ жизни нѣжной и печальной...

Разрыдалась. Плакала долго и безъ причины—она, не пролившая со смерти матери ни одной слезы.

Первый разъ въ жизни почувствовала себя утомленной,—въ жизни, которая до того времени была только сплошнымъ бунтомъ протеста и возмущенія... Въ ней пробудилось страстное желаніе подѣлиться съ кѣмъ-нибудь печалью души, хотѣлось высказать кому-нибудь доброжелательство—эти обманчивыя мысли, комки чувствъ, неопредѣленныя страданія и опасенія... Жаждала сочувствія; чувствовала, что тоска ея была бы меньше, боль слабѣе, слезы не жгли бы—о, если бы она могла открыться какой-нибудь близкой пріятельницѣ.

Поняла, что при нѣкоторыхъ состояніяхъ души одиночество—несчастье.

Кренска позвала ее обѣдать, прибавивъ, что Гржесикевичъ ждетъ.

Утерла слѣды слезъ, поправила волосы и пошла.

Гржесикевичъ поцѣловалъ ей руку и сѣлъ рядомъ съ ней.

У Орловскаго было праздничное настроеніе духа, и онъ все выразительнѣе и торжествующе смотрѣлъ на Янку.

Андрей былъ молчаливъ и неспокоенъ; иногда отзывался; но такъ тихо, что Янка его едва слышала. Кренска нервничала.

Какая-то мрачность висѣла надъ всѣми.

Обѣдъ тянулся долго и скучно. Временами Орловскій погружался въ раздумье, и тогда морщилъ брови, сердито теребилъ бороду и бросалъ на дочь убійственные взгляды.

Послѣ обѣда перешли въ гостиную.

Было подано кофе и коньякъ.

Орловскій быстро допилъ кофе, выходя, поцѣловалъ Янку въ голову и что-то невнятно пробормоталъ.

Остались одни.

Янка смотрѣла въ окно; Гржесикевичъ, красный, разстроенный, странный, началъ говорить что-то и пилъ кофе малыми глотками, наконецъ, допилъ все сразу, отодвинулъ чашку такъ сильно, что она вмѣстѣ съ блюдечкомъ перевернулась на столѣ.

Янка разсмѣялась надъ его стремительностью и физіономіей, съ которой онъ приступилъ къ объясненію.

— Не удивляйтесь, въ такую минуту человѣкъ проглотитъ даже лампу и не замѣтитъ.

— Думаю — трудно, отвѣтила она и снова безсмысленно разсмѣялись.

— Вы смѣетесь надо мной? — спросилъ онъ, неспокойно глядя ей въ глаза.

— Нѣтъ, мнѣ только показалась весьма комичной мысль проглотить лампу.

Замолчали. Янка теребила абажуръ, а Гржесикевичъ мялъ перчатки и безсознательно, рѣзко прикусывалъ усы; волненіе душило его.

— Тяжело мнѣ... очень тяжело! — началъ, умоляюще поднимая на нее глаза.

— Почему! — спросила коротко и какъ бы уклоняясь.

— Такъ какъ... потому... потому... Клянусь, я не выдержу больше!.. Нѣтъ, не могу мучиться дольше, скажу все прямо; люблю васъ и прошу вашей руки,—произнесъ онъ вдругъ, громко и облегченно вздыхая; но вдругъ, ударивъ себя по лбу, взялъ ея руку и началъ снова:

— Люблю васъ давно; но боялся говорить объ этомъ и теперь также не могу выговорить всего, не умѣю опредѣлить, высказаться такъ, какъ хочу... Люблю васъ и умоляю, будьте моей женой...

Страстно поцѣловалъ ей руку и смотрѣлъ на нее своими голубыми, благородными глазами, въ которыхъ сверкала сильная привязанность и неподдѣльная, глубокая страсть. Губы его нервно дрожали, и блѣдность покрывала лицо.

Янка встала съ кресла и, смотря ему прямо въ глаза, сказала медленно и чуть слышно:

— Я не люблю васъ.

Волненіе куда-то исчезло; видѣла, что минуты, которыхъ такъ ждала, начались — была готова. Спокойная рѣшимость была въ ея холодно смотрящихъ глазахъ.

Гржесикевичъ стремительно отодвинулся назадъ,

словно его кто ударилъ въ грудь; но затѣмъ снова повернулся на мѣстѣ, не вполнѣ понимая смыслъ услышанныхъ словъ, и сказалъ дрожащимъ голосомъ:

— Янка... будьте моей женой... Люблю васъ!

— Не люблю васъ, а потому и выйти за васъ не могу... совсѣмъ не выйду замужъ! — отвѣтила тѣмъ же голосомъ; но при послѣднихъ словахъ въ немъ какъ бы прозвучалъ оттѣнокъ жалости къ нему.

— О, Господи! — крикнулъ Гржесикевичъ, хватаясь за голову.—Что вы сказали? Что же это? Вы не выйдете замужъ! Не хотите быть моей женой!? Не любите меня!

Внезапно сталъ передъ нею на колѣни, схватилъ ея руку и, покрывая ее поцѣлуями, почти сквозь слезы лихорадочнаго ужаса, принялся молить ее, такъ сильно, такъ униженно, голосъ его дрожалъ такой жаждой любви, что минутами онъ останавливался, чтобы набрать воздуху и собраться съ мыслями.

— Не любите меня? Полюбите. Клянусь, что я, моя мать и отецъ будемъ вашими невольниками... Впрочемъ буду ждать... Скажите, что черезъ годъ... два... пять... буду ждать. Клянусь вамъ, что буду ждать! Только не говорите, что нѣтъ! Ради Бога не говорите этого, а то я сойду съ ума отъ отчаянія. Какъ?.. не любите меня!.. но я васъ люблю... мы всѣ васъ любимъ... мы не сможемъ жить безъ васъ!.. нѣтъ... Отецъ вашъ сказалъ мнѣ, что... что!.. О, Господи! Я схожу съ ума! Что вы дѣлаете со мной!.. Что со мной дѣлаете!..

Сорвался съ земли и, хватаясь за растрепанную голову, почти кричалъ отъ боли.

Слезы были въ глазахъ Янки; ей было жалко его;

это откровенное и такое непритворное отчаяніе, проявившееся такъ потрясающе, странно подѣйствовало на нее.

Была минута, когда въ собственномъ сердцѣ эти его слезы и отчаяніе и какое-то сочувствіе, симпатія къ нему овладѣли ею, и уже хотѣла подать ему руку и сказать, что будетъ его женой, но это продолжалось недолго.

Опять стояла со слезами сочувствія въ глазахъ; но съ равнодушіемъ въ сердцѣ и холодомъ во взглядѣ.

— Прошу васъ — отвѣтьте! Подумайте, что своимъ отказомъ вы убьете меня, мать, отца...

— Неужели же вы предпочли бы, чтобы я сама себя убила ради ихъ всѣхъ... — холодно отвѣтила она и сѣла.

— А!.. — вырвалось у него, онъ откинулъ голову назадъ, словно испугавшись, что потолокъ сейчасъ обрушится на него.

Машинально сорвалъ съ рукъ перчатки, разорвалъ, скорѣе растерзалъ ихъ и бросилъ на полъ, застегнулъ сюртукъ на всѣ пуговицы, и, стараясь быть спокойнымъ, сказалъ:

— Имѣю честь кланяться... но... что всегда... вездѣ... что никогда — съ трудомъ прошепталъ, опустивъ голову, и пошелъ къ дверямъ.

— Послушайте, Андрей! — позвала она съ силой.

Гржесикевичъ повернулся съ искрой надежды въ глазахъ.

— Андрей! — заговорила она умоляюще, — я не люблю васъ, но уважаю... не могу выйти за васъ, не могу... но всегда... буду вспоминать о васъ, какъ о человѣ-

кѣ благородномъ. Вы понимаете меня; было бы подлостью итти замужъ за человѣка нелюбимаго... Вамъ противны обманъ и ложь — и я ихъ ненавижу. Простите меня; но я сама страдаю... сама такъ несчастлива... о нѣтъ!

— О, если бы вы только... если бы...

Взглянула на него съ сожалѣніемъ, и онъ замолчалъ и медленно вышелъ.

Янка еще сидѣла, смотря на двери, за которыми онъ скрылся, и въ мозгу ея были еще звуки его словъ, когда въ комнату вошелъ Орловскій.

Онъ встрѣтилъ Гржесикевича на лѣстницѣ и по лицу его понялъ все.

Янка даже вскрикнула отъ испуга, такъ отецъ ея измѣнился. Лицо его было грязно-синяго цвѣта, глаза выкатились, голова какъ-то странно тряслась.

Онъ сѣлъ у стола и тихимъ сдавленнымъ голосомъ спросилъ:

— Ты что сказала Гржесикевичу?

— То, что говорила вчера тебѣ, что не люблю его и замужъ за него не пойду,— отвѣтила она смѣло; но тотчасъ же испугалась слабости и наружнаго спокойствія, съ какимъ отецъ спросилъ:

— Почему!—бросилъ онъ коротко, какъ бы не понимая.

— Я вѣдь сказала: не люблю и вовсе не хочу выходить замужъ.

— Дура!.. дура... дура...—зашипѣлъ онъ сквозь стиснутые зубы и медленно сталъ подниматься съ кресла.

Она спокойно смотрѣла на него, и прежнее упрямство вернулось къ ней.

— А я сказалъ, что ты пойдешь за него... далъ слово, что пойдешь за него... и пойдешь!

— Нѣтъ, не пойду!.. Никто меня не принудитъ!.. — отвѣтила угрюмо, упорно глядя въ его сверкающіе глаза.

— Силой притяну тебя къ алтарю. Заставлю! Ты должна!.. — кричалъ глухо.

— Нѣтъ!

— Выйдешь за Гржесикевича; говорю тебѣ, я, твой отецъ, приказываю тебѣ сдѣлать это! Сейчасъ же послушаешься меня, или я убью тебя!..

— Хорошо, убей меня; я не покорюсь!

— Выгоню тебя изъ дому!.. — кричалъ онъ уже громко, вновь набираясь силъ и нервно сжимая ручку кресла.

— Хорошо!

— Отрекусь отъ тебя!

— Хорошо, — отвѣчала она все рѣшительнѣе.

Она чувствовала, что теперь съ каждымъ словомъ отца душа ея крѣпнетъ и дѣлается все рѣшительнѣе.

— Выгоню тебя!.. Слышишь? И хоть будешь издыхать съ голоду, будешь визжать у меня подъ дверьми, не впущу, ничего не захочу знать о тебѣ!..

— Хорошо!..

— Янка! Не доводи меня до послѣдней крайности. Я прошу тебя, выходи за Гржесикевича, дочь моя, дитя мое! Вѣдь для твоего добра хочу я этого брака. У тебя нѣтъ никого кромѣ меня на свѣтѣ; я старъ... умру... останешься одна, безъ поддержки, безъ средствъ... Янка, ты меня никогда не любила! Если бы ты знала, какимъ я былъ всю жизнь несчастнымъ, то ты сжали-

лась бы!— онъ просилъ, но въ голосѣ его звучали крики и угрозы.

— Нѣтъ!.. Никогда!.. — отвѣтила, совершенно не тронувшись его просьбами и жалобами.

— Послѣдній разъ спрашиваю тебя! — крикнулъ онъ, почти теряя сознаніе при ея отвѣтѣ.

— Послѣдній разъ говорю, что — нѣтъ!

Орловскій съ такой силой ударилъ о землю кресломъ, что оно разлетѣлось на куски; разорвалъ воротъ рубашки, такъ какъ его душили спазмы бѣшенства, и съ ручкой кресла бросился на Янку, хотѣлъ ударить ее; но ея холодный взглядъ и почти презрительное выраженіе лица заставили его притти въ себя. Онъ бросилъ ручку...

— Вонъ!!. — прорычалъ онъ, указывая на дверь, — вонъ!.. Слышишь? Выгоняю тебя навсегда изъ моего дома!.. Не переступишь никогда этого порога, пока буду живъ, или я убью тебя какъ бѣшеную собаку и вышвырну за дверь!.. У меня нѣтъ дочери!..

— Хорошо, я пойду вонъ... — отвѣтила она машинально.

— У меня нѣтъ дочери! Знать тебя не хочу; не хочу слышать о тебѣ!.. Сгинь... Убью, убью!—кричалъ онъ, бѣгая какъ безумный по комнатѣ.

Бѣшенство его проявилось теперь во всей силѣ.

Потомъ выбѣжалъ изъ квартиры, и она видѣла въ окно, какъ онъ бѣжалъ въ лѣсъ.

Сидѣла глухая, нѣмая, оледенѣлая... Ожидала всего, но никакъ не того, что родной отецъ выгонитъ ее изъ дому. Ей стало за него страшно больно, но ни одна слеза не блеснула на глазахъ. Безсознательно огля-

дывалась кругомъ, все еще какъ бы слыша этотъ хриплый крикъ: «вонъ! вонъ!»

— Пойду вонъ, пойду... — отвѣчала покорнымъ надломленнымъ голосомъ, сквозь слезы, которыя заливали сердце, — пойду...

И на душѣ у нея было такъ тяжело, такъ тяжело, что она сидѣла, замирая отъ боли; ей казалось, что это отцовское «вонъ» сжимаетъ ее какъ бы желѣзнымъ обручемъ и обливаетъ всю кровью страданій.

— Боже мой, Боже! Почему я такъ несчастна? — воскликнула громко.

Кренска, которая все слышала, прибѣжала къ ней; со слезами въ голосѣ принялась утѣшать ее; но Янка тихо отстранила ее. Не въ этомъ нуждалась она; не такія слова ей были нужны, и не такое утѣшеніе.

— Отецъ прогналъ меня... я должна уѣхать... — сказала, удивляясь въ душѣ этимъ короткимъ звукамъ, заключающимъ въ себѣ такъ много.

— Это невозможно... Отецъ проститъ...

— Нѣтъ; не останусь здѣсь больше. Достаточно перенесла я мученій, достаточно...

— Поѣдете къ дядямъ?

Янка на минуту задумалась; но вдругъ лицо ея прояснилось рѣшимостью.

— Поѣду въ театръ. Такъ будетъ!

Кренска какъ бы удивленно посмотрѣла на нее и принялась ее отговаривать.

— Помогите мнѣ укладываться. Уѣду съ первымъ поѣздомъ.

— Теперь нѣтъ пассажирскаго поѣзда въ Кѣльцы.

— Поѣду до Стржемешицъ, а оттуда по Вѣнской въ Варшаву.

— Подумайте еще... такой шагъ на всю жизнь. Можно потомъ и жалѣть.

— Свершилось! Такъ должно было быть и не будетъ иначе.

И тотчасъ же торопливо, не обращая вниманія на замѣчанія Кренски, принялась укладываться. Бѣлье, платья, книги, ноты, разныя мелочи — все это старательно укладывала въ свой, еще пансіонный, чемоданъ такъ, словно уѣзжала послѣ каникулъ.

Ни о чемъ не думала кромѣ этого и чувствовала только, что сейчасъ должна уѣхать; что должна быть по возможности дальше отъ Буковицъ, какъ бы опасаясь, что позднѣе у нея не хватитъ силъ и смѣлости.

Равнодушно распрощалась съ Кренской. Съ виду казалась спокойной и холодной и была таковой, только легкое подергиваніе губъ и та внутренняя дрожь, которую никакъ подавить не могла, были слѣдами недавней бури.

Вещи приказала отнести внизъ и, имѣя еще до поѣзда около часу времени, пошла въ лѣсъ. Сѣла подъ развѣсистымъ букомъ и засмотрѣлась впередъ.

— Навсегда!.. — сказала вполголоса чащѣ, начинающей шевелить листьями, склоняясь къ ней, и шептать.

— Навсегда!.. — шептала, всматриваясь въ красные лучи солнца, клонящагося къ закату, въ лучи, которые проникали сквозь сплетенныя вѣтви буковъ и сверкали на землѣ.

Лѣсъ стоялъ неподвижно, тихо, словно прислуши-

вался къ словамъ ея послѣдняго прощанія, словно безмолвно удивлялся, что кто-то, кто въ немъ родился и выросъ, жилъ одними съ нимъ чувствами, пролилъ столько слезъ въ его объятіяхъ, столько мечталъ въ его тишинѣ, можетъ прощаться и уйти навсегда; искать лучшей доли и болѣе щедрыхъ друзей.

Деревья жалобно зашелестѣли... Что-то похожее на пѣсню прощанія и грустной укоризны скользнуло по лѣсу; качнулись зеленые вѣера папоротника, затрепетали молодые листья орѣшника, сосны тихо зашелестѣли тонкими иглами, и лѣсъ дрогнулъ, ожилъ протяжнымъ стономъ. Птицы запѣли срывающимися, перепуганными голосами, а по небу, по землѣ, устланной листьями, золотистыми мхами, бѣлыми ландышами, по зеленому лѣсу пробѣжали какія-то тѣни, какіе-то звуки, шумы, похожіе на эхо жалобнаго плача...

— Останься!.. Я тебя надѣлю всѣмъ... останься!—казалось, говорилъ лѣсъ сильнымъ голосомъ отцовской любви.

Бурливый потокъ шумѣлъ, пѣнился, подмывалъ пни и камни, заграждающіе ему дорогу, крутилъ, обходилъ, спадалъ и разбитый въ пѣну, въ каскады брызгъ, отливающихъ на солнцѣ всѣми цвѣтами радуги, неудержимо стремился впередъ, побѣдно журчалъ и, казалось, шепталъ:

— Иди... иди...

Потомъ воцарилась тишина, нарушаемая только жужжаніемъ комаровъ и шелестомъ спадающихъ прошлогоднихъ шишекъ.

Гдѣ-то далеко куковала кукушка.

— Навсегда!..—шептала Янка.

Встала и пошла обратно на станцію. Шла медленно, любовно смотрѣла на деревья, шла по дорожкамъ, по склонамъ холмовъ и съ глубокимъ умиленіемъ, съ странной болью прощалась съ ними взглядами.

Чувствовала, что слезы заливаютъ ее: слезы сожалѣнія, жестокой разлуки съ этими мѣстами, съ которыми она такъ сжилась и съ которыми теперь разстается навсегда...

Теперь, сію минуту только почувствовала она всю горечь своего отъѣзда, и теперь только узнала, что это неправда, что она тутъ ничего не любила и не оставитъ ничего и никого дорогого! Покидала эти лѣса, которые были самой дорогой частицей ея души. Покидала горы, поляны, чистое небо и жизнь мятежную, но свободную, эти минуты одиночества, все прошлое, полное столкновеній, бурь, безумія, восторговъ и грезъ...

Оставляла больше, чѣмъ могла постигнуть сразу.

Съ горькой завистью смотрѣла на все, что оставалось здѣсь, угрюмо думала, что солнце будетъ такъ же свѣтить надъ этимъ дорогимъ клочкомъ земли, лѣса будутъ такъ же шумѣть и звать тысячами голосовъ въ бурныя, осеннія ночи; будетъ приходить весна, будутъ цвѣсти цвѣты и эта пустошь, это ея благо, исполненное меланхоліи, эти лунныя ночи, задумчивость лѣсовъ — все это будетъ... только она должна итти... только ее вырываетъ судьба и забрасываетъ далеко... и навсегда...

Потомъ думала о той новой жизни, въ которую шла,— и сожалѣнія о прошломъ притихли, и медленно поднималась въ ней знакомая сила бытія и обнимала ее

мощью, такъ что вдругъ она выпрямилась, все смѣлѣе смотрѣла впередъ и все выше подымала голову.

Увидѣвъ на платформѣ отца, даже не вздрогнула: ихъ раздѣлилъ уже этотъ новый міръ, въ который бѣжала она и который увлекалъ ее обѣщаніями счастья и славы.

Къ ней подходили знакомые, здоровались съ ней, спрашивали о здоровьѣ, куда ѣдетъ, и т. д.

Отвѣчала, что ѣдетъ къ роднымъ, и не теряла спокойствія. Хватило его даже на то, чтобы самой пойти въ кассу за билетомъ.

Стала у окошечка и скромно потребовала билетъ.

Орловскій (онъ самъ всегда продавалъ билеты) быстро поднялъ голову; что-то — въ родѣ красной тѣни скользнуло у него по лицу; но не отозвался. Далъ сдачу, гладя бороду, смотрѣлъ на Янку спокойно и холодно, словно совсѣмъ не зналъ ея.

Отходя, повернула голову и встрѣтилась съ его сверкающимъ взглядомъ.

Быстро отошелъ онъ отъ окошечка, громко выругался, а она пошла; только шла какъ-то медленно, и ноги дрожали подъ нею.

Этотъ блескъ очей его, какъ бы окровавленныхъ слезами, ударилъ ее, и стало тяжело на сердцѣ...

Подошелъ поѣздъ — сѣла. Еще изъ оконъ вагона смотрѣла на станцію.

Кренска махала изъ окна платкомъ и дѣлала видъ, что утираетъ слезы.

Орловскій, въ красной шапкѣ, въ безукоризненно бѣлыхъ перчаткахъ, съ неподвижнымъ чиновничьимъ

выраженіемъ лица, ходилъ по платформѣ; и даже ни разу не взглянулъ въ ея сторону.

Раздался звонокъ, свистокъ локомотива, свистокъ оберъ-кондуктора, и поѣздъ тронулся.

Телеграфистъ кланялся ей; не видѣла — видѣла только, какъ отецъ медленно, тяжело повернулся и вошелъ въ свою канцелярію.

— Навсегда!.. — шепнула, высовываясь изъ окна и стараясь обнять взоромъ все: лѣса, деревни, холмы, болота и опять то же — сплетались, какъ фантастичныя тѣни, — а она смотрѣла, чувствуя въ то же время, что ее уноситъ какая-то огромная сила, что она уже во власти чего-то могучаго, что вырываетъ ее изъ гнѣзда и несетъ въ невѣдомые міры, къ невѣдомымъ предназначеніямъ.

Спустилась ночь.

Мѣсяцъ плылъ по темно-синему пространству, какъ серебристый челнъ по морю безконечности, — а она все высовывалась изъ окна и смотрѣла въ сторону Буковицъ, время отъ времени сухо и чуть слышно повторяя:

— Навсегда!.. навсегда!

* * *

Орловскій въ обычный часъ пришелъ на ужинъ.

Кренска, несмотря на радость, была не покойна; смотрѣла ему тревожно въ глаза, ходила еще тише, была теперь еще меньше и покорнѣе.

А онъ, словно борясь съ самимъ собой, не ругался и не вспоминалъ о Янкѣ.

Только на другой день заперъ ея комнату и спряталъ ключъ въ письменный столъ.

Ночью не спалъ; глаза у него впали, и лицо было какъ у трупа. Кренска слышала, какъ въ теченіе всей ночи онъ ходилъ по своей комнатѣ; но на службу вышелъ, какъ всегда.

За обѣдомъ Кренска набралась смѣлости и сама съ чѣмъ-то къ нему обратилась.

— Ага!.. вотъ еще съ вами нужно мнѣ покончить!..

Кренска поблѣднѣла. Начала говорить ему о Янкѣ, о своемъ расположеніи, о томъ, какъ она ее отговаривала не ѣхать, какъ отъ всего сердца просила ее...

— Вы глупы!.. поѣхала, захотѣла... Пускай тамъ себѣ свернетъ шею!..

Кренска принялась распространяться о его сиротствѣ.

— Собака!..—пробормоталъ онъ, презрительно сплевывая.—Вы можете себѣ еще сегодня ѣхать. Заплачу, что слѣдуетъ, и вонъ изъ моего дома, или, клянусь Богомъ, велю рабочимъ выбросить васъ!.. Одинъ такъ одинъ... безъ всякаго опекунства!.. Собака!.. клянусь Богомъ!..

Разбилъ о столъ стаканъ и вышелъ.

II.

Лѣтній театръ и садъ ожили.

Занавѣсъ взвился со скрипомъ, и показался растрепанный парень—босой, въ рубашкѣ, и принялся под-

метать храмъ искусства. Пыль облаками плыла на садикъ, осѣдала на красную обивку креселъ и на рѣдкіе листья нѣсколькихъ чахлыхъ каштановъ.

Гарсоны и прочая ресторанная прислуга наводили порядки на огромной верандѣ. Слышался звонъ мытыхъ кружекъ, выколачиваніе дорожекъ, передвиганіе креселъ и тихій шопотъ буфетчицы, разставляющей рядами бутылки, тарелки съ закусками и огромные букеты à-la-Макартъ, похожіе на засушенныя метлы.

Сбоку заглядывало яркое солнце, и цѣлая стая черныхъ вертлявыхъ воробьевъ висѣла на вѣтвяхъ, трепыхалась на ручкахъ креселъ, съ крикомъ добиваясь крошекъ.

На буфетныхъ часахъ медленно и торжественно пробило десять, и тогда на веранду влетѣлъ высокій, худой парень; на самой макушкѣ головы, покрытой рыжеватыми колечками слипшихся волосъ, еле держалась порванная шапка, лицо у него веснушчатое и смѣющееся, съ вздернутымъ носомъ. Летѣлъ прямо въ буфетъ.

— Осторожнѣе, Вицекъ, потеряешь сапоги,—крикнула буфетчица.

— Ничего, прикажу ихъ перефасонить,— весело отрѣзалъ онъ, смотря на свои сапоги, которые какимъ-то невѣдомымъ способомъ держались на ногахъ — не имѣя ни верха, ни подошвы.

— Попрошу васъ, сударыня, наперсточекъ «muslinu» — сказалъ, размашисто кланяясь.

— А наличныя имѣешь? — спросила буфетчица, протягивая руку.

— Нѣтъ; но будутъ. Вечеромъ отдамъ, честное слово, отдамъ, — просилъ онъ.

Буфетчица презрительно пожала плечами.

— Ну, дайте!.. окажу вамъ протекцію у персидскаго шаха... Ой, ой.. такая обширная особа, вѣрный ангажементъ...

Гарсоны закатились смѣхомъ, буфетчица ударила металлической подставкой.

— Вицекъ — позвалъ кто-то у входа.

— Слушаю, господинъ режиссеръ.

— Всѣ собрались на репетицію?

— Охо! никого, но будутъ!.. — крикнулъ, смѣясь.

— Увѣдомилъ?.. былъ съ повѣстками?

— Былъ. Всѣ расписались.

— Былъ съ афишей у директора?

— Директоръ находился еще за кулисами: лежалъ въ кровати и разсматривалъ сапогъ.

— Надо было отдать директоршѣ.

— Да госпожа директорша была занята дѣтьми, а это происходило довольно громко, а потому я предпочелъ дать стречка.

— Сбѣгаешь съ письмомъ на Гожую, знаешь...

— Нѣсколько разъ. Почтенная особа! какъ вчера выразился о госпожѣ Николеттѣ одинъ господинъ изъ креселъ.

— Отнесешь, получишь отвѣтъ и вернешься сюда.

— Дадите мнѣ заработать — не правда ли?.. такому бѣднягѣ, чортъ возьми, что...

— Вѣдь ты же только вчера получилъ a conto.

— Э... одинъ цѣлковый! Сейчасъ же размѣнялъ на

пиво и колбасу. За ночлегъ, á conto сапожнику и... чистъ!

— Обезьяна! На — на дорогу!

— Благословенна рука, дающая двугривенные! — произнесъ парень кривляясь и, стукнувъ сапогами, подскочилъ отъ радости.

— Готовьте декораціи! — крикнулъ режиссеръ и сѣлъ на верандѣ.

Общество собиралось медленно. Молча здоровались и расходились по саду.

— Добикъ! — окликнулъ режиссеръ высокаго мужчину, направлявшагося въ буфетъ, — лакаешь съ утра, а потомъ на репетиціи тебя и не слышно — суфлируешь какъ... собака...

— Послушай, сегодня снилось мнѣ: ночь, колодецъ... спотыкаюсь... лечу въ глубину... Меня обнимаетъ ужасъ... кричу... помощи.... хлюпъ! я — въ водѣ... брр... еще даже теперь такъ холодно, что ничѣмъ не разогрѣюсь.

— Не дурачь своими снами! Пьешь съ утра до ночи.

— Пью съ утра; не могу какъ другіе: съ ночи до утра. Холодно!.. омерзительно холодно!

— Я велю подать тебѣ чаю.

— Благодарю покорно. Я здоровъ, сударь, а зелья употребляю только при болѣзни. A herba, team, или herbatum... — зелье. Виноградный сокъ... — протянулъ онъ, — вотъ животворящее начало, которое оцѣнить можетъ только настоящій человѣкъ, какимъ имѣю честь считать себя я.

Вошелъ директоръ, а Добикъ направился въ буфетъ.

— Рѣшилъ, кому дать «Нитушъ»? — спросилъ онъ режиссера, здороваясь.

— Не совсѣмъ. Эти бабы, это... цѣлыхъ три кандидатки на «Нитушъ».

— Съ добрымъ утромъ, директоръ! — крикнула одна изъ звѣздъ театра. Майковская — красивая актриса, въ свѣтломъ платьѣ, въ свѣтлой же шелковой накидкѣ и бѣлой шляпѣ съ большимъ страусовымъ перомъ. Она производила впечатлѣніе свѣжей, розовой, вволю выспавшейся; но и не безъ нѣкотораго слоя румянъ. У нея были большіе, темно-голубые глаза, губы сочныя и красныя, лицо комическое, движенія гордыя и величественныя. Была на первыхъ роляхъ.

— У меня къ вамъ дѣло, директоръ.

— Всегда къ вашимъ услугамъ. Можетъ, денегъ? — спросилъ заботливо.

— Пока... нѣтъ! Вы что пьете?

— Хо, хо!.. Ужъ польется чья-то кровь! — воскликнулъ, шутливо поднимая кверху руки.

— Вы что пьете, спрашиваю васъ?

— Да развѣ я знаю, что. Предпочелъ бы коньякъ, но...

— Боитесь жены? Вѣдь она не играетъ въ «Нитушъ».

— Да, но...

— Пару!.. коньякъ и закуску.

— Итакъ, къ вамъ просьба; дайте роль «Нитушъ» Николеттѣ — прошу васъ! Что? Для меня это очень важно. Вспомните, господинъ Цабинскій, что я никогда ничего у васъ не прошу, и сдѣлайте это...

— Уже четвертая!.. Боже, чего не терплю только я изъ-за этихъ женщинъ!

— Кто же еще?

— Качковская, жена, Мими, а теперь еще Николетта.

— Пару! того же! — крикнула Майковская гарсону, стуча рюмкой о подносъ.

— Дайте Николеттѣ! Я увѣрена, что она откажется, такъ какъ ей съ ея деревенскимъ голосомъ танцовать, а не пѣть; но дѣло именно въ томъ, чтобы дать эту роль ей.

— Хорошо, оставимъ мою благовѣрную — но Мими и Качковская оторвутъ мнѣ голову!

— Немного потеряете. Впрочемъ, берусь сама объясниться съ ними; посмотримъ чудный фарсъ — такъ какъ дѣло въ слѣдующемъ: будетъ здѣсь сегодня одинъ баринъ. Вчера Николетта увѣряла его, что вы, дѣлая въ газетѣ объявленіе о томъ, что роль «Нитушъ» будетъ играть прекраснѣйшая и незамѣнимая Х.Х., подразумѣвали именно ее.

Цабинскій тихо разсмѣялся.

— Прошу только никому ни слова. Увидите, что произойдетъ. Она сдѣлаетъ видъ, что принимаетъ, захочетъ показаться ему во-всю... Хальтъ ее тотчасъ же на репетицію и... она просыпется... при всѣхъ; вы тутъ же отнимете у нея роль и дадите, кому вамъ будетъ угодно.

— Вы страшны въ ненависти.

— Ба! въ этомъ — наша сила.

Пошли въ садъ, гдѣ уже собралось нѣсколько человѣкъ въ ожиданіи репетиціи.

Актеры группами сидѣли въ креслахъ. Со всѣхъ сторонъ подъ аккомпанементъ настраиваемыхъ инструментовъ раздавались смѣхъ, шутки, разсказы и жалобы.

Народу на верандѣ становилось все больше. Поднялся шумъ — звонъ тарелокъ и скрипъ отодвигаемыхъ креселъ. Папиросный дымъ ползъ цѣлыми облаками подъ желѣзныя стропила крыши. Въ общемъ ежедневная ресторанная атмосфера.

Вошла Янка Орловская. Сѣла за одинъ изъ столиковъ и, подозвавъ гарсона, спросила:

— Не знаете ли вы: директоръ театра здѣсь?

— Тамъ!

— Который?

— Что прикажете?

— Кто изъ тѣхъ господъ — Цабинскій?

— Семь!.. четыре водки! — крикнулъ кто-то сбоку.

— Иду! Сейчасъ!

— Пива!

— Кто изъ тѣхъ — директоръ? — терпѣливо второй разъ спросила Янка.

— Сейчасъ, барышня! — отвѣтилъ, прислушиваясь и кланяясь на всѣ стороны.

Янка стѣснялась. Ей казалось, что всѣ смотрятъ на нее, что гарсоны, проходя мимо съ руками, полными кружекъ и тарелокъ, бросаютъ на нее такіе странные взгляды — даже краснѣла.

Сидѣла довольно долго, пока наконецъ снова явился тотъ же человѣкъ и принесъ заказанный кофе.

— Барышнѣ угодно видѣться съ директоромъ?

— Да!

— Сидитъ — со стороны сада въ первомъ ряду кре-селъ. Толстый, въ бѣлой жилеткѣ... вотъ!.. видите?

— Вижу. Спасибо!

— Прикажете позвать!

— Нѣтъ! Вѣдь онъ занятъ.

— Разговариваетъ.

— А кто тѣ, что съ нимъ?

— Это также наши: актеры.

Дала двугривенный за кофе. Человѣкъ долго искалъ сдачи; но видя, что Янка смотритъ въ другую сторону, поклонился, рѣшивъ, что остальное ему на чай.

— Пойду позову...

— Хорошо, пусть только тѣ господа отойдутъ немного.

— Понимаю! — сказалъ съ глупой улыбкой и отошелъ.

Янка быстро выпила кофе и пошла въ садъ. Проходя около директора, бѣгло его осмотрѣла. Увидѣла большое анемично-блѣдное лицо съ синими пятнами — не изъ симпатичныхъ.

Нѣсколько актеровъ, стоявшихъ съ нимъ, произвели на нее впечатлѣніе прекрасныхъ людей.

Замѣтила, что въ ихъ бритыхъ лицахъ, свободномъ смѣхѣ и жестахъ есть что-то болѣе возвышенное въ сравненіи съ тѣми мужчинами, которыхъ она знала до сихъ поръ, съ нѣкоторымъ восхищеніемъ прислушивалась къ ихъ голосамъ.

Занавѣсъ былъ поднятъ; на сценѣ царилъ мракъ и своею таинственностью притягивалъ взоръ Янки.

Впервые она видѣла театръ такъ близко и актеровъ не на сценѣ. Театръ казался ей какой-то греческой свя-

тыней, а эти люди, профили которыхъ видѣла передъ собой и чудные голоса которыхъ слышала каждую минуту, казались ей настоящими жрецами искусства, о какихъ не разъ мечтала.

Въ первый разъ съ энтузіазмомъ смотрѣла на все это.

Была довольна, что можетъ хотя дышать воздухомъ настоящаго театра.

Разсматривала все съ любопытствомъ, когда вдругъ увидѣла, что тотъ же лакей что-то шепчетъ директору и незамѣтно указываетъ на нее.

Ее охватила странная и нервная дрожь опасенія; не смотрѣла ни на что, чувствуя, что кто-то идетъ къ ней, что чьи-то взгляды тяжелѣютъ на ея головѣ и скользятъ по фигурѣ.

Не знала, съ чего начнетъ, что скажетъ, какъ все устроитъ, но чувствовала, что должна разговориться.

Очнулась, увидѣвъ передъ собой Цабинскаго.

— Я — директоръ Цабинскій...

Стояла, будучи не въ силахъ отъ внезапнаго волненія сказать слова.

— Вы изволили вызвать меня? — сказалъ съ вѣжливымъ поклономъ — въ знакъ того, что готовъ ее слушать.

— Да... я просила бы... господина директора. Хочу просить... быть можетъ... — заикалась, не находя подходящихъ словъ для отвѣта.

— Пожалуйста — отдохните... успокойтесь... Развѣ это столь важно?.. — шепталъ онъ, наклонившись къ ней, въ то же время многозначительно подмигивая смотрящимъ на нихъ актерамъ.

— О да — очень важно! — отвѣтила, поднимая лицо. — Хочу просить васъ принять меня въ театръ.

Эту послѣднюю фразу произнесла быстро, какъ бы опасаясь, что ей можетъ не хватить смѣлости и голоса.

— А! только-то?.. вы хотите ангажировать себя?

Выпрямился и, презрительно сощуривъ глаза, критически смотрѣлъ ей въ лицо.

— Спеціально пріѣхала... Вы не откажете мнѣ, не правда ли?..

— У кого вы были?

— Не понимаю... не знаю, что...

— Въ какой труппѣ?.. гдѣ?

— Я еще не служила въ театрѣ. Нарочно пріѣхала изъ провинціи.

— Нигдѣ!?. У меня нѣтъ мѣстъ!

Повернулся уходить.

Янку охватилъ страхъ, что придется уйти ни съ чѣмъ, и вотъ смѣло, съ просьбой въ голосѣ поспѣшно заговорила:

— Господинъ директоръ! Я нарочно пріѣхала въ ваше общество. Такъ люблю театръ, что жить безъ него не могу! Не отказывайте мнѣ. Никого здѣсь въ Варшавѣ не имѣю. Обратилась къ вамъ, такъ какъ много читала о васъ въ газетахъ. Чувствую, что могу играть... Знаю на память столько ролей! Вы увидите, только бы мнѣ выступить... увидите!

Цабинскій молчалъ.

— Быть можетъ пріити завтра?.. могу нѣсколько дней обождать... — добавила, видя, что Цабинскій не отвѣчаетъ, только внимательно присматривается къ ней.

Говорила кратко, отрывисто, голосъ дрожалъ прось-

бой и страстью, модулировался легко, и звукъ его былъ такъ оригиналенъ, было въ немъ столько тепла, что Цабинскій слушалъ съ удовольствіемъ.

— Не имѣю теперь времени; поговоримъ послѣ репетиціи,— отвѣтилъ онъ.

Хотѣлось пожать ему руку и поблагодарить за обѣщаніе; но не хватило смѣлости, такъ какъ на нихъ смотрѣли все больше.

— Эй, Цабинскій!

— Человѣче!

— Директоръ! это что?.. свиданіе?.. среди бѣла дня, у всѣхъ на глазахъ, въ трехъ этажахъ отъ Пепы?..— кричали ему изъ креселъ, только что онъ разстался съ Янкой.

— Какое тамъ свиданіе!

— Кто же это?

— Только безъ отговорокъ, слышишь... Но и неосторожно же такъ на виду...

— Поймали тебя! Корчишь изъ себя кристаллъ, мое золото!..— выкрикивалъ одинъ изъ товарищей, худой, съ ртомъ вѣчно перекошеннымъ и какъ бы истекающимъ желчью и злостью.

— Убирайся къ чорту, мой дорогой!.. Даже и не снилось!.. впервые вижу ее.

— Красивая женщина!.. Чего она хочетъ?

— Какая-то кандидатка... проситъ ангажировать ее.

— Бери. Красивыхъ женщинъ никогда не слишкомъ много.

— Ну, этихъ коровъ у директора достаточно.

— Ба, а для хоровъ?

— Не бойся, онѣ не очень ужъ обременяютъ бюд-

жетъ, у него нѣтъ привычки платить — особенно женщинамъ молодымъ, красивымъ и начинающимъ.

— Глясъ всегда преувеличиваетъ... это его самый большой порокъ!

— Директоръ забылъ мой главный порокъ: что я душу его за жалованье. А быть можетъ это и достоинство.

— Ой, что нѣтъ, то нѣтъ!.. — горячо протестовалъ Цабинскій.

Всѣ разсмѣялись.

— Вели-ка, директоръ, подать водки — тогда скажу кое-что, — началъ снова Глясъ.

— Что же?

— Что режиссеръ велитъ дать по второй...

— Комикъ мой, животъ твой растетъ цѣною остротъ... говоришь уже глупости.

— Только для глупыхъ, — отрѣзалъ Глясъ Владеку и пошелъ за кулисы.

— Жидъ, шкура барабанная, — промычалъ ему вслѣдъ Владекъ.

— Ясь!.. — крикнула директорша съ веранды.

Цабинскій устремился ей навстрѣчу.

Эта была высокая, полная женщина, съ тщательно поддерживаемыми слѣдами удивительной красоты; черты лица ея были крупныя, глаза большіе, ротъ узкій и лобъ очень низкій; одѣта была не по лѣтамъ и въ свѣтлое, такъ что издали производила впечатлѣніе молодой женщины.

Очень гордилась своимъ мужемъ-директоромъ, своимъ драматическимъ талантомъ и дѣтьми, которыхъ у нея было четверо. Въ жизни любила играть роль мат-

роны, занятой только своимъ домомъ и воспитаніемъ дѣтей; въ общемъ была комедіанткой и въ жизни, и за кулисами: на сценѣ же играла драматическихъ матерей и всякихъ почтенныхъ, несчастныхъ женщинъ; никогда хорошо не знала своей роли; но играла съ подъемомъ и патетично.

Была пугаломъ для слугъ, для собственныхъ дѣтей и начинающихъ актрисъ, въ которыхъ подозрѣвала нѣкторый талантъ. Была порядочной злюкой; но въ присутствіи людей облекалась въ спокойствіе, т.-е. прикидывалась усталой и нервной.

— Здравствуйте, господа! — произнесла она, навалившись небрежно на руку мужа.

Общество окружило ее. Майковская сердечно съ ней расцѣловалась.

— Какъ хорошо вы выглядите сегодня! — воскликнулъ Глясъ.

— Ну, вотъ — открылъ новость, вѣдь госпожа Цабинская всегда великолѣпно выглядитъ! — замѣтилъ Владекъ.

— Какъ ваше здоровье?.. такъ какъ вчерашнее представленіе должно было вамъ обойтись дорого?

— Вамъ не слѣдуетъ брать такихъ утомительныхъ ролей..

— Играли вы прелестно! Мы всѣ стояли въ кулисахъ.

— Пресса плакала... Я видѣлъ, какъ Жарскій утиралъ платкомъ глаза.

— Чихалъ передъ тѣмъ... у него страшный насморкъ, — раздался чей-то голосъ сбоку.

— Публика была ослѣплена и захвачена третьимъ актомъ... въ креслахъ вставали.

— Хотѣли бѣжать отъ этого удовольствія.

— Сколько же получили вы букетовъ?

— Спросите директора, онъ платилъ по счетамъ.

— Ахъ!.. нашъ меценатъ, вы нынче невозможны! — протянула сладкимъ голосомъ директорша, синѣя отъ злости, замѣчая на лицахъ актеровъ гримасы еле сдерживаемаго смѣха.

— Все отъ добраго сердца... Всѣ говорятъ только такія прекрасныя вещи, скажу же я... разумныя.

— Вы нахалъ, господинъ меценатъ!.. какъ можно?.. а впрочемъ, что для меня театръ! Играю хорошо, это заслуга Янка; играю скверно—это вина директора, заставляющаго меня выступать и брать все новыя роли! Я бы такъ хотѣла жить замкнуто, со своими дѣтьми, быть въ предѣлахъ только моихъ домашнихъ заботъ... Боже! Искусство—это что-то столь великое, а мы при немъ такіе маленькіе, ничтожные, что каждаго выхода я боюсь, какъ огня!..—врала изо всѣхъ силъ директорша.

— На одно слово! — позвала ее Майковская.

— Видите, нашъ меценатъ, даже объ искусствѣ не дадутъ поговорить, — тяжело она вздохнула и пошла.

— Старая образина!

— Какъ всегда корова!.. а думаетъ, что — актриса.

— Была вчера на сценѣ такъ — что, ей Богу, можно было сбѣситься!

— Бросалась по сценѣ, какъ въ тяжкой болѣзни.

— Тише!.. по ея мнѣнію, это реализмъ!..

— Ужъ Цабанъ могъ бы безъ ущерба для себя и для тетатра пустить ее на траву...

— Столько дѣтей!

— Думаешь, занимается ими? какъ же! директоръ и няня.

Такого рода замѣчанія раздавались со всѣхъ сторонъ по уходѣ директорши и Майковской.

Комедія восхищенія и доброжелательности длилась только одну минуту.

Подъ верандой же Майковская кончила свой разговоръ.

— Дайте мнѣ слово?

— Хорошо, сейчасъ же будетъ такъ.

— Непремѣнно. Николетта въ обществѣ сдѣлалась просто невозможной. Осмѣлилась даже критиковать вашу игру! Вчера еще слышала, какъ разглагольствовала передъ редакторомъ, — говорила Майковская.

— Какъ?.. трогаетъ и меня? — съ злостью спросила директорша.

— Никогда сплетнями не занималась, не умѣю возбуждать зависти; но...

— Что же она говорила?.. и редактору, говорите вы? Жалкая кокетка.

Майковская неопредѣленно улыбнулась; но сейчасъ же быстро отвѣтила:

— Не скажу... не люблю повторять глупостей!

— Ужъ расплатимся! Справимся съ нею! — шептала директорша.

— Добикъ! суфлеръ... въ будку!

— Репетиція.

— На сцену! на сцену! — раздались крики.

— Идемъ! Вы играете сегодня?

— Нѣтъ.

— Господинъ директоръ!—крикнула Майковская,—можно... ваша супруга согласна.

— Хорошо, мои букашки, хорошо...

Пошелъ на веранду, гдѣ Николетта сидѣла съ какимъ-то пріодѣтымъ господиномъ.

— Просимъ на репетицію... Добраго утра, сударь.

— Репетиція чего? — спросила Николетта.

— «Нитушъ», вѣдь вы играете ее... дѣлалъ объ этомъ объявленія въ газетахъ.

Качковская, которая только что подошла и смотрѣла, должна была закрыться зонтикомъ, чтобы не разсмѣяться надъ комичной озабоченностью Николетты.

— Но я не подготовлена даже для репетиціи, — сказала эта, присматриваясь къ Цабинскому и Качковской.

Предчувствовала видно какой-то подвохъ; но Цабинскій съ торжественной миной вручилъ ей роль.

— Извольте роль... Сейчасъ начинаемъ, — произнесъ, отходя.

— Господинъ директоръ! Миленькій, репетируйте безъ меня!.. у меня такъ болитъ голова, что не знаю, смогу ли даже пѣть, — просила она.

— Нельзя — сейчасъ начинаемъ.

— Пойте! умоляю васъ, пойте,—просилъ господинъ, цѣлуя ея руки.

— Директоръ!

— Что, мое сопрано?..

И директорша указала на стоявшую въ кулисахъ Янку.

— Кандидатка.

— Ангажируешь?

— Нужна въ хоръ. Уволилъ сестеръ изъ Праги, скандалили только.

— Довольно некрасивая! — выразила свое мнѣніе Цабинская.

— Очень сценичное лицо!.. голосъ очень красивый, но странный.

Янка ни слова не упустила изъ этого разговора вполголоса; слышала хоръ похвалъ по адресу директора и другой хоръ—насмѣшекъ... Смотрѣла на всѣхъ съ увлеченіемъ, не зная, что должно все это значить.

— Со сцены! со сцены!

Всѣ отодвинулись за кулисы, такъ какъ цѣлая толпа влетѣла галопомъ на сцену.

Нѣсколько десятковъ женщинъ, большей частью молодыхъ, но съ лицами накрашенными, высохшими, нервными, со слѣдами лихорадочной жизни театра. Были тутъ блондинки, брюнетки, низкія, худыя и толстыя — вообще, какая-то пестрая смѣсь изъ разныхъ слоевъ жизни. Были среди нихъ лица Мадоннъ съ вызывающими взглядами и лица продолговатыя или круглыя безъ всякаго выраженія и интиллегентности, лица дѣвушекъ изъ народа.

Только двѣ черты имѣли онѣ общія: всѣ одѣты были болѣе или менѣе кричаще и модно, и въ глазахъ ихъ было что-то, что пріобрѣтается только на сценѣ— выраженіе какой-то свободной беззаботности и скучающаго цинизма.

Начали пѣть хоромъ.

— Halt! Сначала! — громко рычалъ капельмейстеръ съ краснымъ большимъ лицомъ.

Сбились въ кучу и неуклюже начали сначала какой-то смѣшанный канканъ, но капельмейстеръ продолжалъ стучать палочкой о пюпитръ и кричать:

— Halt! Сначала! Скоты! — бормоталъ себѣ въ носъ, махая палочкой.

Репетиція хора тянулась довольно долго.

Разсыпанные по кресламъ актеры зѣвали отъ скуки, а тѣ, которые участвовали въ вечернемъ представленіи, бродили за кулисами, равнодушно, но ожидая своей очереди.

Въ мужской уборной Вицекъ чистилъ режиссеру сапоги и спѣшно передавалъ результатъ своего посѣщенія Гожей.

— Отдалъ?.. имѣешь отвѣтъ?..

— Ой-ой!..

И подалъ Топольскому длинный розовый конвертъ.

— Вицекъ!.. если хоть слово пикнешь объ этомъ, скотина, то ты знаешь ужъ, что ждетъ тебя.

— Не новость! Та барыня мнѣ то же сказала, но съ добавленіемъ рубля.

— Морисъ! — вдругъ позвала Майковская, появляясь въ дверяхъ уборной.

Подожди... вѣдь не пойду же въ одномъ чищеномъ сапогѣ.

— Почему не почистила служанка?

— Служанка вѣдь у тебя, я у нея никогда ничего допроситься не могу.

— Найми себѣ другую.

— Хорошо, но только для себя.

— Николеттѣ на сцену!

— Позвать... — крикнулъ Цабинскій со сцены въ кресла.

— Идемъ, Морисъ, — будетъ исторія.

— Николетта, на сцену!

— Сейчасъ! Я — здѣсь...

Николетта съ бутербродомъ въ зубахъ и коробкой конфетъ подъ мышкой бѣжала такъ, что даже полъ гудѣлъ.

— Что за чортъ!.. репетиція... ждемъ — сердито мычалъ капельмейстеръ «Halt», какъ звали его въ театрѣ.

— Ждете только меня?

— Именно только васъ; вамъ должно быть извѣстно, что мы пришли сюда не для разговоровъ... Начинайте!

— Я не умѣю; я еще ничего... Пускай поетъ Качковская... это партія для нея.

— Получили ли роль вы — да? Такъ нечего разсуждать! Начинаемъ.

— Директоръ, нельзя ли послѣ обѣда? я теперь...

— Начинайте! — сердито крикнулъ Хальтъ, стуча о пюпитръ.

— Попробуйте... эта партія для вашего голоса... Я сама просила директора дать ее вамъ — подбодряла ее съ дружеской улыбкой Цабинская.

— Николетта слушала, скользя взглядомъ по товарищамъ; но лица всѣхъ были неподвижны, только ея поклонникъ-помѣщикъ любовно улыбался ей изъ креселъ.

Хальтъ сдѣлалъ знакъ палочкой, оркестръ заигралъ, и суфлеръ подсказалъ первыя слова.

Николетта, которая, какъ было всѣмъ извѣстно, никогда не могла выучить роль, сбилась на первой фразѣ и запѣла какъ нельзя болѣе фальшиво.

Повторили; дѣло пошло лучше; но Хальтъ нарочно спуталъ, и Николетта потерпѣла полное пораженіе.

Раздался единодушный взрывъ смѣха.

— Музыкальная корова!

— Въ балетъ съ такимъ слухомъ и голосомъ!

— Онъ какъ разъ словно созданъ, чтобы сзывать куръ, когда она сдѣлается помѣщицей.

Николетта, почти плача, подошла къ Цабинскому.

— Говорила же я, что не могу теперь пѣть... не имѣла времени заглянуть въ роль.

— Ага, вы значитъ не можете? Позвольте роль. Будетъ пѣть Качковская.

— Могу пѣть, только еще не умѣю... не хочу провалиться.

— Есть время кружить помѣщикамъ головы, заводить интриги, сплетничать въ печать, ѣздить по Марцелинамъ.. хватаетъ времени!..—шипѣла Цабинская.

— Смотрите лучше за своими франтами и дѣтьми... а меня оставьте!

— Директоръ! Меня обижаетъ эта какая-то...

— Извольте вернуть роль... Будете пѣть въ хорахъ, разъ партію не можете.

— О нѣтъ! теперь пѣть хочу именно ее! Наплевать мнѣ на интриги!

— Это вы кому?—закричала Цабинская, срываясь съ креселъ.

— А хотя бы и вамъ.

— Вы больше не въ труппѣ!

— Издыхайте себѣ! — отвѣтила Николетта, бросая роль въ лицо Цабинскому. — О, это давно извѣстно, что въ вашей труппѣ нѣтъ мѣстъ для порядочной женщины.

— Прочь отсюда, подлая авантюристка!

— Плевать мнѣ на тебя — старая лягушка! Достаточно съ меня вашего балагана.

— Ступай, ступай!.. возьмутъ тебя... въ Коринѳъ!

— Будьте гувернанткой у помѣщика — крикнула съ насмѣшкой Майковская.

— Подожду до тѣхъ поръ, пока не откроете такого Коринѳа... изъ своихъ дочекъ.

Цабинская подскочила къ ней; но на половинѣ дороги вдругъ остановилась и разразилась плачемъ.

— Боже мой! мои дѣти!.. Ясь!.. мои дѣти!..

Зашаталась въ припадкѣ истерической злости.

— Направо — диванъ... будетъ удобнѣе упасть въ обморокъ! — крикнулъ кто-то изъ креселъ.

Артисты невозмутимо улыбались и выражались намеками.

— Пепа!.. жена!.. успокойся. О, Боже милосердный — вѣчная ярмарка!

— Такъ это развѣ я?

— Не говорю о тебѣ!.. могла бы впрочемъ успокоиться... ничего тебѣ не сдѣлали!

— А! Такъ вотъ ты какой мужъ, отецъ!.. директоръ!?.. — кричала, какъ сумасшедшая, Цабинская. — Позволяешь оскорблять меня какой-то... уличной дѣвкѣ и на это ни слова? она безчеститъ твоихъ дѣтей, и ты ни слова? срываетъ спектакли...

— Не платишь никому и также ни слова!..—подсказывалъ кто-то изъ-за кулисъ.

— Держись, Цабинскій!

— Выдержи хоть съ часъ и попадешь, мученикъ, прямо въ небо!

— Сударь — спрашивалъ помѣщикъ, крутя пуговицу на сюртукѣ одного изъ актеровъ — что же это? играютъ что-нибудь другое, или же это «Нитушъ», а?

— Во-первыхъ, это пуговица, которую вы мнѣ хотите оторвать!..—воскликнулъ актеръ, отнимая у смущеннаго помѣщика пуговицу, а то — первый актъ подъ названіемъ: «За кулисами»; идетъ эта вещь ежедневно и съ большимъ успѣхомъ.

Сцена опустѣла.

Въ оркестрѣ настраивали инструменты, Хальтъ пошелъ пить пиво, а общество разсыпалось по садику.

Цабинскій, схватившись за голову, бѣгалъ по сценѣ какъ помѣшанный и кричалъ не то со злостью, не то со скорбью, такъ какъ жена продолжала тихо стонать.

— О, что за люди! что за люди! какіе скандалы!

Янка, напуганная грубостью этихъ сценъ, спряталась вглубь кулисъ и не знала, что съ собой дѣлать. Чувствовала, что теперь не время говорить съ директоромъ.

— Артисты!.. театръ!..—думала, до глубины души проникнутая разочарованіемъ и чувствомъ отвращенія.

Ей было больно и стыдно.

— Ссорятся какъ... какъ...—думала, сразу не находя подходящаго сравненія.

Ничего не понимала.

Поняла одно, что здѣсь изъ всѣхъ этихъ улыбокъ, разговоровъ, взглядовъ, которые видѣла и слышала — ничего не было правдой. Казалось, что всѣ разыгрываютъ какую-то роль, неестественны со всѣми и всѣмъ. Инстинктивно чувствовала это; но не была увѣрена — не зная въ простотѣ своей, зачѣмъ, для какой цѣли дѣлаютъ все это.

На самомъ же дѣлѣ здѣсь никто ничего не разыгрывалъ, всѣ были вполнѣ естественны — то-есть были актерами.

Репетиція послѣ непродолжительнаго перерыва возобновилась — съ Качковской въ роли главной героини.

Майковская была въ прекрасномъ расположеніи духа, такъ какъ сбыла соперницу на нѣкоторыя роли и благодаря ей подружилась съ Цабинской.

Директоръ послѣ ухода жены потиралъ отъ удовольствія руки и, подозвавъ Топольскаго, пошелъ съ нимъ въ буфетъ — выпить водки. Онъ тоже выгадалъ кое-что на провалѣ Николетты.

Станиславскій, самый старый въ труппѣ, ходилъ по уборной, сплевывалъ и мычалъ сидѣвшей съ поджатыми ногами Мировской.

— Скандалы и скандалы!.. гдѣ же здѣсь думать объ успѣхѣ!

Мировская поддакивала ему, блѣдно улыбалась и вязала какъ-то шерстяной платокъ.

Послѣ репетиціи Янка смѣло подошла къ Цабинскому.

— Господинъ директоръ... — начала она

— А? Я приму васъ. Приходите передъ спектаклемъ — поговоримъ... Теперь не имѣю времени...

— Очень благодарю васъ! — сказала она, обрадовавшись.

— Имѣете какой-нибудь голосъ?

— Голосъ?

— То-есть — поете?

— Дома немного пѣла... хотя голоса для сцены, навѣрное, не имѣю... впрочемъ...

— Приходите пораньше; попробуемъ... я скажу капельмейстеру.

III.

Былъ прекрасный — теплый день.

Въ Лазенкахъ дышало весной... Розы цвѣли, и жасминъ наполнилъ паркъ благоуханіемъ... Было такъ тихо и хорошо, что Янка, забывъ обо всемъ, сидѣла нѣсколько часовъ надъ прудомъ.

Лебеди съ поднятыми крыльями, какъ бѣлыя облака, плыли по лазурной глади воды; мраморныя изображенія сверкали бѣлизной и своими благородными линіями придавали солнечной тишинѣ зеленаго парка тонъ античной красоты...

Кругомъ раскинулась свѣжая, пушистая зелень, какъ море огромнаго смарагда, насыщеннаго золотомъ солнца.

Красивые цвѣты каштановъ беззвучно опадали на землю, на воду, на лужайки и какъ розоватыя искры мелькали въ тѣни деревьевъ.

Шумъ города долеталъ только глухимъ эхо и скользилъ по чащѣ.

Иногда вѣтеръ шумѣлъ въ вѣтвяхъ, морщилъ атласную поверхность воды и уносился, оставляя за собой еще болѣе глубокую тишину.

Янка пришла сюда прямо изъ театра. По привычкѣ нуждалась въ одиночествѣ; въ шумѣ города не могла ни думать, ни успокоить сердца, взволнованнаго радостью поступленія въ театръ, да и хотѣлось разсѣять немного грусть, навѣянную на нее ссорами, которыя видѣла на репетиціи.

Все видѣнное безпокоило ее; чувствовала въ себѣ какую-то тупую боль напряженія — похожаго даже на колебаніе. Пугала какая-то тѣнь.

Помнить ничего не хотѣла; только все время повторяла себѣ:

— Я въ театрѣ! поступила въ театръ!..

Должна была какъ будто увѣрить себя въ томъ, что осуществились ея мечты многихъ лѣтъ, что будущее, о которомъ грезила — уже передъ ней... что ея «завтра» отъ прежняго «вчера» будетъ отдѣлено огромнымъ разстояніемъ.

— Какъ же это случится?.. — думала она.

И проходили передъ ней образы будущихъ товарокъ. Чувствовала инстинктивно, что въ этихъ лицахъ нѣтъ для нея ничего пріязненнаго; только зависть и лицемѣріе, и что здѣсь также не встрѣтитъ дружескую руку или сердце, что должна итти одна, какъ шла до этого времени.

Снова размечталась, и тогда для нея было все безразлично, такъ какъ чувствовала въ себѣ какую-то силу,

или талантъ,—и казалось ей тогда, что достаточно выступить только одинъ разъ, и въ какой-нибудь роли, чтобы пріобрѣсти все и итти впередъ.

Но куда?.. куда?.. Не знала, куда итти; не вѣдала предѣла, только со всей стремительностью своей натуры жаждала все время итти впередъ и неустанно уноситься въ безконечность.

Мысленно выбирала роль, въ которой хотѣла бы выступить въ первый разъ.

Было такъ хорошо сидѣть и мечтать, что въ концѣ концовъ она почти ни о чемъ уже не думала; безъ сопротивленія отдавалась удовольствію дышать ароматнымъ и чистымъ воздухомъ и созерцанію мирныхъ красокъ неба и деревьевъ.

Ощущала въ себѣ пульсъ этой плодотворной природы, неудержно разрастающейся, и въ ней самой было это растительное счастье жизни — тихое и крѣпкое. Ей казалось, что мраморныя изображенія божествъ и молодые побѣги вербъ благословляютъ ее съ глубокой доброжелательностью и шепчутъ слова обожанія и обѣщаній.

Чувствовала въ себѣ весну, порывы молодой и сильной жизни и всѣ тѣ безсмертныя, не уничтоженныя, идущія изъ вѣка въ вѣкъ въ человѣчество, черезъ улыбки и страданія, силы вселенной души и чувства.

Ее привелъ въ себя внезапный скрипъ песка. Шелъ какой-то молодой человѣкъ; онъ сѣлъ на сосѣдней скамейкѣ и снялъ шляпу; Янка замѣтила высокій, очень бѣлый лобъ, сильно изогнутыя брови и сѣрые глаза. Почти легъ на скамейку и принялся читать маленькую книжечку.

Она видѣла выраженіе его блѣднаго, нервнаго лица; онъ морщилъ брови, то поднималъ глаза и утопалъ въ продолжительной задумчивости; по губамъ его какъ бы вилась улыбка раздумья.

Проходя мимо него, быстро взглянула на заголовокъ книжки: «Musset H. — Стихотворенія».

Онъ вскочилъ со скамейки и быстро посмотрѣлъ на нее; она отвернулась, чтобы онъ не замѣтилъ ея улыбки, и долго чувствовала на себѣ его взглядъ; но когда обернулась, то онъ опять лежалъ, закрывъ ладонями голову, и читалъ.

Съ удовольствіемъ остановилась на нѣсколько минутъ передъ танцующимъ Сатиромъ, стоящимъ какъ бы въ клѣткѣ изъ переплетшейся зелени сирени, не могла оторвать взора отъ этого ироническаго лица, насмѣшливаго, громко смѣющагося острыми чертами; отъ этихъ движеній разнузданнаго веселья.

Эти густые черные локоны, похожіе на цвѣты гіацинтовъ, казалось, также двигались въ танцѣ; а кривыя козлиныя ноги и комично-безобразныя гримасы его ехиднаго лица наводили страхъ, объяснить котораго не могла.

Сатиръ какъ будто смѣялся надъ этимъ солнцемъ, золотящимъ его каменное тѣло и придающимъ ему видъ живого; надъ окружающей его весной, надъ самимъ собой и цѣлымъ свѣтомъ; смѣялся и издѣвался надъ всѣмъ, что не было воплощеніемъ веселья.

Отошла, но нѣсколько разъ казалось, что въ чащѣ блеститъ искривленное, насмѣхающееся лицо; что слышитъ тихій смѣхъ, заставляющій ее холодѣть.

Помрачнѣла, такъ какъ на ея воспріимчивую на-

туру встрѣча эта подѣйствовала удручающе. Каменный, твердый ротъ впился ей прямо въ сердце.

Быстро направилась въ гостиницу, въ которой остановилась, по совѣту своихъ попутчиковъ въ Варшаву. Гостиница эта была дешевой и находилась далеко не въ центрѣ; останавливались въ ней, главнымъ образомъ, мелкіе служащіе и актеры небольшихъ провинціальныхъ труппъ.

Ей отвели небольшую комнатку, на третьемъ этажѣ, съ однимъ окномъ, выходящимъ на крыши стараго города, красныя и расходящіяся въ разныя стороны по кривымъ линіямъ.

Видъ этотъ былъ такъ некрасивъ, что вернувшись изъ Лазенокъ съ глазами и душой, полными зелени и солнечныхъ красокъ, Янка тотчасъ же спустила штору и принялась распаковывать сундукъ.

Пока не имѣла времени думать объ отцѣ. Городъ, который видѣла впервые, шумъ, въ который погрузилась еще на вокзалѣ, усталость послѣ путешествія и послѣднихъ минутъ пребыванія въ Буковинцахъ, затѣмъ это лихорадочное желаніе быть принятой въ театръ, репетиція, Лазенки, ожиданіе вечера и этого пробнаго выхода, — все это такъ поглотило ее всю, что она почти совсѣмъ забыла о домѣ.

Одѣвалась долго и старательно, такъ какъ хотѣла выглядѣть хорошо.

Когда пришла въ садъ, огни были уже зажжены, и публика начинала сходиться.

Смѣло пошла за кулисы.

Рабочіе уставляли декораціи; изъ актеровъ еще никого не было.

Въ уборныхъ ярко горѣлъ газъ. Портной приготовлялъ блестящіе костюмы, а парикмахеръ, посвистывая, расчесывалъ какой-то парикъ съ длинной, свѣтлой косой.

Въ дамской уборной какая-то старая женщина, стоя подъ газовымъ рожкомъ, шила что-то.

Янка ходила по всѣмъ закоулкамъ и все осматривала, ободряемая тѣмъ, что на нее никто не обращаетъ вниманія. Стѣны за огромными холстами декорацій были грязныя, съ обитой штукатуркой и покрыты какой-то липкой омерзительной сыростью. Грязь царила: на полу, на подставкахъ, ободранной мебели и декораціяхъ — которыя теперь только казались ей жалкими тряпками.

Ей было нехорошо отъ вони мастики и жженыхъ волосъ, разносившейся по сценѣ.

Разсматривала великолѣпные замки, комнаты опереточныхъ королей, лазурныя дали — и близко увидѣла жалкую мазню, которая могла удовлетворить совсѣмъ грубый вкусъ, да и то издалека. Въ кладовой увидѣла картонныя короны; бархатные плащи были только дешевымъ вельветомъ; атласъ — китайкой, горностаи — крашеной фланелью, золото — бумагой, доспѣхи — картономъ, мечи и кинжалы — деревомъ.

Обманъ! обманъ! обманъ!

Присматривалась къ этому дѣланному, обманчивому великолѣпію съ презрительнымъ превосходствомъ. Осматривала свое будущее царство, словно хотѣла убѣдиться — что оно такое и что въ себѣ заключаетъ. И какъ-то даже не удивлялась тому, что было оно ло-

жью, мишурой, комедіей; надо всѣмъ этимъ видѣла нѣчто другое, безмѣрно-высокое — искусство.

Сцена была еще не уставлена и освѣщена слабо. Прошлась по ней нѣсколько разъ скользящимъ шагомъ героини; затѣмъ опять легкимъ, полнымъ признательной граціи дѣвушки; тамъ быстрымъ, лихорадочнымъ, несущимъ за собой смерть, проклятіе, уничтоженіе; движеніямъ этимъ соотвѣтствовало выраженіе ея лица, глаза горѣли пламенемъ Эвменидъ, бурей страстей, сраженій — или же загорались любовью, тоской, безпокойствомъ, искрились, какъ звѣзды, въ весеннюю ночь.

Невольно она такъ преображалась подъ наплывомъ воспоминаній пьесъ и ролей, что забыла обо всемъ и даже не обращала вниманія на служителей, проходившихъ около.

Чувствовала себя охваченной священнымъ пламенемъ искусства, дрожь, такъ хорошо знакомая всѣмъ настоящимъ артистамъ, охватила ее всю...

Вся сосредоточилась въ этомъ блаженствѣ душъ возвышенныхъ, достигаемомъ погруженіемъ въ экстазъ, въ созерцаніи идеи или впечатлѣнія...

— Вотъ то же дѣлалъ мой Олесь... совсѣмъ то же! — кто-то тихо произнесъ въ кулисахъ со стороны дамской уборной.

Янка въ смущеніи остановилась и подошла ближе.

Тамъ стояла женщина среднихъ лѣтъ и средняго роста, съ высохшимъ лицомъ и суровымъ взглядомъ.

— Вы поступили къ намъ? — отрывисто спросила она и устремила проницательные, круглые, какъ у совы, глаза на Янку.

— Не совсѣмъ еще... Еще должна быть на пробѣ у капельмейстера. Правда, господинъ Цабинскій говорилъ мнѣ, что еще даже до спектакля! — воскликнула она, припоминая.

— Ахъ! У этого пьяницы...

Янка посмотрѣла на нее, удивленная рѣзкостью ея голоса.

— Вы непремѣнно хотите быть у насъ?

— Въ театрѣ? да! Спеціально пріѣхала.

— Откуда? — коротко спросила старая.

— Изъ дому, — отвѣтила Янка; но уже тише и съ нѣкоторымъ колебаніемъ.

— А... вы совсѣмъ свѣжая!.. ну, ну... это любопытно!

— Почему?.. ужъ не то ли, что тотъ, кто любитъ театръ, хочетъ попасть въ него?

— И!.. такъ говоритъ каждая, а изъ дому убѣгаетъ или передъ чѣмъ-нибудь... или для чего-нибудь...

Янка въ голосѣ ея услышала какой-то оттѣнокъ злости, а потому на слова ея ничего не отвѣтила—только потомъ сообразивъ что-то, быстро спросила:

— Не знаете ли вы — завѣдующій оркестромъ придетъ скоро?

— Не знаю! — сердито пробормотала старуха и отошла.

Янка снова осталась одна; подвинулась за кулисы, такъ какъ на сценѣ растягивали большое навощенное полотно. Безсознательно слѣдила за этой работой, когда старуха появилась снова и спокойно ей сказала:

— Я вамъ кое-что посовѣтую... Нужно директора расположить на свою сторону.

— Если бы я знала какъ?

— Имѣете вы деньги?

— Имѣю; но...

— Если послушаетесь — посовѣтую.

— Всякій совѣтъ приму съ благодарностью; никого вѣдь не имѣю, не знаю, къ кому обратиться. Помогите мнѣ, прошу васъ отъ всего сердца!

Надо его немного подпоить, и проба сойдетъ хорошо.

Янка удивленно взглянула на нее; не понимала, что это должно значить.

Старуха улыбнулась съ сожалѣніемъ.

— Вы, какъ я вижу, не понимаете?.. но кто не можетъ постигнуть такой вещи, какимъ способомъ всюду протереться, тотъ не долженъ быть въ театрѣ!

— Но я говорила съ директоромъ... онъ обѣщалъ мнѣ. Что же нужно еще?

— Ха, ха! — тихо разсмѣялась — ха, ха! Вотъ коровка.

Но сейчасъ же шепнула ей:

— Идемъ въ уборную... объясню вамъ...

Потянула ее съ собой, а затѣмъ, застегивая на манекенѣ платье, сказала:

— Мы должны познакомиться.

— Орловская, — сказала Янка.

— Псевдонимъ или фамилія? — спросила, задерживая ея руку.

— Фамилія, — отвѣтила, раздумывая, не лучше ли бы было обзавестись псевдонимомъ.

— А я — Совинская. Могу помочь вамъ во всемъ. Хотя я только театральная портниха, но дѣлаю и то, и

другое, что понадобится. Дочь моя имѣетъ магазинъ нарядовъ, если вамъ что-нибудь нужно, прошу къ намъ.

Голосъ ея былъ мягокъ, и было видно, что льститъ, подслуживается — хочетъ войти въ довѣріе.

— Ну-съ, такъ какъ же съ этимъ директоромъ?

— Нужно купить ему коньяку. Да!.. — прибавила черезъ секунду — коньяку, пива и закуску, хватитъ пожалуй, а если нѣтъ, такъ прочее попроситъ самъ.

— Сколько же это будетъ стоить?

— Думаю, что за три рубля угощеніе будетъ на славу. Дайте мнѣ, я ужъ все устрою. Надо итти сейчасъ, такъ какъ уже время.

Янка дала денегъ.

Совинская вышла и черезъ какіе-нибудь четверть часа вернулась, запыхавшись.

— Ну хорошо, все!.. Пойдемъ, директоръ ждетъ

За залой ресторана былъ кабинетъ съ фортепіано — тамъ и происходила проба голоса и репетиціи.

Хальтъ — красный и заспанный, ждалъ уже.

— Цабинскій говорилъ мнѣ о васъ...—началъ онъ,— что умѣете пѣть?.. Уфъ! какъ жарко!.. Откройте окна? — обратился къ Совинской.

Янкѣ показался подозрительнымъ его хриплый голосъ и разгорѣвшееся лицо; но сѣла къ фортепіано, не зная, что выбрать.

— А!.. вы играете?..— очень удивился онъ.

— Да... — отвѣтила и начала играть какое-то вступленіе, не замѣчая знаковъ Совинской.

— Спойте что-нибудь, хочу только услышать голосъ... Можете пѣть соло?

— Директоръ... я хочу въ драму, наконецъ, чувствую призваніе и къ комедіи; но не въ оперу.

— Объ оперѣ и не говоримъ...

— А о чемъ же?

— Объ опереткѣ! — крикнулъ онъ, упрямо ударяя себя по колѣну. — Пойте! не имѣю времени и сгорю отъ жары.

Затянула дрожащимъ отъ волненія голосомъ какую-то пѣсню Тости. Директоръ слушалъ; но смотрѣлъ на Совинскую, указывая на спаленныя губы.

Когда Янка кончила, крикнулъ:

— Хорошо... мы васъ примемъ... Удираю, а то сжарюсь.

— Быть можетъ, вы... выпьете съ нами... чего-нибудь... — произнесла Янка робко, понявъ наконецъ знаки Совинской.

Сначала отказывался; но въ концѣ-концовъ остался.

Старуха велѣла гарсону принести полбутылки коньяку, три бутылки пива и закуску, а затѣмъ, быстро выпивъ свою кружку, вышла, ссылаясь на что-то забытое ею въ уборной.

Хальтъ съ кресломъ подвинулся ближе.

Янка, смущенная этимъ пребываніемъ съ глазу на глазъ, не знала, о чемъ говорить.

— Хм!.. голосъ, красивый голосъ... — сказалъ онъ, положивъ ей на колѣни свою большую красную руку, а другой наливая въ пиво коньякъ.

Отодвинулась немного, непріятно задѣтая такой фамильярностью.

— Можете пойти хорошо... я вамъ помогу...

Духомъ опорожнилъ стаканъ.

— Если бы вы были такъ любезны... — шепнула, отодвигаясь еще дальше, такъ какъ совсѣмъ близко чувствовала его дыханіе, пропитанное алкоголемъ, и мутный взоръ его какъ бы сжималъ ее въ объятіяхъ...

— Постараемся ужъ... Я займусь вами!

И сразу, безъ всякой церемоніи, противникомъ которой былъ всегда, обнялъ ея станъ и привлекъ къ себѣ.

Оттолкнула его съ такой силой, что онъ упалъ на столъ, и бросилась къ двери, готовясь кричать.

— Фи! останьтесь... Очень глупо!.. останьтесь! Хотѣлъ заняться вами, помочь; но разъ вы такъ глупы, то и торчите въ хорахъ до смерти!

Допилъ остатки коньяку и вышелъ.

Подъ верандой сидѣли Цабинскій и режиссеръ.

— Есть голосъ? — спросилъ первый, видя, какъ Янка направлялась въ кабинетъ.

— Сопрано?

— Хо, хо! почти невѣроятно — альтъ!

Янка почти цѣлый часъ сидѣла въ кабинетѣ, будучи не въ силахъ успокоиться и подавить въ себѣ возмущеніе и злость, которыя охватили ее такъ сильно, что, минутами, казалось, она готова была итти за нимъ и чѣмъ-нибудь, что попадетъ подъ руку, разбить ему голову и бить... бить до смерти!

То, что произошло съ нею, было такъ грубо, такъ подло, что стыдъ залилъ ей глаза слезами горькаго униженія. Она почти не вѣрила, что что-либо подобное могло произойти съ нею.

Были мгновенія, когда она срывалась съ мѣста, какъ бы намѣреваясь бѣжать изъ этихъ стѣнъ, отъ этихъ

людей; но со стономъ опускалась на прежнее мѣсто— вспоминая, что вѣдь она — бездомна.

— Куда?.. и зачѣмъ?.. Останусь!.. перенесу все, разъ должна терпѣть, но все-таки добьюсь того, чего хочу... должна! — говорила она себѣ энергично — должна!

Итакъ она рѣшила быть упорной. Готовила силы для сраженія съ жизнью, съ неуспѣхомъ, съ препятствіями, съ цѣлымъ свѣтомъ, злымъ и враждебнымъ— и видѣла себя на вершинѣ славы и упоенія побѣдой; но уже не видѣла въ этомъ счастья, нѣтъ! — такъ какъ еще тамъ высилась другая вершина, болѣе величественная, на которую карабкались люди.

— Хорошо же я заплатила за принятіе въ театрѣ!— сказала она сама себѣ, направляясь за кулисы.

Совинская подбѣжала къ ней, смотрѣла ей въ глаза и хотѣла незамѣтно что-то выспросить, но Янка сама сказала ей съ презрѣніемъ:

— Благодарю васъ за совѣтъ и за... то, что оставили меня одну съ этимъ скотомъ.

— Я торопилась... вѣдь не съѣстъ же онъ васъ... это добрый человѣкъ...

— Тогда оставьте свою дочь этому доброму человѣку! — сказала она рѣзко.

— Моя дочь не — актриса, — отвѣтила старуха.

— А это ничего... только урокъ — шепнула Янка, отходя отъ Совинской.

Она встрѣтила Цабинскаго и, приблизившись къ нему, спросила:

— Примете меня?

— Вы уже въ нашемъ товариществѣ. О жалованьѣ условимся на-дняхъ.

— Что же вы мнѣ дадите для перваго выхода? Я хотѣла бы играть Клару въ «Горнозаводчикѣ».

Цабинскій быстро оглянулся и закрылъ ротъ рукой, боясь разсмѣяться.

— Скоро... скоро... вы должны сначала ознакомиться со сценой. А пока вы будете выступать въ хорѣ. Хальтъ говорилъ мнѣ, что вы играете на фортепіано—знаете ноты. Завтра получите партію оперстокъ, которыя мы ставимъ, и получите хоры.

Янка хотѣла еще что-то сказать, но Цабинскій повернулся и отошелъ.

— Комедіантка, или дѣйствительно сумасшедшая!..—прошепталъ онъ, внезапно останавливаясь; улыбнулся, махнулъ рукой и пошелъ въ садъ.

Янка направилась въ уборную; но едва она пріоткрыла дверь, какъ кто-то толкнулъ ее, захлопнулъ двери передъ самымъ носомъ, и сказалъ со злостью:

— Наверхъ! тамъ хористки!

Въ гнѣвѣ, который охватилъ ее, хотѣла она ударить въ дверь; но только сжала губы и пошла наверхъ.

Уборная хористокъ была узкая, длинная и низкая комната. Цѣпи газовыхъ, безъ абажуровъ лампочекъ горѣли надъ простыми изъ досокъ столами, уставленными въ три ряда. Стѣны были изъ неструганныхъ, некрашенныхъ досокъ, исписаны фамиліями, числами, остротами и карикатурами углемъ или красной краской.

На свободной стѣнѣ висѣли цѣлыя кучи платьевъ и костюмовъ.

Съ двадцать раздѣтыхъ женщинъ сидѣло предъ зеркалами всевозможныхъ размѣровъ, и у каждой горѣли свѣчи.

Янка, увидѣвъ недалеко отъ дверей незанятый столикъ, подсѣла къ нему и стала наблюдать.

— Извините, это мое мѣсто! — сказала какая-то полная брюнетка.

Янка стала рядомъ.

— Вы пришли къ кому-нибудь? — спросила та же, натирая лицо вазелиномъ и пудрясь.

— Нѣтъ. Я пришла въ уборную. Я — въ труппѣ — сказала довольно громко.

— Да?

Надъ столомъ приподнялось нѣсколько головъ, и нѣсколько паръ глазъ устремились на нее.

Янка назвала брюнеткѣ свою фамилію.

— Господа! — фамилія этой новой Орловская. Познакомьтесь! — крикнула брюнетка.

Нѣкоторыя изъ близко сидящихъ протянули ей руки и со своей стороны рекомендовались.

— Лода, одолжи мнѣ пудры.

— Купи себѣ!

— Совинская! — кричала одна черезъ дверь, внизъ, въ уборную солистокъ.

— Знаете, встрѣтила того самаго франта... Иду это я себѣ по Новому Свѣту.

— Сказки... Тоже, подумаешь, побѣжитъ кто за такимъ чортомъ!

— Купила себѣ приборъ... смотрите! — воскликнула маленькая, очень хорошенькая блондинка.

— Онъ купилъ?

— Ей Богу — нѣтъ!.. купила себѣ на свои сбереженія...

— Какъ бы не такъ! О! повѣрили... Ужъ не тотъ ли типъ дѣлаетъ для тебя сбереженія?..

— Совсѣмъ лиловое!.. свободная блузка съ кокеткой изъ кремовыхъ кружевъ, гладкая юбка, внизу рюшью... шляпа съ фіалками... — разсказывала одна, надѣвая черезъ голову балетную юбочку.

— Эй ты, лиловая, послушай... когда отдашь полтинникъ, мнѣ нужны...

— Возьму послѣ спектакля и отдамъ... честное слово.

— Ага! Дастъ тебѣ Цабанъ, какъ же.

— Право же говорю вамъ — прихожу въ отчаяніе... Кашлялъ уже немного... думала ничего... а тутъ вчера смотрю ему въ горлышко... бѣлыя пятна... Побѣжала за докторомъ... осмотрѣлъ и говоритъ: дифтеритъ! Сидѣла при немъ всю ночь, мазала каждый часъ; не могъ ничего говорить, только пальчикомъ показывалъ, что больно... и слезки такъ по личику и текутъ, думала, умретъ! Осталась при немъ дворничиха, хочу раздобыть немного денегъ... заложила салопъ, и все мало и мало! — разсказывала своей сосѣдкѣ худая актриса съ лицомъ красивымъ, но изнуреннымъ страданіемъ и нуждой; дѣлала на головѣ прическу, подкрашивала посинѣвшія губы и карандашомъ поддѣлывала вызывающее выраженіе своимъ измученнымъ безсонницей и слезами глазамъ.

— Леля! твоя мать спрашивала меня сегодня о тебѣ.

— Это вѣрно не обо мнѣ. Давно у меня нѣтъ матери.

— Ну, не разсказывай! Майковская вѣдь отлично знаетъ васъ и видѣла вмѣстѣ на Маршалковской.

— Майковская должна была бы купить себѣ очки, разъ слѣпа... Я шла со сторожихой въ городъ.

Принялись смѣяться. Та, что такъ отрекалась отъ своей матери, потушила свѣчу и взволнованная вышла вонъ.

— Стыдится матери. Правда, такая мать!

— Простая женщина. Вѣдь компрометируетъ, могла бы хоть при людяхъ попридержать свою чувствительность.

— Какъ? мать можетъ компрометировать дочь? какъ можно стыдиться матери?..—воскликнула Янка, до сихъ поръ сидѣвшая молча и прислушивавшаяся ко всѣмъ этимъ разговорамъ, долетавшимъ до нея,—но послѣднія слова возмутили ее.

— Вы еще настоящій теленокъ и ничего не знаете,—отвѣтило ей нѣсколько голосовъ.

— Можно?—спросилъ снаружи мужской голосъ.

— Нельзя! нельзя!—закричали энергично.

— Зелинская! пришелъ твой редакторъ.

Высокая, полная хористка, шелестя юбками, прошла черезъ уборную.

— Шенская! подсмотри-ка за ними.

Шенская высунулась; но тотчасъ же вернулась.

— Пошли внизъ.

На сценѣ сильно зазвенѣлъ звонокъ.

— На сцену! — крикнулъ въ двери одинъ изъ служащихъ. — Сейчасъ начинаемъ.

Поднялась невѣроятная суматоха. Кричали всѣ въ одинъ голосъ, бѣгали, вырывали другъ у друга шпильки, щипцы, пудрились, ссорились изъ-за каждой мелочи, тушили свѣчи, поспѣшно запирали несессеры и толпою сбѣгали внизъ, такъ какъ прозвучалъ второй звонокъ.

Янка сошла послѣдней и стала въ кулисахъ.

Представленіе началось.

Играли какую-то полуволшебную оперетку.

Не узнала ни этихъ людей, ни театра — такъ все измѣнилось, похорошѣло подъ пудрой, румянами и свѣтомъ!

Музыка тихими, нѣжными звуками флейты полилась изъ тишины, которая царила въ театрѣ и, сладко волнуя ее, проникала въ душу... а потомъ танецъ... какой-то упоительно-мягкій, чувствительный, обвивалъ ее чарами, колыхалъ и тянулъ на волны ритма, охватывающаго восхитительной нѣгой...

Янка чувствовала, что ее все больше тянетъ въ какой-то водоворотъ свѣта, пѣсни и зарницъ. Ея стремительную и чувственную натуру, страдавшую среди старыхъ людей и будничной жизни, ослѣплялъ этотъ театръ.

Почти такимъ онъ былъ въ ея душѣ: полнымъ свѣта, музыки, раздражающихъ возгласовъ, сильныхъ красокъ и пылкихъ чувствъ, проявляющихся какъ громъ.

Всего этого здѣсь не было; но ея фантазія энтузіастки ткала изъ нитей окружавшаго сейчасъ міра во сто разъ прекраснѣйшіе, и она сама была ослѣплена

красотой собственнаго творенія. Звуки скрипокъ охватывали ее тепломъ и заливали дрожью невыразимаго счастья.

Ей казалось, что она видитъ старыя народныя сказки, что находится въ кругу русалокъ и нимфъ, что эти грубо накрашенныя женщины, танцующія на натертомъ мѣломъ полотнѣ съ упорствомъ шансонистокъ какое-то разнузданное «pas»,—фантастическія тѣни, танцующія гдѣ-то въ глубинѣ водъ. Электрическій свѣтъ разливалъ какую-то еле замѣтную, искрящуюся мглу и мигалъ брилліантовыми огоньками на золотыхъ блесткахъ, на костюмахъ танцовщицъ.

Удушливый запахъ развѣянной пудры туманилъ ее; а изъ залы плылъ цѣлый потокъ разгоряченнаго дыханія, похотливыхъ взглядовъ и магнетической волной врѣзывался въ сцену — потопляя въ забвеніи все, что не было пѣсней, музыкой и упоеніемъ.

Театръ все больше и больше началъ принимать контуры галлюцинаціи наяву.

Когда дѣйствіе кончилось и раздался громъ аплодисментовъ, Янка почти лишилась сознанія.

Наклонила голову, жадно улавливая этотъ шумъ, подобный зарницамъ и какъ онѣ ослѣпляющій душу. Всей грудью и мощью души, жаждущей славы, впивала она въ себя эти крики развеселившейся публики. Ей казалось, что она уносится за предѣлы вселенной, что порвала со всѣмъ, что ничтожно, бѣдно, буднично, и опомнилась только тогда, когда услышала на поспѣшно убираемой сценѣ гулъ голосовъ.

Волшебное видѣніе исчезло. На сценѣ вертѣлись люди, безъ жилетовъ — въ рубашкахъ; мѣняли кули-

сы, разставляли мебель, прибивали, работали; увидѣла грязныя головы рабочихъ, ихъ помятыя, некрасивыя лица, грубыя рабочія руки и тяжеловѣсныя фигуры.

Провела рукой по лбу, какъ бы желая убѣдиться, что не спала; кто-то толкнулъ ее, отодвинулъ, прошелъ рядомъ, волоча тяжелый инструментъ.

Вышла на сцену и сквозь небольшое отверстіе въ занавѣсѣ заглянула въ черную, набитую публикой залу. Увидѣла сотни головъ — молодыхъ, женскихъ, улыбающихся, еще возбужденныхъ музыкой и поворачичивающихся со свободной граціей; мужчины въ черныхъ костюмахъ представляли какъ бы пятна, правильно разбросанныя на свѣтломъ фонѣ туалетовъ.

Внимательно смотрѣла на эту публику, которую считала могущественнымъ ареопагомъ, — рѣшающимъ все въ области искусства — ареопагомъ, который даритъ аплодисменты, успѣхъ, славу — или же проваливаетъ...

Помнила великолѣпно, съ какимъ уваженіемъ Крепска разсказывала о публикѣ. Любопытно скользила глазами по этимъ лицамъ, губамъ, взглядамъ — какъ бы желая угадать, что говорятъ объ искусствѣ и артистахъ; но ничего не слышала, кромѣ нестройнаго, какъ на ярмаркѣ, гула голосовъ; иногда долеталъ громкій смѣхъ, или звонъ стакановъ на верандѣ, или же громкій зовъ:

— Человѣкъ! пива!

Почувствовала еще большее разочарованіе, когда увидѣла, что публика эта имѣетъ лица такія, какъ у Гржесикевича, отца, окрестныхъ знакомыхъ, лица учителей гимназіи, пансіона, телеграфиста изъ Буковинъ.

Сначала ей это показалось просто невѣроятнымъ.

— Какъ?.. она знала вѣдь хорошо, что должна думать о тѣхъ; классифицировала ихъ давно, это — кретины, дураки, пошляки, гуси лапчатые, пьяницы, сплетники, насѣдки; маленькія и мелкія душонки; толпа обыкновенныхъ потребителей хлѣба, погрязшихъ въ мелкомъ болотѣ интересовъ прозябанія и вегетаціи.

И эти люди, которые наполняли театръ и аплодировали, о которыхъ она думала раньше, какъ о полубогахъ, могутъ быть тѣмъ же, что и тѣ? — спрашивала она самое себя, находя въ нихъ все больше и больше чертъ сходства...

Обладала огромной интуиціей, выработанной одиночествомъ, и видѣла многое.

— Сударыня! — произнесъ кто-то рядомъ. Отняла лицо отъ занавѣса. Рядомъ стоялъ молодой, красивый и элегантный юноша; дотрогивался рукой до цилиндра и шаблонно улыбался.

— На одну минуточку только... — сказалъ.

Немного отодвинулась.

Взглянулъ и отошелъ.

— Извините... очень извиняюсь...

— О, пожалуйста. Я уже довольно насмотрѣлась.

— Не особенно интересный видъ, а? Филистеры первой пробы; бакалейщики и сапожники!.. Вы думаете они пришли слушать, думать, наслаждаться искусствомъ? О, нѣтъ! — пришли показаться, похвастаться нарядами, поужинать и убить какъ-нибудь время.

— Кто же приходитъ только ради искусства? Кого оно интересуетъ?

— Здѣсь — никого! Въ Большомъ, въ «Rozmai-

losc'яхъ» *) тамъ еще, пожалуй, найдется горсточка людей, правда, очень небольшая, любящая искусство и только ради него являющаяся въ театръ. Я уже не разъ поднималъ этотъ вопросъ въ печати.

— Редакторъ, дайте-ка папиросу! — крикнулъ изъ кулисъ какой-то актеръ.

— Къ вашимъ услугамъ — и съ очень любезной миной онъ протянулъ серебряный портсигаръ въ формѣ нотеса.

Янка отодвинулась немного и смотрѣла на редактора съ любопытствомъ и уваженіемъ. Людей этихъ она знала только по наслышкѣ, по благоговѣнію, которымъ окружали ихъ въ провинціи, а потому въ умѣ у нея сформировался какой-то идеальный типъ человѣка, который представляетъ изъ себя совокупность добродѣтелей и учебникъ общественныхъ мыслей; въ которомъ должны горѣть талантъ, умъ и благородство.

Смотрѣла на него съ удивленіемъ, восхищенная тѣмъ, что имѣетъ возможность увидѣть близко такого человѣка.

Какъ часто въ деревнѣ, подъ вѣчные, однообразные разговоры о хозяйствѣ, хлопотахъ, политикѣ, дождѣ и погодѣ—она мечтала о томъ другомъ мірѣ, о тѣхъ другихъ людяхъ, которые будутъ говорить объ идеяхъ, искусствѣ, человѣчествѣ, о прогрессѣ и поэзіи, — которые не умерщвляютъ въ себѣ эти великіе лозунги, которыми питается свѣтъ и которымъ онъ слѣдуетъ.

Теперь же ей хотѣлось, чтобы этотъ редакторъ еще

---

*) Драматическій городской театръ въ Варшавѣ.

не уходилъ и съ минуту поговорилъ съ нею. Редакторъ снова обратился къ ней:

— Вы, вѣрно, недавно въ труппѣ; не имѣлъ счастья видѣть васъ?

— Только сегодня ангажирована.

— А передъ тѣмъ играли?

— Нѣтъ, на настоящей сценѣ никогда!.. Выступала только въ любительскихъ спектакляхъ.

— Такъ начинаютъ почти всѣ драматическіе таланты. Знаю это, знаю! Объ этомъ не разъ напоминала мнѣ Модржевская — сказалъ онъ съ снисходительной улыбкой.

— Редакторъ... къ своимъ обязанностямъ! — крикнула Качковская, протягивая ему руки.

Редакторъ, не застегивая пуговицъ у перчатокъ, нѣсколько разъ поцѣловалъ обѣ руки, получилъ шлепки и снова очутился у занавѣса.

— Итакъ, въ первый разъ?.. Всего вѣроятнѣе, дѣло обстоитъ такъ: родные... сопротивляются... безповоротное рѣшеніе... заколоченная досками провинція... первый выходъ въ любительскомъ... страхъ... успѣхъ... искра Божія... мечты о настоящей сценѣ... слезы... безсонныя ночи... борьба съ окружающими.... наконецъ разрѣшеніе... а то быть-можетъ таинственное бѣгство ночью... страхъ... безпокойство... восхищеніе — искусство... божественность! — говорилъ быстро, телеграммнымъ стилемъ, редакторъ.

— Вы почти угадали, господинъ редакторъ... такъ было и со мной.

— Видите, сразу угадалъ. Наблюдательность прежде всего! Возьмемъ васъ подъ свое покровительство, даю

слово! Сначала только маленькая замѣтка, потомъ нѣсколько подробностей подъ сенсаціоннымъ заглавіемъ, затѣмъ статья побольше, о новой восходящей звѣздѣ на горизонтѣ драматическаго искусства, — быстро летѣлъ онъ дальше, — поднимается шумъ, всеобщее удивленіе!.. люди будутъ захвачены... директора будутъ вырывать васъ другъ у друга, а черезъ годъ — два... Варшавскій театръ!

— Но, господинъ редакторъ, вѣдь никто меня не знаетъ; никто не знаетъ, имѣю ли я талантъ къ сценѣ...

— Вы имѣете талантъ, даю слово! Мнѣ говоритъ это интуиція; чувствамъ не вѣрьте, разсужденій держитесь подальше, разсчеты выбросьте за окно — одной вѣрьте интуиціи!

— Подите-ка сюда! — позвалъ кто-то редактора.

— До свиданія! до свиданія!

Пославъ воздушный поцѣлуй, онъ дотронулся рукой цилиндра и исчезъ.

Янка встала; но та же интуиція, о которой говорилъ онъ, ей подсказывала, что она не должна принимать словъ его серьезно.

Онъ показался ей какимъ-то черезчуръ легкомысленнымъ и судящимъ поспѣшно; это обѣщаніе замѣтокъ, статей, увѣренія въ талантѣ были очень странны. Даже лицомъ, движеніями и щебетаніемъ онъ напомнилъ ей нѣкоего Осю — въ окрестностяхъ Буковицъ, извѣстнаго мотыля и краснобая.

Началось второе дѣйствіе.

Смотрѣла; но уже безъ того энтузіазма; оно уже не увлекало такъ, какъ первое. Была недовольна сво-

имъ охлажденіемъ и тѣмъ, что не могла уже впасть въ тотъ экстазъ.

— Какъ нравится вамъ нашъ театръ? — спросила знакомая брюнетка изъ хора.

— Очень, — отвѣтила.

— Ба, театръ, это въ родѣ — чумы, коль словитъ кого, такъ и аминь! — твердо прошептала брюнетка.

За кулисами, почти во всѣхъ темныхъ проходахъ, за декораціями, было полно народу.

Актеры стояли въ проходахъ; какія-то парочки прятались въ темнотѣ; шопотъ, тихій смѣхъ раздавались всюду.

Режиссеръ, старый, лысый, въ жилеткѣ и безъ воротника, съ сценаріемъ въ одной рукѣ и звонкомъ въ другой бѣгалъ въ глубинѣ сцены по разнымъ направленіямъ.

— На сцену!.. Сейчасъ вамъ выходить!.. выходить! — кричалъ онъ, вспотѣвшій, разгоряченный, и снова летѣлъ, извлекалъ изъ уборныхъ нужныхъ для выхода на сцену, ставилъ ихъ почти у дверей, сзади или сбоку сцены, слушалъ, что говорятъ на сценѣ, смотрѣлъ въ щели полотняныхъ дверей и въ слѣдующую минуту шепталъ:

— Выходить!

Янка видѣла, какъ разговоръ прерывался на полусловѣ, какъ актеры внезапно убѣгали, ставили недопитые стаканы, бросали все и бѣжали къ выходу, молча и неподвижно ожидая своей очереди, иногда взволнованно шептали слова роли, входили въ ея характеръ; видѣла дрожаніе губъ, дрожаніе ногъ и вѣкъ, внезап-

ную блѣдность подъ слоемъ пудры и румянъ, разгоряченные взгляды...

— Выходите! — раздавалось какъ ударъ кнутомъ.

Почти каждаго внезапно охватывала дрожь, лицо быстро мѣнялось въ соотвѣтствующее настроеніе; актеръ нѣсколько разъ крестился и выходилъ.

Сколько бы разъ ни открывалась дверь на сцену, всякій разъ нервной дрожью охватывала Янку волна этого страннаго огня, полнаго взглядовъ и дыханій, плывущихъ къ ней отъ публики.

Снова она начала проникаться ролью и впадать въ галлюцинаціи: этотъ сумракъ, искрящіяся краски, вдругъ выплывающія оттуда, окутанныя свѣтомъ волны невидимой музыки, отзвуки пѣсни, разливающейся по темнымъ закоулкамъ, осторожные шаги, странные шелесты, люди, охваченные лихорадкой, сверкающіе глаза, общая возбужденность, гремящіе аплодисменты, словно отдаленный ливень, полосы сверкающаго свѣта, туманъ темноты; давка, бренчаніе патетичныхъ словъ, трагическіе возгласы, содроганіе рыданій, стоновъ, плача — цѣлая мелодрама, разыгрываемая напыщенно и крикливо, — все это опьяняло ее какой-то лихорадкой, но не такой, какъ въ первомъ дѣйствіи; лихорадкой энергіи и дѣйствія: она играла заодно со всѣми, страдала съ тѣми картонными богатырями, безпокоилась съ ними, любила, какъ они; чувствовала передъ выходомъ страхъ, въ извѣстные моменты патетичной игры была восхищена; нѣкоторые слова и возгласы охватывали ее дрожью, такой странной и болѣзненной, что на глазахъ выступали слезы и слабый крикъ срывался съ губъ

Въ антрактахъ къ ней возвращалась ея уравновѣшенность, и она приступала къ размышленіямъ.

Народу изъ публики появлялось за кулисами все больше.

Коробки съ конфетами, букеты, отдѣльные цвѣты переходили изъ рукъ въ руки.

Пили пиво, водку, коньякъ; появился подносъ съ тартинками и былъ расхватанъ въ одну минуту.

Раздался свободный смѣхъ, пьяныя остроты, какъ ракеты, лопались въ воздухѣ. Нѣкоторыя хористки переодѣвались въ свои обыкновенныя платья и шли въ садъ.

Видѣла актеровъ въ одномъ бѣльѣ, скитающихся по уборнымъ; женщины въ нижнихъ, бѣлыхъ юбкахъ, полураздѣтыя, съ голыми плечами, выбѣгали на сцену смотрѣть изъ-за занавѣса на публику. Увидя чужихъ, прятались, какъ бы конфузясь. Вскрикивали, кокетливо улыбались и убѣгали, бросая вызывающіе взгляды.

Ресторанные лакеи, горничныя, машинисты, бѣгали, какъ борзые, и каждую минуту только и слышалось:

— Совинская!

— Портной!

— Реквизиторъ!

— Брюки и пелерину!

— Папку на сцену и письмо!

— Вацекъ!.. бѣги за директоромъ, чтобы одѣвался къ послѣднему дѣйствію!

— Ставить сцену!

— Вацекъ!.. пришли мнѣ краски, пива и тартинокъ!..—кричала одна черезъ сцену мужчинамъ.

Въ уборныхъ хаосъ; поспѣшное раздѣваніе, лихорадочное подкрашиваніе почти растопившимися отъ жары красками, ссоры...

— Когда будете, сударь, проходить по сценѣ у меня передъ самымъ носомъ, то клянусь, я толкну васъ!

— Толкайте свою собаку!.. Мнѣ полагается такъ по роли!.. прочтите...

— Вы нарочно заслоняете меня.

— А что! только выглянулъ и раздался шопотъ.

— Зашумѣлъ вѣтеръ, а ему показался уже шопотъ.

— Былъ шумъ... восхищеніе, рвался, какъ звѣрь.

— Какъ ему не рваться, когда Добинъ суфлируетъ такъ, чтобы его прихлопнуло...

— Подсказывайте вы — я перестану... посмотримъ, какой будетъ у васъ видъ! Слово за слово кладу въ уши, какъ лопатой, ничего!.. кричу такъ, что Хальтъ слышитъ... а онъ все стоитъ!

— Я всегда все хорошо знаю; вы нарочно меня «кладете».

— Пускай господинъ пыль умѣньемъ своимъ въ глаза не пускаетъ, — произнесъ кто-то съ жидовскимъ акцентомъ.

— Эй портной! шпагу, поясъ и шляпу... скорѣй!

— ...Марія! если скажешь: уходи... пойдутъ со мной ночь, страданіе, одиночество и слезы... Марія! Развѣ ты не слышишь меня?.. это голосъ сердца, любящаго тебя... это голосъ...— говорилъ Владекъ, съ ролью въ рукахъ разгуливая по уборной и величественно жестикулируя; онъ былъ глухъ ко всему, что творилсь вокругъ.

— Не кричи, Владекъ! достаточно накричишься и настонешься на сценѣ, даже уши болятъ.

— Кажется, что у этого молодца исчезла способность ко всему, остался только органъ рѣчи.

— Скажи, рычаніе...

— Господа! не видѣли вы случайно Петруся? — спросила одна типичнаго вида особа, просовывая голову.

— Господа, загляните-ка подъ столъ, не сидитъ ли тамъ Петрусь?

— Сударыня... Петрусь пошелъ въ кабинетъ съ какой-то очень красивой особой.

— Убейте его!.. измѣнникъ!

Раздавались сопровождаемые смѣхомъ отвѣты.

Особа исчезла, и уже на другой сторонѣ было слышно, какъ она спрашивала всѣхъ:

— Петрусь не здѣсь?

— Она когда-нибудь взбѣсится отъ ревности!

— Порядочная женщина!

— Ничего, что глупа со своей ревностью къ спокойнѣйшему въ мірѣ человѣку.

— Какъ поживаете, редакторъ?

— О, редакторъ!.. это уже какъ бы пиво и папиросы.

— А, нашъ меценатъ! добрый вечеръ!

— Что слышно въ кассѣ?

— Великолѣпно! все распродано: Гольдъ куритъ сигару.

— Слава Богу! а cont'ы будутъ больше.

— Болекъ! какъ живешь? Не входи сюда, а то растопишься какъ масло... У насъ здѣсь Африка въ миніатюрѣ.

— Сейчасъ прохладимся, заказалъ пиво...

— Всѣ на сцену! Народъ на сцену! капелланы на сцену! войско на сцену! — кричалъ сценаріусъ, бѣгая по уборнымъ.

Черезъ минуту, кромѣ лицъ изъ публики, не было никого, всѣ побѣжали на сцену.

Послѣ представленія, возвращаясь въ гостиницу, Янка почувствовала, что сильно утомлена впечатлѣніями. Номеръ ея показался ей еще болѣе жалкимъ, такимъ пустымъ и скучнымъ, что она сейчасъ же легла спать, хотя заснуть не могла.

Чувствовала въ мозгу шумъ, крики, мельканіе образовъ, блескъ красокъ и отрывки музыкальныхъ фразъ; чувствовала въ себѣ весь этотъ проведенный въ театрѣ вечеръ. Хотѣла думать о домѣ, о Буковицахъ; но эти насильно извлекаемыя воспоминанія уступали мѣсто инымъ, новымъ.

Прошлое блѣднѣло, отрывалось, какъ бы погружаясь въ мракъ забвенія; она смотрѣла на него сквозь призму сегодняшнихъ впечатлѣній, и оно казалось ей такимъ чужимъ, безмѣрно сѣрымъ, вѣющимъ холодомъ, такъ что въ душѣ почувствовала какъ бы сожалѣніе къ себѣ самой. Погружалась въ полудрему, просыпалась разбуженная криками браво, смѣхомъ и музыкой... Садилась на кровати, оглядывала пустую комнату, слегка позолоченную лучами разсвѣта, пробивающимися изъ-за крышъ домовъ.

Иногда засыпала крѣпче, и тогда снилось ей, что она слышитъ грохотъ поѣздовъ, пролетающихъ подъ окнами, электрическіе звонки; трубки сторожей, сигнализирующія пассажирскіе поѣзда.

— Изъ Кѣльцъ пассажирскій!.. — думала она, и ви-

дѣла помощника отца, разгуливающаго по платформѣ въ бѣлыхъ перчаткахъ, застегнутаго на всѣ пуговицы, крѣпкаго.

Мечты ея прерывались и перемѣшивались... Видѣла отца... потомъ опять казалось, что спитъ; чувствовала, что сейчасъ должна встать, такъ какъ красное солнце, какъ щитъ виситъ на небѣ, и его острые лучи жгутъ лицо.

— Еще немного... еще немного!.. — всѣ будто просили кого-то, и она чувствовала себя такой сонной... такой сонной!

Во снѣ вскрикнула вдругъ, такъ какъ увидѣла фавна изъ Лазенокъ; онъ гримасничалъ, издѣвался и танцовалъ, а надъ нимъ сплющеннымъ видѣніемъ клубился театръ: Цабинскій, редакторъ, Совинская, всѣ!.. а фавнъ скакалъ по ихъ тѣламъ, танцовалъ на головахъ; на плечахъ его былъ накинутъ горностаевый плащъ, и онъ, развѣвая его, смѣялся непрерывно и долго, а люди подъ нимъ жались, кричали; глаза плакали, вытянутыя руки хватались за плащъ, уста полуоткрытыя манили, и на лицахъ мѣняли какія-то страшныя маски... Чувствовала, что и ее толкаетъ въ этотъ водоворотъ, что должна сопротивляться, но руки тѣхъ хватаютъ ее... и уже кружилась съ ними...

Было послѣ девяти, когда она проснулась, утомленная и почти безъ памяти; сразу не могла сообразить, гдѣ она и что это за комната?

Но скоро пришла въ себя. Вспомнила все по порядку и то, что нынче должна получить свою партію въ хорѣ. Она быстро одѣлась.

Отъ вчерашняго восторга въ ней ничего не осталось;

но была только тихая радость и удовлетворенность тѣмъ, что она уже — въ театрѣ. Иногда на этотъ свѣтлый тонъ ея настроенія ложилась какъ бы тѣнь, какъ бы какое-то предчувствіе или невольное воспоминаніе о прошломъ; это было дѣйствіе чего-то непріятнаго, что, хотя и исчезало, но въ глубинѣ души оставляло раздражающіе слѣды.

Быстро выпила чай и уже хотѣла уходить, когда кто-то осторожно постучался въ дверь.

— Прошу! — крикнула она.

Вошла старая, прилично одѣтая еврейка съ большой коробкой подъ мышкой.

— Добраго утра, барышня!

— Здравствуйте! — отвѣтила Янка, удивленная этимъ визитомъ.

— Не купите ли чего-нибудь, барышня? У меня хорошій и дешевый товаръ? Быть можетъ, что-нибудь изъ мелочей? Перчатки, головныя шпильки, массивныя? Разный товаръ, на разныя цѣны, все отличное — парижское!.. — быстро говорила еврейка, выкладывая на столъ содержаніе коробки,— въ то же время ея небольшіе черные глазки съ тяжелыми красными вѣками — ястребиные глаза, все разсматривая, скользили по комнатѣ.

Янка молчала.

— Что вамъ сдѣлается посмотрѣть...— настаивала еврейка. — У меня дешевыя, красивыя вещи! А можетъ лентъ, кружевъ гипюрныхъ, чулокъ?.. можетъ, шелковыхъ платочковъ?

Янка стала разсматривать разложенныя вещи и выбрала нѣсколько локтей какой-то ленты.

— А быть можетъ ваша мама тоже что-нибудь купитъ?.. — бросила еврейка наугадъ, внимательно слѣдя за Янкой.

— Я — одна.

— Однѣ? — протянула еврейка, прищуривая глаза.

— Да! но жить здѣсь не буду, — сказала Янка, какъ бы оправдываясь.

— Не прикажете ли подыскать квартиру? Я знаю одну вдову, которая...

— Хорошо, — прервала ее Янка, — найдите мнѣ комнату при семьѣ на Новомъ Свѣтѣ, близъ театра.

— А барышня изъ театра?.. такъ!

— Да!

— Можетъ, еще что понадобится? Имѣю чудныя вещи и для театра.

— Нѣтъ, ничего не нужно.

— Дешево продамъ... на мою совѣсть, дешево! какъ разъ для театра!

— Ничего мнѣ не нужно!

— Будь я такъ здорова — дешево! Такое собачье время...

Уложила все въ коробку и ближе придвинулась къ Янкѣ.

— Быть можетъ... заработать дадите?

— Ничего не куплю; ничего не нужно! — отвѣтила Янка, выходя изъ терпѣнія.

— Совсѣмъ не о томъ!

Еврейка внимательно присматривалась и наконецъ зашептала:

— Я знаю красивыхъ, молодыхъ мужчинъ... знаете, барышня?.. богатыхъ мужчинъ!.. Это не мое ремесло;

7*

но меня просили... Сами придутъ. Богатые, прекрасные мужчины.

— Что! что? — крикнула Янка, не вѣря ушамъ.

— Зачѣмъ вы кричите?.. можно дѣльце тихо обдѣлать!.. А у меня такой фелеръ въ сердцѣ, что...

— Убирайся, или позову людей, — крикнула Янка, возмущенная до глубины души.

— Какая горячая! Купить, не купить, а поторговаться можно. Я десятки такихъ знала сначала, а потомъ той же Салькѣ руки цѣловали, чтобы только отвести къ кому-нибудь...

Она не кончила, такъ какъ Янка отворила дверь, схватила ее за шиворотъ и выбросила въ коридоръ, за нею полетѣла и коробка съ товаромъ.

Янка заперла двери на ключъ и, ставъ по серединѣ комнаты, старалась понять смыслъ ея словъ.

Потомъ сѣла и долго сидѣла съ чувствомъ какой-то безпомощности и одиночества. Только теперь вдругъ поняла, что она одна, совсѣмъ одна и что въ этой новой жизни она должна сама о себѣ заботиться, что здѣсь нѣтъ отца, нѣтъ знакомыхъ, которые могли бы оградить ее отъ такихъ сценъ и людей; что эта борьба жизни, которую она начала, не только борьба за славу и высшія цѣли, что она должна отстаивать свое человѣческое достоинство и — если не хочетъ погибнуть — должна защищаться.

— Такъ все на свѣтѣ! — думала Янка, направляясь въ театръ, и ей казалось, что уже она прозрѣла, что для нея жизнь не можетъ имѣть много неожиданностей и горечи, въ виду того что она уже столько извѣдала.

Подъ верандой встрѣтила Совинскую и сейчасъ же

какъ могла ласковѣе принялась просить ее указать ей комнату при семьѣ, такъ какъ понимала, что по очень многимъ соображеніямъ жить въ гостиницѣ не можетъ.

— Вотъ хорошо складывается!.. Если пожелаете, то комната имѣется у насъ. Можемъ ее вамъ уступить съ полнымъ пансіономъ, — недорого! Комнатка хорошенькая, внизу, окна на югъ и отдѣльный ходъ изъ передней...

Условились о цѣнѣ. Янка сказала, что можетъ уплатить за мѣсяцъ впередъ.

— Итакъ по рукамъ! У насъ тихо, такъ какъ дочка моя дѣтей не имѣетъ... Пойдемте, осмотрите.

— Ну это, пожалуй, послѣ репетиціи; если же вамъ ждать меня некогда, то оставьте адресъ... я ужъ найду.

Совинская дала ей адресъ и ушла.

Янкѣ вручили ноты, и она приняла участіе въ репетиціи — пѣла по нимъ.

Никто никому ее не представлялъ; но она обратила на себя вниманіе всѣхъ, благодаря одному случаю. Качковская пожелала, чтобы Хальтъ шелъ ей акомпанировать на роялѣ.

— Оставьте меня въ покоѣ! не имѣю времени! — отвѣтилъ онъ ей.

— Быть можетъ, вамъ будетъ угодно, чтобы я акомпанировала, если по нотамъ?.. — предложила свои услуги Янка.

Качковская моментально потащила ее въ извѣстный уже намъ кабинетъ съ роялемъ и мучила тамъ съ добрый часъ; но все общество очень заинтересовалось хористкой, играющей на роялѣ.

Послѣ этого Цабинская долго съ нею разговаривала, просила, чтобы она пришла къ нимъ на квартиру завтра послѣ репетиціи, и сердечно съ ней попрощалась.

Изъ театра Янка прямо направилась къ Совинской осматривать комнату.

IV.

«Дирекція имѣетъ честь просить уважаемыхъ гг. артистовъ труппы, составъ оркестра и членовъ хора пожаловать 6 с. м. послѣ спектакля въ помѣщеніе управленія на чай и товарищеское собесѣдованіе».

Директоръ товар. драматическихъ артистовъ (подписано) Иванъ Цабинскій.

— Ну что?.. будетъ хорошо, Пепа? — спрашивалъ директоръ, прочитывая женѣ съ трудомъ и послѣ многихъ перечеркиваній написанное приглашеніе.

— Богданъ! тише, а то не слышу, что папа читаетъ.

— Мама, Эдипъ взялъ у меня роль!

— Папа, Богданъ сказалъ, что я глупый баранъ.

— Тише! о Господи! съ этими дѣтьми? Уйми ихъ, Пепа!

— Дай мнѣ, папа, пятачокъ — буду тихо.

— И мнѣ! и мнѣ!

Цабинскій сжалъ подъ столомъ хлыстъ и ждалъ; какъ только дѣти приблизились къ нему на извѣстное разстояніе, онъ вскочилъ и принялся стегать ихъ куда попало.

Поднялся крикъ и пискъ; двери съ грохотомъ открылись, и наслѣдники директора съ крикомъ съѣхали внизъ по периламъ лѣстницы.

Цабинскій вторично спокойно прочелъ сидѣвшей въ другой комнатѣ женѣ приглашеніе.

— Къ которому часу приглашаешь?

— Написалъ, послѣ спектакля.

— Надо пригласить кое-кого изъ рецензентовъ, но это уже отдѣльными письмами или устно.

— У меня нѣтъ больше времени, а надо написать прилично

— Позови кого-нибудь изъ хора, пускай напишетъ.

— Ба! залѣпитъ каку-нибудь ошибку, какъ тотъ — Карлъ — въ прошломъ году; было потомъ такъ стыдно... А не напишешь ли ты, Пепа?.. у тебя красивый почеркъ.

— Нѣтъ, нейдетъ, чтобы я — твоя жена и женщина, писала постороннимъ мужчинамъ. Я говорила той... какъ ее тамъ зовутъ, ну что ты вчера принялъ въ хоръ?

— Орловская.

— Вотъ именно, я сказала ей, чтобы пришла сегодня. Нравится мнѣ эта дѣвушка: она имѣетъ что-то такое въ лицѣ, что притягиваетъ. А Качковская говорила мнѣ, что она хорошо играетъ на рояли, такъ вотъ у меня явилась мысль..

— Ну вотъ, такъ пускай она и пишетъ; разъ играетъ на рояли, такъ и писать умѣетъ.

— Не одно это; я думаю, что она могла бы нашу Ядвигу учить играть...

— А знаешь, это — мысль!.. такъ какъ плату за уроки можно присчитать къ будущему жалованію

— А сколько будешь платить ей? — спросила директорша, закуривая папиросу.

— Еще не условился... столько, сколько и другимъ, — отвѣтилъ онъ, странно улыбаясь.

— Это, значитъ, что...

— Что... очень много, очень много... въ будущемъ.

— Ха, ха, ха!

Оба разсмѣялись и умолкли.

— Ясь, а что ты проектируешь на ужинъ?

— Не знаю еще... Поговорю въ ресторанѣ. Какъ все сложится...

Цабинскій переписывалъ начисто приглашенія, а Пепа, развалившись въ креслѣ, курила папиросу. Черезъ минуту она небрежно бросила:

— Ясь... ты ничего не замѣтилъ въ игрѣ Майковской?

— Ничего... играетъ немного истерично; но это — ея стиль.

— Немного?.. съ нею дѣлаются конвульсіи, такъ что даже смотрѣть тяжело, какъ она вся извивается и бросается по сценѣ. Редакторъ говорилъ мнѣ, что даже печать обратила на это вниманіе.

— Побойся ты Бога, Пепа! Лучшую актрису въ труппѣ выжить хочешь? Съѣла Николетту, а ее любили, и она имѣла свою галлерею.

— Да и тебѣ тоже очень она нравилась — извѣстно мнѣ кое-что объ этомъ...

— Пожалуй, я и тебя также могъ бы упрекнуть; ну хотя бы редакторъ; но я больше всего люблю покой.

— А тебѣ какое дѣло? развѣ я вмѣшиваюсь въ то, что ты волочишься за хористками по разнымъ кабинетамъ?

— Вѣдь я же тебя не спрашиваю, что ты дѣлаешь?

Зачѣмъ намъ ссориться? Но Майковскую я не позволю тронуть! Тебѣ только интриги, а тутъ дѣло въ существованіи; извѣстно же тебѣ, что такой пары героевъ, какъ Миля и Топольскій, нѣтъ во всей провинціи, а то быть можетъ и въ театрахъ Варшавы. По правдѣ говоря, на нихъ однихъ и держится все. Хочешь выжить Милю?.. О, ей симпатизируетъ публика, пресса хвалитъ ее... у нея есть талантъ!

— У Майковской — талантъ! Ты съ ума сошелъ, директоръ! Майковская—истеричка, а не талантъ,—кричала жена возбужденно.

— Майковская имѣетъ талантъ! Пусть меня утки потопчутъ, но у Майковской большой талантъ. Изъ всѣхъ провинціалокъ она одна имѣетъ талантъ и все нужное.

— А я? — стоя передъ нимъ, спросила Цабинская грозно.

— Ты?.. ты также имѣешь талантъ; но... — добавилъ онъ тише, — но...

— Тутъ нѣтъ никакихъ «но» — ты окончательный идіотъ, господинъ директоръ! Понятія не имѣешь объ игрѣ, искусствѣ, артистахъ, а хочешь дѣлить ихъ на лучшихъ и худшихъ... Самъ ты великолѣпный актеръ, великолѣпный! Знаешь, какъ ты игралъ Франциска въ «Разбойникахъ»? знаешь? нѣтъ! такъ я скажу тебѣ... Игралъ ты, какъ сапожникъ, какъ клоунъ изъ цирка!

Цабинскій вскочилъ, ужаленный.

— Неправда! Кроликовскій игралъ такъ же; совѣтовали мнѣ подражать ему, и я подражаю...

— Кроликовскій и ты? Ты теленокъ, мой дорогой!

— Пепа, потише, а то и я скажу тебѣ, что такое—ты!

— О, скажи пожалуйста, скажи! — кричала она со злостью.

— Не только ничего великаго, но даже и малаго, моя дражайшая.

— Скажи яснѣе, что?

— Говорю же — говорю тебѣ, что ты не Модржеевская, — тихо и насмѣшливо разсмѣялся Цабинскій.

— Ужъ ты не выѣзжай, пожалуйста — съ этими варшавскими!

— Не волнуйся, Пепа, что тебѣ тогда не дали дебюта...

— Молчи! Видѣлъ? Слышалъ звонъ, да не знаешь, гдѣ онъ. Не хотѣла тогда, не хочу и теперь! Слишкомъ цѣню свое достоинство человѣка и артистки.

Цабинскій громко смѣялся.

— Молчи, клоунъ!.. — крикнула директорша, бросая въ него папиросой.

— Подожди, подожди, кабинетная примадонна,—прошипѣлъ директоръ, синѣя отъ гнѣва.

Замолчали, такъ какъ ненависть затыкала имъ глотки.

Цабинскій, въ порванномъ на локтяхъ халатѣ, въ бѣльѣ и туфляхъ принялся бѣгать по комнатѣ, а Пепа, какъ была—непричесанная, съ несмытымъ отъ вечера гримомъ, растрепанная, кружилась такъ быстро, что слышенъ былъ шумъ отъ ея бѣлой грязной юбки.

Смотрѣли другъ на друга взбѣшенные и съ затаенной непріязнью. Ихъ старая зависть соревнованія вспыхнула со всей силой. Какъ артисты, они ненавидѣли другъ друга, такъ какъ взаимно и безконечно завидовали таланту и успѣху у публики.

Старательно скрывали это; но въ сердцахъ ихъ были вѣчныя сочащіяся кровью раны, которыя раздражало малѣйшее слово.

Въ особенности Цабинскій, зная цѣну женѣ своей, какъ артисткѣ, не разъ бѣсился, слыша, какъ ея жалкую, неестественную игру публика встрѣчаетъ аплодисментами. Каждый хлопокъ былъ какъ ударъ ножомъ въ его сердце; она казалась ему прямо-таки воровкой, такъ какъ эти аплодисменты его, должны принадлежать ему, и только онъ одинъ долженъ получать ихъ. И этакая смѣетъ ему еще заявлять прямо въ глаза, что онъ игралъ, какъ клоунъ; онъ, чувствовавшій себя почти актеромъ-геніемъ, былъ увѣренъ, что если бы не клака, то всѣ роли Кроликовскаго въ варшавскомъ театрѣ играть долженъ былъ бы онъ...

Онъ метался еще быстрѣе и все, что ни встрѣчалось на дорогѣ, толкалъ въ бѣшеномъ безпамятствѣ, а по угламъ было достаточно всякаго рода рухляди: старые ботинки, бѣлье, театральные уборы, подъ стѣнами сѣнники дѣтей, кипы нотъ, корзины съ книгами, кучи старыхъ дреногъ и декорацій.

Злоба его все росла.

— Я скверно игралъ?.. я — клоунъ?.. а, чтобы тебя, собака, огнемъ спалило...

Схватилъ со стѣнки какой-то стаканъ и треснулъ имъ о землю, затѣмъ швырнулъ кипой книгъ и поломалъ плетеное кресло.

Воспламенялся все больше, вымещалъ свою злобу на разныхъ вещахъ, колотилъ разныя мелочи, — но встрѣтившись со взглядомъ Пены, полнымъ ненависти и презрѣнія, подскочилъ къ рояли и ударилъ кулакомъ по

клавіатурѣ такъ, что съ грустнымъ звономъ лопнуло нѣсколько струнъ; побѣжалъ къ окну; на подоконникѣ стояло нѣсколько тарелокъ съ остатками вчерашняго обѣда.

Пепа быстро подскочила и заслонила собой тарелки.

— Отойди!..—прорычалъ мужъ, угрожающе сжимая кулаки.

— Это мое! — крикнула Пепа и всю эту кучу тарелокъ бросила ему подъ ноги съ такой силой, что тѣ разлетѣлись на мелкіе кусочки.

— Животное!

— Болванъ!

Они обмѣнивались лестными эпитетами, грозные стояли другъ противъ друга, готовые броситься другъ на друга и кусаться; глаза сверкали ненавистью, и зубы щелкали. Въ эту минуту вошла служанка.

— Барыня, позвольте деньги на завтракъ.

— Баринъ дастъ тебѣ! — отвѣтила барыня и высокомѣрной походкой, сценичной походкой Ракевичъ, ушла въ другую комнату и захлопнула за собой двери.

— Баринъ, дайте денегъ, поздно, дѣти плачутъ, хотятъ ѣсть.

— Ступайте за деньгами, няня, къ барынѣ.

— Ого! не такъ ужъ я глупа! Подняли такой адъ, что въ цѣломъ домѣ слышно было, а теперь еще велите итти къ барынѣ. Давайте и сами поскорѣй одѣвайтесь! Боже милосердный, уже десять, а вы — лазите по квартирѣ раздѣтые, какъ жидъ передъ шабашемъ...

— Безъ замѣчаній, няня, говорю, не вмѣшивайся...

— А какъ же!.. кто бы помнилъ!.. только комедіи играете, о ребятахъ по-людски не думаете.

— Имъ чего не хватаетъ? — спросилъ директоръ, умиротворенный, такъ какъ дѣти были его слабостью.

— Многаго!.. Эдику сапожки, Вадѣ костюмчикъ, шалопай штанишки тамъ протираетъ, да и барышнѣ Ядвигѣ тоже надѣть нечего... Господа, только на комедіи ничего не жалѣете, а дѣтямъ на грошъ перцу хватить должно! — ворчала няня, помогая ему одѣваться.

— Узнай-ка няня въ лавкѣ, что все это стоить будетъ, и скажи мнѣ, дамъ денегъ... а вотъ на завтракъ.

Няня взяла кувшинъ, корзинку для булокъ и ушла.

Цабинскіе вели кочевой, цыганскій образъ жизни, и ихъ домашнія привычки были у нихъ аристократическія. Только вечерній чай готовился дома, и то не въ самоварѣ, который барыня Пепа вѣчно обѣщала купить, а на бензиновой машинкѣ. Чтобы не имѣть хлопотъ съ хозяйствомъ, для директора и жены его, четверыхъ дѣтей и двухъ служанокъ утромъ въ кофейной брали кофе, а въ полдень обѣдъ изъ ресторана.

Они также не имѣли времени думать о домѣ, какъ и о дѣтяхъ. Пренебрегали всѣмъ, поглощенные театромъ, ролями и борьбой за успѣхъ.

Полотняныя стѣны декорацій и кулисъ, представляющія свѣтскіе салоны и роскошныя квартиры, удовлетворяли ихъ вполнѣ, тамъ могли они дышать полной грудью и чувствовали себя хорошо; удовлетворялись просторомъ, изображающимъ пустынныя дали, съ замкомъ шеколаднаго цвѣта на вершинѣ горы и лѣсомъ, нарисованнымъ ниже: для нихъ это была настоящая природа съ живыми полями и лѣсами.

Запахъ мастики, красокъ и духовъ — былъ ихъ любимымъ ароматомъ.

Въ квартирѣ только спали — а тѣломъ и душой жили на сценѣ и за кулисами.

Пепа со своей женской впечатлительностью такъ прониклась театромъ, что каждый разъ, когда серьезно сердилась, или радовалась, или, наконецъ, даже только разсказывала что-нибудь, всегда въ ея акцентѣ, позахъ, движеніяхъ, можно было услышать невольно повторяемые отзвуки сцены.

Она не могла сказать двухъ словъ, чтобы они не были произнесены сценично и такимъ голосомъ, который, казалось, слушаютъ сотни лицъ.

Цабинскій былъ во-первыхъ актеръ, во-вторыхъ аферистъ такого покроя, который самъ никогда не знаетъ, что въ немъ имѣетъ перевѣсъ: любовь къ искусству или деньгамъ? На этой почвѣ въ немъ самомъ часто происходила борьба, и не всегда деньги одерживали верхъ. Онъ былъ счастливъ въ отношеніи успѣха у публики; втихомолку копилъ деньги; но при этомъ имѣлъ обыкновеніе плакаться на нужду и неуспѣхъ, обманывалъ, какъ могъ и кого могъ. Урѣзывалъ жалованіе, не платилъ по счетамъ и если платилъ, по возможности маленькими авансами. Въ то же время про себя мечталъ о чемъ-то великомъ, говорилъ объ этомъ часто и неясно, такъ что надъ нимъ даже смѣялись; проводя лѣтній сезонъ въ Варшавѣ, ходилъ часто къ архитекторамъ, условливался съ драматургами, лазилъ по редакціямъ и потомъ тайкомъ что-то высчитывалъ.

Онъ вѣрилъ, что понедѣльникъ несчастный день для постановки новой пьесы и отъѣзда; что, если положить роль на кровать, то вечеромъ въ театрѣ будетъ пусто,

что всѣ директора idioты и — что у него большой драматическій талантъ.

Двадцать съ лишнимъ лѣтъ былъ онъ въ театрѣ и всегда игралъ; но рвался къ каждой новой роли, завидовалъ другимъ, сокрушался, что всѣ будутъ играть скверно, и нерѣдко по ночамъ размышлялъ о томъ, какъ бы онъ сыгралъ ту или иную роль; вставалъ, зажигалъ свѣчу и съ экземпляромъ роли въ рукѣ ходилъ по комнатѣ и репетировалъ ее.

Развѣ крики Пепы или возгласы няни, что этакія комедіи по ночамъ ни на что не похожи, заставляли его убраться въ постель.

Кромѣ двухъ-трехъ контрастовъ и затаенной ненависти, это была великолѣпно подобранная пара.

Ко всему, что не имѣло связи съ театромъ, они относились пренебрежительно и равнодушно.

Замкнули душу въ этотъ небольшой кругъ дѣланной жизни, и это ихъ вполнѣ удовлетворяло.

Театромъ фактически управляла Пепа, мужемъ же только наружно, такъ какъ онъ, несмотря на ея къ нему зависть, все-таки импонировалъ ей; но зато во всемъ, что касается закулисныхъ сплетенъ, интригъ и скандаловъ, она была неподражаема.

Она никогда ни въ чемъ не давала себѣ отчета, подчинялась только минутному инстинкту и временами мужу. Обожала мелодраму, — грозныя, раздражающія нервы положенія; любила широкій жестъ, возвышенный тонъ разговора и поражающую необычайность.

Бывала часто слишкомъ патетична, но играла съ увлеченіемъ; ее захватывала пьеса, акцентъ, какое-ни-

будь слово, такъ что часто, сойдя даже со сцены, она еще за кулисами плакала по настоящему.

Роли знала всегда великолѣпно, такъ какъ вызубривала ихъ наизусть; дѣтьми интересовалась столько же, сколько и старыми платьями; рожала ихъ и предоставляла мужу и нянѣ.

Сейчасъ же, по уходѣ Цабинскаго, крикнула изъ-за дверей няню:

— Няня, ко мнѣ!

Няня только что вернулась съ кофе и мальчиками, которыхъ съ трудомъ притащила со двора домой; дала имъ завтракать и разсказывала:

— Эдикъ!.. получишь башмаки... папа купитъ, Вацекъ костюмъ; барышня платьице. Пейте, дѣти!

Она ласкала ихъ по головкамъ, подвигала булки и заботливо утирала носы. Любила ихъ и ухаживала, какъ за своими.

— Няня! — звала директорша.

Няня не слышала, такъ какъ, снявъ съ самаго младшаго запачканные башмаки, усердно чистила ихъ щеткой.

— Эдикъ былъ на улицѣ... Эдикъ не слушается няни; няня велитъ притти дѣду и взять его...

— Ну, да, дѣда!.. Я видѣлъ — папа играетъ дѣдовъ, отозвался съ сомнѣніемъ Вацекъ.

— Позову еврейку, которая продаетъ селедки, и Эдика, и Вацека продамъ ей — если не будутъ слушаться няню.

— Няня — дура! Еврейку играетъ Вольская, и мы ея не боимся.

— А если это будетъ настоящая жидовка — а не комедіантка.

— Няня, сѣла ты въ калошу! — сказала самая старшая, восьмилѣтняя Ядвига, съ миной и голосомъ увѣреннаго превосходства.

— Няня! — крикнула Цабинская, высовывая въ дверь голову.

— Слышу, не глухая; но вѣдь дѣти-то важнѣе.

— Гдѣ Анна?

— Пошла катать бѣлье.

— Пойдешь, няня, за моимъ платьемъ на улицу Видокъ, къ Совинской, знаешь?

— Знаю... это къ той тощей и злой, какъ собака...

— Ступай сейчасъ и возвращайся поскорѣй.

— Мама, мы тоже пойдемъ съ няней... — тихо просили дѣти, боясь оставаться съ матерью.

— Возьмешь ихъ съ собой, няня?

— Ну, разумѣется не оставлю вѣдь ихъ однихъ!

Она одѣла дѣтей, закуталась сама въ великолѣпный шерстяной платокъ съ красно-бѣлыми полосами и вышла съ дѣтьми.

Въ театрѣ няню называли Бабой-Ягой или просто бабой. Въ самомъ дѣлѣ, это былъ типъ какого-то ископаемаго, единственный въ своемъ родѣ. Цабинская взяла ее во Влацлавлѣ къ первому ребенку, такъ она у нихъ и осталась.

Можно смѣло сказать, что она, несмотря на то, что была пугаломъ для всѣхъ, на самомъ же дѣлѣ, для дома Цабинскихъ, являлась ангеломъ-хранителемъ. Вынянчила всѣхъ дѣтей. Было ей лѣтъ пятьдесятъ, она имѣла сварливый характеръ, мужицкія манеры; но дѣтей обо-

жала. Только ее одну театръ ни на каплю и не измѣнилъ.

Будучи одинокой, она привязалась къ Цабинскимъ, какъ собака.

Ни за что не хотѣла замѣнить свой мужицкій костюмъ — платьемъ, раскрашеннаго красными цвѣтами ящика — сундукомъ, крестьянскихъ вѣрованій — городскими, а также измѣнить свое мнѣніе о театрѣ. Называла все распутствомъ, комедіей, комедіанствомъ; но очень любила смотрѣть представленія.

За кулисами ей подстраивали тысячи козней, часто очень злыхъ, но она не сердилась.

— Распутники!.. ужъ задастъ вамъ Господь, задастъ! — говорила она тогда.

У нея была своя страсть—дѣти, которыхъ она любила больше всего, а также мысль о большой перинѣ изъ свѣжихъ перьевъ — настоящей обывательской перинѣ. Когда она имѣла нужныя для этого деньги, тогда перья казались ей черезчуръ дорогими и нехорошими; когда попадались дешевыя — не покупала изъ-за недовѣрчивости.

— Можетъ, парши на нихъ! — говорила она тогда.

Любила также страстно куръ. Какъ на нее ни сердились за это, но всегда къ веснѣ она ухитрялась раздобыть яицъ и насѣдку; сажала ее, хоть бы въ ногахъ на своей кровати, а когда вылупливались цыплята, холила ихъ заботливо, какъ дѣтей. Ни за что на свѣтѣ не позволила бы зарѣзать такого цыпленка.

Ежегодно величайшимъ торжествомъ было для нея нести въ корзинѣ на базаръ для продажи подросшихъ

уже цыплятъ — при чемъ три курицы и пѣтухъ оставлялись для хозяйства.

Было ли это въ Плоцкѣ, Люблинѣ, въ Калишѣ, она шла съ крестьянками на базаръ, садилась вмѣстѣ съ ними и продавала цыплятъ.

Надо было бы видѣть ея сіяющее лицо гордой хозяйки, слышать ея важно гремящій дискантъ, которымъ зазывала покупателей и разговаривала съ сосѣдками! Настоящая фермерша, владѣтельница пятнадцати десятинъ земли.

Общество in gremio ходило тогда смотрѣть на нее.

Никакія насмѣшки, объясненія не могли искоренить въ ней этой унаслѣдованной отъ матери страсти.

Она также не могла отвыкнуть цѣловать всѣхъ женщинъ въ руку и кланяться до земли — дѣлала это невольно, по привычкѣ, хотя Цабинская ей вѣчно запрещала это.

Удивительное впечатлѣніе производила эта крестьянка, простая, откровенная и свѣтлая, какъ лѣтній день въ деревнѣ — въ этомъ мірѣ румянъ и лжи.

Вернулась она довольно скоро съ платьемъ и дѣтьми.

Цабинская одѣлась и хотѣла уже выходить, когда внезапно раздался звонокъ.

Няня пошла отпирать.

Ввалился довольно толстый, низкій и необыкновенно живой господинъ.

Это былъ меценатъ.

Лицо его было гладко выбрито, на маленькомъ но-

сикѣ золотое pince-nez и улыбка, какъ бы приклеенная къ узкимъ губамъ.

— Можно?.. разрѣшаете?.. На минуточку, сейчасъ бѣгу!..—быстро рапортовалъ онъ.

— Вы, уважаемый меценатъ, всегда можете...

— Добраго утра! Позвольте ручку... Великолѣпно выглядите!.. Я только такъ... проходя...

— Садитесь пожалуйста, прошу очень! Няня, подай-ка барину стулъ!

Меценатъ сѣлъ, вытеръ платкомъ стекла очковъ, поправилъ волосы, сильно порѣдѣвшіе, но безукоризненно черные, быстро закинулъ ногу на ногу, нѣсколько разъ невральгически моргнулъ глазами, вынулъ портсигаръ и подалъ.

— Великолѣпныя! У меня въ Каирѣ пріятель, вотъ прислалъ мнѣ...

— Благодарю!

Директорша взяла папиросу, внимательно осмотрѣла ее и неожиданно улыбнулась...

— Честное слово—настоящія египетскія, увѣрялъ онъ, замѣтивъ улыбку.

— Въ самомъ дѣлѣ, прекрасныя!

— Что же мы сегодня играемъ, уважаемая?

— Право, не знаю; няня, играю я сегодня?

Она всегда старалась показать, что не интересуется и не помнитъ о сценѣ, что дышитъ только домомъ и дѣтьми.

— Вицекъ съ книгой не приходилъ, значитъ барыня не играетъ,—отвѣтила няня, поспѣшно убирая слѣды произведенныхъ Цабинскимъ опустошеній.

— Въ «ВѣстникѢ» читалъ сегодня очень похвальную о васъ замѣтку.

— Незаслуженно; я знаю, какъ слѣдуетъ играть эту роль.

— Играли вы ее, сударыня, прелестно, чудно!..

— Вы говорите комплименты, а потому недобры и недоброжелательны! капризничала директорша наивно.

— Говорю только правду, только правду, это честное слово!

— Барыня, да ужъ полдень, — сказала няня, напоминая такимъ манеромъ гостю, что пора уходить.

— Вы въ театръ?

— Да, загляну на репетицію, а потомъ пойду въ городъ.

— Пойдемъ вмѣстѣ, хорошо?.. По дорогѣ обдѣлаемъ одно маленькое дѣльце.

Цабинская безпокойно взглянула на него. Онъ не замѣтилъ этого, такъ какъ снова моргалъ глазами, перекладывалъ ногу на ногу, надѣвалъ очки и не переставая вертѣлся.

— Вѣрно денегъ хочешь? думала Цабинская, спускаясь съ нимъ по лѣстницѣ.

— Между тѣмъ меценатъ вертѣлся, улыбался и щебеталъ.

Это былъ въ самомъ дѣлѣ «Меценатъ», покровитель театра; всѣхъ называлъ по имени и всѣмъ интересовался. Никто не зналъ, кто онъ, гдѣ живетъ, что дѣлаетъ; но карманъ его былъ всегда открытъ.

Онъ появлялся въ саду на первое представленіе и послѣ послѣдняго снова исчезалъ до весны. Онъ одол-

жалъ деньги, которыхъ ему никогда не отдавали, иногда угощалъ ужинами, приносилъ актрисамъ конфекты, бралъ подъ свое покровительство новенькихъ и всегда платонично былъ влюбленъ въ которую-нибудь изъ актрисъ.

Это былъ страшный, но въ то же время очень добрый человѣкъ.

Цабинскій тотчасъ же, въ день пріѣзда, взялъ у него сто рублей — и нарочно при всѣхъ, чтобы увѣрить, что денегъ не имѣетъ, и заставилъ взять подъ залогъ женинъ браслетъ.

Цабинская думала, что теперь онъ хочетъ просить возвращенія денегъ.

Они тихо опустились въ кресла, такъ какъ репетиція была въ полномъ разгарѣ, и Майковская съ Топольскимъ разыгрывали какую-то любовную сцену.

Меценатъ слушалъ, кланялся на всѣ стороны, улыбался и шепталъ:

— Чудная вещь эта любовь... на сценѣ!

— И въ жизни недурна...

— Настоящая любовь въ жизни — рѣдкость, а потому я предпочитаю ее на сценѣ, такъ какъ тутъ я имѣю ее ежедневно, — говорилъ онъ все быстрѣе и опять моргалъ вѣками.

— Меценатъ — вы разочарованы?

— О, нѣтъ! Избави Богъ! это такъ, просто замѣчаніе. Какъ живешь, Пѣсь?

— Здорово, сыто и скучно, — отвѣтилъ высокій актеръ съ красивымъ задумчивымъ лицомъ, протягивая руку и здороваясь съ директоршей.

— Куришь египетскія папиросы, а?

— Могу, если дашь, — отвѣтилъ тотъ холодно.

— Госпожа Пѣсь здорова и ревнива, какъ всегда? — спрашивалъ меценатъ, подавая папиросы.

— Да, такъ же, какъ и ты всегда въ хорошемъ расположеніи духа: и то болѣзнь, и это нездоровье.

— Считаешь хорошее расположеніе духа — болѣзнью? — спросилъ меценатъ съ любопытствомъ.

— Я полагаю, что нормальный человѣкъ долженъ прежде всего быть равнодушнымъ, холоднымъ и не заботиться ни о чемъ — внутри долженъ быть всегда спокойнымъ.

— Давно стало это твоимъ конькомъ?

— Правду обыкновенно узнаютъ поздно.

— Долго ли будешь жить съ этой правдой?

— Быть можетъ всегда, если не найду чего-нибудь лучшаго.

— Пѣсь — на сцену!

Актеръ поднялся и спокойнымъ, автоматическимъ шагомъ пошелъ за кулисы.

— Любопытный, очень любопытный человѣкъ! — прошепталъ меценатъ.

— Только изрядно скучный: съ этими вѣчными исканіями правды, идеалами и другой чепухой! — воскликнулъ молодой актеръ, одѣтый, какъ кукла, въ свѣтлый костюмъ, рубашку съ розовыми полосами и желтыя туфли.

— А, Вавржецкій!.. ты вѣрно опять превратилъ въ трупъ какую-нибудь невинность — сіяешь, какъ солнце...

— Неумѣстныя шутки, уважаемый меценатъ! — защищался Вавржецкій съ двусмысленной улыбкой и вы-

совывалъ красивую ногу; онъ плѣнительно позировалъ, поднималъ руку и сверкалъ на солнцѣ кольцами, такъ что директорша смотрѣла на него прищурившись.

— Кто же для тебя не скученъ, хе?.. выскажись-ка, паренекъ.

— Меценатъ, такъ какъ въ хорошемъ расположенiи духа и имѣетъ золотое сердце; директоръ, когда платитъ; публику, когда аплодируетъ мнѣ; женщины красивыя и ласковыя; весна, если она теплая; люди веселые — все, что прекрасно, мило, улыбается; а скучны всѣ эти гадкiя вещи: тоска, слезы, страданiя, нужда, старость, холодъ...

— Вотъ ты забылъ еще: въ который ящикъ кладешь ты добро: налѣво или направо?

— А какого вида это добро? если ему этакъ отъ пятнадцати до двадцати пяти лѣтъ и оно прекрасно, тогда направо. Но пускай-ка нашъ меценатъ откровенно скажетъ мнѣ, что такое это добро? Для Цабана добро — не платить жалованья, для меня не платить портному, а брать жалованье, а потому...

— То, что ты говоришь, не что иное, какъ цинизмъ послѣдняго сорта.

— Нашъ меценатъ любитъ то же, но перваго сорта — отвѣтилъ актеръ со смѣхомъ, окидывая многозначительнымъ взглядомъ его и директоршу.

— Дуракъ ты, Вавржецкiй! напрасно хвастаешься этимъ, люди и безъ того это всегда замѣтятъ.

— Эхъ, меценатъ — пропускная бумага!.. размоченная пропускная бумага, — отвѣтилъ онъ кисло и побѣжалъ къ актрисамъ, сидѣвшимъ на верандѣ и сво-

ими свѣтлыми платьями представлявшимъ какъ бы роскошный букетъ цвѣтовъ.

— Скажите пожалуйста, а кто это? — спросилъ меценатъ, указывая на Янку, внимательно слѣдившую за репетиціей.

— Новая.

— Удовольствіе въ глазахъ. Лицо розовое и интеллигентное. Не знаете вы, кто она?

— Вицекъ! — позвала Цабинская игравшаго въ саду въ классы мальчугана — иди и позови вотъ ту барышню, что стоитъ у ложи, пусть придетъ сюда.

Вицекъ побѣжалъ, обошелъ Янку, заглянулъ въ ея глаза и сказалъ:

— Старая проситъ васъ къ себѣ.

— Какая старая?.. кто? — спросила Янка, не понимая.

— Цабинская, госпожа Пепа, директорша!

Янка подошла медленно; меценатъ внимательно присматривался.

— Садитесь пожалуйста. Это нашъ дорогой меценатъ, ангелъ-хранитель нашего театра, — отрекомендовала Цабинская.

— Орловская! — коротко сказала Янка, касаясь протянутой руки.

— Извините! — воскликнулъ меценатъ, задерживая ея руку и, поворачивая ладонью кверху.

— Не бойтесь!.. У нашего мецената невинная манія—ворожить по рукѣ,—весело воскликнула Цабинская, заглядывая черезъ плечо мецената на ладонь, которую тотъ осматривалъ.

— Хо, хо! странно! странно! — шепталъ старикъ.

Вынулъ изъ кармана небольшую лупу и черезъ нее разсматривалъ линіи ладони, ногти, суставы пальцевъ и всей руки.

— Уважаемая публика! Здѣсь гадаютъ по рукамъ, ногамъ и еще кое-по-чемъ!.. Здѣсь предсказываютъ будущее, даютъ таланты, добродѣтели и въ будущемъ деньги. Входъ пять копеекъ, пять копеекъ!.. для бѣдныхъ по десять грошей! Просимъ уважаемую публику! просимъ! — кричалъ Вавржецкій, великолѣпно подражая голосу «рекламы» на Уяздовской площади.

Актеры со всѣхъ сторонъ окружили сидящихъ, заглядывали въ руку и громко смѣялись.

— Говорите же, меценатъ!

— Скоро замужъ выйдетъ?

— Когда будетъ Модржеевской?

— Будетъ имѣть богатаго покровителя?

— Что велитъ ставить?

— Сколько уже ихъ было?

Летѣли насмѣшливые, нестройные вопросы.

Меценатъ не отвѣчалъ; онъ молча осматривалъ обѣ ладони.

Янка слышала насмѣшки, но этотъ странный человѣкъ прямо-таки приковалъ ее къ креслу; чувствовала, что ее охватываетъ злость и стыдъ, но не могла пошевельнуть руками, которыя тотъ держалъ крѣпко.

Суевѣріе дрожью охватило ее передъ этимъ предсказателемъ.

Она не вѣрила; не разъ презрительно смѣялась надъ знакомыми, позволявшими цыганкамъ предсказывать себѣ сотни глупостей, но боялась чего-то непонятнаго.

Наконецъ меценатъ опустилъ ея руки и сказалъ окружающимъ:

— Хоть разъ могли бы не паясничать — это не столько глупо, какъ безчеловѣчно. Очень извиняюсь, что потревожилъ васъ; но не могъ удержаться отъ желанія осмотрѣть руку — это моя слабость...

Наконецъ онъ поцѣловалъ ее въ руку и обернулся къ удивленной Цабинской.

— Ну, пойдемъ!

Янка сгорала отъ любопытства и, несмотря на присутствіе стольких свидѣтелей, тихо спросила:

— И вы ничего мнѣ не скажете?

Меценатъ оглянулся и, увидѣвъ, что десятки лицъ готовы подхватить его отвѣтъ, нагнулся къ ней и шепнулъ:

— Не могу теперь... Черезъ двѣ недѣли, когда вернусь, скажу вамъ все.

— Ну пойдемъ, право же вы, меценатъ, дѣлаетесь скучнымъ!—воскликнула Цабинская.—Но, но!.. Не можете ли, mademoiselle Орловская, зайти ко мнѣ послѣ репетиціи? — спросила она Янку.

— Съ удовольствіемъ, — отвѣтила та, садясь снова.

— Старый сошелъ съ ума! Поцѣловалъ ей руку, какъ княжнѣ какой! — разсуждали хористки.

— Будетъ заботиться о ней.

— О, онъ-то ужъ птица, норовитъ все къ телятамъ... старая рухлядь.

Янка, хоть и слышала, что все это на ея счетъ, но не отвѣчала, такъ какъ пришла уже къ убѣжденію, что въ театрѣ лучше ничего не отвѣчать и расплачиваться за все презрительнымъ равнодушіемъ.

— Куда же мы пойдемъ? — спросилъ меценатъ директоршу; онъ былъ какъ-то менѣе веселъ, задумчивъ и что-то шепталъ про себя.

— Что жъ, пойдемъ какъ всегда — въ мою кондитерскую.

Цабинская ничего не спрашивала, только когда они усѣлись въ кондитерской, въ которой она проводила ежедневно нѣсколько часовъ, за шоколадомъ, куреніемъ папиросъ и въ созерцаніи уличнаго движенія, спросила, притворяясь равнодушной:

— Что же вы увидѣли въ рукѣ этой сороки?

Меценатъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе, надѣлъ очки и крикнулъ прислуживающему мальчику:

— Мазагранъ и шоколадъ — легкій.

Затѣмъ онъ повернулся къ Цабинской.

— Видите, сударыня, это тайна... правду говоря ничего незначащая, но не моя.

Цабинская настаивала; достаточно громко произнести слово «тайна», чтобы вывести женщину изъ нормальнаго состоянія — но меценатъ не сказалъ ничего, только бросилъ коротко:

— Я уѣзжаю.

— Куда и зачѣмъ? — спросила директорша, удивленная въ высшей степени.

— Долженъ... вернусь черезъ двѣ недѣли. А потому... хотѣлъ бы урегулировать наши...

Цабинская поморщилась и ждала, что дальше скажетъ.

— Видите ли, сударыня, можетъ случиться, что я вернусь только осенью, когда васъ въ Варшавѣ не будетъ.

— Давно предчувствовала, что ты старый ростовщикъ, думала Цабинская, звеня въ стаканъ.

— Фруктовыхъ пирожныхъ.

— А потому возвращаю вамъ этотъ браслетъ, — протянулъ меценатъ.

— Но у насъ нѣтъ денегъ. Успѣхъ непроченъ, срывается... старыя уплаты...

— Дѣло не въ деньгахъ. Представьте себѣ, что вамъ на именины я дѣлаю этотъ подарокъ, на память о пріятельскихъ отношеніяхъ — хорошо — что? — спрашивалъ онъ, надѣвая на ея пухлую руку браслетъ.

— Меценатъ, меценатъ! если бы я не любила такъ крѣпко своего Яна, то... — говорила Цабинская, обрадовавшись браслету; она такъ сильно сжимала ему руку и такъ близко жгла его разгоряченнымъ взоромъ, что меценатъ почувствовалъ на своемъ лицѣ ея дыханіе и запахъ вервены, которой она натирала лицо.

Онъ немного отодвинулся и сжалъ губы — она казалась ему очень смѣшной.

— Вы, меценатъ, идеальный человѣкъ, благороднѣйшій изъ всѣхъ, кого знаю.

— Оставимъ это!.. я сдѣлалъ это сегодня; не могу быть на вашихъ именинахъ.

— И слушать не хочу!.. вы должны быть!

— Нѣтъ, не могу... къ сожалѣнію у меня обязанности. Долженъ... — отвѣтилъ онъ медленнѣе и тише; его глаза затуманились; но на лицѣ была все та же улыбка.

— Чѣмъ же мнѣ отблагодарить васъ за вашу доброту?

— Пригласите меня быть вашимъ кумомъ.

— Безстыдникъ!.. Какъ?.. вы уже уходите?

— Черезъ два часа уходитъ мой поѣздъ. До свиданія!

Меценатъ заплатилъ въ буфетѣ и вышелъ, еще разъ улыбаясь ей съ улицы.

Цабинская сидѣла, глядя въ окно.

«Влюбленъ онъ въ меня?» — думала она, улыбаясь какимъ-то неяснымъ, слегка очерченнымъ образамъ и допивая остывшій шоколадъ.

Она достала изъ кармана какую-то роль, прочла нѣсколько строчекъ и опять засмотрѣлась на улицу.

Лѣниво плелись ободранные извозчики съ худыми лошадьми; гремя пробѣгали трамваи; а на тротуарахъ, какъ длинная неподвижная лента, лихорадочно быстро сновали люди. Напротивъ какая-то вывѣска ярко блестѣла на солнцѣ.

— Онъ былъ влюбленъ въ меня? подумала директорша и снова погрузилась въ забвеніе всего.

Часы пробили три. Цабинская встала и пошла домой.

Шла медленно, величественно глядя на толпу окружающихъ прохожихъ.

Въ окнѣ кондитерской Бликле увидѣла Цабинскаго; онъ сидѣлъ, устремивъ задумчивый взоръ на улицу, и не замѣчалъ проходившую жену.

Она держалась все прямѣе, такъ какъ на нее все больше обращали вниманія. Купцы, какіе-то субъекты, даже извозчики того участка знали госпожу Цабинскую.

Ей казалось, что всѣ эти лица, которыя она слабо припоминала себѣ изъ зрительнаго зала — озарены улыбкой восхищенія, что всѣ восторженно шепчутъ: «Смотрите! жена директора Цабинскаго!»

Она шла все медленнѣе, чтобы подольше насладиться этимъ удовольствіемъ. Еще издали увидѣла редактора съ Николеттой, и моментально горизонтъ ея мысли покрылся тучами.

— Онъ, съ Николеттой?!.. съ этой... подлой интриганкой?!..

Уже издали она жгла ихъ взоромъ Горгоны.

На углу Варецкой Николетта куда-то исчезла, а редакторъ, раскраснѣвшійся, направился ей навстрѣчу.

— Мое почтеніе! — воскликнулъ онъ, протягивая руку.

Пепа высокомѣрно окинула его взглядомъ и отвернула лицо въ другую сторону.

— Это что опять за исторія, Пепа? — говорилъ редакторъ тихо, идя рядомъ съ ней.

— Вы — негодяй!

— Опять комедія!

— Какъ вы смѣете говорить мнѣ это?!

— Перестаю... и говорю только: до свиданія!—сказалъ онъ сердито, холодно поклонился и, прежде чѣмъ она успѣла притти въ себя, сѣлъ на извозчика и поѣхалъ.

Цабинская окаменѣла отъ возмущенія. Уѣхалъ и дадаже не извинился! Ее охватило бѣшенство; она шла быстро, ни на кого не обращая вниманія.

Было извѣстно, что между редакторомъ и Пепой было что-то; объ этомъ шопотомъ говорили за кулисами, но извѣстно было только одно, что Пепа никогда не обходилась безъ любовниковъ. Если въ городѣ у нея не было любовника изъ публики, то имъ долженъ быть какой-нибудь начинающій артистъ, кра-

сивый и достаточно наивный, чтобы позволить опутать себя этой старой, скучной и капризной женщинѣ. Она должна была непремѣнно имѣть какого-нибудь довѣреннаго, который выслушивалъ бы ея жалобы, плачъ и сердечныя признанія прошлаго.

Цабинскій не препятствовалъ ей; ему не было дѣла даже до неплатоническихъ поклонниковъ жены; только при каждомъ удобномъ случаѣ онъ издѣвался надъ ихъ несчастной дамой.

Цабинская, разставшись съ редакторомъ и вернувшись домой, подняла тамъ настоящій адъ: дѣтей побила; няню выбранила и заперлась на ключъ въ своей комнатѣ.

Скоро пришла Янка. Цабинская велѣла просить ее къ себѣ, сердечно съ ней поздоровалась, отвела въ свой будуаръ и стала извиняться, что заставитъ ее ждать пока она пообѣдаетъ; была необыкновенно участлива и гостепріимна.

Янка, оставшись одна, съ любопытствомъ осматривала этотъ будуаръ; такъ какъ насколько вся квартира имѣла видъ склада рухляди или пассажирскаго зала третьяго класса, полнаго узловъ, корзинъ и чемодановъ, настолько эта комната была элегантна и даже носила отпечатокъ извѣстнаго достатка.

Комната въ два окна, выходящихъ въ садъ, была оклеена темными, похожими на парчу, обоями; на потолкѣ были нарисованы амуры.

Мебель—гнутая, покрытая краснымъ съ золотыми полосами шелкомъ. Кремовый коверъ, похожій на тканые золотомъ ковры итальянской выдѣлки, былъ разостланъ на полу. Шекспиръ въ золоченомъ кожа-

номъ переплетѣ лежалъ на полированномъ, въ китайскомъ стилѣ столикѣ.

На все это Янка не обратила вниманія: ее всю поглотилъ интересъ къ вѣнкамъ, висѣвшимъ на стѣнахъ, съ надписями на лентахъ: «Подругѣ къ дню ангела», «Супругѣ директора отъ труппы», «Отъ поклонника таланта». Лавровыя вѣтви и пальмовые листья пожелтѣли отъ старости, висѣли, скорченные и запыленные. Широкія ленты — бѣлыя, желтыя, красныя сплывали со стѣнъ, какъ отдаленные цвѣта радуги, и кричали золотыми буквами о чемъ-то давно отгремѣвшемъ. Эти кричащія надписи, засохшіе вѣнки придавали комнатѣ видъ гробницы; взглядъ невольно искалъ еще словъ: «...скончалась т. г.» и т. д.

Сердце Янки сжалось отъ грусти: ей казалось, что въ этой комнатѣ кто-нибудь долженъ былъ непремѣнно умереть, такъ было здѣсь тихо и тоскливо.

Простая кровать подъ балдахиномъ изъ тюля, сколотаго букетиками искусственныхъ розъ цвѣта бордо, столики, стоячіе альбомы, карточки въ разныхъ роляхъ и костюмахъ, тетради съ ролями на полкахъ и табуретахъ — все это вмѣстѣ производило пріятное впечатлѣніе; но было весьма претенціозно. Чувствовалось тотчасъ же, что эта парадная комната — напоказъ, что въ ней никто не живетъ и не думаетъ.

Янка разсматривала всѣ альбомы, когда тихо вошла Цабинская.

Она имѣла видъ страдающей и меланхоличной; тяжело опустилась въ кресло, глубоко вздохнула и тихимъ, жалкимъ голосомъ шепнула:

— Извините, что оставила васъ скучать одну.

— Я совсѣмъ не скучала. Здѣсь столько любопытныхъ для меня вещей.

— Это моя святыня. Здѣсь запираюсь, когда жизнь надоѣстъ, когда страдаю сильно... прихожу сюда вспоминать прошлое — свѣтлое и счастливое; мечтать о томъ, что уже не вернется!.. — прибавила она, указывая на роли и вѣнки на стѣнахъ.

— Вы — больны?.. я быть можетъ мѣшаю; понимаю хорошо, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ горя и страданій, одиночество — лучшее лѣкарство, — сказала Янка откровенно, сочувственно, тронутая выраженіемъ ея голоса и лица.

— Останьтесь... мнѣ будетъ легче отъ разговора съ лицомъ, чужимъ всему этому свѣту лжи и пустоты! — говорила Цабинская съ воодушевленіемъ, словно учила роль.

— Я не знаю, достойна ли я вашего довѣрія, — скромно произнесла Янка.

— О! моя интуиція артистки меня никогда не обманетъ! Сядьте ближе. Вотъ такъ! Боже! Какъ я страдаю!... Итакъ, вы никогда еще не были въ театрѣ?

— Нѣтъ!

— Какъ я жалѣю васъ и завидую вамъ!.. Ахъ, если бъ я могла начать все вторично, быть можетъ не была бы въ театрѣ; не испила бы столько горечи и разочарованій! Вы любите театръ?

— Почти все принесла въ жертву ему.

— Печальная доля актрисы! Пожертвовать всѣмъ: спокойствіемъ, домашнимъ счастьемъ, любовью, родными, товарищескими связями — и ради чего?.. ради того, что о насъ пишутъ, ради этихъ вѣнковъ, которые жи-

вутъ только два дня; ради аплодисментовъ соскучившейся толпы?.. Остерегайтесь, барышня, провинціи! Судьба швыряетъ людьми! Вспоминайте меня... Видите эти вѣнки... Правда, какіе роскошные и какіе увядшіе — правда? А я еще недавно играла въ Львовѣ...

Она на минуту остановилась, какъ бы охваченная воспоминаніями.

— Сцены всего свѣта были для меня открыты. Директоръ «Французской комедіи» спеціально пріѣзжалъ увидѣть меня и пригласить...

— Вы такъ хорошо владѣете французскимъ?

— Не прерывайте меня. Я получала нѣсколько тысячъ жалованія; газеты не находили словъ для описанія моей игры; въ мои бенефисы, молодежь выпрягала лошадей, меня забрасывали букетами, бросали бриллiантовыя кольца... (незамѣтно для себя потрогала браслетъ). Избраннѣйшая молодежь: графы, князья — искали моего взгляда... И нужно же было случиться несчастью: — я влюбилась... Да, не удивляйтесь. Любила и была любима... Любила такъ, какъ только можно любить прекраснѣйшаго и лучшаго. Это былъ князь, владѣлецъ майората. Мы поклялись другъ другу въ любви и должны были пожениться. У меня нѣтъ словъ описать наше счастье!.. А тутъ... громъ — въ ясный день! Его родные: старый князь, тиранъ, гордый магнатъ, безсердечный — разлучилъ насъ... Его увезли, а мнѣ хотѣли выплатить сто тысячъ гульденовъ, быть можетъ даже милліонъ — только чтобы я отреклась отъ своего возлюбленнаго. Я бросила ему подъ ноги деньги и указала на дверь. Онъ ушелъ взбѣшенный и жестоко мнѣ отомстилъ; распустилъ обо мнѣ отвратительнѣй-

нія сплетни, подкупилъ прессу, жалкій, преслѣдовалъ меня на каждомъ шагу... Принуждена была покинуть Львовъ, и жизнь моя потекла другимъ русломъ... другимъ...

Она лихорадочно шагала по комнатѣ; въ глазахъ стояли слезы; любовь въ улыбкѣ, складка горечи въ уголкахъ рта, маска покорности на лицѣ, одиночество во всей фигурѣ и дикій акцентъ отчаянья и боли въ голосѣ.

Разыгрывала она эту исторію съ такимъ совершенствомъ, что Янка повѣрила всему и глубоко сочувствовала ея несчастью.

— Какъ я жалѣю васъ!.. какой ужасный жребій!.. — произнесла она.

— Это уже прошло! — отвѣтила Цабинская, опускаясь въ кресло, обезсиленная тихимъ отчаяніемъ.

Она уже сама вѣрила въ эту исторію, сотни разъ разсказываемую всѣмъ на разные лады — всѣмъ, кто только хотѣлъ ее слушать. Иногда подъ конецъ она бывала такъ сильно тронута звуками собственнаго голоса и этими фатальными злоключеніями, что начинала громко плакать и въ теченіе нѣсколькихъ минутъ дѣйствительно страдала.

Она такъ часто играла несчастныхъ, испытавшихъ измѣну женщинъ, что забыла границы своей личности; чувства игранныхъ на сценѣ лицъ все больше сливала со своими, и потому ея разсказъ не былъ простой ложью.

Послѣ долгаго молчанія Цабинская спокойно спросила:

— Вы, говорятъ, живете у Совинской?

— Пока нѣтъ. Сняла уже; но комнату должны не-

много освѣжить, такая грязная, что невозможно переѣхать — пока-что, живу въ гостиницѣ.

— Качковская и Хальтъ говорили мнѣ, что вы хорошо играете на рояли.

— Да, немного... по-домашнему...

— Я хотѣла просить васъ, не возьметесь ли вы учить играть мою Ядвигу? Дѣвочка очень способная, имѣетъ великолѣпный слухъ, такъ какъ знаетъ всѣ оперетки.

— Съ большимъ удовольствіемъ. Знаю немного, но началамъ музыки могу обучить вашу дочурку... не знаю, хватитъ ли времени?

— О, у васъ навѣрное хватитъ. А гонораръ, это за одно съ жалованіемъ присчитается.

— Хорошо... Дочка ваша получила уже какое-нибудь начало?

— Прекрасное. Вотъ вы убѣдитесь. Няня, приведи-ка Ядвигу, — крикнула Цабинская.

Перешли въ другую комнату, въ которой стояла кровать директора, нѣсколько тюковъ, корзины и старый, разбитый рояль.

Янка проэкзаменовала Ядвигу и условилась, что будетъ приходить между двумя и тремя, т. е. тогда, когда супруговъ не будетъ дома.

— Когда же вы въ первый разъ выступите? — спросила Цабинская.

— Сегодня, въ «Цыганскомъ баронѣ».

— Имѣете костюмъ?

— Барышня Фальковская обѣщала мнѣ одолжить, такъ какъ я еще не успѣла купить.

— Пойдемъ... я быть можетъ подберу для васъ что-нибудь...

Пошли въ комнату, въ которой утромъ происходила сцена и гдѣ съ няней спали дѣти. Цабинская вытащила изъ какого-то тюка еще не очень поношенный костюмъ и дала его Янкѣ.

— Видите ли, мы даемъ костюмы; но всѣ предпочитаютъ имѣть свои, такъ какъ наши не могутъ быть такъ изысканны, можетъ... одолжу вамъ его на время.

— Я тоже буду имѣть собственные.

— Конечно, такъ всего лучше, вѣдь не Богъ вѣсть какое удовольствіе играть въ костюмѣ, который надѣвался уже другими.

Онѣ сердечно распрощались, и няня отнесла за Янкой костюмъ въ гостиницу.

Янка, приведя въ порядокъ сильно помятый костюмъ, думала о Цабинской.

Она чувствовала въ себѣ какую-то мягкость сочувствія къ этой несчастной, а также восхищеніе поразительно художественной формой, въ которой та высказалась.

По причинѣ сегодняшняго выхода она была въ такомъ лихорадочномъ состояніи, что, когда пришла въ театръ, то за кулисами было еще совсѣмъ пусто.

Хористки сходились медленно и еще медленнѣе одѣвались. Разговоры, смѣхъ, тихій шопотъ звучали, какъ всегда, но Янка не слышала ничего, всецѣло занятая переодѣваніемъ.

Всѣ смѣялись надъ ея неопытностью и надъ тѣмъ, что она не имѣетъ даже пудры и румянъ; и положительно всѣ помогали ей одѣваться.

— Какъ, вы никогда не пудрились? — спрашивали онѣ.

— Нѣтъ... зачѣмъ? — отвѣчала Янка просто.

— Ее нужно загримировать: она слишкомъ блѣдна, — сказалъ кто-то.

Всѣ приняли въ ней живое участіе.

Лицо намазали сначала бѣлой краской, потомъ подтемнили его румянами, губы намазали краснымъ, глаза подвели смоченной черной тушью кисточкой, завили волосы, позастегивали; перебрасывали ее изъ рукъ въ руки, давали тысячи предостереженій и совѣтовъ.

— Входя, смотрите прямо на публику, а то споткнетесь.

— Передъ выходомъ перекреститесь.

— На сцену ступайте правой ногой.

— Великолѣпно!.. вы желаете выйти на сцену въ короткомъ костюмѣ и безъ трико?

— Не имѣю!

Всѣ хохотали надъ ея озабоченнымъ видомъ.

— Я вамъ одолжу! — сказала Зелинская.

— Кажется, придется на васъ.

Были такъ доброжелательны къ ней только потому, что узнали о ея намѣреніи учить Ядвигу Цабинскую играть на роялѣ, и потому, что Пепа одолжила ей костюмъ. Хотѣли подкупить ее и имѣть въ дирекціи на своей сторонѣ.

Взглянувъ на себя въ зеркало, Янка даже вскрикнула отъ удивленія; она почти не узнала себя, такъ измѣнили ее румяна, подведенные глаза и бѣлила. Ей казалось, что у нея на лицѣ какая-то маска, мало на

нее похожая и красивѣе ея; но съ такимъ страннымъ выраженіемъ, — какъ у прочихъ хористокъ.

Она спустилась внизъ къ Совинской.

— Дорогая, скажите мнѣ правду, какой у меня видъ?.. — горячо спросила она.

Совинская осмотрѣла ее со всѣхъ сторонъ и растерла на щекахъ пальцемъ румяна.

— А отъ кого у васъ костюмъ?

— Мнѣ одолжила госпожа Цабинская.

— О, видно расчувствовалась, такъ какъ вообще никому давать не хочетъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, она была сегодня какъ бы больна... разсказывала мнѣ такія грустныя исторіи.

— Комедіантка!.. Если бы она такъ играла на сценѣ, то лучшей актрисы не было бы на цѣломъ свѣтѣ.

— Вы шутите? Она разсказывала мнѣ о Львовѣ и о своемъ прошломъ.

— Лжетъ, баба! Была тамъ любовницей какого-то гусара, дѣлала скандалы, и выгнали ее изъ театра. Да, и чѣмъ она была въ львовскомъ театрѣ?.. только хористкой, хо, хо! Это старыя исторіи... Мы всѣ здѣсь знаемъ ихъ давно... Вѣрьте только всему, что разсказываютъ актрисы и актеры, и будете все знать великолѣпно!

Янка не отвѣтила, такъ какъ не могла и не хотѣла вѣрить Совинской.

— Скажите мнѣ, какой у меня видъ?

— Хорошій... даже великолѣпный!.. могу вамъ ручаться, что съ сегодняшняго дня за вами будутъ бѣгать! — сказала она такъ твердо и многозначительно, что румянецъ появился на лицѣ Янки.

Ее все больше охватывала тревога; она ходила по сценѣ, смотрѣла черезъ дырочку въ занавѣсѣ на публику, собирающуюся довольно медленно, бѣгала по уборнымъ и засматривалась на себя въ каждое зеркало, пробовала сидѣть и ждать; но не могла выдержать; нервность, ознобъ перваго выхода трясли ее, какъ въ лихорадкѣ. Ни минуты не могла спокойно постоять и посидѣть. Какой-то страшный страхъ минутами такъ обезсиливалъ ее, что хотѣла бросить все и убѣжать.

Не видѣла людей, приготовленій, огней, даже сцены; только въ головѣ былъ какъ бы отблескъ подвижной массы глазъ и лицъ. Каждую минуту съ тревогой смотрѣла она на публику и чувствовала, что сердце ея перестаетъ биться.

Когда раздался второй звонокъ, она сошла со сцены и стала рядомъ съ хоромъ за декораціями; ожидая минуты выхода, невольно крестилась и такъ дрожала всѣмъ тѣломъ, что одна изъ хористокъ взяла ее подъ руку.

— Выходить! — рявкнулъ сценаріусъ, и толпа, захвативъ ее, понесла на авансцену.

Внезапная тишина и блескъ увеличеннаго свѣта привели ее въ себя. Она смотрѣла безсмысленно на публику, не имѣя силъ извлечь ни одного звука.

Ее тормошили, ободряли: не видѣла ничего, что творится. Только діалогъ и послѣдующій хоръ привели ее немного въ себя.

Сойдя со сцены, она вполнѣ собой овладѣла, и тогда стало на себя досадно за этотъ ребяческій страхъ, которому поддалась.

Послѣ второго выхода она чувствовала только ка-

кую-то внутреннюю дрожь; но пѣла уже, слыша музыку и прямо смотрѣла на публику.

Ободрило ее и то, что взглядомъ встрѣтилась съ редакторомъ, сидѣвшимъ въ первомъ ряду, который доброжелательной улыбкой подбадривалъ ее.

Янка смотрѣла на него, а черезъ нѣкоторое время видѣла хорошо единичныя лица публики.

Въ какой-то сценѣ, въ которой хоръ прогуливался, изображая народъ,—шелъ комическій діалогъ впереди сцены — Янка разсматривала все, а подруги шопотомъ разговаривали.

— Бронка, вотъ — твой; въ третьемъ ряду налѣво.

— Смотрите! Даша — въ театрѣ... у! какъ разряжена.

— Чего не бываетъ! Отбила у Мими банкира.

— Гдѣ жъ она теперь показывается?

— Въ Эльдорадо.

— Совинская! застегни мнѣ крючокъ, чувствую, что юбка падаетъ съ меня; говори мнѣ что-нибудь на ухо— никто не замѣтитъ.

— Людка! твой парикъ...

— Смотри за своими кудрями!

— Завтра ѣду кой съ кѣмъ въ Марцеликъ... можетъ быть поѣдетъ съ нами Залинская?

— Смотри, какіе глазки дѣлаетъ мнѣ тотъ студентъ сбоку.

— Не люблю голыхъ фатигантовъ.

— Да, но какой это веселый народъ!

— Благодарю! У нихъ только водка да колбаса. Хорошій пріемъ, но только для... улицы.

— Тише: Цабинская сидитъ въ ложѣ.

— Что же, развѣ она за сегодняшній день сдѣлалась невинной...

— Тише, поемте.

Это повторялось все время съ небольшими измѣненіями. Разговаривали съ публикой улыбками и взглядами. Въ перерывахъ, а иногда между дѣйствіями перебрасывались короткими, энергичными замѣчаніями о публикѣ, главнымъ образомъ о мужчинахъ, такъ какъ женщинъ только критиковали и насмѣхались надъ ними.

За кулисами было полно разныхъ личностей; служанки, машинисты, мальчики изъ буфета, актеры, ожидающіе выхода,— всѣ смотрѣли на сцену.

Няня съ двумя старшими ребятами сидѣла у самой авансцены подъ шнуромъ занавѣса.

Было такъ жарко, что актеры почти задыхались и румяна стекали по ихъ лицамъ.

За кулисами Вавржецкій отчаянно кивалъ головой Мими, пѣвшей дуэтъ съ Владекомъ; въ перерывахъ актриса со злостью показывала ему языкъ и придвигалась все ближе.

— Дай же ключъ отъ квартиры... забылъ ботфорты, а сейчасъ будутъ нужны.

— Въ уборной, въ платьѣ... Могъ бы вѣдь додуматься самъ...— отвѣтила она, выходя на сцену, громко распѣвая.

Хальтъ гремѣлъ палочкой о пюпитръ, такъ какъ Владекъ проглатывалъ ноты и все время трясся, но возмущеніе капельмейстера заставляло его еще больше сбиваться съ такта, и пѣть все хуже.

— Нарочно сыплетъ такъ, свинья, швабъ!—шипѣлъ

онъ со злостью, въ то же время сжимая въ любовной сценѣ поющую Мими.

— Не сжимай же меня такъ сильно... поломаешь мнѣ, клянусь Богомъ, ребра!..— шипѣла Мими, одновременно улыбаясь отъ упоенія.

— «Люблю тебя... люблю безумно!.. люблю тебя!» — пѣлъ пламенно Владекъ.

— Ты взбѣсился!?. у меня будутъ синяки и...— она внезапно умолкла, такъ какъ Владекъ пересталъ пѣть и раздался громъ аплодисментовъ; Мими схватила его за руку и потянула впередъ кланяться публикѣ.

Во время антракта Янка любопытно присматривалась къ первому ряду креселъ: ей говорили, что тамъ сидятъ сотрудники газетъ; впрочемъ она сама видѣла на спинкахъ ихъ названія.

Редакторъ стоялъ въ срединномъ проходѣ и разговаривалъ съ какимъ-то толстымъ блондиномъ.

— Смотрите, пожалуйста, вотъ тотъ господинъ, который приходитъ сюда за кулисы,—редакторъ какой газеты? — спросила Янка сценаріуса, слѣдившаго за установкой сцены для слѣдующаго дѣйствія.

— Вѣрнѣе, что никакой — это редакторъ сезонный— Садоковъ.

— Не можетъ быть... онъ самъ говорилъ мнѣ, что...

— Хи, хи! — разсмѣялся тихо сценаріусъ — ахъ, наивны вы, барышня, вѣрить тому, что говоритъ, приходя за кулисы, публика.

— Но вѣдь онъ сидитъ въ креслахъ прессы, — привела Янка вѣскій аргументъ.

— Ну такъ что? тамъ много такихъ шелопаевъ. Видите ли, только этотъ блондинъ настоящій литера-

торъ и театральный критикъ, а остальные... такъ себѣ, перелетныя пташки: Богъ знаетъ, кто такіе, что дѣлаютъ... живутъ со всѣми, много говорятъ, имѣютъ откуда-то деньги, вездѣ на первыхъ мѣстахъ, а потому никто ихъ даже и не спрашиваетъ, кто они такіе...

Янка слушала, непріятно затронутая этимъ открытіемъ.

— Но вѣдь восхитительно, вы восхитительно выглядите,— закричалъ редакторъ, влетая на сцену и уже издали протягивая ей руку. — Настоящій портретъ Грезы! Только побольше смѣлости, и все остальное пойдетъ, какъ по маслу. Завтра же сдѣлаю замѣтку о вашемъ появленіи на сценѣ.

— Очень вамъ благодарна,— сказала Янка холодно, не смотря на него.

Редакторъ повертѣлся и побѣжалъ къ мужскимъ уборнымъ.

— Добраго вечера, господа!.. Какъ чувствуете себя, директоръ?

— Ну, какъ въ залѣ?.. были вы въ кассѣ?.. Реквизиторъ!.. собачій сынъ, неси мнѣ скорѣй животъ!..

— Почти всѣ мѣста распроданы...

— Какъ идетъ пьеса?

— Хорошо, очень хорошо! Я вижу, директоръ, что ты освѣжилъ хоръ: какая-то прелестная, свѣтловолосая, такъ и притягиваетъ глаза...

— Что?.. она такъ хорошо выглядитъ?.. это совсѣмъ свѣженькая.

— Завтра поставлю тебѣ, директоръ, въ заслугу, что заботишься о глазахъ публики.

— Хорошо, хорошо... давайте же животъ скорѣе!

— Директоръ, дайте мнѣ пожалуйста записку въ кассу на два рубля; я долженъ сейчасъ поспѣть за ботинками,— просилъ какой-то актеръ, поспѣшно напяливая костюмъ.

— Послѣ представленія! — отвѣтилъ директоръ, придерживая на животѣ подушку. — Стягивай крѣпче, Антекъ!

Антекъ обвилъ его длинными пеленками, какъ мумію.

— Директоръ, мнѣ нужны ботинки на сцену, не въ чемъ выйти!

— Убирайтесь, мой дорогой, къ чорту и не мѣшайте мнѣ теперь!.. звонить!..—бросилъ онъ сценаріусу.— Скорѣй жилетку!.. Реквизиторъ, какая на сценѣ мебель? — спрашивалъ директоръ, почти кричалъ, но реквизиторъ не слышалъ. — Парикмахеръ, парикъ!.. скорѣй! Вы меня всегда, клянусь Богомъ, заставляете опаздывать!

Цабинскій, сколько бы разъ ни игралъ, всегда съ недоразумѣніями по части гардероба. Всегда робѣлъ, а потому, чтобы заглушить страхъ, ругался, ссорился; парикмахеръ, портной и реквизиторъ должны были бѣгать вокругъ него, чтобы онъ не забылъ взять чего-нибудь на сцену. Несмотря на то, что онъ начиналъ одѣваться рано, онъ всегда запаздывалъ и заканчивалъ свое одѣваніе или гримъ почти за кулисами. Только на сценѣ приходилъ въ себя.

Теперь было то же; запропастилась куда-то палка, онъ искалъ и кричалъ:

— Палку! кто взялъ мою палку!.. Палку, чортъ возьми, сейчасъ выхожу!

— Въ уборной подымаешь шумъ, какъ на охотѣ на слоновъ, на сценѣ же жужжишь тихо, какъ муха, — медленно произнесь Станиславскій, ненавидящій крики.

— Не хочешь слушать, ступай себѣ въ садъ.

— Останусь здѣсь и хочу имѣть покой. Никто при васъ одѣваться не можетъ.

— Эй, смотри за собой, художникъ! — закричалъ въ бѣшенствѣ Цабинскій, тщетно разыскивая палку.

— Подмастерье, говорю тебѣ, что художественность не — въ крикѣ.

— Но и не твой лепетъ... Палку! Люди, дайте же мнѣ палку.

— Художникъ — не обойщикъ такой, какъ ты на сценѣ! — прошипѣлъ со злостью Станиславскій.

— Пожалуйте на сцену! — крикнулъ сценаріусъ.

Цабинскій побѣжалъ, вырвалъ у кого-то изъ рукъ палку, повязалъ себѣ на шею черный платокъ и выскочилъ на сцену.

Станиславскій пошелъ за кулисы; всѣ разбѣжались, уборная опустѣла, только портной сталъ собирать разбросанные на землѣ костюмы и относить ихъ къ реквизитору.

Вошелъ режиссеръ Топольскій и по привычкѣ, подкладывая подъ голову руки, растянулся на разставленныхъ стульяхъ.

Это было его страстью: слушать изъ отдаленія голоса на сценѣ, ослабленные звуки музыки, неясные отзвуки пѣнья — и мечтать.

Онъ былъ — огненной смѣсью разныхъ элементовъ: актеръ, имѣвшій настоящій талантъ и кромѣ театра ничего не желавшій знать. Въ игрѣ былъ ультра-реа-

листомъ, надъ чѣмъ не мало издѣвались. Жилъ съ Майковской: они двое составляли центръ труппы. Страстно любили другъ друга; но почти ежедневно дѣлали другъ другу скандалы.

— Морисъ! скажу же я тебѣ, какую штуку выкинулъ я съ Цабинскимъ — такъ ты лишь подскочишь! — закричалъ Вавржецкій, влетая въ уборную.

— Убирайся къ чорту! — промычалъ режиссеръ, и такъ дернулъ ногой, что Вавржецкій перекувыркнулся бы, если бы во-время не подался назадъ; Топольскій приходилъ въ бѣшенство, когда нарушали его одиночество.

— Спеціальный талантъ въ области дрыганія ногами... могъ бы смѣло поступать въ циркъ — на трапеціи!

— Чего тебѣ? говори скорѣй и отправляйся въ преисподнюю.

— Цабинскій далъ мнѣ десять рублей... А что? не говорилъ тебѣ, что провалишься?..

— Цабинскій далъ тебѣ десять рублей аванса? ложь, гнуснаго сорта! — сказалъ Топольскій и легъ опять.

— Честное слово. Сказалъ ему только подъ секретомъ, что Цѣничевскій снова появился на горизонтѣ, что продалъ свой послѣдній голѣжинскій участокъ земли и собираетъ новую труппу; что и съ тобой уговаривался.

— Обезьяна зеленая. Даже, если бы Цѣничевскій мнѣ давалъ тысячу рублей въ мѣсяцъ, я не былъ бы у него. Предпочелъ бы самъ собрать труппу.

— Морисъ, а почему, въ самомъ дѣлѣ, не сдѣлаешь этого?

— Думаю надъ этимъ давно. Если бы ты не былъ

такъ глупъ и понималъ что-нибудь въ искусствѣ, я разсказалъ бы тебѣ свой планъ, такъ какъ деньги могу имѣть каждую минуту. Ты знаешь, что ты моя слабость, но ты меня не поймешь, кромѣ того, ты безконечно глупъ и болтливъ.

Вавржецкій опустилъ голову и наивно отвѣтилъ:

— Что же подѣлать?.. Вѣдь я хотѣлъ бы умѣть и знать многое; но всякій разъ, какъ только начну думать, или читать что-нибудь, сейчасъ же меня клонить ко сну, а то Мими вытянетъ гулять — и все кончено!

— Зачѣмъ ты живешь съ ней? пусти ее на траву, или переуступи кому-нибудь.

— А зачѣмъ ты живешь съ Мелей?.. вѣдь тебѣ съ ней тоже не Богъ вѣсть какъ хорошо!

— Это совсѣмъ другое. У Мели талантъ, я люблю ее — очень люблю сильныхъ женщинъ. Люблю женщинъ съ душой, такихъ, которыя какъ разойдутся, то въ любви кусаются, готовы съѣсть и бьютъ. Могу быть увѣренъ, что въ такой есть хоть какая-нибудь душа. Ненавижу людей искуственно склеенныхъ, точно манекены... тьфу! чортъ возьми! А Мими такая живая и веселая. Это она подала мнѣ мысль о Цѣничевскомъ, хотимъ вотъ на-дняхъ развлечься, поѣхать на Бѣляны. Ѣдетъ съ нами и тотъ... знаешь... авторъ пьесы, которую будемъ играть...

— Глоговскій. Хо, хо! Этотъ парень имѣетъ зубы. Пьеса пойдетъ въ этомъ мѣсяцѣ; великолѣпная вещь— адски хорошая; но провалится, для нашей публики... твердая, не по зубамъ...

— Мими онъ очень понравился за то, что сказалъ ей прямо въ глаза, что она глупа... Веселый парень!

— Вавржикъ! Я быть можетъ самъ осную товарищество; но бабъ пустимъ въ трубу и поселимся вмѣстѣ.. помнишь какъ въ Плоцкѣ и Калишѣ... будемъ сами готовить себѣ...

— Хорошее время!.. только, холера, скудно же было у этого Грабца!

— Ты не знаешь, что нѣкоторая нужда и борьба необходимы для настоящаго артиста.

Умолкли.

Раскатистый смѣхъ звучалъ среди публики, аплодисменты трещали такъ громко, что даже окна звенѣли — иногда крики удовольствія какъ буря врывались въ тишину уборной и заставляли мигать огоньки газа— и опять все стихало и плыли только медленные ритмичные отзвуки до тѣхъ поръ, пока вдругъ не поднялся оглушающій грохотъ... Дѣйствіе кончилось.

— Съ удовольствіемъ проѣхался бы каблуками по лбамъ этихъ крикуновъ! — промычалъ Топольскій.

— Разскажи же мнѣ свой планъ; даю тебѣ слово, что никому не разболтаю.

— Поѣду съ вами на Бѣляны; тогда и разскажу.

— Пикникъ удастся! Мими будетъ очень обрадована; полечу сказать ей, что и вы будете.

Топольскій всталъ и вышелъ въ садикъ, такъ какъ въ уборную, набивалось все больше и больше народа со сцены. Думалъ о Вавржецкомъ. Онъ очень любилъ его, хотя послѣдній и былъ его діаметральнѣйшей противоположностью.

Вавржецкій былъ глупый, легкомысленный кутила,

циникъ и гуляка перваго сорта, но несмотря на это, имѣлъ талантъ; въ провинціи считался однимъ изъ лучшихъ любовниковъ.

Это было изумительно; такъ какъ по происхожденію своему онъ былъ въ полномъ смыслѣ слова дитя улицы; сынъ сторожа изъ Лѣчна — игралъ молодыхъ и избалованныхъ барчуковъ. Никогда не задумывался надъ ролью, не старался ее отдѣлать, но сразу чувствовалъ и подмѣчалъ все, что ему было нужно; подмѣчалъ своей интуиціей, чѣмъ-то тѣмъ, изъ чего складывается каждый настоящій талантъ; создавалъ всегда новые типы и характеры.

Публика любила его, главнымъ образомъ женщины, такъ какъ онъ былъ очень красивъ и очень циниченъ. Не переносилъ никакихъ стѣсненій; въ товариществѣ не могъ выдержать болѣе двухъ мѣсяцевъ, такъ какъ изъ-за каждаго пустяка поднималъ скандалъ и переѣзжалъ въ другое мѣсто.

У Цабинскаго же былъ съ весны—удерживалъ его и Топольскій и какой-то романъ, завязанный за спиной Мими, которую онъ обожалъ.

Онъ былъ какъ дитя сердитъ и капризенъ. Имѣлъ страсть къ модному платью и новымъ романамъ... душу мотылька; но и его краски...

Въ уборной солистокъ разразилась буря; поднялся такой крикъ, что Цабинскій, сходя со сцены, быстро туда побѣжалъ — успокаивать.

Съ одной стороны къ нему подлетѣла Качковская, съ другой Мими, схватили его за руки и въ одинъ голосъ, стараясь перебить другъ друга, начали разсказывать.

— Если вы, господинъ директоръ, допускаете, чтобы тутъ творились такія вещи, то я больше не въ труппѣ!

— Скандалъ!.. Директоръ... всѣ видѣли... ни одного часу не буду служить съ нею!

— Директоръ! она!

— Не лгите!

— Это возмутительно!

— Это просто низко и смѣшно!

— Боже милосердный! да что же случилось?.. Боже мой, зачѣмъ я пришелъ сюда?! — жалобно стоналъ Цабинскій.

— Я разскажу вамъ, директоръ...

— Нѣтъ! разсказывать должна я — вы врете.

— Букашечки мои!.. клянусь, я не выдержу дольше и уйду.

— Вотъ какъ было: я получила букетъ, такъ какъ ясно — его подносили мнѣ, а эта... госпожа... стояла ближе, подошла и взяла... вмѣсто же того, чтобы передать его мнѣ — нагло поклонилась и оставила себѣ! — кричала со слезами и злостью Качковская.

— Вы врете!.. думаете повѣрю вамъ!.. можетъ быть отъ трубочиста вы когда-нибудь и получали букеты! Дорогой директоръ, мнѣ поднесли букетъ послѣ моего куплета, а эта привязалась, что это ей... Вѣдь смѣшно и глупо! Только и думаетъ, что за ея вытье—будутъ осыпать цвѣтами!

— Тебѣ подносятъ?.. тебѣ, не умѣющей взять по-человѣчески ни одной ноты?.. за твою шансонетную пискотню?!..

— Поетъ, какъ слонъ, съ котораго обдираютъ кожу, и еще форситъ.

— Молчите, сударыня!

— Я признанная актриса, и такой теленокъ, кочанъ капусты, жалкая хористка — смѣетъ еще меня обижать!

— Теленокъ этотъ, во всякомъ случаѣ, стоитъ гораздо больше, такъ какъ его держатъ не изъ вѣжливости за былыя услуги — не ради фальшивыхъ зубовъ, волосъ и преклоннаго возраста!.. Могли бы баюкать внучатъ своимъ пѣніемъ, а не играть на сценѣ!

— Директоръ, прикажите замолчать этой авантюристкѣ, или я сію же минуту покину ваше товарищество!

— Если эта вѣдьма не замолчитъ, то... клянусь любовью Вавржика, не кончу пьесы... Пускай чортъ поберетъ!.. Ужъ мнѣ даже жить надоѣло, играя съ такими...

Мими заплакала.

— Мими, вымажешь глаза, — крикнулъ кто-то.

Мими тотчасъ же перестала плакать.

— Чѣмъ же я могу вамъ помочь, чѣмъ? — кричалъ Цабинскій, только теперь получившій слово.

— Пускай мнѣ веренетъ букетъ и извинится! — воскликнула Качковская.

— Могу еще кое-чего добавить; по кулакомъ... Спросите, директоръ, хоръ; они видѣли лучше всего, кому подавали букетъ.

— Хоръ четвертаго дѣйствія! — крикнулъ Цабинскій въ кулисы.

Вошло нѣсколько мужчинъ и женщинъ, наполовину уже раздѣтыхъ, и съ ними Янка.

— Ну-съ, произведемъ судъ Соломона!

Въ уборную набилось много народа, и насмѣшки по адресу всѣми не любимой Качковской сыпались, какъ фейервейрки.

— Кто видѣлъ, кому подавали букетъ? — спросилъ Цабинскій.

— Не обратили вниманія, — отвѣтили всѣ въ одинъ голосъ, не желая пріобрѣтать враговъ въ лицѣ той или иной стороны; одна только Янка, ненавидѣвшая ложь и несправедливость, въ концѣ-концовъ сказала:

— Поднесли его Зажецкой... я стояла рядомъ и видѣла хорошо.

— А этому теленку здѣсь чего нужно? Явилась съ улицы и хочетъ имѣть еще право голоса... это... какая-то!.. — презрительно воскликнула Качковская.

Янка подступила къ ней и голосомъ, почти охрипшимъ отъ внезапнаго гнѣва, сказала:

— Вы не имѣете права оскорблять меня! За меня некому постоять; но я сама сумѣю справиться и не потерплю, чтобы меня кто-нибудь оскорблялъ! Слышите? Заткну тому глотку тѣми же оскорбленіями! Никто меня не оскорблялъ и не будетъ!..

Возвысила голосъ почти до крика, такъ какъ ея необузданная натура брала верхъ. Воцарилась страшная тишина, столько достоинства и силы было въ ея словахъ. Сверкнула глазами и вышла.

Съ Качковской сдѣлалась истерика, такъ какъ Мими съ другими женщинами покатывались со смѣху.

Цабинскій сбѣжалъ; быстро раздѣлся и устремился въ кассу.

— У! здорово живешь, что за номеръ, эта новая, — промычалъ кто-то.

— Качковская ей этого никогда не проститъ.

— Что сдѣлаетъ съ ней... дирекція взяла ее подъ свое покровительство.

Мими сейчасъ же послѣ окончанія представленія побѣжала къ хористкамъ. Отыскала Янку, еще не пришедшую въ себя отъ гнѣва; бросилась ей на шею, цѣловала и отъ всего сердца благодарила.

— Какая вы добрая... какъ я васъ люблю за это!

— Сдѣлала это, такъ какъ должна была поступить такъ.

— Васъ не остановило, какъ другихъ, что Качковская будетъ теперь вашимъ врагомъ.

— Это никогда бы меня не остановило. Силу человѣка измѣряютъ количествомъ его враговъ, — медленно раздѣваясь, сказала она гордо.

— Поѣдемте съ нами на Бѣляны, хорошо?

— Когда?... я не знаю только, кто будетъ?

— На этихъ дняхъ... Будетъ Вавржикъ, я, одинъ писатель, пьесу котораго будутъ играть у насъ, очень милый человѣкъ... Майковская, Топольскій и вы. Вы должжны ѣхать съ нами. Погуляемъ на славу! ужъ я вамъ ручаюсь.

Послѣ долгихъ настаиваній и поцѣлуевъ, которые Янка принимала довольно равнодушно — наконецъ согласилась.

— Знаете, завтра здѣсь будетъ большой праздникъ. Именины Цабинской. Одѣвайтесь; выйдемъ вмѣстѣ.

Подождали Вавржицкаго и пошли всѣ вмѣстѣ въ кондитерскую на чай, захвативъ между прочимъ Топольскаго, который въ кондитерской же написалъ воз-

званіе къ труппѣ — чтобы завтра непремѣнно и пунктуально собрались въ десять часовъ на репетицію.

V.

У Цабинскаго всѣ дни, когда шло представленіе, считались праздничными, и только три дня въ году были будни; это — сочельникъ, первый день Пасхи и... именины жены, приходившіяся на 19 іюля — св. Викентія à Paulo.

Въ эти три дня дирекція должна была устраивать торжественные пріемы.

Исчезалъ тогда Цабинскій - скряга, а появлялся Цабинскій — въ духѣ прежнихъ дворянъ — гостепріимный, и отпирались глубоко запрятанные прадѣдовскіе тайники расточительности. Это были выходы со всей роскошью, напаивали сверхъ мѣры и ни на что не жалѣли денегъ; а то, что немного позже, черезъ какой-нибудь мѣсяцъ «а конто» уменьшались и слышались сѣтованія на пустоту въ карманѣ, отсрочку уплатъ — на это обращали мало вниманія — ужъ если веселиться, такъ веселиться во-всю — въ день именинъ.

Имя Цабинской было Винцентина; почему мужъ называлъ ее «Пепой», этого никто не старался узнать, — настолько мало касалось это кого бы то ни было.

Согласно воззванію Топольскаго, на репетицію труппа собралась аккуратно. Предполагалось играть пьесу д'Эннери «Мученица», въ главной роли которой была неподражаема — и неподражаемо плаксива — сама директорша. Цабинская играла эту роль, въ самомъ дѣлѣ,

хорошо; вкладывала въ нее весь свой запасъ слезъ и голоса, и была очень довольна, когда публика уходила растроганной.

Это именинное представленіе было въ полномъ смыслѣ слова бенефисомъ для разнаго рода «телятъ», такъ какъ умышленно, чтобы игра Пепы казалась эффектной, роли распредѣлялись между едва посредственными силами.

Цабинская прошла прямо на сцену, ни съ кѣмъ не разговаривала и въ теченіе всей репетиціи хранила на лицѣ выраженіе глубокаго умиленія и восторга.

Послѣ окончанія репетиціи, когда вся труппа стала вокругъ, выступилъ впередъ Топольскій. Цабинская скромно опустила глаза, и представляясь удивленной— ждала.

«Вы позволите, милостивая государыня, принести вамъ отъ имени искренно васъ уважающихъ товарищей сердечныя поздравленія съ днемъ ангела и въ глубинѣ души своей таить надежду, что вы долго еще будете украшеніемъ нашей сцены, утѣшеніемъ для мужа и дѣтей. Изъ чувства вниманія къ вашимъ артистическимъ заслугамъ и благодарности за товарищескія отношенія труппа проситъ васъ принять это скромное подношеніе сердецъ доброжелательныхъ, не имѣющихъ возможности хоть слабо отблагодарить васъ за вашу доброту и сердечность».

Окончивъ, онъ протянулъ ей открытый футляръ, въ которомъ лежалъ сапфировый гарнитуръ, купленный на общую складчину и, поцѣловавъ у директорши руку, Топольскій отодвинулся въ сторону.

Теперь всѣ стали подходить къ ней отдѣльно; при-

кладывались къ рукѣ, женщины съ выраженіемъ пріязни и доброжелательности бросались ей на шею.

Владекъ, первый отдѣлавшійся отъ обязанности рукоцѣлованія, потянулъ Топольскаго за кулисы.

— Сплюнь скорѣй, а то еще отравишься этой массой вранья.

— Ну, — а она не отравится.

— Ба! Сапфиры стали сто двадцать рублей, за такія деньги можетъ слушать хоть цѣлую недѣлю.

— Благодарю, благодарю отъ всего сердца. Вы стыдите меня, господа, такъ какъ право же я не знаю — чѣмъ могла я заслужить столько доброжелательности, столько вниманія, — говорила растроганная Цабинская, такъ какъ сапфиры были, дѣйствительно, очень хороши.

Директоръ улыбался, потиралъ отъ удовольствія руки и всѣхъ безъ исключенія приглашалъ къ себѣ послѣ спектакля — очень сердечно, такъ какъ онъ не допускалъ мысли, что поднесутъ Пепѣ такой прекрасный подарокъ.

Директорша же находилась въ такомъ радостномъ состояніи духа, что крѣпко расцѣловала Янку, которая побуждаемая чувствомъ симпатіи, поднесла великолѣпный букетъ розъ, объясняя, что въ складчинѣ не участвовала, такъ какъ та производилась до ея поступленія въ труппу.

Цабинская не отпускала ее отъ себя и забрала съ собой на обѣдъ.

— О, это очень хорошіе люди и любятъ васъ, — сказала Янка за столомъ.

— Одинъ разъ въ годъ — это ихъ не разоритъ,—весело отвѣтила Цабинская.

Она ушла изъ дому въ кондитерскую, чтобы не мѣшать приготовленіямъ для вечерняго пріема, и отсидѣла тамъ свое обычное количество часовъ, разсказывая Янкѣ исторію именинъ съ умиленіемъ, которое, несмотря ни на что, не могло побѣдить чувства горечи и безпокойства, что редакторъ не подалъ о себѣ никакихъ признаковъ жизни и не прислалъ даже карточки.

Представленіе для нея было сплошною оваціей. Отъ публики она получила массу цвѣтовъ, редакторъ прислалъ огромную корзину розъ съ очень красивымъ браслетомъ.

Это привело ее въ восхищеніе. И какъ только редакторъ появился за кулисами, увела его въ самую глубь и страстно поцѣловала.

* *
*

Квартира Цабинскихъ представляла необычайное зрѣлище.

Двѣ первыхъ комнаты напоминали сцену и были заставлены мебелью, употребляемой въ театрѣ. Въ одной комнатѣ, посерединѣ огромнаго ковра, застилающаго весь грязный полъ, подъ вѣерной пальмой, стоялъ пуфъ; два зеркала съ мраморными подзеркальниками закрывали углы. Тяжелыя портьеры изъ бархата вишневаго цвѣта висѣли на окнахъ и дверяхъ. Куча огромныхъ фикусовъ и рододендровъ образовывала между окнами какъ бы оазисъ чудной зелени, на фонѣ которой ярко

выдѣлялись правильныя линіи бюста Венеры Милосской изъ пожелтѣвшаго гипса, стоящаго на задрапированномъ пурпурнымъ бархатомъ постаментѣ.

Въ глубинѣ рояль, окруженный гирляндами искусственныхъ цвѣтовъ и покрытый шкурой золотистой пантеры, съ набросанными на ней визитными карточками. Четыре маленькихъ столика, обставленные голубыми стульями, были соблазнительно разставлены на всего ярче освѣщенныхъ мѣстахъ. Почернѣвшія и обитыя золотыя рамы были искусно задрапированы красною матеріей и цвѣтами; ободранные обои ловко прикрыты картинами. Гостиная выглядѣла великолѣпно и имѣла видъ настолько изысканно-аристократическій, что даже Цабинская, вернувшись домой, нѣсколько минутъ стояла задумавшись и, наконецъ, воскликнула съ энтузіазмомъ:

— Великолѣпная сцена! Ясь, ты настоящій знатокъ своего дѣла, аплодисменты посыпались бы на тебя за такое устройство.

— О, Господи!.. Чудная кумедія! — добавляла няня, на цыпочкахъ проходя черезъ гостиную.

Цабинскій только улыбался; въ прошломъ, какъ драпировщикъ, онъ всегда имѣлъ успѣхъ.

Другая комната, еще больше первой — столовая, представлявшая обыкновенно складъ мусора и заставленная разными принадлежностями сцены, теперь необыкновенно напоминала ресторанъ: бѣлыя скатерти, накладное серебро, букеты цвѣтовъ и масса другой столовой утвари, все было достаточно шаблонно.

Цабинская едва успѣла переодѣться въ лиловое парадное платье, въ которомъ ея завядшее и попорченное

косметикой лицо помолодѣло и посвѣжѣло — какъ гости начали наполнять комнаты.

Барыни проходили прямо въ комнату Цабинской, третью по счету — рядомъ съ будуаромъ; мужчины же оставляли свое верхнее платье въ кухнѣ, раздѣленной на двѣ части принесенной со сцены и раскрашенной въ стилѣ Людовика XV стѣной.

Вицекъ въ театральной темно-синей ливреѣ, обшитой краснымъ шнуркомъ и многими золотыми пуговицами, не по росту широкой и длинной, въ сапогахъ съ желтыми отворотами, помогалъ актерамъ раздѣваться съ очень важною миной, словно настоящій грумъ изъ англійской комедіи; но иногда его темпераментъ сорванца бралъ верхъ, тогда онъ подмигивалъ актерамъ и кривлялся на всѣ лады.

— Вотъ, именинную обезьяну сдѣлалъ изъ меня директоръ — что?.. родная мать не узнала бы меня! Навѣрное, за эти прелести мнѣ не дадутъ ужинать... Или простятъ всѣ прегрѣшенія! — шепталъ онъ со смѣхомъ.

— Готово!.. начинать!.. — крикнулъ режиссеру Владекъ, хлопнувъ въ ладоши.

— Сцена ,черезчуръ великолѣпна для такого жалкаго фарса! — добавилъ Глясъ, входя за ними.

— Вы предпочли бы трактиръ — такъ какъ тамъ грязно, — бросилъ Владекъ.

— Всякое животное всегда готово промѣнить салонъ на хлѣвъ, — холодно отозвался Станиславскій, снимая сильно потертыя — безсмертныя, какъ ихъ называли, перчатки.

— Нашъ извѣстный, заслуженный и уважаемый нынче въ конюшенномъ расположеніи духа.

— Нѣтъ... обладаетъ только способностью отвѣчать каждому понятнымъ для него языкомъ — выручилъ Станиславскаго Владекъ, который съ Глясомъ былъ всегда на военномъ положеніи.

— Кончайте эту нравственную драму и начинайте что-нибудь изъ оперетки — это будетъ веселѣе.

Разошлись.

Женщины нарядныя, румяныя и прекрасныя, наполнивъ комнату, придали настроенію общества какую-то натянутость и холодность, и сидѣли неподвижно-робкія и чѣмъ-то стѣсненныя.

Янка пришла поздно: отъ гостиницы было далеко, да она и хотѣла принарядиться. Здороваясь со всѣми, блуждала удивленнымъ взглядомъ по лицамъ присутствующихъ и квартирѣ, такъ сильно поразила ее торжественность, царящая во всемъ. Одѣтая въ шелковое, кремовое съ оттѣнкомъ цвѣта геліотропа платье, съ васильками въ волосахъ и на лифѣ, высокая, съ чудно развившимися формами и своимъ бронзоватымъ цвѣтомъ лица при рыжихъ волосахъ — она была оригинальна и красива. Было въ ней что-то плѣнительное и породистое, двигалась она свободно, словно привыкла къ салонамъ, — между тѣмъ какъ ея подруги чувствовали себя стѣсненными въ этомъ причудливомъ театральномъ салонѣ; онѣ ходили, разговаривали, улыбались такъ, какъ на сценѣ, въ роли очень трудной и требующей постояннаго напряженія; видно было, что ихъ стѣсняетъ коверъ подъ ногами, что онѣ опасливо садятся на шелковыя кресла, двигаются, остерегаясь

притрогиваться къ предметамъ, въ общемъ, чувствуютъ себя только — фигурантами.

Пріемъ былъ торжественный: съ виномъ, подаваемымъ ресторанными лакеями, съ подносами, полными печенія, ликерами въ пузатыхъ бутылкахъ. Это все еще больше стѣсняло ихъ. Онѣ не умѣли изысканно пить и ѣсть; боялись надѣлать пятенъ на платьяхъ, мебели и быть смѣшными, такъ какъ нѣсколько мужчинъ, которыхъ совсѣмъ не поражалъ этотъ шикъ, слѣдили за ними, бросая насмѣшливыя замѣчанія.

Майковская выглядѣла великолѣпно; въ свѣтло-желтомъ платьѣ, отдѣланномъ розами, цвѣта бордо, со своими черными — почти съ синеватымъ отливомъ волосами и смуглымъ, классически-прекраснымъ лицомъ, она была похожа на одну изъ картинъ Веронезе; взявъ Янку подъ руку и бросая надменные взгляды на окружающихъ, она свободно разгуливала съ нею по гостиной.

Зато ея мать, которую какой-то коварный человѣкъ посадилъ на маленькомъ табуретикѣ, претерпѣвала всѣ муки Тантала; въ одной рукѣ держала рюмку съ виномъ, въ другой тартинку и на колѣняхъ лежало пирожное. Выпивъ вино, недоумѣвала, что сдѣлать съ рюмкой.

Она умоляюще смотрѣла на дочку, краснѣла и, наконецъ, спросила рядомъ сидящую Залинскую:

— Милая барышня, скажите, что мнѣ дѣлать съ этою рюмкой?

— Поставьте ее подъ стулъ...

Старушка такъ и сдѣлала. Надъ нею стали смѣяться, а потому она подняла ее и держала въ рукѣ.

Старуха Недзѣльская, мать Владека и владѣтельница дома на Пивной улицѣ, и потому очень уважаемая Цабинскими, сидѣла съ Качковской подъ цвѣтами и глазами безустанно слѣдила за сыномъ.

Между тѣмъ, въ столовой мужчины штурмомъ брали буфетъ; настроеніе повышалось за одно съ шумомъ, прорѣзываемымъ смѣхомъ или мѣткими остротами Гляса.

— И откуда это у тебя всегда хорошее настроеніе?..—спросилъ его Разовѣцъ, самый угрюмый актеръ изъ всей труппы, на сценѣ же играющій весельчаковъ и комичныхъ людей.

— Это—громкая тайна; ничѣмъ не огорчаюсь и у меня хорошій желудокъ.

— Ты имѣешь то, чего мнѣ именно не хватаетъ. Знаешь, пробовалъ я то средство, которое ты рекомендовалъ мнѣ, и ничего... ничего мнѣ не поможетъ. Чувствую, что не протяну эту зиму, такъ какъ если не болитъ у меня животъ, или бокъ, или сердце, то эта страшная боль лѣзетъ въ голову или просто-напросто сверлитъ, словно желѣзнымъ прутомъ, позвоночникъ.

— Воображеніе! Пей-ка лучше коньякъ... Не думай о болѣзняхъ и будешь здоровъ.

— Вы смѣетесь!.. а я скажу тебѣ откровенно, что не могу уже спать по цѣлымъ ночамъ, такъ какъ чувствую, какъ эта болѣзнь растетъ во мнѣ, словно вижу это нѣчто, что проникаетъ въ каждую жилу, въ каждую кость мою и сосетъ меня такъ страшно... такъ страшно! Становлюсь все слабѣе; вчера съ трудомъ могъ кончить роль, не хватало воздуха...

— Воображеніе, говорю тебѣ! Пей-ка со мной коньякъ!

— Воображеніе! воображеніе! но это воображеніе болитъ, ежедневно убиваетъ меня, это воображеніе болѣзнь и кончится смертью... слышишь, смертью!

— Лѣчись водой! или прикажи обрить себѣ голову, одѣть желтый кафтанъ и отправить къ бонифратрамъ, тамъ тебя, навѣрное, вылѣчатъ.

— Легко зубоскалить, разъ сами никогда не болѣли.

— Болѣлъ, клянусь Богомъ, болѣлъ! Выпьемъ-ка со мной коньяку. Съѣлъ однажды «Подъ звѣздой» такую котлету, что цѣлую недѣлю лежалъ въ кровати и отъ боли вился, какъ пискарь...

Они подвинулись немного вглубь, въ самый конецъ буфета подъ окно, и все время разговаривали. Одинъ все сѣтовалъ, жаловался — другой смѣялся; но вскорѣ ничего не было слышно, кромѣ лихорадочнаго шопота Разовца, или веселаго голоса Гляса, каждую минуту выкрикивающаго:

— Выпьемъ-ка со мной коньяку!

Топольскій съ Пѣсемъ стояли въ дверяхъ гостиной.

Свое грустное красивое лицо Пѣсь склонилъ къ нему, медленно жевалъ тартинку и каждую минуту вытиралъ ротъ цвѣтнымъ фуляромъ. Его большіе бирюзовые глаза безпокойно скользили по неподвижному, равнодушному ко всему, лицу Топольскаго.

— Искусство ради искусства!.. Не говори такъ, это — неправда... таковое не имѣетъ права существовать на сценѣ. Это похоже на то, что ты желалъ бы низвести искусство на степень жалкой игрушки для нѣсколькихъ слабоумныхъ, которымъ былъ бы весьма

по вкусу такой приторный соусъ; или что импульсы для этого искусства ты бралъ бы не изъ жизни, отсѣкалъ бы себя отъ нея, исходилъ бы отъ самого себя — человѣка, члена какого-то общества и какой-то породы.

— Мнѣ до этого нѣтъ дѣла. Искусство — не есть отраженіе мерзости этой какой-то породы и этого какого-то общества; не труба, которой разные болваны могутъ возвѣщать, что имъ тепло или мокро, что имъ хочется ѣсть или танцовать...

— Ну, а что же оно, человѣче, что же?.. — шепталъ лихорадочно Пѣсь.

— Отдѣльный міръ и въ самомъ себѣ, нѣчто находящееся за предѣлами всего и только для немногихъ.

— Неправда, это ложь!.. Искусство находится не за предѣлами всего, а надо всѣмъ... Оно нѣчто болѣе высокое, но то же... содержитъ въ себѣ все, такъ какъ все связано одно съ другимъ, все соединяется и все должно быть единымъ: благомъ и познаніемъ. Искусство это — сама природа; но природа сознательная.

— Оставимъ!.. на что намъ все это? и такъ достаточно рано занавѣсъ будетъ опущенъ и кончится фарсъ жизни! — сказалъ Топольскій какимъ-то кроткимъ голосомъ, въ которомъ ясно слышалась досада.

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Жить, это именно творить, сѣять по свѣту талантъ, энергію, чувство... въ настоящемъ итти на помощь будущимъ поколѣніямъ.

— Декламируешь, Пѣсь! Куда дѣлся твой стоицизмъ, рекомендуемое тобой равнодушіе и исканіе внутренняго покоя, твой аристократизмъ духа.

— Гдѣ?.. я понялъ; я заблуждался — мы не имѣемъ

права презрительно отодвигаться отъ жизни и ея страданій, это — только эгоизмъ. Смѣйся; но я говорю тебѣ, что теперь нашелъ правду.

— А если и это не правда?

— Такъ когда-нибудь найду ее... буду искать и найду...

— Найдешь... но скорѣе смерть или домъ для умалишенныхъ.

— Это меня вовсе не пугаетъ. Чѣмъ были бы одержанныя побѣды, если бы солдаты изъ страха смерти разбѣжались еще до сраженія на всѣ четыре стороны свѣта?..

— Морисъ! — шопотомъ позвала Майковская, приподнимая портьеру.

Топольскій наклонился къ ней, и она шепнула ему на ухо:

— Я люблю тебя!.. знаешь?.. — И разговаривая съ Янкой, пошла дальше.

— Это меня не напугаетъ, по крайней мѣрѣ знаю, что живу, имѣю цѣль... Убогость личной жизни касается меня только наполовину...

— Все это глупости, пустота! Что открыли всѣ эти мудрецы и изслѣдователи?..

— Что ты говоришь, человѣче?.. открыли міры, милліоны предметовъ. Сравни положеніе человѣчества ну хотя бы за столѣтіе назадъ съ теперешнимъ и увидишь большую разницу.

— Не вижу, стало ли лучше; наоборотъ стало хуже, такъ какъ масса такихъ, какъ ты, которые мучаются понапрасну... оставимъ это... у меня кое-что поважнѣе. Послушай, Пѣсь, могу ли я расчитывать на

тебя — если оспую товарищество, — спросилъ онъ тихо.

— Всегда. Предпочитаю даже получать меньше жалованія, но быть съ людьми. Со слѣдующаго сезона?

— Навѣрное не знаю. Скажу тебѣ черезъ нѣсколько недѣль... только тайна... помни.

— Будь спокоенъ. Долженъ только будешь дать мнѣ авансъ, такъ какъ у меня — долги.

Они шептались тихо какъ заговорщики и, чтобы не обратить на себя вниманія, маскировали свой разговоръ частыми и громкими раскатами смѣха.

Въ гостиной образовались кучки разговаривающихъ.

Цабинскій бѣгалъ все время, просилъ пить, наливалъ самъ и со всѣми цѣловался.

Пепа сидѣла въ гостиной съ редакторомъ и Котлицкимъ, однимъ изъ постоянныхъ покровителей сада. Она вела живой, веселый разговоръ, такъ что редакторъ каждую минуту покатывался со смѣху, а Котлицкій кривилъ улыбкой свое длинное, лошадиное лицо и обтягивалъ полы длиннаго сюртука. О немъ было извѣстно одно, что онъ богатъ и скучаетъ.

Котлицкій слушалъ довольно терпѣливо, наконецъ, деревяннымъ, какимъ-то беззвучнымъ голосомъ спросилъ, наклоняясь къ Цабинской:

А когда же кульминаціонный актъ сегодняшней пьесы — ужинъ?

— Сейчасъ... ждемъ только хозяйку этого дома.

— Ей вѣрно не заплачено за квартиру мѣсяца за три, потому столько вниманія, — шепнулъ онъ насмѣшливо и свободно.

— Вы всегда и во всемъ видите только самое скверъ-

ное! — отвѣтила Цабинская, ударяя его какимъ-то цвѣт-комъ.

— Сегодня вижу только одно, что вы плѣнительны, что у Майковской мина львицы, а та, которая ходитъ съ ней... но кто же это?

— Недавно ангажированная хористка.

— То-то и есть, что эта будущая представительница драматическаго искусства — прелестна своей оригинальностью и ей одной можно отдать предпочтеніе передъ всѣми взятыми вмѣстѣ; Мими похожа сегодня на свѣже-испеченную булку, такъ бѣла, кругла и румяна; у Росинской лицо, какъ у чернаго пуделя, попавшаго въ ящикъ съ мукой и нестряхнувшагося еще, а ея Зося выглядитъ, какъ только что выкупавшаяся и прилизанная борзая... Качковская похожа на сковороду съ растопленнымъ масломъ... госпожа Пѣсь — насѣдка, отыскивающая своихъ цыплятъ!.. Бржезинская задумчива какъ длинновязое С. — Глясъ — теленокъ въ радугѣ, и откуда, чортъ возьми, она налѣпила на себя столько красокъ?

— Вы неумолимый насмѣшникъ!

— Разрѣшите же мнѣ умолять васъ поторопиться съ ужиномъ...

Умолкъ.

Директорша со всѣми подробностями разсказывала о скандалѣ, который Майковская сдѣлала Топольскому.

Котлицкій слушалъ и морщился; онъ не любилъ сплетенъ и былъ довольно близокъ съ Топольскимъ.

— Право же жалко, что нѣтъ обычая, который заставлялъ бы васъ прокалывать вмѣсто ушей — языки;

для свѣта это было бо гораздо полезнѣе, — сказалъ онъ злобно, окружая себя облакомъ дыма и все время осматривая Янку, прогуливающуюся съ Майковской.

Обѣ разрумянились, такъ какъ были довольны тѣмъ, что всѣ смотрятъ на нихъ. Въ большихъ глазахъ Янки было выраженіе веселости, а ея красныя губы, показывая чудные зубы, смѣялись такъ ласково и свободно, что Котлицкій даже глаза щурилъ отъ удовольствія. Она склонила наивно голову и такъ просто смотрѣла на Майковскую, что можно было открыто подмѣтить на лицѣ ея выраженіе недовѣрчиваго любопытства. Иногда въ углахъ рта и въ глазахъ появлялся оттѣнокъ какой-то твердости и упорства, тогда пальцы ея нервно теребили головки приколотыхъ у корсажа васильковъ. Все это было минутно, но не ускользало отъ вниманія Котлицкаго.

Владекъ тоже какъ-то дольше разговаривалъ со своею матерью и глазами слѣдила за Янкой. Она импонировала ему своимъ превосходствомъ женщины изъ общества. Встрѣтился взглядомъ съ Котлицкимъ и отвернулся, немного смутившись.

Между тѣмъ, Майковская разсказывала нѣкоторыя весьма вольные и циничные эпизоды изъ своей жизни. Иногда такъ выразительно подчеркивала ихъ своимъ рѣзкимъ смѣхомъ истерички, что Янку охватывало чувство неудовольствія, и по ея необыкновенно живому лицу скользила упрямая тѣнь.

Къ нимъ пристала Зося Росинская, четырнадцатилѣтній подростокъ, типъ актерскаго дитяти, съ худой, длинной, какъ у борзой, мордочкой, синеватымъ цвѣтомъ лица и большими глазами Мадонны. Короткіе,

завитые волосы волновались съ каждымъ движеніемъ головы, а тонкія, узкія губы, казалось, такъ и кусались со злости, когда живо отвѣчала Майковской.

— Зося! — энергично позвала Росинская.

Зося подошла и сѣла рядомъ съ матерью, угрюмая и злая.

— Вѣчно тебѣ повторяю, никакихъ сношеній съ Майковской! — она съ такой заботливостью поправляла на головѣ дочери локоны, что та даже зашипѣла отъ боли и тихо отвѣтила:

— Не морочь меня, мама!.. Только надоѣдаешь мнѣ!.. Я люблю госпожу Мелю, такъ какъ она не такое чучело, какъ другіе, — щебетала она со злостью и наивно, какъ дитя, улыбалась смотрящей на нее Нѣдзѣльской.

Подожди, дома поговоримъ! — еще тише отвѣтила мать.

— Хорошо, хорошо... увидимъ, мамочка!

Росинская обернулась къ Станиславскому, который ничего не пилъ, а потому все время сидѣлъ рядомъ и разговаривалъ. Она принялась дѣлать замѣчанія по адресу Майковской, съ которой была всегда на военномъ положеніи, такъ какъ репертуаръ у нихъ былъ одинъ и тотъ же; но Майковская имѣла талантъ, молодость и красоту, а Росинскую понемногу устраняли отъ главныхъ ролей. Мучило ее это страшно; она дѣлала ужасные скандалы, такъ какъ зависть и униженіе жгли ее, какъ огнемъ. Переносила страшныя муки — актрисы, у которой уже не хватаетъ силъ, голоса и артистическихъ данныхъ, а также женщины старѣющейся, ко-

торую бросаютъ, какъ негодную уже вещь — ради другой, которая моложе, способнѣе и красивѣе.

Она ненавидѣла всѣхъ молодыхъ женщинъ, такъ какъ въ каждой видѣла соперницу, воровку, похищающую у нея роли и публику.

Ахъ! какъ часто плакала она отъ невыразимаго страданія, когда въ роли, въ которой она нѣкогда производила фуроръ, теперь безъ аплодисментовъ сходила со сцены!.. сколькихъ безсонныхъ ночей и горькихъ слезъ стоили ей успѣхи Майковской — этого никто не зналъ.

За послѣднее время она сблизилась съ Станиславскимъ, такъ какъ чувствовала, что что-то подобное творится и съ нимъ; онъ не говорилъ ей объ этомъ, никогда не жаловался, но теперь, когда онъ повернулъ къ ней свое худое, желтое лицо, изрѣзанное мелкими, какъ волоски, морщинами и на которомъ угрюмо блестѣли желтоватые глаза, когда она увидѣла въ нихъ какое-то страшное, мучительное безпокойство, какую-то терзающую до безумія и сохраняемую въ глубинѣ мысль и это горькое, грустное, безбрежно-угнетенное выраженіе посинѣвшихъ губъ — то была почти увѣрена въ своемъ предположеніи:

— Не только Майковская... вѣдь ты видишь, какъ они всѣ играютъ!.. что такое этотъ ихній театръ!..

— Вы замѣтили, какъ Цабинская играла сегодня?

— Замѣтилъ ли?.. я ежедневно вижу это, давно знаю — что они такое... давно!.. Что такое самъ — Цабинскій?.. пустомеля, которому въ мое время не дали бы и роли лакея!.. А Владекъ! это артистъ, что?.. Животное, которое изъ сцены дѣлаетъ публичный домъ!..

онъ играетъ только для своихъ любовницъ! Въ его игрѣ баринъ — сапожникъ, а парикмахеръ — босякъ съ Вислы... Что вводятъ они на сцену?.. Шалопайство, улицу, кривлянiе, грязь... А Глясъ — что онъ такое?.. Въ жизни — пьяница; но это еще пустяки — актеръ не долженъ шляться съ разными негодяями по кабакамъ; актеръ не долженъ на сценѣ съ перепоя икать и грубить... Посмотрите въ пьесѣ Жулковскаго «Мастеръ и подмастерье»; это — типъ, типъ настоящаго пьяницы, широкiй и классическiй типъ; тамъ и жестъ, и поза, и мимика, и благородство... Во что превращаетъ эту роль Глясъ?.. Въ грязнаго, отвратительнаго пропойцу сапожника — самаго послѣдняго сорта. Это искусство! А Пѣсь? Пѣсь также не лучше, хотя имѣетъ марку хорошаго артиста... это убожество, вѣчное штопанье; на сценѣ у него такое расположенiе духа, какъ у грызущихся собакъ — не людское, не благородное... и не наше!..

Замолчалъ на минуту и протеръ себѣ глаза длинной, худой рукой съ узловатыми тонкими пальцами.

— А Кржикевичъ?.. Вавржикъ?.. а Разовѣцъ?.. это актеры, что?.. Актеры! Помните Калищинскаго? это былъ актеръ?.. стараго Кшесинскаго, Стобинскаго Фелка, Хелковскаго?.. стѣны ломать такими артистами!.. Что такое наши въ сравненiи съ ними?.. — спрашивалъ, водя полнымъ ненависти взоромъ по собравшимся — что такое эта шайка сапожниковъ, портныхъ, декораторовъ, парикмахеровъ... комедiанты, скандалисты, клоуны!.. Тьфу! къ чорту идетъ искусство! Еще нѣсколько лѣтъ, сойдемъ мы, и сдѣлаютъ они изъ сцены кабакъ, или циркъ, или публичный домъ...

Снова онъ замолчалъ, такъ какъ безсильная ненависть и гнѣвъ душили его.

— Слышите?.. они даютъ мнѣ теперь роли въ полстранички: старыхъ дѣдовъ, остолоповъ, мнѣ, слышите? мнѣ, на которомъ въ теченіе сорока лѣтъ держался весь классическій репертуаръ... мнѣ! А! а! — шипѣлъ онъ тихо, ногтями до боли раздирая себѣ руки. — Топольскій!.. Топольскій, онъ одинъ имѣетъ талантъ, но что дѣлаютъ изъ него? Разбойникъ, съ которымъ на сценѣ дѣлаются конвульсіи, который изъ сцены готовъ сдѣлать хлѣвъ, если этого захотятъ тѣ — ихъ новые писатели... Называютъ это реализмомъ, а это — одно свинство, гадость!

— А женщины?.. вы забываете женщинъ? Кто играетъ любовницъ и героинь?.. кто въ хорѣ?.. швеи, кельнерши, послѣднія... для которыхъ театръ только ширма для ихъ разврата. Но это ничего... директора этого и хотятъ; что имъ за дѣло до того, что онѣ не имѣютъ таланта, интеллигентности, красоты!.. и играютъ, играютъ первыя роли; играютъ героинь, а выглядятъ, какъ горничныя, или тѣ, что шляются по улицамъ!.. Только бы шла торговля, было бы только полно въ кассѣ, вотъ о чемъ стараются, — говорила она быстро, и волна крови залила ей лицо, она покраснѣла, несмотря на толстый слой пудры и бѣлилъ.

Оба умолкли, такъ какъ злость, ненависть, боль выворачивали и рвали ихъ внутренности. Не могли перенести этого и понять, и согласиться съ тѣмъ, что время ихъ проходитъ, что ихъ вытѣсняютъ новые люди и новыя понятія; что самъ возрастъ обезсиливаетъ ихъ въ этой тяжелой и упорной борьбѣ, происходящей безъ

отдыха и непрерывно. Хватались за послѣднія щепки, какъ утопающіе. Выговаривали морю, что вѣчный и безстрастный прибой волнъ все измѣняетъ берега. Съ невыразимымъ отчаяніемъ чувствовали свою немощь, упадокъ силъ, надвигающійся мракъ забвенія...

Сценаріусъ, который былъ нѣкогда извѣстный герой нѣсколькихъ театровъ, и старая Мировская, которую держали въ театрѣ изъ милости, благодаря ихъ возрасту и великолѣпному прошлому, — составляли обозъ остатковъ старой актерской гвардіи, сражавшейся въ другія времена, времена лучшаго расцвѣта артистическаго искусства, — и смотрящій на современность взглядомъ ястреба... Они находились подъ палубой тонущаго корабля, а потому ихъ отчаянныхъ криковъ никто не слышалъ.

Котлицкій кивнулъ Владеку и приготовилъ рядомъ мѣсто.

Владекъ, проходя, окинулъ Янку пламеннымъ взглядомъ и сѣлъ, потирая колѣно, которое порядкомъ донимало его всякій разъ, какъ посидитъ дольше.

— Уже — ревматизмъ, что? а слава и деньги еще далеко! — началъ насмѣшливо Котлицкій.

— И! на чорта — мнѣ слава!.. вотъ деньги, ихъ-то бы мнѣ...

— Думаешь, что когда-нибудь ихъ имѣть будешь?

— Буду... вѣрю въ это глубоко. Иногда мнѣ кажется, что я ихъ чувствую уже въ своемъ карманѣ.

— Правда, вѣдь мать имѣетъ домъ.

— И! шестеро дѣтей и долговъ до трубъ! Это — не то! Я ихъ вижу въ иномъ мѣстѣ...

— А пока по старой привычкѣ берешь взаймы, гдѣ можешь, что? — продолжалъ насмѣхаться Котлицкій.

— Тебѣ отдамъ и въ этомъ мѣсяцѣ, будь увѣренъ.

— Подожду — даже до кометы тысяча восемьсотъ двѣнадцатаго года; появится въ лѣто...

— Будетъ насмѣшничать... Ты невозможенъ со своими шутками. Право же палкой не причинишь столько вреда людямъ, какъ насмѣшками и своимъ цинизмомъ.

— Это мое оружіе! — отвѣтилъ Котлицкій, стягивая брови.

— Вотъ, быть можетъ, скоро женюсь, тогда всѣ свои долги заплачу...

Котлицкій быстро повернулся, заглянулъ ему въ глаза и, смѣшно искрививъ лицо, засмѣялся своимъ тихимъ, похожимъ на ржаніе смѣхомъ.

— Это геніальная выдумка; благодаря ей можешь обставлять не только своихъ сестеръ, но даже мать; засвидѣтельствуй эту мысль и используй...

— Серьезно думаю жениться... имѣю даже уже на примѣтѣ; домъ на Кривомъ-Кругу... барышня лѣтъ двадцати, свѣтлая блондинка, пухленькая, ловкая, смѣлая... Если мать мнѣ поможетъ, то быть можетъ женюсь еще до конца сезона.

— А театръ?

— Осную товарищество... сдѣлаю такую конкуренцію всѣмъ директорамъ, что ихъ черти возьмутъ!

Котлицкій снова смѣялся.

— Твоя мать очень разсудительна, и я увѣренъ, что она не позволитъ провести себя, мой дорогой!.. Что это ты такъ стрѣляешь глазами за этой кремовой, хе?

— О, это кокосовая особа, очень хороша!

— Да, но для этого кокоса зубы-то у тебя слишкомъ слабы. Не раскусишь, а зубы пожалуй сломаешь...

— А знаешь, какъ поступаютъ дикари?.. когда нѣтъ подъ рукой ножа или камня, раскладываютъ костеръ, кладутъ кокосъ въ огонь, и онъ отъ жара самъ раскрывается...

— А если не имѣется и огня, тогда какъ же? Не отвѣчаешь, мой дорогой?.. Тогда уходятъ, насладившись созерцаніемъ и мыслью, что другіе справятся съ нимъ...

Они должны были прервать разговоръ, такъ какъ вошла владѣтельница дома. Поднялась суматоха. Цабинская съ протянутой рукой и миной прояснившагося величія двинулась ей навстрѣчу.

Домовладѣлица, поднесши къ глазамъ лорнетъ въ золотой оправѣ, свысока оглядывала общество.

— Очень мнѣ пріятно!.. очень мило!..—повторяла она съ вялой улыбкой, ласково протягивая руку представляемымъ Цабинской. Корчила изъ себя большую барыню,—благородную, равнодушную и безстрастную ко всему; но уже съ утра ее терзало любопытство увидѣть близко этихъ громкихъ женщинъ, разсказы о жизни которыхъ слушала съ негодованіемъ, волнующимъ ее, какъ женщину, воспитанную и вращающуюся въ другомъ свѣтѣ.

Цабинскій, улыбаясь, подлетѣлъ къ ней съ виномъ и пирожными; но Пепа уже приглашала ужинать.

Домовладѣлица принялась было извиняться въ томъ, что опоздала, но ея тоненькій голосокъ терялся въ шумѣ голосовъ нѣсколькихъ десятковъ лицъ, садящихся за столъ. Она сѣла на почетномъ мѣстѣ, рядомъ съ

Пепой, Майковской и редакторомъ; Котлицкій помѣстился на концѣ стола, рядомъ съ Янкой, прибѣжалъ Владекъ и тоже сѣлъ между Янкой и Зелинской.

Всѣ устраивались, какъ могли. Только Кржикевичъ, маленькій человѣчекъ, играющій темныхъ типовъ, съ квадратнымъ подбородкомъ и острой бородкой остался безъ мѣста и игралъ роль вице-хозяина. Каждую минуту можно было видѣть въ разныхъ концахъ комнаты его желчное, какъ бы склеенное изъ разныхъ кусковъ лицо.

Янка разсматривала лица, медленно оживляющіяся; молчаніе и натянутость разсѣивались, глаза начинали загораться блескомъ.

Серебряные канделябры, букеты, корзины съ фруктами, бутылки — все это образовало какъ бы сѣть, изъ-за которой съ каждой минутой отчетливѣе вырисовывались раскраснѣвшіяся лица общества.

Послѣ водки и первыхъ кушаній стало веселѣе, кое-гдѣ раздавался смѣхъ, остроты, сказанныя вполголоса.

Въ отвѣтъ же на тостъ, произнесенный редакторомъ по адресу именинницы, гулъ голосовъ залилъ волнами своими всю комнату...

Принялись всѣ вмѣстѣ говорить, смѣяться и острить. Хмель началъ застилать мозги розоватымъ туманомъ и прясть въ сердцахъ радость.

Въ серединѣ ужина въ передней рѣзко зазвенѣлъ звонокъ.

Всѣ были налицо.

— Няня! ступай, отвори.

Няня, вертѣвшаяся у отдѣльнаго столика, за кото-

рымъ ужинали дѣти, пошла, отперла дверь и вернулась.

— Кто же тамъ пришелъ?

— Э — никто, только этотъ желтый — некрещеный! — сказала она съ презрѣніемъ.

Тѣ, что сидѣли ближе, расхохотались.

— Правда, не хватаетъ Гольда!.. любимаго, безцѣннаго Гольда!

Гольдъ вошелъ и, теребя рѣденькую, желтую бородку, раскланивался на всѣ стороны.

— Какъ живешь, нехристь?

— Уже — послѣ шабаша?

— Эй, жидъ! поди-ка сюда, здѣсь для тебя камерное мѣсто.

— Кассиръ! перлъ всѣхъ кассировъ, ступай къ намъ!

— Фундаментъ товарищества!

Кассиръ кланялся все время и со всѣми здоровался, не обращая вниманія на градъ злыхъ насмѣшекъ.

— Простите, что опоздалъ; но родственники мои живутъ на Шмульной, и я долженъ былъ сидѣть съ ними до конца праздника.

— Ну и кучель и шабашовка такъ были тебѣ по вкусу, что ты не торопился на христіанскій ужинъ.

— Садитесь. Если ѣсть не разрѣшается, то пить вѣдь можно, — угощалъ его Цабинскій, усаживая рядомъ съ собой.

Гольдъ тихо усѣлся, всѣмъ улыбаясь, въ то время какъ насмѣшки и взгляды все болѣе язвительные и презрительные сыпались на его курчавую семитскую голову.

Онъ не обращалъ на нихъ вниманія и принялся за ѣду. Былъ удивительно выдержанъ по части такого рода атакъ и оскорбленій, которыхъ ему никогда не жалѣли, мстя за трудность его службы и взяточничество.

Когда о немъ немного забыли,— принялся говорить и онъ.

— У меня самая свѣжая новость — вижу никто ея еще не знаетъ.

Вынулъ изъ бокового кармана газету и громко прочиталъ:

«Г-жа Сиповская, извѣстная талантливая артистка провинціальной сцены, играющая подъ псевдонимомъ «Николетты», получила разрѣшеніе дебютировать въ Варшавскомъ театрѣ. Артистка выступитъ первый разъ въ ближайшій вторникъ въ «Одеттѣ» Сарду. Надѣемся, что дирекція, ангажируя г-жу С., сдѣлаетъ весьма цѣнное пріобрѣтеніе для сцены».

Спряталъ газету и спокойно продолжалъ ужинать.

Общество опѣшило, услыхавъ столь страшную новость.

— Николетта на варшавской сценѣ! Николетта дебютируетъ!.. Николетта!?.— глухо шептали тронутые и задѣтые за живое услышаннымъ за минуту извѣстіемъ.

Наконецъ, устремили взоры на Майковскую и Пепу; обѣ молчали...

Лицо Майковской изображало презрѣніе, и Пепа, будучи не въ силахъ скрывать свою злость, теребила кружева у рукавовъ...

— Будетъ благословлять скандалъ, съ которымъ вылетѣла отъ насъ; это помогло ей, — сказалъ кто-то.

— Или талантъ, — съ умысломъ бросилъ Котлицкій.

— Талантъ? — завопила Цабинская. — Николетта и талантъ!.. ха!.. ха... ха! Вѣдь она горничныхъ не могла играть у насъ!

— Но въ варшавскомъ театрѣ будетъ играть другія роли.

— Варшавскій театръ! — Варшавскій театръ! это шолка-почище! — крикнулъ Глясъ.

— Хо! хо! подумаешь варшавскій театръ и всѣ ихъ актеры!.. велика штука!.. Разсказывайте тѣмъ, кто его не знаетъ! — кричалъ раскраснѣвшись Кржикевичъ, наливая вино владѣлицѣ дома.

— Платите намъ такое же жалованье и увидите, каковы мы!

— Истина! Пѣсь говоритъ правду... Кто можетъ думать только объ искусствѣ, когда не имѣетъ необходимѣйшаго для жизни, нечѣмъ платить за квартиру, ежедневно бороться съ нуждой, — развѣ это способствуетъ хорошей игрѣ?

— Ложь! Вытекало бы отсюда, что можно сдѣлать артистомъ перваго попавшагося пастуха, которому дадутъ только хорошо поѣсть! — воскликнулъ черезъ столъ Станиславскій.

— Нищета — это огонь, который сжигаетъ дерево, пухъ и всякое сметье; но благородный металлъ выходитъ изъ него еще болѣе чистымъ, — быстро говорилъ Топольскій.

— Чепуха... Выходитъ не болѣе чистымъ, а болѣе законченнымъ, и ржавчина съѣдаетъ его потомъ еще

быстрѣе... Бутылка стоитъ кой-чего не оттого, что въ ней былъ когда-то чудный токай, а оттого, что наполнена она шнапсомъ, чортъ возьми!..—неотчетливо бормоталъ Глясъ.

— Варшавскій театръ! Милосердый Боже! вѣдь тамъ, кромѣ двухъ, трехъ человѣкъ одно убожество, котораго въ провинціи никто знать не хочетъ.

— Такъ! такъ, чортъ возьми! актеры, которые въ два дня не въ состояніи сыграть новую пьесу,—послѣ одной репетиціи, не справятся и съ самой жалкой опереткой!.. А что бы ихъ потоптали... свиное рыло!..—какъ говоритъ нашъ дорогой Цабинскій. Господа, прошу слова!—кричалъ совсѣмъ пьяный Глясъ, желая приподняться со стула.

— Взяла бы насъ пресса подъ свое покровительство, сгоняла бы къ намъ ежедневно публику, записывала бы о насъ ежедневно хоть полъ-столбца!..

— Тогда что жъ?.. и остался бы ты только съ Вавржецкимъ.

— Да, но пришла бы публика и увидѣла бы, что этотъ Вавржецкій ничуть не хуже, а быть-можетъ даже и лучше, чѣмъ эти патентованныя знаменитости.

— Чортъ возьми, господа, прошу слова!—шепталъ Глясъ, тщетно пытаясь разстаться со стуломъ и удержаться на ногахъ.

— Публика!.. публика—это стадо барановъ, бѣжитъ туда, куда захотятъ пастухи.

— Не говори этого, Топольскій...

— Не спорь, Котлицкій! Я скажу тебѣ, что публика глупа; но эти ея пастухи—еще глупѣе!.. То, чѣмъ должна публика приходить по вашему желанію востор-

гаться, вѣдь это безсмысленно! Нынѣшній театръ, будь то Цабинскаго, Варшавскій или «Французская комедія» — это только театръ маріонетокъ, игрушка для дѣтей или толпы! — говорилъ черезъ столъ Котлицкому Топольскій, иронически улыбаясь.

— Какой же театръ нуженъ тебѣ, что?

— Чортъ возьми, господа, прошу слова, — бормоталъ Глясъ, тяжело опираясь на столъ и мутнымъ взоромъ смотрѣлъ на свѣчу.

— Глясъ, ступай спать, ты — пьянъ! — сказалъ рѣзко Топольскій.

— Я — пьянъ?.. чортъ возьми, прошу слова... я — пьянъ?!.. — мычалъ раскраснѣвшись Глясъ.

Голоса все повышались въ страстной брани противъ Варшавскаго театра. Воцарился страшный шумъ. Но во всѣхъ этихъ голосахъ протеста, насмѣшекъ, нареканій, во взглядахъ, воспламененныхъ виномъ и водкой, въ лицахъ внезапно взволнованныхъ, видно было, что этотъ театръ, наружно ненавидимый, глубоко вонзился въ черепъ каждаго и въ каждомъ сердцѣ вѣчно тлѣется желаніе проникнуть въ него, что онъ царитъ надъ ихъ душами, какъ маякъ земли обѣтованной.

Пили все больше и размѣщались, гдѣ кому было удобно.

Владекъ примостился между Майковской и владѣлицей дома и съ послѣдней пустился флиртовать.

Мили, подстрекаемая и сама растроганная, подошла къ Качковской, съ которой еще черезъ столъ перекидывалась взглядами и единичными дружелюбными словами. Сидѣли теперь рядомъ и, держась за руки, поминутно цѣловались, какъ самыя лучшія пріятельницы.

Янка, которая только короткими фразами отвѣчала Котлицкому, такъ какъ очень внимательно смотрѣла и прислушивалась къ разговорамъ, увидавъ Мими въ такихъ сердечныхъ отношеніяхъ съ Качковской, удивленно и вопросительно взглянула на Котлицкаго.

— Вы удивляетесь, что онѣ цѣлуются? — сказалъ онъ.

— Третьяго дня онѣ такъ страшно поссорились, что я никакъ не думала, что между ними возможно соглашеніе...

— Э... это была такъ себѣ комедія, сыгранная недурно и мимолетно...

— Комедія?.. а я думала, что...

— Что подерутся? И это случается за кулисами между первыми и сердечнѣйшими... Съ какой планеты, скажите ради Бога, свалились вы въ театръ, что удивляетесь людямъ и притворству?..

— Я пріѣхала изъ деревни, гдѣ ничего не слышно объ артистахъ, а только о самомъ театрѣ, — отвѣтила она просто.

— А, тогда извините... Теперь мнѣ понятно ваше удивленіе, и позволю себѣ растолковать вамъ, что всѣ эти ссоры, крики, интриги, зависть, даже драки — только нервы, нервы и нервы! которые играютъ всѣмъ, какъ разбитый рояль — при самомъ слабомъ дотрогиваніи. Минутныя слезы, минутный гнѣвъ, минутная ненависть, а любовь самое большое на недѣлю. Это комедія людей съ разстроенными нервами, игранная во сто разъ лучше, нежели настоящая, такъ какъ играется инстинктивно. Позволю себѣ окрестить ихъ такъ; всѣ женщины въ театрѣ — истерички; а мужчины болѣе или

менѣе — неврастеники. Тутъ вы найдете все; но только не людей, — тихо шепнулъ онъ ей, указывая глазами на окружающихъ. — Вы давно въ театрѣ?

— Первый мѣсяцъ.

— Да, ничего удивительнаго, что вамъ еще все кажется страннымъ, изумляетъ, волнуетъ; что многія вещи, которыя видите здѣсь, возмущаютъ и внушаютъ отвращеніе; но завтра, черезъ мѣсяцъ, самое большее черезъ четыре, вамъ ничто не будетъ казаться страннымъ; все будетъ обычно и естественно.

— Или, что сдѣлаюсь такой же истеричкой, — весело подхватила она.

— Да. Даю вамъ слово, говорю совсѣмъ откровенно: — да! Вы полагаете, что въ этомъ свѣтѣ можно существовать безнаказанно и не сдѣлаться тѣмъ же, чѣмъ всѣ... это естественная необходимость. Расширимъ немного эту тему, чтобы убѣдиться лучше, хорошо?

— Слушаю съ удовольствіемъ и ничего уже не говорю.

— Вы росли въ деревнѣ, значитъ должны знать лѣса... Такъ вотъ, припомните себѣ хорошенько дровосѣковъ: развѣ они не имѣютъ въ себѣ чертъ общихъ съ лѣсомъ, который вѣчно рубятъ, — они бываютъ также жестки, крѣпки, угрюмы и равнодушны. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ пребыванія въ лѣсу имѣютъ уже не только въ чертахъ, но и во взглядахъ эту твердость дерева и тихую меланхолію прозябанія... А мясникъ?.. человѣкъ, который вѣчно убиваетъ, вѣчно дышитъ свѣжимъ мясомъ и дымящейся кровью, развѣ не имѣетъ ничего общаго съ тѣми, которыхъ онъ замучилъ?..

имѣетъ, и прибавлю, самъ — животное. А крестьяне?.. вы хорошо знаете деревню?..

Янка утвердительно кивнула головой и слушала.

— Вспомните поля — зеленыя весной, золотистыя лѣтомъ, сѣровато-рыжія, унылыя осенью; бѣлыя, твердыя, дикія запустѣніемъ — зимой; теперь смотрите — каковъ крестьянинъ отъ рожденія и до самой смерти. Мы говоримъ объ обычныхъ, нормальныхъ крестьянахъ. Мальчикомъ — это дикій, разнузданный жеребенокъ, сила весенней природы. Взрослый крестьянинъ это — богатырь лѣта, твердый какъ земля, высушенная іюльскимъ солнцемъ, сѣрый, какъ его пашни и пастбища, медлительный, какъ дозрѣваніе хлѣба... Осени всецѣло соотвѣтствуетъ старость мужика — это полная отчаянья, некрасивая старость, у которой глаза мутные, цвѣтъ лица землистый, какъ вспаханное поле, она безсильна, въ рубищѣ, какъ земля, съ которой убрана большая часть плодовъ, только кое-гдѣ желтѣютъ засохшіе стебли картофеля; вылеживается на заваленкахъ, не думаетъ, не ждетъ, не радуется... онъ самъ медленно возвращается въ землю, которая глохнетъ уже послѣ жатвы и въ блѣдномъ, осеннемъ солнцѣ — тиха, задумчива и сонна... Потомъ приходитъ зима; крестьянинъ въ бѣломъ гробу, новыхъ сапогахъ и чистой рубахѣ ложится въ землю, которая какъ-то на зарѣ такъ же празднично расфрантилась въ снѣгъ и заснула, и съ жизнью, которой онъ жилъ, и которую такъ безсознательно и дико любилъ, — съ нею вмѣстѣ онъ умираетъ; такой же холодный и твердый, какъ тѣ загоны, стянутые морозомъ, которые его кормили. Барышня! это человѣкъ не такой, какъ мы, онъ не оторвался отъ земли

и имѣетъ ея всѣ не измѣненные признаки, земля сотворила его по своему образу...

На минуту задумался, а потомъ снова продолжалъ:

— Вы не хотѣли бы быть истеричкой и остаться въ театрѣ, и играть, и быть актрисой... это невѣроятно! Это жизнь среди иллюзій, это ежедневное познаваніе новыхъ людей, чувствъ и мыслей на этой живой поверхности впечатлѣній, среди искусственныхъ возбужденій, упоеній, страданій, восторговъ и любви, злодѣйствъ и жертвъ — это должно передѣлать каждаго человѣка, разрушить его прежнюю индивидуальность, перековать, а то такъ размягчить душу, что на ней все отпечатается. Вы должны быть хамелеономъ: на сценѣ — для искусства; а потомъ въ жизни — по необходимости, такъ какъ быть другой не сумѣете... Артизмъ — это безуміе чувственной и мозговой впечатлительности, которая все впитываетъ въ себя и на все распространяется и прежде всего спѣшитъ погубить свое — я. Гдѣ ужъ говорить — имѣю въ виду актеровъ — о житейскомъ индивидуализмѣ, общемъ развитіи и какой-нибудь уравновѣшенности, когда всѣ театральныя настроенія такъ тѣсно переплетутся со своими собственными, что невозможно отличить, гдѣ начинается мое личное я, а гдѣ театральное, артистическое, то-есть существующее лишь въ воображеніи?.. Люди эти живутъ остатками своей разсѣченной личности, какъ собственными тѣнями...

— Или, говоря иначе, нужно сдѣлаться дегенератомъ, чтобы быть артистомъ, — добавила Янка.

— Точно такъ, какъ безъ энтузіазма нѣтъ искусства, такъ и безъ нѣкотораго безумія — нѣтъ артиста!

Но зачѣмъ я говорю вамъ это? Тому, кто отправляется въ далекій путь, не слѣдуетъ напоминать объ опасностяхъ — можетъ благодаря этому не дойти...

— По моему мнѣнію, представленіе объ опасностяхъ придаетъ силы.

— Никогда. Ослабляетъ... да, разсужденія ослабляютъ волю. Смотрѣть въ одно время на все — это значитъ не видѣть ничего и останавливаться по серединѣ дороги и безпомощно оглядываться... Лучше же всего не видѣть ничего, только быть сильнымъ и итти впередъ...

— Но такъ можно не разсчитать своихъ силъ и пасть на полпути...

— Такъ что-жъ?.. иные, другіе навѣрное дойдутъ и убѣдятся, что не стоило итти... что не стоило стремиться ни къ чему, что не стоило дѣлать ни одного усилія, пролить одну слезу, перенести хоть одно огорченіе... такъ какъ все — только заблужденіе, обманъ...

— Боюсь понять, — прошептала Янка.

— Лучше, чтобы вы никогда не поняли этого, никогда не спрашивали, зачѣмъ и для чего?.. Лучше быть животнымъ, чѣмъ человѣкомъ, повѣрьте мнѣ...

Умолкли.

Янкѣ стало холодно и грустно, она задумалась надъ его послѣдними словами — и ея прежній, еще знакомый въ Буковицахъ страхъ передъ чѣмъ-то невидимымъ, охватилъ ее, хотя она старалась отъ него отдѣлаться; она засмотрѣлась на рядъ свѣчей — и летѣла въ какую-то даль, полную тишины и счастья...

Котлицкій, опершись одной рукой о столъ, засмотрѣлся на хрустальные графинчики съ ромомъ. На-

ливалъ рюмку за рюмкой и пилъ, задумчивый въ своей тоскѣ, которая сжимала его какой-то тупой, раздражающей болью... Ему стало скучно отъ разговора съ Янкой — разсказывалъ, но былъ золъ самъ на себя за то, что явилось же у него желаніе говорить такъ много. Его лицо, желтое, все покрытое веснушками и красноватыми, короткими волосами, съ выраженіемъ твердости въ чертахъ, въ кровавомъ отраженіи графинчика съ ромомъ было похоже на морду лошади.

Онъ смотрѣлъ на Янку и чувствовалъ, что его охватываетъ какая-то тихая злоба противъ нея, такъ какъ видѣлъ въ лицѣ ея столько силы, внутренняго здоровія, желаній, грезъ и надеждъ, что даже зашепталъ съ досадой:

— Зачѣмъ?.. зачѣмъ?..

И снова опрокинулъ себѣ въ ротъ рюмку вина, прислушиваясь къ общему говору.

Шло настоящее пьянство. Голоса звучали хрипло, лица были красны, и глаза сверкали изъ-подъ синеватой пленки опьяненія алкоголемъ, у многихъ губы бормотали что-то неясное и несвязное. Всѣ говорили, не заботясь о томъ, слушаетъ ли ихъ кто-нибудь, или нѣтъ; всѣ энергично убѣждали, громко ссорились, безцеремонно ругались, безъ всякой причины кричали или смѣялись, наружу вырывалась чисто животная грубость...

Свѣчи почти догорѣли, ихъ замѣнили свѣжими. Сѣроватый свѣтъ близкаго утра тонкими полосками врывался черезъ тростниковыя шторы и дѣлалъ болѣе тусклымъ свѣтъ свѣчъ.

Многіе стали подниматься и расходились по комнатамъ.

Цабинская и съ нею нѣсколько женщинъ, отправились въ будуаръ пить чай, который подавался въ чашкахъ.

Въ первой комнатѣ наскоро разставили нѣсколько столиковъ и сѣли играть въ карты.

Одинъ только Гольдъ сидѣлъ за столомъ и ѣлъ, разсказывая что-то Глясу, который былъ такъ пьянъ, что боялся даже пошевельнуться, чтобы не упасть со стула.

— Это бѣдные люди... Сестра моя — вдова, имѣетъ шестерыхъ ребятъ; я помогаю ей, какъ могу; но развѣ я въ состояніи много помочь?.. а дѣти растутъ и требуютъ все больше, — разсказывалъ Гольдъ.

— Такъ обкрадывай насъ больше, собачій сынъ!.. бери больше процентовъ и помогай хоть своимъ жиденятамъ...

— Старшій поступаетъ на медицинскій, младшій ходитъ въ лавку, а остальные — одна мелочь и такіе все слабые, болѣзненные, просто ужасъ!

— Потопи ихъ, какъ щенятъ, собачій сынъ! потопи и баста! — бормоталъ Глясъ, почти совсѣмъ лишившись сознанія.

— Вы — очень пьяны... — шепнулъ презрительно Гольдъ. — Вы представить себѣ не можете — какія это дѣти! какія это милыя, добрыя дѣти! Я никогда не могу вырваться оттуда...

— Женись, будешь имѣть своихъ жиденятъ, собач...

Его начала мучить икота.

— Не могу... сначала этихъ долженъ вывести въ

свѣтъ, — шепталъ Гольдъ, беря стаканъ съ чаемъ въ обѣ руки и опоражнивая его малыми глотками.

— Долженъ этихъ вывести въ люди, — добавилъ онъ, и глаза его затуманились отрадой этой любви.

Проходя, Кржикевичъ такъ сильно толкнулъ Гольда, что тотъ даже вскрикнулъ отъ боли; но продолжалъ улыбаться своей мысли о кучѣ племянниковъ.

Кржикевичъ, болѣе всего трезвый, такъ какъ не могъ никогда напиться, даже не извинившись передъ Гольдомъ, пошелъ дальше.

Онъ подходилъ туда-сюда, къ образовавшимся группамъ, опускалъ свою несчастную голову, бросалъ нѣсколько словъ и шелъ дальше. Интриговалъ; говорилъ ужасныя вещи о барышахъ Цабинскаго и тайно распространялъ новость, что Цѣпишевскій образовываетъ товарищество; между прочимъ давалъ понять, что знаетъ и другія подробности.

— Знаю изъ достовѣрныхъ источниковъ, что если бы вы ангажировались къ нему, руководительство всѣмъ онъ передалъ бы въ ваши руки, — шепталъ на ухо Топольскому.

— Можете брать себѣ, но я и Цѣпишевскій никогда заодно не будемъ.

— Почему?.. Парень имѣетъ добрыя намѣренія, а что еще лучше — деньги... жалованье вѣрное...

— А потому, что Цѣпишевскій—болванъ, образовываетъ товарищество только для того, чтобы имѣть гаремъ и титулъ директора. Поняли, господинъ Кржикевичъ?

— Вполнѣ понятно, что, обратившись къ прежнему,

опять будетъ ничего, не стоитъ обращать вниманія, такъ какъ деньги всегда останутся деньгами.

Топольскій повернулся къ нему спиной и пошелъ напиться содовой воды.

Всѣ жужжали какъ въ ульѣ, когда молодыя пчелы собираются вылетѣть въ свѣтъ.

Всѣ временно сдерживаемыя страсти, зависть, ссоры и заботы выплывали наверхъ. Говорили громко, осуждали всѣхъ безпощадно, чернили, сгущали краски и насмѣхались немилосердно. Всѣ были сами собой: никого не стѣсняли рамки одной, общей роли; играли тысячи ролей. Притворство души имѣло здѣсь свою сцену, своихъ зрителей и актеровъ, часто геніальныхъ.

Янка, которую одурманило немного выпитое вино и многолюдность собранія, разговаривала съ Вавржецкимъ о театрѣ. Тотъ покатывался со смѣху, такими наивными казались ему ея взгляды.

Затѣмъ Янка расхаживала по комнатамъ, присматриваясь къ играющимъ въ карты, прислушиваясь къ разговорамъ и разнообразнѣйшимъ спорамъ; но всетаки чувствовала, что ей чего-то недостаетъ, чтобы быть вполнѣ довольной.

Когда-то она мечтала объ этомъ свѣтѣ, объ этихъ людяхъ, среди которыхъ находилась теперь; имѣла все это; но ей казалось — что это еще не то, что она создала своимъ воображеніемъ, во сто разъ больше и величественнѣе, и должно дать болѣе глубокое удовлетвореніе. Эти люди, исключая Котлицкаго, про котораго она забыла, были для нея та же публика. Никакъ не могла видѣть въ нихъ артистовъ. Совинская достаточно освѣдомила ее о нихъ; съ злобнымъ само-

довольствомъ разсказывала ей, что только о Топольскомъ и Нѣсѣ нельзя сказать, чѣмъ они были до поступленія въ театръ, такъ какъ остальные это все—ех-ремесленники, конторщики, купчики и т. д.

Въ ея глазахъ это уменьшало ихъ артистическія достоинства. Тутъ пришла ей на память сцена изъ шекспировскаго «Сна въ лѣтнюю ночь».

— Я мѣсяцъ! а я — левъ! — говорилъ почтенный столяръ, тщетно стремясь придать себѣ грозность и величіе короля пустыни.

— Это—все то же, то же!—шептала, всматриваясь въ общество проницательнымъ взоромъ изслѣдователя.— Развѣ Шекспиръ насмѣхался бы надъ всѣми и говорилъ бы усиліями этихъ простыхъ и грубыхъ натуръ, что всѣ выглядятъ такъ и всѣ таковы только въ отношеніи настоящаго артиста... Все это должно было бы быть только неудовлетвореннымъ желаніемъ, невольнымъ влеченіемъ слѣпыхъ къ солнцу! — раздумывала она съ нѣкоторій горечью и снова смотрѣла; по крайней мѣрѣ хотѣла увидѣть кончики крыльевъ за плечами, хоть самое слабое отраженіе чего-то безконечнаго въ глазахъ кого-либо изъ присутствующихъ; но видѣла только толпу, которая, казалось, говорила: — Я стѣна! Я — мѣсяцъ! Я — Пріамъ! Я — левъ!.. Не бойтесь, мы почтенные люди, которымъ Богъ знаетъ зачѣмъ приказано играть комедію! Тише! я зарычу сейчасъ, какъ левъ!..

Итакъ, они были портными, сапожниками, драпировщиками, кельнершами, швеями, женами, сбѣжавшими отъ мужей, и всѣмъ имъ какимъ-то рокомъ велѣно играть комедію... То были узкія, ограниченныя инди-

видуальности, сердца мелкія — толпа сѣрая; но въ этой толпѣ, собранной со всѣхъ грядъ жизни, было столько любви и стремленія къ искусству, къ театру, такъ полюбили они эту химеру, что бросили свои мастерскія, лавки, сравнительное благосостояніе, мужей и дѣтей, доброе имя, свѣтъ, въ которомъ росли, и, не заботясь ни о чемъ, шли за тріумфальной колесницей Мельпомены.

Они не разсуждали подобно Топольскому и Пѣсю, что такое искусство?.. но отдавали этому искусству свою жизнь, посвящали ему свои мозги и сердца, были его абсолютными невольниками, и навсегда. Ради него терпѣли нужду, страдали, переставали быть людьми.

Это были быть-можетъ души злыя, развратныя, грубыя; души, которыя на ярмаркѣ свѣта привѣтствуются пренебрежительнымъ смѣхомъ и презрѣніемъ; но несмотря на это, души эти были болѣе возвышенны, хотя бы только потому, что въ театръ ихъ толкалъ не пошлый инстинктъ пропитанія, что онѣ боролись за какую-то идею, которую мозги ихъ не умѣли даже хорошо уяснить себѣ.

Это были благородныя души, ибо шли за голосомъ природы — и страдали.

Янка очнулась: около стоялъ Котлицкій съ чашкой чаю въ рукахъ и своей скучающей улыбкой; началъ говорить:

— Разсматриваете общество? Не правда ли, сколько энергіи во всѣхъ движеніяхъ, какія это сильныя души; если бы всѣ эти нервныя напряженія можно было бы собрать въ одно, создалась бы сила нѣсколькихъ паровозовъ — сила, которая тратится на разговоры.

— Ваше злословіе также имѣетъ силу... — медленно сказала Янка; она начинала волноваться.

— Которая расходуется на сплетни и насмѣшки, — это вы хотѣли сказать?

— Почти вѣрно, только съ небольшой оговоркой, что и то и другое...

Колебалась.

— Что?.. умоляю васъ, скажите... страшно люблю, когда женщины... не лгутъ.

— ...Флиртъ довольно скучный и довольно пошлый — сказала быстро.

— Сильно сказано! сильно!.. Слушаю продолженія съ любопытствомъ.

— Только это я хотѣла сказать. Высказалась откровенно, такъ какъ не люблю лимонадовъ, болѣе или менѣе подслащенныхъ свѣтскими банальностями... Люблю говорить и смотрѣть на все просто; ненавижу флирта и ухожу обыкновенно направо или налѣво — лишь бы не стоять.

— Золотая середина — это драгоцѣнное правило мудрецовъ; оттуда всего лучше можно видѣть цѣлое.

— Э! это — мѣсто для глупцовъ-неудачниковъ, которые, не имѣя воли, силы, желанія дѣлать что-нибудь, предпочитаютъ смотрѣть и прославлять себя плодами наблюденій издалека. Такимъ кажется, что они все хорошо видятъ, а видятъ они только отраженіе, — говорила Янка съ увлеченіемъ и убѣдительно.

— Сильно, сильно!.. хочу вѣрить, что это говоритъ искренность, — шепталъ улыбаясь Котлицкій.

— Я думаю, что надо всегда стоять на той или на

другой сторонѣ и къ чему-нибудь стремиться, что-нибудь дѣлать и вкладывать въ это дѣло всю свою душу.

— И обольщать себя надеждой, что это насъ къ чему-нибудь приведетъ, — докончилъ за нее Котлицкій.

— Нѣтъ, не заботиться — къ чему приведетъ, лишь бы не довело до скуки.

— Позвольте, это также флиртъ; но въ другомъ видѣ. Мнѣ любопытно, къ чему приведетъ васъ эта ваша страстность; чего вы добьетесь этой своей чрезмѣрно раскаленной энергіей.

— Быть можетъ добьюсь того, чего хочу добиться, — отвѣтила она тихо, такъ какъ что-то сѣрое окутало ея мысли тонкой боязнью предъ чѣмъ-то невѣдомымъ.

— Увидимъ, увидимъ... — проговорилъ онъ медленно и протяжно, поставилъ на столъ чашку, попрощался съ Янкой и медленно вышелъ.

Въ передней, когда заспанный Вицель подавалъ ему пальто, услыхалъ за перегородкой монотонный шопотъ голосковъ. Приподнявъ матерію, увидѣлъ четырехъ мальчиковъ Цабинскаго, въ рубашкахъ, стоявшихъ на колѣняхъ и повторяющихъ за няней слова молитвы.

Маленькая лампадка горѣла передъ образомъ, висѣвшимъ надъ кроватью няни, и слабо освѣщала эту группу дѣтей и старую, сѣдую женщину, которая благоговѣйно склонилась къ землѣ, крѣпко ударяя себя въ грудь, и шептала со слезами въ голосѣ:

— Агнецъ Божій, искупившій грѣхи міра.

Дѣти повторяли сонными голосками и били себя кулачками въ грудь.

Поглядѣлъ задумчиво и тихо, безъ обычной усмѣшки, пошелъ дальше. Только на лѣстницѣ, какъ бы отвѣчая этой картинѣ и послѣднимъ словамъ Янки, прошепталъ:

— Но, но! Увидимъ, увидимъ...

Янка направилась въ будуаръ; но не даромъ ее задержала Нѣдзѣльская и почти насильно втянула въ разговоръ; позднѣе къ нимъ подсѣлъ Владекъ.

Всѣ понемногу стали расходиться по домамъ.

— Вы далеко живете? — спросила Нѣдзѣльская.

— На Подвалѣ, но самое позднее черезъ недѣлю переселяюсь на улицу Видокъ.

— Вотъ это хорошо, мы идемъ на Пивную; пойдемъ вмѣстѣ...

И сейчасъ же вышли.

Нѣдзѣльская взяла Янку подъ руку. Владекъ шелъ сбоку: былъ немного золъ, что долженъ итти провожать мать, про себя тихо ругался, а вслухъ дѣлалъ меланхолическія замѣчанія по поводу разсвѣта.

На улицахъ было совсѣмъ тихо.

Разсвѣтъ освѣтилъ мрачныя глубины горизонта, дома ясно вырисовывались. Газовые фонари, подобно золотому шнуру изъ блѣднаго пламени, тянулись безконечной линіей и сѣяли золотистую пыль на покрытыя росою тротуары и сѣрыя стѣны домовъ. Свѣжій, бодрый вѣтерокъ іюльскаго утра пролеталъ надъ улицами и поилъ очарованіемъ и покоемъ. Дома и улицы стояли притихшіе, еще погруженные въ сны ночи; чувствовалось, что вокругъ люди спятъ еще, сновидѣнія машутъ крыльями и роятся въ неясныхъ лучахъ свѣта.

Молча довели Янку до гостиницы; Нѣдзѣльская съ какой-то внезапной доброжелательностью поцѣловалась съ ней — и разошлись.

VI.

— Вамъ хорошо?..

— Думаю, что — да. Тихо и свѣтло, для меня этого достаточно... Кто жилъ здѣсь до меня?

— Госпожа Николетта. Она теперь въ Варшавскомъ театрѣ; это — тоже знаменіе.

— Еще неокончательно. Могутъ вѣдь ее еще и не ангажировать...

— Ангажируютъ... Госпожа Жарнецкая — это ловкачъ; сумѣетъ помочь себѣ. Не съѣли ее Майковская съ Цабинской, не съѣла ее въ теченіе шести лѣтъ провинція — такъ ее ужъ ничто не съѣстъ! — съ глубокой убѣжденностью говорила m-me Анна, дочь Совинской, къ которой Янка только что переѣхала.

Это была двадцатидвухлѣтняя женщина, нельзя сказать, чтобы красивая; но и не уродъ, съ неопредѣленнымъ цвѣтомъ глазъ и волосъ и весьма опредѣленной невозможной худобой и нескрываемой злобой.

У нея былъ магазинъ нарядовъ, подъ вывѣской «M-me Анна», которая сверкала надъ лавкой огромными золотыми буквами. Звали ее Стешнякъ — такъ что только прикрывалась французской вывѣской. Одѣвала главнымъ образомъ актрисъ и полусвѣтъ. Въ мастерской у нея работало нѣсколько десятковъ дѣвушекъ, кромѣ того имѣла мужа, который будто бы служилъ въ какомъ-то бюро, на самомъ же дѣлѣ волочился по всѣмъ

билліарднымъ и обивалъ пороги разныхъ кабаковъ. Дѣтей не имѣла, въ чемъ ихъ всегда упрекала мать ихъ Совинская, которой они дѣйствительно боялись и которая управляла всѣмъ и всѣхъ держала въ ежовыхъ рукавицахъ.

M-me Анна имѣла еще то отличительное качество, что хотя и жила съ артистами и имѣла часто даровые билеты, но въ театръ никогда не ходила и актеровъ терпѣть не могла. Мужъ совсѣмъ искренно слѣдовалъ ея примѣру. На этой почвѣ у нихъ съ матерью происходили частыя ссоры; но Совинская и слышать не хотѣла о томъ, что должна перестать ходить въ театръ.

Она такъ сжилась съ театромъ, что разстаться съ нимъ никакъ не могла; съ m-me же Анной отъ злости, что ея мать театральная портниха, дѣлалось разлитіе желчи. Она была скупа до омерзенія, глупа, безжалостна и завистлива...

Съ плохо скрываемой недоброжелательностью осматривала она гардеробъ Янки.

— Все это нужно передѣлать, за милю такъ и несетъ отсталой провинціей, — произнесла она свой приговоръ.

Янка начала ей немного возражать и убѣждала, что точно такіе же фасоны можно часто видѣть на улицѣ.

— Да, но кто ихъ носитъ — обратите вниманіе на это; лавочницы, сапожницы: уважающая себя женщина не надѣнетъ такихъ тряпокъ!

— Ну такъ ужъ прикажите все это передѣлать, хотя для меня лично все равно. Могу вамъ сейчасъ заплатить за эти передѣлки и за мѣсяцъ впередъ за квартиру.

— Не спѣшно. Вамъ нужно купить себѣ нѣсколько костюмовъ — это да.

— Хватитъ.

Янка заплатила тридцать рублей за первый мѣсяцъ, какъ условилась съ Совинской.

— Теперь оснуюсь надолго, — сказала она черезъ нѣкоторое время заглянувшей къ ней старухѣ.

— Развѣ надолго! Черезъ два мѣсяца снова переселяться... Цыганскій образъ жизни, съ воза на возъ, изъ города въ городъ... Никогда не обогрѣть себѣ угла, тоже удовольствіе!..

— Быть можетъ и удастся гдѣ-нибудь поселиться навсегда...

Совинская мрачно улыбнулась и тихо сказала:

— Такъ думаютъ всѣ сначала, а потомъ... потомъ все къ чорту, и кончаютъ вѣчнымъ скитаніемъ — до смерти... Человѣкъ треплется какъ тряпка и издыхаетъ гдѣ-нибудь въ берлогѣ — гостиницѣ.

— Не всѣ кончаютъ такъ! — весело отвѣтила Янка, не обращая вниманія на слова Совинской, такъ какъ всецѣло была поглощена распаковкой и разстановкой разныхъ мелочей.

— Что вы смѣетесь?.. это вовсе не смѣшно! — вдругъ закричала Совинская.

— Развѣ я смѣюсь?.. говорю, что не всѣ такъ кончаютъ, это вѣдь правда...

— Но такъ всѣ должны кончать, всѣ! — воскликнула она со злостью и вышла.

Янка не могла понять ни ея внезапнаго гнѣва, ни послѣднихъ словъ. Продолжала разставлять вещи; но

слышала хорошо, что въ сосѣдней комнатѣ, занимаемой Совинской, кто-то торопливо расхаживаетъ, швыряетъ вещи и громко ругается.

* *
*

Дни шли впередъ безудержно, какъ волны вѣчнаго прибоя, ударялись въ берега безконечности, разбивались о нихъ и опускались въ глубь временъ такъ тихо и безслѣдно, что слѣды ихъ существованія оставались только въ сердцахъ людскихъ.

Янка все глубже воспринимала театръ.

Регулярно ходила на репетиціи, потомъ на двухчасовой урокъ къ Цабинскимъ, немного позднѣе на обѣдъ, приготовляла къ представленію гардеробъ и около восьми шла снова въ театръ.

Въ дни, когда не шла оперетка и хоръ былъ свободенъ, она отправлялась въ Лѣтній театръ и тамъ, забравшись высоко, цѣлые вечера проводила въ мечтахъ. Пожирала глазами актрисъ, ихъ движенія, наряды, мимику, голосъ. Слѣдила за ходомъ пьесы такъ внимательно, что немного позднѣе могла детально возстановить ее въ своей памяти, и нерѣдко, вернувшись изъ театра, зажигала свѣчи, ставила ихъ передъ большимъ зеркаломъ, которое m-me Анна велѣла поставить у ней, и повторяла видныя роли, внимательно слѣдя за малѣйшимъ движеніемъ лица, пробуя принимать разныя позы; но рѣдко оставалась довольной.

Пьесы, которыя она видѣла, совсѣмъ не восхищали ее; оставалась равнодушной къ нимъ и скучала. Не

трогали ее мѣщанскія драмы, вѣчные конфликты между сердцемъ и привычками, флиртъ, которымъ главнымъ образомъ занимались писатели. Холодно повторяли ихъ рѣчи и на половинѣ сцены вдругъ останавливалась и шла спать. Всѣ эти пьесы современнаго репертуара были для нея черезчуръ ничтожны.

Всего этого никто не зналъ, такъ какъ она не любила откровенничать и среди товарокъ не имѣла пріятельницъ, потому что держала себя съ ними болѣе или менѣе высокомѣрно. Писала за нихъ письма, терпѣливо выслушивала ихъ тайны, но сама не откровенничала. Чувствовала себя почти столь же одинокой, какъ и въ Буковицахъ; ей казалось, что эта гуща людей, окружающихъ ее, еще болѣе удалена отъ нея, болѣе чужда, нежели толстые буки и сосны.

Напомнила Цабинскому о роли для себя при постановкѣ какой-нибудь новой пьесы.

Онъ старался отдѣлаться.

— Мы думаемъ о васъ; но сначала вы должны немного ознакомиться со сценой... Будемъ играть какую-нибудь мелодраму или пьесу для народа, тогда получите роль побольше...

Пока же играли только оперетки, такъ какъ онѣ дѣлали полный сборъ.

Въ отвѣтъ улыбалась, хотя ее и терзало нетерпѣніе; она научилась уже владѣть собой и носила маску улыбающагося равнодушія. Утѣшалась мыслію, что вѣдь когда-нибудь да должна же она покончить съ хоромъ, что придетъ вѣдь минута, когда она будетъ играть.

Въ упоеніи закрывала глаза, такъ какъ ее стреми-

тельно уносило въ будущее и она видѣла себя стоящей на сценѣ, въ какой-то огромной роли; видѣла магнетическіе взгляды толпы, чувствовала біеніе сердецъ и тоскливо улыбалась этому видѣнію.

Минуты, въ которыя она вмѣстѣ съ хоромъ пѣла на сценѣ или изображала «толпу», были для нея цѣлыми вѣками грезъ. Жадно ловила шопотъ удовольствія и полные энтузіазма крики публики. О, какъ завидовала она этимъ возгласамъ «браво» и аплодисментамъ, словно боялась, что въ будущемъ ихъ для нея не хватитъ, что уже теперь ее понемногу грабятъ.

Понемногу она пропитывалась атмосферой, въ которой жила.

А эта публика, такая странная, такая капризная, которую одни упрекали въ глупости, въ отсутствіи всякаго вкуса и высшихъ стремленій, другіе въ равнодушіи, но передъ которой всѣ благоговѣли, раболѣпствовали, дрожали и выпрашивали у нея ласкъ — эта публика сердила ее. Было что-то странное въ этой предубѣжденности Янки противъ публики. На сцену одѣвалась она всегда очень изысканно, лишь бы обратить на себя вниманіе; часто высовывалась впередъ, принимала самыя благодарныя позы; но всякій разъ, почувствовавъ на себѣ взоры толпы, которые охватывали ее нервной дрожью, разсерженная быстро подавалась назадъ.

— Сапожники! — шептала она презрительно, и тогда уже въ теченіе цѣлаго представленія держалась въ тѣни.

Въ уборной она никому ничего не спускала, хористки подчинялись ей безъ сопротивленія, такъ какъ чув-

ствовали въ ней высшую силу и боялись ея, видя, что она въ постоянныхъ и близкихъ сношеніяхъ съ дирекціей; импонировало имъ еще и то, что Владекъ неустанно ходитъ за нею, а Котлицкій, который раньше только изрѣдка заглядывалъ за кулисы, сидитъ теперь ежедневно въ теченіе всего представленія и разговариваетъ съ нею всегда безъ цилиндра на головѣ. Ее всегда окружало какое-то облако невольнаго уваженія, такъ какъ хотя а' conto Котлицкаго и разсказывали о ней разныя предположенія, но говорить ей этого прямо въ глаза не осмѣливались.

Она льнула сначала къ актрисамъ, хотѣла завязать съ ними болѣе близкое знакомство; но пропала охота, такъ какъ каждый разъ, когда она заговаривала съ ними о театрѣ и искусствѣ, онѣ умолкали или начинали разсказывать о своихъ тріумфахъ, хорошихъ роляхъ, бенефисахъ, а впрочемъ, что могли знать онѣ объ искусствѣ? Плелись за этимъ Ѳеспизовымъ возомъ, мечтая объ аплодисментахъ и огромныхъ гонорарахъ, измученныя жизнью, всегда въ борьбѣ за существованіе, всегда со всѣми сражающіяся; съ насмѣшкою слушали слова такой энтузіастки, какой была Янка. Онѣ издѣвались надъ ея мечтами и взглядами, такъ какъ, собственно говоря, она не умѣла мечтать, а умѣла только жить такъ, какъ мечтала.

Благодаря этому старый Станиславскій и сценаріусъ были ея друзьями. Сколько разъ во время репетицій всѣ вмѣстѣ отправлялись наверхъ, въ пустыя уборныя, или подъ сцену, заваленную разнымъ хламомъ, и разсказывали ей исторію ихъ театровъ, исторію людей и временъ давно умершаго; рисовали ей огромныя

фигуры, великія души и страсти, именно такія, о какихъ она мечтала.

Иногда ходили вмѣстѣ въ Лазенки; Янка сама уговаривала ихъ дѣлать эти прогулки, такъ какъ городъ начиналъ душить ее и все чаще она тосковала по деревнѣ, по лѣсамъ, по засѣяннымъ и шумящимъ полямъ, по тишинѣ, иногда только нарушаемой пѣснью жаворонка; уединялись въ самой далекой аллеѣ и тамъ, скрытые клумбами или чащей зарослей, разсказывали ей разные эпизоды прежнихъ временъ. Тогда они вновь оживали и опьянялись своимъ энтузіазмомъ. Кровь заливала ихъ желтыя лица, глаза сверкали, какъ молнія, осанка выпрямлялась, и на одну минуту къ нимъ возвращались тогда молодость, память, талантъ и давно утраченное счастье.

Янка смѣялась съ ними, плакала и была такимъ же ребенкомъ, какъ и они.

А сколько совѣтовъ надавали они ей по части дикціи, классичности позы и способа хорошо декламировать.

Она слушала ихъ съ любопытствомъ; но когда возвращалась домой и хотѣла какой-нибудь отрывокъ изъ ролей сыграть по ихъ методѣ — не могла, такъ они казались ей неестественны, черствы, патетичны, что впослѣдствіи стала критиковать ихъ съ нѣкоторой снисходительностью.

Съ m-me Анной она была всегда холодно-вѣжлива и старательно избѣгала всякихъ разговоровъ съ нею, такъ какъ обыкновенно та выводила ее изъ терпѣнія и кончалось тѣмъ, что она бросала ей прямо въ глаза слово, полное презрѣнія, и запиралась въ своей комна-

тѣ. Съ Совинской сошлась ближе, такъ какъ старуха смотрѣла на нее, какъ на жилицу, платящую впередъ, и слѣдила за тѣмъ, чтобы у нея все было въ порядкѣ.

Совинская была груба и вспыльчива, на зятя не разъ кидалась съ кулаками, работницъ въ мастерской прогоняла иногда безъ малѣйшаго повода и цѣлый день кричала на всѣхъ. Были у нея дни, когда она ничего не ѣла, даже не ходила въ театръ, сидѣла запершись въ своей комнатѣ и цѣлый день плакала или проклинала все и всѣхъ со всей запальчивостью простой женщины.

Послѣ такихъ дней она становилась еще болѣе энергичной и еще усерднѣе бросалась въ закулисныя интриги. Тогда ее можно было видѣть всюду. Выходила въ публику, тихо разговаривала съ молодежью, вертящейся около театра и актрисъ. Дѣлалась даже въ нѣкоторомъ родѣ сводницей. Передавала актрисамъ приглашенія на ужинъ, букеты, конфекты, письма и упорныхъ старалась склонить къ покорности. Ходила по-пріятельски на кутежи и всегда умѣла найти достаточно вѣскій поводъ, чтобы уйти и не мѣшать.

Тогда подъ маской добродушія и сморщенной старости у нея было выраженіе жестокой и злой радости. Для начинающихъ у нея было въ запасѣ что-то въ родѣ философіи, которую она имъ и проповѣдывала.

Янка одинъ только разъ слышала, какъ она говорила Шенской, которая поступила въ театръ, будучи обольщена какимъ-то хористомъ:

— Слушайтесь меня!?..Что вашъ милый дастъ вамъ? Квартиру на Пивоваренной и сосиски съ чаемъ утромъ, въ завтракъ и вечеромъ... Стыдно изводить себя

ради такого! Вѣдь вы можете, собственно говоря, жить такъ, какъ хотите; можете наплевать на Цабана и не заботиться о томъ, получите ли послѣ представленія два пятиалтынныхъ или нѣтъ. Къ чему падать духомъ!.. Молодая, красивая дѣвушка должна веселиться, жить, наслаждаться жизнью, а не мариновать себя съ какимъ-то тамъ... Плюньте на то, что будутъ говорить. Всѣ такъ живутъ и, какъ видите, не плачутся на нужду и не сѣтуютъ, что имъ скверно живется. Имъ хорошо такъ, ибо такъ быть должно. Полагаете, что такъ скорѣе получите роль? Ого! какъ бы не такъ! получаютъ тѣ, съ которыми дирекція должна считаться, кто имѣетъ кого-нибудь за собой, кто ихъ подталкиваетъ.

Шенская еще защищалась; но старуха добавила еще, какъ послѣдній аргументъ:

— Вы думаете, что Лещъ сдѣлаетъ вамъ какой-нибудь скандалъ? Могу васъ увѣрить, что онъ не настолько глупъ. Вѣдь нѣтъ надобности разрывать съ нимъ совсѣмъ...

Обыкновенно добивалась того, чего хотѣла.

За это темное посредничество ничего не брала, хотя ей и предлагали цѣнные подарки.

— Не хочу. Если кому даю совѣты, то просто желая добра, — отвѣчала коротко.

Такими путями добилась въ театрѣ извѣстнаго вліянія; секреты всѣхъ держала въ своихъ рукахъ, поэтому-то ее боялись и совѣтывались съ нею въ каждомъ затруднительномъ дѣлѣ.

Янка, достаточно ознакомившись съ сущностью закулисной жизни, смотрѣла на Совинскую съ нѣкоторой

тревогой. Видѣла ясно, что она не ради корыстныхъ цѣлей сталкиваетъ другихъ въ болото, но во имя чего-то другого — чего, узнать не могла. Иногда сердце ея было полно страха, будучи не въ состояніи выдержать ея страннаго взгляда, которымъ она цѣлыми часами изучала ея лицо. Чувствовала, что Совинская ждетъ чего-то, высматриваетъ удобнаго момента.

Янка скоро постигла образъ жизни, который вели ея товарки, но не возмущалась ими и не презирала ихъ. Относилась къ этому вполнѣ равнодушно, такъ какъ смотрѣла на нихъ только какъ на какіе-то предметы, а не какъ на людей, и ей даже никогда не приходило на умъ, что и она можетъ жить такъ же. Жила только головой, имѣла еще деньги и не была знакома съ настоящей театральной нуждой.

Въ одинъ изъ такихъ дней Совинской, Янка, уходя въ театръ, хотѣла узнать, далеко ли до Бѣлянъ, куда на другой день она должна была отправиться съ Мими и цѣлымъ обществомъ.

Вошла въ комнату и остановилась отъ удивленія.

Совинская на колѣняхъ стояла передъ раскрытымъ сундукомъ, а на кровати, столѣ, стульяхъ были разложены части какого-то театральнаго костюма. На полу лежали кипы пожелтѣвшихъ тетрадей, въ рукахъ она держала фотографическую карточку какого-то молодого мужчины съ очень страннымъ лицомъ, напоминающимъ какъ бы треугольникъ и такъ сильно исхудавшимъ, что всѣ кости лица ясно вырисовывались изъ-подъ кожи. Лобъ былъ очень высокій, немного расширенъ въ вискахъ, голова большая. Большіе глаза какъ впадины мертвеца смотрѣли съ бѣлаго лица.

Янка взглянула на все и начала:

— Знаете, я ѣду завтра съ цѣлымъ обществомъ въ Бѣляны. Далеко это?

Совинская не отвѣтила ей, только повернулась къ ней съ карточкой и голосомъ полнымъ страданія прошептала:

— Взгляните, это — мой сынъ... а это... мои реликвіи!.. — добавила она, указывая полными слезъ глазами на разложенные предметы.

— Артистъ? — спросила Янка съ какимъ-то невольнымъ уваженіемъ.

— Артистъ!.. Ну да, конечно, не такая обезьяна, какъ тѣ — что у Цабинскаго. Какъ онъ игралъ, дорогая моя, какъ онъ игралъ! Газеты писали о немъ. Былъ въ Плоцкѣ, я ѣздила къ нему. Когда игралъ «Разбойниковъ», театръ весь трясся отъ криковъ и аплодисментовъ. Я сидѣла за кулисами и, когда услышала его голосъ, то такъ начало меня трясти, ломать, бросалась, какъ въ болѣзни — думала, что умру отъ радости... А онъ игралъ!.. вижу его всегда такимъ... вижу... о!..

Поднялась съ полу, стояла, вся ушедшая въ воспоминанія, слезы же медленно текли по ея желтому, морщинистому лицу.

— А когда вспоминала, что это мой сынъ, мой ребенокъ, то темнѣло даже въ глазахъ, а внизу что-то сжимало, сжимало... каждая косточка тряслась во мнѣ отъ радости... и дѣлалась я огромной отъ радости... огромной...

Янка съ сочувствіемъ слушала ее.

— Была для него матерью, готовой выпотрошить

себя ради него! Онъ былъ артистъ, артистъ! не имѣлъ никогда ни копейки; нужда, какъ собака, терзала его; я дѣлала все, что могла. Прислуживала, сама жила чаемъ и хлѣбомъ, чтобы только сберечь для него что-нибудь. Отдавала все, послѣднюю каплю крови, для любимѣйшаго дитяти, что тамъ — все, даже жизнь, лишь бы оно жило... Была для него родной матерью, ничего больше.

Умолкла, не обтирая даже слезъ, которыя текли по ея помятому, синеватому лицу, какъ два потока, прорывающіе себѣ кровавыя русла.

Послѣ долгаго молчанія Янка тихо спросила:

— А теперь гдѣ вашъ сынъ?

— Гдѣ?.. — поднимаясь съ земли, спросила глухо — гдѣ?.. — Умеръ! Застрѣлился, собака! Застрѣлился! А!.. и какъ же это земля приняла тебя, негодяй? причинилъ матери такое горе!.. Прохвостъ, оставилъ меня такой одинокой... И это сдѣлало родное, самое дорогое... о!

Она тяжело дышала, такъ какъ ее душили спазмы слезъ и невыразимой боли.

— Вся жизнь моя такая! — начала она снова, такъ какъ чувствовала что-то въ родѣ удовольствія, бередя уже немного зажившія раны. — И его отецъ былъ такая же собака... Онъ былъ портной, у меня была лавочка; сначала все шло хорошо, про черный день было нѣсколько грошей и въ квартирѣ по-человѣчески... Но недолго. Наняли его въ циркъ портнымъ; я сама захотѣла этого, платили хорошо, работы было мало. Кто же могъ знать, что это приведетъ къ несчастью, кто? Попалась ему на глаза какая-то цир-

ковая прыгунья; бросилъ все и, когда циркъ уѣзжалъ, помчался за нимъ по свѣту...

Она тяжело вздохнула.

— Я только зубы сжала! Разбивай башку, ломай шею, пропадай себѣ пропадомъ... Выбивалась изъ силъ, чтобы какъ-нибудь прожить; но хватила меня болѣзнь, отъ нея въ то время люди дохли, какъ мухи... Болѣла долго, насилу выходилась... все пошло прахомъ, такъ какъ лавку мою продали за долги. Осталась буквально на мостовой. А тутъ страсть къ портному мной снова овладѣла. Гдѣ могла, набрала денегъ и поѣхала съ ребенкомъ искать моего милаго. Нашла его. Жилъ съ какой-то купчихой, и было ему такъ хорошо, что совсѣмъ забылъ про меня и ребенка. Почти за волосы приволокла его въ Варшаву. Сидѣлъ цѣлый годъ, надѣлилъ меня сыномъ и снова сбѣжалъ.... Я не искала его больше. Плюнула на него... Пускай его чортъ побереть. Имѣла двухъ ребятъ, было о чемъ подумать; всяко было, только бы выжить, и такъ проходили годы... Мальчика, какъ только исполнилось ему десять лѣтъ, несмотря на то, что рвался къ книгѣ, къ ученію, отдала къ бронзовщику... Случалось иногда, что ѣды купить было не на что, что же тутъ думать объ ученіи.

Было же мнѣ съ нимъ горя, было!

Мастеръ жаловался, что по ночамъ читаетъ, что во время работы носитъ за пазухой книжку и ради чтенія пренебрегаетъ работой. А какъ подросъ, сейчасъ снюхался съ актерами и для меня погибъ... Просила, плакала кровавыми слезами — ничего не помогло. Цѣловалъ мнѣ ноги, просилъ прощенія, но говорилъ все

одно: — «Поступлю въ театръ! Не выдержу — уйду!» — Била его, мучила, какъ собаку, не сказалъ мнѣ на это ни одного дурного слова, только бросилъ насъ, прикомандировался гдѣ-то въ провинціи къ театру...

... Предопредѣленіе Божіе! — подумала я. Видно, такъ быть должно, что радости отъ него имѣть не буду, только горе!.. Помогала ему немного... Дочка подросла, брали мы на домъ шитье и такъ пробавлялись.

А тутъ, въ одинъ прекрасный день, привозятъ мнѣ мужа — совсѣмъ слѣпого! Матерь Божія! Думала, что со злости меня хватитъ ударъ; когда былъ здоровъ, то шлялся по свѣту, а теперь слѣпой, съ неизлѣчимой болѣзнью притащился ко мнѣ издыхать... Дала ему уголъ, такъ желали дѣти. Я же за все, что перенесла по его винѣ, всего охотнѣе сбросила бы его со второго этажа на мостовую. Но Господь сжалился и скоро прибралъ его.

Дочь выдала я замужъ. Олесь косился на зятя за то, что онъ неучъ, носилъ хамскую фамилію, но, милая барышня, мужъ остается мужемъ — все-таки лучше чѣмъ никакого. Да и не такой ужъ онъ скверный; иногда напьется, не истративъ изъ своихъ денегъ ни гроша, такъ что же?... каждому нужно развлечься немного. Пошла служить, какъ уже говорила вамъ, чтобы помогать сыну да и имъ не быть въ тягость, — открыли они этотъ магазинъ, и шло сначала неважно.

Однажды года два тому назадъ по случаю именинъ были у дочери гости. И вотъ, въ ту минуту, когда намъ было больше всего весело, приносятъ мнѣ «телеграмму», а такъ какъ я писать и читать не умѣю, то прочелъ зять.

Телеграмма была изъ Сувалокъ. Звали пріѣхать, такъ какъ Олесь очень боленъ...

Я какъ была, такъ и поѣхала; предчувствіе чего-то недобраго мучило меня; отъ тревоги чуть не умерла въ дорогѣ...

На минуту Совинская притихла, тусклымъ взглядомъ окинула комнату и затѣмъ тихимъ, полнымъ отчаянья голосомъ, приблизивъ къ Янкѣ посинѣвшее лицо, продолжала шептать:

— Его ужъ не было въ живыхъ... Съ похоронами ждали меня...

Янка грустно посмотрѣла на нее.

— Милая барышня, какъ увидала я радость мою, мое дорогое дитя... въ гробу съ обвязанной головой — не живое... что-то лопнуло во мнѣ... И стало такъ пусто и такъ темно, что тотчасъ же сказала про себя: — Баста, и я издохну.

Если бы Богъ былъ справедливъ, то и я должна была бы умереть. Я почти не плакала, но чувствовала, что мое сердце жметъ съ каждой минутой сильнѣе, душитъ и грызетъ... Такъ билась на землѣ, которая отняла его у меня, такъ выла, что-то такъ трясло меня и тянуло туда, гдѣ лежитъ мой мальчикъ, что даже собаки — и тѣ взвыли бы надъ скорбью моей и сиротствомъ.

Разсказывали мнѣ послѣ, что влюбился въ хористку и изъ-за любви покончилъ съ собой.

Показали мнѣ ее. Дрянь послѣдняя, всѣ вытирали ею кулисы — оттого-то онъ убилъ себя...

Какъ поймала я ее на улицѣ, то такъ избила, изодрала, исцарапала ногтями всю рожу, что насилу меня

оторвали. Убила бы ее, убила бы, какъ бѣшеную собаку, за все зло, которое она сдѣлала мнѣ, за страданія!.. — сжимая кулаки, почти кричала Совинская.

Вотъ какова моя жизнь, да!

Проклинаю ежедневно; но забыть не могу... все это у меня — здѣсь, въ сердцѣ...

Бывало ночью придетъ ко мнѣ и стоитъ съ обвязанной головой, а я вся трясусь отъ жалости, и сердце такъ болитъ, что лопнуть готово. Всѣ глаза свои выплакала.

Даже въ театрѣ служу только потому, что мнѣ все кажется, что онъ вернется, что уже одѣвается и сейчасъ выйдетъ на сцену... Хожу по уборной и — счастлива, такъ какъ хоть на минуту забываю, что его нѣтъ, что его уже никогда не будетъ, что его никогда не увижу!

Боже мой! Боже!.. а! это не его вина, а той... Вы всѣ бѣшеныя собаки, вы всѣ терзаете материнское сердце... подлыя... мерзкія... Какъ противныхъ червей растоптала бы всѣхъ, замучила... толкала бы внизъ, въ нужду, болѣзни, чтобы страдали такъ, какъ страдаю я... чтобы мучились, мучились, мучились!...

Замолчала, тяжело дыша; ея желтое, какъ свѣчной воскъ, лицо, было покрыто пятнами страшной, дикой ненависти и нервно подергивалось.

Янка все время стояла, жадно слѣдя за каждымъ ея словомъ, жестомъ и движеніемъ губъ. Ее всю захватила трагичность разсказа. Истина этого простого и столь сильнаго страданія болью наполняла сердце ея... Воспринимала все это такъ, словно сама пережила то же. Слилась съ ея существомъ; плакали вмѣстѣ. Ее охва-

тила дрожь экстаза, въ сердцѣ былъ тотъ же мучительный крикъ, вызванный воспоминаніемъ объ утратѣ, смерти самаго дорогого, безуміе безбрежнаго отчаянія въ глазахъ, неподвижныхъ отъ безнадежности, и скорбь души въ догорающей улыбкѣ.

Играла, почти не замѣчая этого; затѣмъ, придя въ себя и видя, что Совинская сидитъ, погруженная въ раздуміе, ушла въ городъ.

Ея душа и мозгъ были полны отраженіями этого страданія. Словно деталями какой-то роли, наслаждалась этимъ, проникнутымъ трагизмомъ, настроеніемъ.

— Мать изъ «Карпатскихъ горцевъ» можно бы играть такъ...—думала она.

И опять все ея существо, состоящее изъ однихъ нервовъ, воспринимало эту видѣнную и слышанную драму.

— Его уже не было въ живыхъ,—шептала она, невольно повторяя и этотъ полный отчаянія звукъ, и движенія распростертыхъ рукъ, и внезапное исчезновеніе жизни въ глазахъ и на окаменѣвшемъ отъ страданія лицѣ.

Опомнилась, но тутъ опять пробудилось въ ней желаніе видѣть деревню, зелень... Жаждала тишины и покоя.

Здѣсь, въ этихъ стѣнахъ она жила только какъ бы половиной своей души, задыхалась въ нихъ; ей казалось, что эти каменные дома бросаютъ на ея душу сѣрую, унылую тѣнь, что они заграждаютъ ей путь и заслоняютъ солнце.

Стояла на улицѣ, раздумывая, куда пойти, когда услышала, что ее кто-то окликаетъ:

— Здравствуйте, барышня!

Быстро обернулась. Передъ ней стояла Нѣдзѣльская, мать Владека, съ улыбкой на старомъ, почтенномъ лицѣ, съ потускнѣвшими глазами.

Янка быстро поздоровалась съ нею и рѣшила никуда не ѣздить.

— Я провожу васъ; хочу немного пройтись...

— Спасибо! спасибо! А, быть можетъ, заглянете ко мнѣ?.. — тихо пригласила Нѣдзѣльская.

— Я цѣлые дни провожу одна; иногда долго ни съ кѣмъ не вижусь, кромѣ Аннушки и сторожа; Владекъ уходитъ рано утромъ, возвращается поздно, такъ что съ нимъ нельзя и поговорить.. Вотъ и пойдемте со мной, правда?

Сильно закашлялась и шла очень медленно.

— Хорошо, времени до представленія у меня еще много.

— Вы, вѣрно, недавно въ театрѣ?

— Только три недѣли...

— Сейчасъ видно, сейчасъ видно!

— Почему же вы это узнали? — съ любопытствомъ спросила Янка.

— Не сумѣю объяснить вамъ. Но тогда на именинахъ у Цабинской присматривалась къ вамъ и тотчасъ узнала. Даже говорила объ этомъ Владеку...

— Я возьму васъ подъ руку, такъ будетъ удобнѣе... — сказала Янка, видя, что Нѣдзѣльская отъ усталости тяжело дышитъ и еле плетется.

— О, какая вы добрая! Правда, стара и болѣю всегда, вышла купить Владеку носовыхъ платковъ и зашла такъ далеко.

— Возьмемъ извозчика; я вижу — вы очень утомлены...

— Нѣтъ! нѣтъ!.. зачѣмъ? Это лишній расходъ; вотъ дойдемъ до свекра, такъ я тамъ отдохну немного...

Янка, несмотря на возраженія старухи, крикнула извозчика, усадила Нѣдзѣльскую и поѣхала съ нею на Пивную.

Какъ только извозчикъ остановился, Нѣдзѣльская быстро безъ посторонней помощи выпрыгнула и, чтобы не платить извозчику, вбѣжала въ калитку, и, желая замаскировать это, принялась кричать на сторожа:

— О! опять ты, Михаилъ, въ новой блузѣ? Что, въ старой нельзя ходить?.. Не успѣешь оглянуться, какъ уже порвано! Снимай сейчасъ и надѣнь старую!

Сторожъ пустился въ объясненія; но она перекричала его; затѣмъ, отойдя немного, снова воскликнула:

— Михаилъ! скажи дѣтямъ, чтобы на дворѣ они не смѣли играть въ мячикъ; повыбиваютъ стекла и опять платить нужно! Просто наказаніе Божіе — эти дѣти!.. не могутъ спокойно сидѣть въ квартирѣ.... скачутъ, какъ угорѣлые, пачкаютъ лѣстницы, рвутъ половики... Сейчасъ же передай жильцамъ, иначе откажу имъ отъ квартиры.

Сторожъ слушалъ съ презрительнымъ молчаніемъ. Янка блѣдно улыбалась, слѣдуя за Нѣдзѣльской, которая успѣла поднять уже кусокъ угля.

— Зачѣмъ пропадать!.. Ничего не берегутъ, а потомъ нечѣмъ платить за квартиру! — говорила она, отпирая дверь въ квартиру.

— Пожалуйста, зайдите, посидите... Я на минуточку — и назадъ.

Ушла въ другую комнату.

Янка съ любопытствомъ осматривала старинную обстановку.

Столъ краснаго дерева съ полукруглыми откидными половинками, покрытый сѣтчатой, вышитой шерстями скатертью — передъ огромнымъ, высокимъ диваномъ, обитымъ черной, волосяной матеріей; такія же кресла со спинками въ формѣ лиры, въ углу желтая, полированная горка, наполненная старипнымъ фарфоромъ, зелеными кувшинчиками, пузатыми съ иниціалами рюмками и цвѣтными чашками на высокихъ подставкахъ. Часы подъ колпакомъ, старые, заплѣсневѣлые подсвѣчники временъ Имперіи, представляющіе разныя миѳологическія сцены, лампа съ зеленымъ абажуромъ — на отдѣльномъ столикѣ, на окнѣ нѣсколько вазъ съ жалкими цвѣточками и двѣ клѣтки съ канарейками составляли всю обстановку этой парадной комнаты. Окно выходило на дворъ, величиной съ комнату и окруженный высокими стѣнами. Здѣсь были тихо и грустно, на всемъ лежалъ отпечатокъ плѣсени, старости и скупости.

— Напьемся кофейку... — произнесла Нѣдзѣльская.

Вынула изъ горки двѣ парадныя чашки и поставила ихъ на столѣ. Потомъ отправилась въ кухню и принесла кофе, налитое въ двѣ отбитыя фаянсовыя кружки, а также тарелку съ нѣсколькими сухими пирожными.

— А, Боже мой! совсѣмъ забыла, что вынула уже чашки... Ну, это ничего, вѣдь изъ этихъ пить можно, правда?

Поставила кофе и снова захлопоталась:

— Забыла сахаръ! Вы любите сладкій кофе?

— Не очень...

Она вышла, слышно было, какъ изъ стеклянной сахарницы извлекаются куски сахара,— наконецъ на маленькомъ блюдечкѣ она принесла два куска.

— Пейте, пожалуйста... Видите ли, я-то ужъ по старости ничего не могу, — говорила она, зачерпывая ложкой кофе и дуя почти на каждую каплю.

Въ отвѣтъ Янка только улыбнулась и пила, почти не скрывая отвращенія къ этому противному кофе и пирожнымъ, отъ которыхъ такъ и несло запахомъ плѣсени и сосноваго шкафа.

Нѣдзѣльская разболталась о Владекѣ, все время угощала Янку и подвигала тарелку съ пирожными.

— Ну сами посудите, зачѣмъ ему актерствовать? Учился въ гимназіи; вѣдь могъ бы быть чиновникомъ... Одинъ стыдъ и только, просто плакать хочется. Ну, что кому нужно, что подѣлаешь, люди живодерами дѣлаются не съ жиру... Всѣ его товарищи имѣютъ уже и женъ, и дѣтей, служатъ и хорошо зарабатываютъ и живутъ по-людски, какъ Богъ велитъ... а онъ что?.. Актеръ? Не думайте, что мы богаты; правда, вотъ домикъ; но жильцы не платятъ, и подати все растутъ, такъ что почти ничего не остается... Вотъ видите... Съѣшьте пирожное?!. Время бы и Владеку жениться, и скажу вамъ по секрету — есть у насъ на примѣтѣ... Владекъ обѣщалъ мнѣ, что еще въ этомъ году броситъ театръ и женится... Я уже знакома съ этой своей будущей невѣсткой: прелестный ребенокъ и хорошей семьи. Имѣетъ на Свѣнтоянской колбасную и два дома; дѣтей же

только трое; на долю каждаго придется славный кушъ!.. Ужъ я бы такъ хотѣла, чтобы это свершилось какъ можно скорѣй,— а то съ нимъ только одно горе! Боже мой! вѣдь я не жалуюсь; но онъ и выпить любитъ, и поиграть, — совсѣмъ, какъ его отецъ... Да! жениться долженъ непремѣнно на богатой. Сынъ обывателя — какъ же бы онъ выглядѣлъ, если бы женился на такой, у которой ничего нѣтъ!.. вѣдь это несчастье и для той дѣвушки, которая выйдетъ за него... несчастье! Я знаю жизнь, знаю!

Разсказывала тихо, немного шепелявя и по-старчески сливая звуки; ея движенія напоминали минутныя тѣни, такъ она была миніатюрна и суха. На ея низкомъ, морщинистомъ челѣ была написана забота о миломъ Владекѣ, а въ потускнѣвшихъ голубыхъ глазахъ — вѣчное безпокойство.

Янкѣ хотѣлось спать, слушая въ тишинѣ, которая царила въ комнатѣ, этотъ монотонный голосокъ. Поднялась уходить.

— Заходите ко мнѣ иногда, моя милая, буду очень рада.

Сердечно распрощались, и, высунувшись въ форточку, она долго еще смотрѣла ей вслѣдъ съ какой-то дипломатической улыбкой.

Нѣдзѣльская умышленно приглашала къ себѣ по порядку всѣхъ самыхъ красивыхъ женщинъ театра и разсказывала имъ о женитьбѣ Владека, чтобы выбить имъ изъ головы всякія поползновенія на его личность.

Янка въ воротахъ встрѣтилась съ Владекомъ, который при видѣ ея даже вспыхнулъ отъ удовольствія.

— Вы вѣрно были у матери! — воскликнулъ онъ, даже не здороваясь.

— Вѣдь въ этомъ нѣтъ ничего дурного, — отвѣтила она, улыбаясь при видѣ его смущенія.

— Ей-Богу, эта старая идіотка меня компрометируетъ только. Разсказывала вамъ вѣрно о моей женитьбѣ, о томъ, какой я шелопай и т. д. Уморительная ребячливость. Я очень извиняюсь передъ вами...

— Это меня вовсе не сердило.

— Только смѣшило, знаю, вѣдь это же идіотство... Весь театръ смѣется надо мной, такъ какъ здѣсь уже перебывали всѣ наши барыни.

— Да, это немного странно и смѣшно; но странность эта — отъ любви... мать васъ очень любитъ.

— Ужъ эта любовь у меня костью въ горлѣ застряла! — отвѣтилъ онъ и хотѣлъ продолжать; но Янка молча кивнула ему головой и пошла.

Владекъ, не смѣя слѣдовать за нею, разозленный, побѣжалъ къ матери.

Янкѣ все это напомнило родной домъ; внезапно задрожали въ отвѣтъ на это блѣдныя воспоминанія.

— Что тамъ теперь?.. — думала она — что дѣлаетъ отецъ?.. Правда, вѣдь я имѣю отца!

И вдругъ почувствовала въ себѣ какую-то тоненькую нить симпатіи къ этому чудаку и тирану. Увидала его одиночество, среди людей чужихъ и насмѣхающихся надъ его странностями.

— Быть можетъ думаетъ обо мнѣ? — спрашивала себя; но въ памяти встала вдругъ послѣдняя сцена и всѣ пережитыя притѣсненія, и она почувствовала какую-то досаду, почти ненависть.

Несмотря на все, будь то на сценѣ, во время представленія, за кулисами, въ уборной — на память постоянно приходитъ отецъ. Спокойно размышляла о своихъ отношеніяхъ къ нему, его характеру и почувствовала, что между ними было что-то ненормальное. Думала и надъ тѣмъ, что было причиной тому, что отецъ былъ такимъ угрюмымъ и страннымъ?.. отчего ненавидѣлъ ее?..

Котлицкій принесъ ей букетъ розъ.

Приняла холодно, не глядя на него, такъ была занята мыслію объ отцѣ.

— Вы сегодня не въ духѣ, — сказалъ онъ, беря ея руку.

Вырвала ее и спросила:

— Возможно ли это, чтобы дѣти и отцы ненавидѣли другъ друга?

— Въ самомъ этомъ вопросѣ утвердительный отвѣтъ... Въ подобныхъ заявленіяхъ это — рѣдкость, такъ какъ ненависть не есть равнодушіе, а только превратная форма любви... Ненависть — это всегда крикъ раненаго сердца...

Янка ничего не отвѣтила, вспомнила Совинскую и ея полныя ненависти жалобы на сына.

— Быть можетъ онъ любитъ меня именно такъ? — подумала она, — но въ такомъ случаѣ я никакъ, такъ какъ я отношусь равнодушно.

— Неправда! — отвѣтила себѣ позже, — неправда; онъ для меня не совсѣмъ безразличенъ; я его жалѣю.

И ниже опустила голову, чтобы скрыть лицо, ибо эта внезапная жалость такъ сильно пронзила ея сердце, что на глазахъ почувствовала слезы.

— Что такое — любовь?.. что такое любовь вообще?.. — думала она, стоя за кулисами и глядя на открытую сцену, на которой Вавржецкій объяснялся въ любви Росинской чувствительными и бьющими на эффектъ словами.

— Комедія!

Майковская, проходя мимо, шепнула, указывая на играющихъ:

— Какое чучело! какой шаблонъ! — ни капли настоящаго чувства!

За нею въ глубинѣ какой-то господинъ въ цилиндрѣ жалъ руки одной изъ хористокъ и нашептывалъ слова любви.

— Комедія!

Янка перешла на другую сторону, такъ какъ эта чувствительная сцена казалась ей омерзительной.

— Что такое — любовь?.. Что со мной?

Не могла успокоиться.

— Что ждетъ меня... Быть можетъ пріѣдетъ отецъ, быть можетъ, Гржесикевичъ?..

Она громко разсмѣялась, такимъ несообразнымъ показалось ей это предположеніе.

Къ ней подбѣжала Мими и принялись шептать:

— Вотъ, хорошо складывается — завтра не будетъ репетиціи и можемъ въ полдень поѣхать въ Бѣляны. Ждите насъ у себя, мы заѣдемъ за вами...

— Что такое — любовь? — непрерывно стучало въ головѣ Янки.

— О, этотъ Вавржикъ! перестань дѣлать такія глупыя мины этой вѣдьмѣ... это свинство! — шептала Жарнецкая, съ досадой глядя на сцену. — Посмотрите-ка,

какъ она летитъ ему въ объятія!.. серьезно цѣлуетъ его... вотъ обезьяна... Подожди! я тебѣ задамъ... — прошипѣла она угрожающе и побѣжала къ дверямъ, черезъ которыя должна была выходить Росинская.

Комедія!

— Я тоже собираюсь съ вами на этотъ пикникъ, — говорилъ Янкѣ Котлицкій. — Тобольскій собирается изложить намъ какой-то свой планъ... Будемъ обсуждать вмѣстѣ, вы вѣдь будете?

— Вѣроятно; но если я не смогу ѣхать, такъ вѣдь прогулка и безъ меня удастся.

— Но тогда я также не поѣду, незачѣмъ...

Близко наклонился къ ней, такъ что она почувствовала на своемъ лицѣ его дыханіе.

— Не понимаю, — отвѣтила она, отодвигаясь отъ него.

— Я ѣду только ради васъ... — шепнулъ онъ еще тише.

— Ради меня?.. — спросила она и быстро оглянула его взглядомъ, пораженная звукомъ голоса и внезапно охваченная отвращеніемъ къ нему.

— Да... вы вѣдь могли бы уже понять, что я васъ люблю... — произнесъ онъ, сжимая дрожащія губы и умоляюще глядя на нее.

— То же говорятъ тамъ, но разыгрываютъ лучше, — презрительно отвѣтила Янка, указывая на сцену.

Котлицкій выпрямился; тѣнь скользнула по его лошадиному лицу, и глаза грозно засверкали.

— Мое чувство вы считаете комедіей? Я докажу вамъ, что это не комедія, докажу!..

— Хорошо, но завтра, въ Бѣлянахъ, — прервала

она его, протягивая на прощаніе руку, и, мурлыча какую-то пѣсенку, направилась въ уборную.

Котлицкій съ вожделѣніемъ смотрѣлъ ей вслѣдъ, кусалъ губы и злился.

— Комедіантка! — наконецъ прошепталъ онъ, выходя изъ театра.

— Какъ онъ лгалъ?.. Хорошо; но какъ осмѣлился онъ сказать мнѣ это?.. отчего?..— раздумывала Янка, взвинчивая себя и припоминая его образъ дѣйствій со дня именинъ Цабинской.

— Любитъ меня!

Улыбнулась покорно и въ то же время возмущаясь. Неясно, но сознавала, что этимъ объясненіемъ въ любви онъ унизилъ ея достоинство; унизилъ ее уже однимъ тѣмъ, что могъ приравнять ее ко всѣмъ этимъ женщинамъ изъ театра.

— Что же такое любовь?.. — мелькнула у нея въ умѣ все та же мысль, и она смотрѣла на товарокъ, быстро одѣвающихся бѣжать на назначенныя свиданія; слушала ихъ смѣхъ и шопотъ, споры, основной темой которыхъ всегда были мужчины и любовь. Улыбалась насмѣшливо, но гдѣ-то въ глубинѣ души ныло и было пусто, и не хватало чего-то, и все взятое вмѣстѣ разстраивало.

Пришла домой и сейчасъ же легла, но заснуть не могла; прислушивалась къ неясному шуму улицы. Часы текли медленно, а эта тревога, предчувствіе чего-то все росла...

— Что ждетъ меня? — произнесла она почти вслухъ.

Слышала тихій отзвукъ шаговъ какого-то прохожаго, затѣмъ стукъ палки ночного сторожа.

У воротъ позвонилъ кто-то.

— Кто это?!..—почти вслухъ спросила она и приподняла голову, словно хотѣла заглянуть сквозь стѣны, но въ ту же минуту все забыла, такъ какъ въ мозгу была только одна мысль:

— Что ждетъ меня?

Лежала тихо и не двигалась, сквозь сомкнутыя рѣсницы смотрѣла въ какое-то безконечное пространство...

Внезапно задрожала и глубже зарылась въ подушки; напряженными глазами души смотрѣла на какія-то тѣни, которыя вдругъ рисовались передъ нею. И снова дрожь охватила ее, почувствовала на себѣ взглядъ, устремленный на нее изъ безконечности и полный какого-то упругаго слезнаго блеска и силы...

Заснула... но когда снова скоро проснулась и сквозь какую-то таинственную дымку увидѣла эти тѣни, то почувствовала, что онѣ прикасаются къ ней, видѣла ихъ лучше, хотя и не могла различить ихъ контуры и лица; чувствовала, что онѣ все приближаются. Очнулась, но это безпокойство, предчувствіе чего-то становилось невыносимымъ. Оглядывалась во всѣ стороны, ибо казалось, что слышитъ чьи-то шаги, что кто-то вошелъ въ комнату и на цыпочкахъ подходитъ къ кровати и даже склонился къ ней...

Она окаменѣла отъ страха, боялась пошевельнуться, спросить, а въ головѣ тяжело роились мысли: Кто — это?.. кто?.. и вся дрожала отъ волненія...

Крѣпко заснула только къ утру, когда въ комнату проникли первые, красноватые лучи восходящаго солнца.

VII.

Проснулась въ половинѣ одиннадцатаго; Совинская внесла завтракъ.

— Приходилъ ко мнѣ кто-нибудь?.. — спросила Янка.

Совинская утвердительно кивнула головой и подала письмо.

— Съ часъ тому назадъ просилъ передать какой-то толстый, красный...

Янка нервно вскрыла конвертъ и тотчасъ же узнала почеркъ Гржесикевича.

«Милостивая государыня! Нарочно пріѣхалъ въ Варшаву, чтобы повидаться съ вами и поговорить объ очень важномъ дѣлѣ. Не соблаговолите ли быть дома въ одиннадцать — я пріѣду; извините за дерзость... Еще разъ извиняюсь и цѣлую ручки. Покорный слуга

Гржесикевичъ».

— Что будетъ?.. — думала она, быстро одѣваясь. — По какому важному дѣлу?.. Отецъ!.. боленъ и тоскуетъ по мнѣ?.. О нѣтъ, нѣтъ!

Поспѣшно выпила чай, убрала комнату и съ нетерпѣніемъ ждала визита. Радовалась даже тому, что наконецъ-то увидитъ кого-нибудь изъ Буковицъ.

— Быть можетъ снова объяснится мнѣ въ любви?— подумала она.

И видѣла уже его большое, обожженое солнцемъ ли-

цо и голубоватые глаза, такъ спокойно глядящіе изъ-подъ свѣтлой, коноплянаго цвѣта гривы волосъ, и вспоминалась ей его хлопотливая робость.

— Добрый, благородный человѣкъ! — думала она, разгуливая по комнатѣ; но тутъ вдругъ вспомнила, что визитъ этотъ можетъ испортить ея экскурсію въ Бѣляны, и сразу къ нему охладѣла, рѣшивъ говорить съ нимъ мало и кратко.

— И чего онъ хочетъ?.. — безпокойно спрашивала она себя, дѣлая самыя невозможныя предположенія.

— Вѣроятно отецъ очень боленъ и зоветъ меня къ себѣ — почти съ ужасомъ отвѣтила себѣ.

Остановилась по срединѣ комнаты; такъ подавляюще было одно предположеніе о возможности возвращенія въ Буковицы.

— Нѣтъ; этого быть не можетъ, я бы тамъ не выдержала и недѣли... впрочемъ, вѣдь онъ прогналъ меня навсегда...

Ея сердце грызла какая-то неопредѣленная борьба между ненавистью, жалостью и тихимъ, едва замѣтнымъ чувствомъ тоски.

Въ передней раздался звонокъ.

Янка усѣлась и ждала спокойно. Слышала какъ отпиралась дверь, голоса Гржесикевича и Совинской, вѣшаніе пальто, стукъ опрокинутой палки; но не имѣла силы даже подняться и пойти навстрѣчу гостю.

— Можно? — спросилъ голосъ извнутри.

— Прошу, — прошептала, такъ какъ горло сжалось отъ страха, и поднялась со стула.

Вошелъ Гржесикевичъ.

Лицо его загорѣло еще сильнѣе, и глаза какъ бы

еще поголубѣли. Видимо былъ взволнованъ, такъ какъ шелъ прямо, словно окаменѣвшая глыба мяса, съ трудомъ втиснутая въ узкій сюртукъ. Бросилъ шляпу на стоявшую у дверей корзину и, цѣлуя Янку въ руку, сказалъ тихо:

— Мое почтеніе...

Опять выпрямился, скользнулъ глазами по ея лицу и тяжело опустился въ кресло.

— Съ трудомъ отыскалъ васъ...—началъ громко и вдругъ затихъ; чтобы набраться смѣлости, хотѣлъ отодвинуть стулъ, который мѣшалъ ему, и двинулъ его такъ сильно, что перевернулъ.

Сорвался, покраснѣвъ до корней волосъ, и принялся извиняться.

Янка улыбнулась—такъ живо напомнило ей это ихъ послѣдній разговоръ и неудачное объясненіе. И было мгновеніе, когда ей казалось, что вотъ именно теперь онъ будетъ объясняться въ любви и что сидятъ они въ узенькой гостиной въ Буковицахъ. Не могла дать себѣ отчета въ впечатлѣніи, которое онъ производилъ на нее своимъ открытымъ, исхудавшимъ лицомъ и свѣтлыми глазами, словно принесъ съ собой отзвуки тѣхъ любимыхъ полей и лѣсовъ, тѣсныхъ овраговъ, солнца и плодородія вольной природы. Все это промелькнуло въ головѣ; но вспомнила притѣсненія и свое изгнаніе...

Подвинула ему папиросы и, прерывая довольно продолжительное молчаніе, свободно сказала:

— Вы доказали мнѣ свою смѣлость... и доброту, что послѣ всего этого еще не ненавидите меня.

— Вы развѣ забыли то, что я сказалъ вамъ тогда, когда мы говорили въ послѣдній разъ?..—говорилъ онъ,

стараясь смягчить и понизить голосъ, — что никогда и всегда!.. что никогда не перестану и всегда буду любить васъ.

Янка сдѣлала нетерпѣливое движеніе; ей стало больно отъ этого откровеннаго и глубокаго голоса.

— Простите... если это сердитъ васъ, не скажу объ этомъ больше ни слова...

— Какъ дома? — спросила она, поднимая глаза.

— Дома?.. Содомъ и Гоморра! Вы не узнали бы отца; на службѣ, говорятъ, сдѣлался невыносимымъ педантомъ, кромѣ же службы ѣздитъ на охоту, къ сосѣдямъ и посвистываетъ... но такъ похудѣлъ, такъ истощалъ, что на себя не похожъ. Горе точитъ его, какъ червякъ.

— Отчего?.. Какое у отца можетъ быть горе?..

— О, Матерь Божія! вы еще спрашиваете: отчего? какое у него горе?.. Или вы шутите, или у васъ ни капли сердца?.. Отчего?.. оттого, что васъ нѣтъ, что онъ сохнетъ, какъ и мы всѣ, съ тоски по васъ!

— А Кренска... — спросила по виду спокойно, но внутри чувствовала себя растроганной.

— При чемъ же тутъ Кренска?.. Выбросилъ ее къ чорту, тотчасъ же, на другой день послѣ вашего отъѣзда; потомъ подалъ прошеніе объ отпускѣ и уѣхалъ... Черезъ недѣлю вернулся; но такой несчастный, жалкій—мы едва узнали его. Чужіе люди, и тѣ плачутъ глядя на него, и вы не сжалились и отправились въ свѣтъ, и еще какой? къ комедіантамъ!..

Янка стремительно поднялась.

— Вы сердитесь на меня, хорошо, сердитесь; но я

слишкомъ люблю васъ... мы всѣ слишкомъ любимъ васъ и страдаемъ по вашей винѣ, — мы имѣемъ право говорить. Прикажите вывести меня, хорошо, буду ждать, у воротъ или гдѣ-нибудь да встрѣчу и буду все говорить, буду говорить, что отецъ умираетъ... безъ васъ, здоровье его все ухудшается! Моя мать встрѣтила его недавно въ лѣсу: лежалъ въ какихъ-то зарosляхъ и плакалъ, какъ дитя. — Вы убиваете его! Вы оба убиваете себя этой своей гордостью и упорствомъ. Вы лучшая, самая святая женщина; я знаю, чувствую, что вы его не оставите, что вы вернетесь и бросите этотъ подлый театръ... И вамъ не стыдно быть въ обществѣ этой шайки прохвостовъ?.. Неужели вы можете показываться на сценѣ!

Вдругъ остановился и, тяжело дыша, вытеръ платкомъ глаза. Никогда еще однимъ духомъ не говорилъ такъ много и самъ не зналъ, откуда взялись у него эти дикія и черствыя слова.

Янка сидѣла, опустивъ голову, блѣдная, какъ полотно, съ стиснутыми губами и сердцемъ, наполненнымъ бурей возмущенія и страданія. Этотъ рѣзкій голосъ, звучащій надъ нею, былъ полонъ такого плачущаго, глубокаго чувства, и эти слова: «Отецъ страдаетъ... отецъ плачетъ... отецъ тоскуетъ по ней!.. любитъ ее!..» наполняли душу ея острой болью и терзали такъ жестоко, что были минуты, когда она была готова сорваться и бѣжать туда, къ нему; но подъ наплывомъ воспоминаній прошлаго вдругъ охладѣла; а, представивъ себѣ театръ, сдѣлалась совсѣмъ равнодушной.

— Нѣтъ! прогналъ меня навсегда... я одна и останусь одинокой... Я не въ силахъ жить безъ театра! —

думала она, и въ ней пробудилось безумное стремленіе къ свѣту.

Гржесикевичъ тоже молчалъ, и глаза его все чаще подергивались какой-то пеленой; чувствовалъ жалость и любовь. Смотрѣлъ на нее и хотѣлось упасть передъ ней на колѣни, цѣловать руки, ноги, край платья и умолять... Но, припомнивъ снова все, срывался съ мѣста, готовъ былъ ломать и бить все, что бы ни попалось подъ руку; его охватывало такое отчаяніе, что хотѣлось громко плакать и биться головой объ стѣну.

Сидѣлъ и смотрѣлъ на это дорогое лицо, блѣдное и истощенное, на которомъ городской воздухъ и ночная, лихорадочная жизнь наложила ужъ свою печать, онъ готовъ былъ отдать кровь свою и жизнь свою для нея — только соблаговолила бы взять.

Янка устремила на него свои глаза, сверкающіе безповоротнымъ рѣшеніемъ.

— Вы должны были, кажется, видѣть, какъ отецъ ненавидитъ меня; должны были бы знать и то, что когда я вамъ отказала, онъ выгналъ меня изъ дому навсегда... почти проклялъ меня и выгналъ... — повторила она съ горечью. Я ушла, такъ какъ должна была уйти; но не вернусь ужъ никогда. Не промѣняю свободу и театръ на домашнюю неволю. Случилось такъ, ибо такъ должно было случиться. Отецъ сказалъ мнѣ тогда, что у него нѣтъ ужъ больше дочери, а теперь говорю я, что у меня нѣтъ отца. Мы разстались и никогда больше не сойдемся. Я сумѣю справиться съ собой; искусство замѣнитъ мнѣ все.

— Значитъ вы не вернетесь? — спросилъ онъ, такъ какъ только это одно понялъ изъ ея словъ.

— Нѣтъ, у меня нѣтъ дома, и театра я не оставлю,—отвѣтила она спокойно и холодно глядѣла на него, только ея побѣлѣвшія губы немного дрожали и грудь тяжело подымалась, указывая на внутреннюю борьбу.

— Вы убьете его... онъ васъ такъ любитъ... не перенесетъ этого... — говорилъ онъ умоляюще.

— Нѣтъ! онъ меня не любилъ и не любитъ... Того, кого любятъ, не тиранятъ въ теченіе многихъ лѣтъ и не выгоняютъ изъ дому, какъ послѣднюю... Собака не выгоняетъ щенятъ своихъ.... даже собака, животное, и то никогда не сдѣлаетъ того, что сдѣлали со мной!..

— Послушайте, умоляю васъ! Я глубоко убѣжденъ, что, хотя въ минуту гнѣва онъ и отказалъ вамъ въ своемъ домѣ, но ни минуты о томъ серьезно не думалъ, онъ не могъ даже предположить, что вы поймете это буквально. Я видѣлъ и знаю, какъ страшно раскаивается онъ въ этихъ неосторожныхъ словахъ, какъ ему тяжело безъ васъ... Умоляю! Клянусь вамъ, что вы осчастливите его своимъ возвращеніемъ!.. вы вернете ему жизнь!..

— Онъ говорилъ вамъ, что хочетъ, чтобы я вернулась въ Буковицы? Написалъ мнѣ письмо?.. — говорила она быстро. — Прошу, скажите мнѣ всю правду.

Гржесикевичъ замялся и сдѣлался еще грустнѣе.

— Нѣтъ... онъ не говорилъ мнѣ этого, не писалъ— отвѣтилъ онъ тихо...

— Значитъ вотъ какъ сильно любитъ онъ меня и какъ жаждетъ видѣть?.. ха-ха-ха!.. — засмѣялась она сухимъ, спазматичнымъ смѣхомъ.

— Развѣ вы не знаете его?.. Умреть отъ жажды, а не попроситъ стакана воды. Когда я уѣзжалъ и сообщилъ ему, куда я ѣду, онъ не произнесъ ни одного слова; но такъ посмотрѣлъ на меня и такъ сильно пожалъ мнѣ руку, что я сразу и вполнѣ его понялъ...

— Нѣтъ! Вы совсѣмъ не поняли его. Дѣло не во мнѣ; отца безпокою не я, а то, что весь околотокъ болтаетъ теперь о моемъ отъѣздѣ и поступленіи на сцену... Кренска ужъ сдѣлала тамъ свое дѣло... Его безпокоитъ то, что обо мнѣ сплетничаютъ, поносятъ его имя; что онъ долженъ меня стыдиться... дѣло въ томъ, что онъ хотѣлъ бы видѣть меня надломленной и ползающей у его ногъ для того, чтобы имѣть возможность насытить свой инстинктъ ненависти ко мнѣ, тиранить, мучить меня, какъ прежде. Вотъ чего онъ хочетъ!

— Вы не знаете его!.. Такія сердца...

Она быстро прервала его:

— Не будемъ говорить о сердцахъ тамъ, гдѣ они совсѣмъ не входятъ въ игру, гдѣ ихъ совсѣмъ нѣтъ, а есть только одно сумасшествіе...

— Значитъ...—спросилъ онъ подымаясь, такъ какъ его душилъ гнѣвъ.

Въ передней рѣзко зазвенѣлъ звонокъ, видно кто-то сильно рванулъ его.

— Никогда не вернусь!

— Послушайте!.. сжальтесь...

— Я не понимаю этого слова,—отвѣтила она какъ бы съ усиліемъ,—и говорю: никогда! Развѣ... послѣ смерти.

— Не говорите этого, бываютъ такія минуты...

Не кончилъ, такъ какъ дверь внезапно распахнулась и въ комнату влетѣли Мими и Вавржецкій.

— Ну, гайда! Собирайтесь, сейчасъ ѣдемъ! ахъ! извините! не замѣтила... — вскрикнула Мими, съ любопытствомъ осматривая Гржесикевича, взявшагося за шляпу, который автоматически поклонился и, ни на кого не глядя, шепнулъ гордо:

— Прощайте!

И вышелъ.

Янка вскочила, словно хотѣла удержать его; но въ комнату входили и весело здоровались Котлицкій и Топольскій. За ними шелъ кто-то третій.

— Что это за широкій баринъ?.. Пусть я издохну, если не впервые вижу въ сюртукѣ такую массу мяса! — воскликнулъ тотъ третій.

— Глоговскій! Черезъ недѣлю мы будемъ играть его пьесу, а черезъ мѣсяцъ... европейская слава! — представилъ Вавржецкій.

— А черезъ три... знаменитость со всѣми принадлежностями на Марсѣ!.. Если глупость, такъ ужъ жирная!

Янка здоровалась и вполголоса отвѣчала Мими, распрашивающей о Гржесикевичѣ:

— Старый знакомый, сосѣдъ нашъ, очень хорошій человѣкъ...

— Карманъ-то у него должно быть того!.. — кричалъ Глоговскій.

— Даже очень богатъ. У нихъ самыя большія овчарни въ королевствѣ...

— Овчаръ! а выглядитъ такъ, словно ведетъ дѣла со слонами!.. — шутилъ Вавржецкій.

Котлицкій улыбался и незамѣтно осматривалъ Янку.

«Что у нихъ было... взволнована»... думалъ онъ. «Быть можетъ, это ея прежній любовникъ?»

— Идемъ скорѣй, а то Меля ждетъ насъ на извозчикѣ.

Янка быстро одѣлась, и всѣ вмѣстѣ вышли.

Доѣхали до Вислы и оттуда отправились на лодкѣ въ Бѣляны.

У всѣхъ было веселое настроеніе духа, только Янка не обращала вниманія на то, что творится кругомъ. Сидѣла угрюмая и задумчивая.

Котлицкій весело разговаривалъ; Вавржецкій и Гловскій дурачились; отъ нихъ не отставали развеселившіяся дамы; одна Янка почти ничего не слышала. Вся была подъ впечатлѣніемъ недавняго разговора и тоски...

— Что съ вами? — спросилъ Котлицкій съ тревогой въ голосѣ.

— Со мной?.. ничего!.. вотъ, задумалась надъ человѣческой недолей...— отвѣтила она, глядя на струю, которая несла ихъ лодку.

— Не стоитъ думать ни о чемъ, что не наслажденіе, жизнь и молодость...

— Не кончайте, это глупость. Слизнуть съ хлѣба только масло, а потомъ сидѣть надъ сухимъ хлѣбомъ и мечтать, это довольно наивно! — подхватилъ Гловскій.

— Вы, какъ я вижу, не любите ѣсть, а только слизывать...

— Господинъ...

— Котлицкій! — добавилъ насмѣшливо.

— Имѣю счастье знать это. Дѣло не въ томъ; вы рекомендуете вещи вполнѣ наивныя, а сами могли бы разсказать о грустныхъ результатахъ примѣненія этой веселой теоріи.

— Вы и въ жизни и въ литературѣ всегда парадоксальны...

— Пусть я издохну, если у васъ не слабыя легкія, вы неврастеничны... и...

— Считаетъ до двадцати.

Сначала только сильно спорили, а потомъ начали ругаться.

Проѣхали желѣзнодорожный мостъ. Стало торжественно тихо. Солнце отъ мутной воды ярко свѣтило; но становилось холодно. Маленькія волны, насыщенныя свѣтомъ, какъ ужи съ сверкающими хребтами, плескались вокругъ — на солнцѣ. Длинныя полосы песку были похожи на какихъ-то водяныхъ чудовищъ, грѣющихъ на солнцѣ свои желтые животы. Цѣпь плотовъ тянулась передъ ними: лоцманъ на маленькой какъ скорлупа лодочкѣ лавировалъ впереди и ронялъ окрики, которые коротко разносились и долетали, какъ спутанные клубки звуковъ... нѣсколько человѣкъ автоматично двигали веслами, отъ нихъ долетала какая-то грустная пѣсенка и расплывалась надъ головами. Послѣ этого воцарилась еще большая тишина.

Нѣжная зелень береговъ, струйки воды, сверкающія и мягкія какъ атласъ, легкое качаніе лодки и ритмическіе удары веселъ, и эта меланхолія, которая воцарилась въ пространствѣ, все это заставило всѣхъ замолчать.

Сидѣли притихшіе, словно убаюканные молчаніемъ.

Можно было сидѣть и ни о чемъ не думать и ничего не чувствовать, кромѣ упоенія красотой жизни. Было такъ хорошо плыть и ни о чемъ не думать.

— Не вернусь! — думала Янка, автоматично возвращась къ тому же слову; всматривалась въ синѣющую даль, догоняла торопливо убѣгающія волны.

— Не вернусь!

Чувствовала, что одиночество обнимаетъ ее широкими объятіями и наполняетъ пустотой; гордо смотрѣла въ нее. Ей, казалось, что ея грусть, отецъ, Гржесикевичъ, всѣ прежніе знакомые и прошлое, — все это плыветъ далеко за нею, что она видитъ ихъ уже слабо въ сѣрой полумглѣ дали и что только иногда какой-то далекій звукъ мольбы или плача доносится къ ней какъ эхо.

— Нѣтъ! Неужели же теперь повернуть и плыть противъ этого теченія, которое несетъ ихъ впередъ. Слезы были въ сердцѣ и жгли ее своей горечью.

Вылѣзли у грузовой пристани на Бѣлянахъ и медленно пошли въ гору.

Янка съ Котлицкимъ, который не отходилъ отъ нея, пошли впередъ.

— За вами долгъ — отвѣтъ — сказалъ онъ, принимая умильное выраженіе лица.

— Я вамъ отвѣтила вчера, а сегодня объясненіе за вами—сказала она твердо, такъ какъ теперь послѣ недавняго разговора съ Гржесикевичемъ, послѣ столькихъ тяжелыхъ переживаній чувствовала къ нему

просто какую-то физическую ненависть; казался ей омерзительнымъ и наглымъ.

— Объясненіе?.. Да развѣ можно объяснить любовь, анализировать чувство?.. — началъ онъ, безпокойно покусывая тонкія губы. Ему не нравился тонъ ея голоса.

— Будемте откровенны, такъ какъ то, что вы сказали, вызвано опрометчивостью.

— ...Именно — искренно.

— И не комедія? — бросила рѣзко, ей такъ и хотѣлось ударить его въ лицо.

— Вы обижаете меня!.. Можно вѣрить, не раздѣляя чувствъ — говорилъ онъ тихо, чтобы не слышали идущіе за ними.

— Прошу васъ! Комедія эта не только скучна мнѣ, но начинаетъ сердить. Я еще не настолько актриса-истеричка, а обыкновенная, нормальная женщина, чтобы увлекаться такой игрой... Ни мать, ни тетки, ни мои другіе опекуны не открывали мнѣ секретовъ обхожденія съ мужчинами и не предостерегли противъ ихъ фальши или подлости. Я сама это слишкомъ скоро увидала и ежедневно наблюдаю за кулисами. Вы полагаете, что каждой женщинѣ изъ театра можно смѣло говорить о любви, такъ себѣ... а можетъ удастся!.. Актрисы такъ забавны и такъ глупы, не правда ли?.. — говорила Янка съ неумолимымъ упрямствомъ.

Развѣ вы осмѣлились бы говорить мнѣ это у меня дома?.. Никогда бы вы не сказали этого, не любя дѣйствительно; такъ какъ тамъ я была бы для васъ женщиной, а здѣсь только актриса; впрочемъ тамъ у меня за спиной былъ бы какой-нибудь отецъ, мать, братъ

или кто-нибудь еще, кто не допустилъ бы васъ совершить подлость по отношенію къ молодой и быть можетъ наивной дѣвушкѣ... Но здѣсь вы не колебались ни минуты, ибо какъ же!.. тутъ — я одна и — актриса, тоесть такая женщина, которой можно безнаказанно говорить ложь, которую можно безнаказанно взять, потомъ бросить и итти дальше, не роняя своего достоинства уважаемаго и благороднаго человѣка!.. О, вы можете быть увѣрены, господинъ Котлицкій, что я не сдѣлаюсь вашей любовницей и вообще ни чьей — не по любви... Много, слишкомъ много думала я, чтобы дать увлечь себя фразами! — она говорила быстро, и ея рѣзкія, почти грубыя слова, какъ удары топора, падали на его голову.

Это такъ глубоко тронуло его, что онъ едва дослушалъ ее, и весь дрожа отъ нетерпѣнія, удивленно смотрѣлъ на нее. Онъ не зналъ ее, за минуту до этого онъ даже не допускалъ мысли, что можетъ найтись актриса, которая скажетъ ему въ глаза нѣчто подобное. Это поразило его, онъ щурилъ глаза и въ душѣ продолжалъ упорствовать, такъ сильно нравилась она ему. Восхищала его силой и благородствомъ; слова ея, лицо, ярко отражающія внутреннія переживанія, искренность голоса — все это свидѣтельствовало о томъ, что это — благородная и замѣчательная дѣвушка; а къ тому же она была еще такъ прекрасна!

— Кнутъ ременный съ оловянными шариками на концѣ.. И били бы вы имъ съ чисто женской жестокостью виновныхъ и невиновныхъ, — сказалъ Котлицкій, но, видя, что Янка не отвѣчаетъ, черезъ минуту добавилъ:

— Неужели же вамъ еще мало?.. Если бы въ теченіе

всего этого дѣйствія вы позволили бы цѣловать ваши руки, то, прошу, продолжайте...

Видя же, что она стала мрачной, онъ рѣшилъ обернуть все это въ шутку.

— Котлицкій!.. Подождите же, господа, и помогите нести корзины! — крикнулъ Вавржецкій въ тотъ моментъ, когда Янка на минуту пріостановилась и хотѣла бросить въ лицо Котлицкому какое-нибудь слово, полное презрѣнія; но не успѣла.

Мужчины несли корзины съ провіантомъ; шли берегомъ, высматривая удобное мѣсто для привала.

Пустынный лѣсъ тихо шумѣлъ молодыми листьями дубовъ и кустами можжевельника.

Расположились подъ вѣтвями молодыхъ дубовъ. За ними тянулся тихій лѣсъ, а внизу Висла тихо шумѣла волнами, разбивающимися о берегъ, и сверкала на солнцѣ...

Послѣ первыхъ рюмокъ водки и закуски всѣ оживились.

— Ну! теперь выпьемъ за здоровье иниціаторовъ пикника! — воскликнулъ, наливая рюмки, Глоговскій.

— Выпьемъ-ка лучше за успѣхъ вашей пьесы.

— Нѣтъ, это ей не поможетъ... все равно провалится...

— Не разскажетъ ли намъ теперь Топольскій свой таинственный планъ, — сказалъ Котлицкій, спокойно растянувшись на пледѣ рядомъ съ Янкой.

— Успокойтесь пока!.. Хорошенько поѣдимъ, а еще лучше выпьемъ — вотъ, тогда. Не развяжутъ ли дамы пакетики и не угостятъ ли насъ, — воскликнулъ Вавржецкій.

На травѣ разостлали скатерть, извлекли разныя разности и все разложили, смѣясь, такъ какъ Мими одна справиться не могла, а Майковская не желала помогать ей. Наконецъ, Янка и Глоговскій устроили все, какъ слѣдуетъ.

— Великолѣпно, а чай?.. — спросила Янка.

Вскочилъ Котлицкій.

— Чай имѣется, — имѣется и самоваръ, принесите только воды. Идемъ за нею къ Вислѣ! — отозвалась Майковская, вытряхивая изъ кувшина угли.

Котлицкій покривился, но пошелъ. Въ нѣсколько минутъ самоваръ былъ поставленъ, мастеромъ по этой части оказался Глоговскій.

— Это—моя спеціальность! — кричалъ онъ, изображая изъ себя раздувало. — Долженъ вамъ замѣтить, что часто, даже чаще того, чѣмъ мнѣ того хочется, нехватаетъ угля, и вотъ тутъ-то я проявляю себя настоящимъ геніемъ-изобрѣтателемъ: могу поставить самоваръ бумагой или, наконецъ, какой-нибудь щепкой изъ полу, выковыряешь кусокъ, и чай готовъ.

— Не можете купить себѣ бензинку?

— Ба! люблю только семейные инструменты... а вовторыхъ, если у меня выйдетъ весь бензинъ, то щепка, даже изъ дивана, не поможетъ.

— О вы ведете вѣрно очень свѣтскій образъ жизни! — сказалъ со смѣхомъ Топольскій.

— Немного! немного... но чтобы это мнѣ было по вкусу — не скажу...

— Объявляю всѣмъ вообще и каждому въ отдѣльности, что начинаетъ кипѣть!.. Итакъ, сударыня, изобразите Гебу...

Янка налила всѣмъ чаю и сама со стаканомъ въ рукахъ подсѣла къ Мими.

— Вотъ теперь подходящее время для разговоровъ, — замѣтилъ Котлицкій.

— Говори, Топольскій... Собраніе, вниманіе!..—кричалъ Вавржецкій.

— Хочу основать драматическое товарищество,— началъ Топольскій.

— А я буду совѣтчикомъ: замани обѣщаніемъ большого жалованья нѣсколько десятковъ человѣкъ театральнаго люда, дай имъ небольшой авансъ; подыщи еще кассиршу столь умную, чтобы имѣла залогъ, и столь наивную, чтобы тебѣ дала его, у артистовъ отними ихъ имущество — въ счетъ будущаго — вотъ и готово; сдѣлай такъ, а черезъ два мѣсяца повтори то же...

— Вавржикъ, не будь шутомъ! — въ волненіи крикнулъ Топольскій, опустошая рюмку за рюмкой. — Ну, такое товарищество можетъ основать каждый идіотъ, каждый Цабинскій. Мнѣ не нужна шайка, которая готова слетѣться, лишь мигнуть ей авансомъ, мнѣ нужна сильная организація, съ вѣрнымъ планомъ, организація крѣпкая, какъ стѣна!..

— Ты вѣдь самъ не разъ разстраивалъ товарищества, а еще думаешь, что споешься съ артистами?..

— Я увѣренъ. Послушайте, поступлю такъ: первымъ дѣломъ для начала пять тысячъ рублей: изъ всѣхъ товариществъ вылавливаю лучшія силы, человѣкъ такъ не больше тридцати; плачу средне, но честно; опредѣляю же дивиденда...

— Ну, ну, оставьте въ покоѣ мечты о дивидендѣ! — промычалъ Котлицкій.

— Дивидендъ будетъ! долженъ быть! — кричалъ Топольскій, возбуждаясь все больше. — Выбираю пьесы: вещи бытовыя и классическія, затѣмъ всѣ болѣе или менѣе замѣчательныя новинки и пьесы народныя; только прочь съ оперетками, прочь шалопайство, циркъ, прочь все, что не настоящее искусство!

— Хочу имѣть театръ, а не балаганъ!—кричалъ онъ все громче, — артистовъ, а не клоуновъ!.. На сценѣ никакихъ компромиссовъ! цѣльность — вотъ мой идеалъ! реальность на сценѣ—моя цѣль! Театръ это—алтарь! представленія это—святыя мистеріи въ честь божества! Обыкновенный театръ это—шалопайство!.. Я еще не знаю, что именно нужно, чтобы создать образцовый, прекрасный театръ; но чувствую минутами, что создамъ его, такъ какъ этотъ обыкновенный — смѣшонъ, представляетъ изъ себя только будку для дѣтей, въ которой показываютъ маріонетокъ, напиханныхъ фразами. Нѣкогда театръ былъ религіознымъ учрежденіемъ, культомъ и долженъ вновь вернуться къ этому!..

Закашлялся вдругъ такъ, что на шеѣ вздулись жилы какъ канаты. Кашлялъ долго, потомъ выпилъ водки и продолжалъ, но уже тише и медленнѣе, ни на кого не глядя и не видя ничего, кромѣ этой мечты, мечты всей своей жизни, которую онъ раскрывалъ передъ ними.

— Нужно выбросить всѣ обыкновенно употребляемыя поддѣлки, неестественныя и глупыя: кулисы, накрашенныя зеркала и т. д. все это шутовское старье. Если на сценѣ должна быть гостиная, такъ пускай она и будетъ на самомъ дѣлѣ гостиной; если — балъ, то

пускай танцуютъ, флиртуютъ, толпятся — это будетъ настоящій балъ, а не поддѣльный: хлѣвъ, такъ пускай и будетъ хлѣвъ, настоящій, неподдѣльный во всѣхъ мелочахъ... Играютъ на сценѣ! да развѣ это—игра! декламируютъ, изображаютъ настоящихъ людей, отвѣчаютъ требованіямъ искусства, лепечутъ, подобно дѣтямъ, отвѣчающимъ наизусть урокъ. Актеръ долженъ забыть, что публика смотритъ на него; что онъ выступаетъ не какъ шутъ, а открываетъ тайны жизни, что онъ самъ не цѣль, а средство, орудіе... Самъ артистъ долженъ всегда отходить на второй планъ, потому что черезъ него говоритъ идея—авторъ. Итакъ, основываю настоящее товарищество артистовъ, создаю настоящій театръ, ставлю настоящія произведенія таланта и вдохновенія и съ такимъ товариществомъ иду въ свѣтъ.— Увидите успѣхъ. Объѣзжаю сначала Привислянскій край, затѣмъ Европу — увидите тріумфъ! Завладѣю Америкой! Увидите побѣду настоящаго искусства!— кричалъ онъ почти безъ сознанія, охрипшій, ослѣпленный блескомъ этого будущаго пораженія и побѣды.

Вздымалъ руки, словно хотѣлъ раздробить все, что не было настоящимъ искусствомъ, билъ себя кулаками въ грудь, улыбался будущему, кидался впередъ, потрясалъ всѣмъ свѣтомъ, сжигалъ все возвышенной скорбью души и шелъ впередъ, какъ вождь и реформаторъ, какъ ничѣмъ несдерживаемая энергія и страсть подвига... Исчезли изъ глазъ Бѣляны, общество, все — чувствовалъ себя однимъ передъ всѣмъ, за спиной выростали крылья, и летѣлъ вверхъ, къ идеалу!

Котлицкій, котораго рѣчь эта, полная увлеченія и

нелогичности, ни на минуту не захватила подобно другимъ, сказалъ:

— Вы немного опоздали. Antoine въ Парижѣ сдѣлалъ это и уже давно; это его мысли...

— Нѣтъ! это — моя мысль, мои мечты; двадцать лѣтъ я ношу ихъ въ себѣ! — воскликнулъ Топольскій внезапно, какъ отъ удара молніи, и безсмысленно смотрѣлъ на Котлицкаго.

— Что же изъ этого, когда другіе уже осуществили эти мечты и дали имъ свое имя...

— Злодѣи! украли у меня мысли! украли у меня мысли! — кричалъ Топольскій и, бросившись на траву, закрылъ руками голову и сквозь тяжелыя, спазматическія рыданія пьяный бормоталъ:

— Украли у меня мысли!.. Спасите! украли у меня мысли!.. И плакалъ, кидаясь на траву, какъ раскапризничавшійся ребенокъ.

— Невозможность осуществленія этого проекта не въ томъ, что онъ извѣстенъ другимъ — началъ спокойно Глоговскій, — а въ томъ, что наша публика не доросла еще до театра и не чувствуетъ потребности въ такой сценѣ. Пока что продолжайте преподносить имъ фарсы, въ которыхъ брыкаются козлы, давайте балетъ, вытье, канканъ, немного мелкой, кухонной чувствительности, кучи фразъ на тему о добродѣтели, морали, семьѣ, обязанностяхъ, любви и...

— Считай до двадцати...

— Какова публика, таковы театры; одно стоитъ другого! — отозвалась Майковская.

— Кто хочетъ завладѣть толпой и властвовать надъ нею, долженъ льстить ей и дѣлать то, что она хочетъ;

давать ей то, что ей нужно; долженъ стать сначала ея рабомъ, чтобы потомъ сдѣлаться господиномъ — говорилъ медленно Котлицкій.

— Говорю: нѣтъ! не хочу угождать черни, а властвовать надъ нею; предпочитаю итти одинъ...

— Великолѣпное положеніе! Можно посмѣяться въ волю.

— Постегивать кнутомъ и однимъ говорить: глупые! другимъ: подлые!

— Позвольте чаю! — обратился Глоговскій къ Янкѣ; онъ внезапно вскочилъ, бросилъ шляпу о дерево и лихорадочно трепалъ свою рѣдкую шевелюру.

— Вы какъ всегда ярый радикалъ своего времени, — съ добродушной ироніей замѣтилъ Котлицкій.

— А вы, чтобы мнѣ издохнуть, все та же рыба, тюлень, китъ...

— Считай до двадцати!..

— Великолѣпный аргументъ! а вотъ на тебѣ еще лучшій... — крикнулъ Вавржецкій, протягивая ему свою палку.

Глоговскій сдержался, осмотрѣлся и принялся пить чай.

Майковская слушала молча, а Мими, растянувшись на пальто Вавржацкаго, спокойно спала.

Янка всѣмъ наливала чай и изъ разговора не пропустила ни одного слова. Почти забыла о Гржесикевичѣ, отцѣ, о разговорѣ съ Котлицкимъ; ее всю захватили поднятые вопросы; а мечта Топольскаго ослѣпила своей фантастичностью. Ее плѣняли такіе разговоры объ искусствѣ и артистахъ.

— Что же будетъ съ товариществомъ? — спросила она Топольскаго, приподнявшись съ земли.

— Будетъ... должно быть! — отвѣтилъ онъ.

— Ручаюсь вамъ, — что будетъ, — отозвался Котлицкій, — не такое, какъ хочетъ Топольскій, но все-таки хорошее. Можно будетъ ввести даже нѣчто новое разнообразящее, но реформу театра предоставимъ комунибудь другому; на это нужно сотни тысячъ и начинать съ Парижа.

Реформу театра произведутъ не директора, а творцы драмъ; теперешнее творчество, что оно представляетъ изъ себя?.. исканіе чего-то ощупью, ползаніе безъ цѣли, прыжки... Долженъ явиться геній, который сдѣлаетъ это; я его предчувствую уже..

— Какъ? развѣ недостаточно великихъ произведеній, чтобы создать образцовый театръ? — спросила Янка.

Нѣтъ... эти великія произведенія только въ прошломъ были великими, намъ нужны другія. Для насъ эти перлы ума слишкомъ серьезная археологія, которую хорошо наблюдать въ музеяхъ и кабинетахъ.

— Значитъ, Шекспиръ — археологія?

— Ш!.. не будемъ говорить о немъ; это весь сверхміръ: о немъ можно разсуждать; но не понимать...

— А Шиллеръ?

— Утопистъ и классикъ: эхо энциклопедистовъ и французской революціи. Это само благородство, порядокъ, швабское доктринерство, патетичная и скучная декламація.

— А Гёте?.. — замѣтила Янка, которой очень нравились парадоксальные выводы Глоговскаго.

— Это значитъ: только «Фаустъ», но Фаустъ это такая сложная машина, которую со смерти изобрѣтателя никто еще не умѣлъ завести и привести въ движеніе. Коментаторы толкаютъ ее, разбираютъ на составныя части, обкуриваютъ; но машина стоитъ и понемногу ржавѣетъ. Наконецъ, это — бѣшеная аристократія. Этотъ господинъ Фаустъ прежде всего не типъ идеальнаго человѣка, а экспериментаторъ; это мозгъ одного изъ тѣхъ раввиновъ, которые всю свою жизнь размышляютъ надъ тѣмъ, какъ входить въ синагогу, правой или лѣвой ногой; это типъ, любящій хорошо пожить; но такъ какъ во время его ухаживаній у Маргариты лопнуло сердце, ему же грозила тюрьма и близорукость мѣшала видѣть что-нибудь за мастерской и ретортами — то онъ сдѣлалъ себѣ спортъ изъ жалобъ и сѣтовалъ, что жизнь — подлость, а наука ничего не стоитъ. Дѣйствительно нужно обладать нѣмецкой находчивостью, чтобы, страдая, напримѣръ, катарромъ желудка, увѣрять, что имъ страдаютъ всѣ или по крайней мѣрѣ должны страдать...

— Предпочитаю такія веселыя вещицы вашимъ мудрымъ пьесамъ — шепнулъ Котлицкій.

— Ну-съ... а Шелли, а Байронъ? — спрашивала Янка заинтересовавшись.

— Предпочитаю глупости слушать, чѣмъ видѣть, какъ ихъ дѣлаютъ, — уронилъ быстро Глоговскій.

— Ага, Байронъ!.. Байронъ — это паровая машина бунтовщической энергіи; лордъ, которому было скверно въ Англіи и въ Венеціи съ Гвичіолли, такъ какъ, хотя онъ имѣлъ отечество и деньги, но скучалъ. Это бунтовщикъ-идеалистъ, сильная, страстная бестія, ба-

ринъ, который вѣчно бѣсится и употребляетъ всѣ силы своего чуднаго таланта на то, чтобы поступать на зло своимъ врагамъ.

— А Шелли?

— Шелли — опять; это божественные глаголы для обитателей Сатурна; поэтъ стихій — не для насъ людей.

Глоговскій замолчалъ и пошелъ наливать себѣ чай.

— Мы слушаемъ; по крайней мѣрѣ я жду съ нетерпѣніемъ продолженія — сказала Янка.

— Хорошо, но буду дѣлать скачки, чтобы поскорѣй кончить.

— Условіе не звенѣть въ колокола и не бить въ тамбурины.

— Котлицкій — тихо! Ты жалкій филистеръ, типичный представитель своего подлаго рода и ты не имѣешь голоса, когда говорятъ люди!

— Да успокойтесь же, господа, я не могу спать — жалобно просила Мими.

— Да, да, только это вовсе не смѣшно! — сказала Майковская, усердно зѣвая.

Вавржецкій снова наполнилъ рюмки. Глоговскій придвинулся къ Янкѣ и съ увлеченіемъ выкладывалъ ей свои теоріи.

— Ибсенъ это—чудо; онъ провозвѣстникъ чего-то болѣе возвышеннаго, онъ какъ бы заря передъ восходомъ солнца. А новѣйшіе нашумѣвшіе рекламные нѣмцы: Зудерманъ и компанія, это громкія слова ни о чемъ. Хотятъ увѣрить свѣтъ, ну хотя бы въ томъ, что ношеніе извѣстной части туалета на подтяжкахъ не необходимо, ибо можно носить и безъ оныхъ...

— Итакъ мы дошли уже до того — вмѣшался Котлицкій, — что нѣтъ никого. Одному по головѣ, другому въ бокъ, третьяго вѣжливо пихнули ногой...

— Нѣтъ, сударь, существую я! — возразилъ Глоговскій, комично кланяясь.

— Разрушили громады... для... мыльнаго пузыря...

— Можетъ быть и такъ; но въ мыльныхъ пузыряхъ отражается солнце...

— Такъ выпьемъ же еще водки! — отозвался молчавшій все время Топольскій.

— Все — за дверь! Пьемъ и не думаемъ!

— Послѣднее по твоей части, Вавржецкій!

— Будемъ пить и любить! — возвысилъ голосъ Котлицкій, оживляясь и звеня рюмкой о бутылку.

— По рукамъ! не будь я Глоговскій, если я не согласенъ съ этимъ: любовь — душа свѣта!

— Погодите, спою вамъ о любви:

«Ой, люби меня, люби!
Коль владѣешь мною —
Не давай моимъ очамъ
Полинять слезою,
хy — ха!

— Браво, Вавржикъ!

Всѣ оживились: не разсуждали больше, а болтали о чемъ попало.

— На небѣ тучи, а на землѣ и въ бутылкахъ пусто. Пора улетучиваться!

— А какъ?

— Пойдемъ пѣшкомъ: до Варшавы не больше мили.

— А корзины?

— Наймемъ какую-нибудь клячу... Иду заняться этимъ!—крикнулъ Вавржецкій и побѣжалъ къ монастырю.

Когда онъ вернулся, всѣ были уже готовы отправиться въ путь. Настроеніе еще больше поднялось, такъ какъ Мими съ Глоговскимъ танцовала на травѣ вальсъ. Топольскій былъ такъ пьянъ, что все время разговаривалъ самъ съ собой или ссорился съ Майковской. Котлицкій улыбался и держался ближе къ Янкѣ, разыгравшейся и очень веселой. Она улыбалась ему и разговаривала съ нимъ, почти забывъ ихъ объясненія. Онъ былъ увѣренъ, что впечатлѣніе, произведенное имъ, лишь вскользь задѣло ее и было забыто.

Шли въ безпорядкѣ, какъ полагается итти съ пикника.

Янка изъ листьевъ дуба вила вѣнокъ; Котлицкій же помогалъ ей и занималъ ее пикантными замѣчаніями. Она слушала; но когда вошли глубже въ лѣсъ,—настоящій, заросшій внизу кустами, она сдѣлалась вдругъ серьезной и съ такой радостью посмотрѣла на деревья, съ такой нѣжностью притрагивалась руками къ стволамъ и вѣткамъ, а ротъ и глаза ея выражали такой восторгъ, что Котлицкій сразу спросилъ, указывая на лѣсъ:

— Вѣрно добрый знакомый?..

— Добрый, сердечный и не комедіантъ—отвѣтила она съ нѣкоторой ироніей въ голосѣ.

— Вы злопамятны. Вы не вѣрите и не прощаете... Жажду одного: имѣть возможность доказать вамъ...

— Женитесь на мнѣ! — быстро воскликнула, поворачиваясь къ нему.

— Прошу вашей руки, сударыня! — отвѣтилъ онъ тѣмъ же тономъ.

Посмотрѣли прямо другъ другу въ глаза и стали мрачными. Янка сдвинула брови и незамѣтно принялась рвать зубами неоконченный вѣнокъ, а онъ опустилъ голову и замолчалъ.

— Идемъ скорѣй, а то опоздаемъ къ представленію.

— Значитъ завтра читка моей пьесы?..

— Именно — читка, такъ какъ Добикъ до сихъ поръ не закончилъ еще распредѣленія ролей...

— Боже! а когда же вы поставите ее?..

— Не безпокойтесь! Филистеры и безъ того всегда успѣютъ васъ освистать, — уязвилъ Котлицкій.

— Она пойдетъ черезъ недѣлю, во вторникъ... по крайней мѣрѣ такъ мнѣ хотѣлось бы!.. — сказалъ Топольскій.

— Иными словами, на подготовку и репетицію останется четыре дня. Никто ничего не будетъ умѣть; не сумѣютъ даже поверхностно обработать роли. Да, это зарѣзъ — настоящій зарѣзъ!..

— Зафунди Добику нѣсколько рюмокъ; а онъ ужъ пьесу проведетъ...

— Да, будетъ кричать за всѣхъ... Ужъ лучше объявить о читкѣ пьесы.

— Относительно меня можешь быть спокоенъ, я-то роль выучу.

— Я также!

— Знаю, дамы всегда учатъ роли; но мужчины...

— Мужчины и не уча играютъ хорошо. Знаете ли вы,

что Глясъ никогда не училъ роли; нѣсколько репетицій вполнѣ ознакомливаютъ его съ пьесой.

— Вотъ именно, и играетъ же!

— Какъ хотите, а хорошій актеръ, всегда недурной комикъ.

— Да, импровизируетъ разныя глупости и тѣмъ спасается отъ проваловъ.

— Пожалуйста, отвѣчайте серьезно. Были ли ваши послѣднія слова шуткой или въ самомъ дѣлѣ это ваше желаніе?.. — шепталъ Янкѣ Котлицкій; въ головѣ у него мелькнула какая-то мысль.

— Всякій способъ хорошъ, лишь бы не было случая. Знаете, вы кто? — отвѣтила она нетерпѣливо.

Онъ закрылъ глаза, сдѣлалъ поклонъ головой и подвинулся назадъ. Былъ увѣренъ въ себѣ и рѣшилъ ждать.

Онъ былъ не изъ такихъ, котораго женщина можетъ отогнать отъ себя презрѣніемъ или просто невниманіемъ. Принималъ все и все сохранялъ въ своей памяти. Это былъ человѣкъ, презирающій женщинъ; онъ все открыто говорилъ въ глаза и всегда поэтому овладѣвалъ женщинами и ихъ любовью. Его не смущала его уродливость, ибо зналъ, что ему хватитъ его богатства, чтобы купить себѣ каждую женщину, которую захочетъ. Это былъ человѣкъ изъ тѣхъ людей, которые готовы на все.

И теперь онъ шелъ, улыбаясь своей мысли и обивая палкой придорожные лопухи.

Потемнѣло, и большими каплями началъ итти дождь.

— Вымокнемъ какъ курицы! — засмѣялась Мими, раскрывъ зонтикъ.

— Mademoiselle Янка, къ вашимъ услугамъ мое дождевое оружіе — крикнулъ Глоговскій.

— Очень вамъ благодарна: пока что, не нуждаюсь ни въ какой защитѣ; люблю мокнуть подъ дождемъ.

— Ого, у васъ инстинктъ... — не кончилъ и комично закрылъ себѣ ротъ.

— Кончайте же... прошу васъ...

— У васъ рыбо-гусиный инстинктъ. Очень любопытно; откуда это въ васъ?

Янка улыбнулась, ей вспомнились вдругъ ея прежнія прогулки — осенью или зимой — въ бурю и ливень, и потому весело отвѣтила:

— Люблю! Съ дѣтства любила дождь и непогоду... я прямо-таки влюблена въ каждую бурю.

— Горячая кровь; нѣчто изъ области атавизма, фантазіи и т. д.

— Только привычка, внутренняя потребность, разросшаяся до размѣровъ страсти.

Глоговскій подалъ Янкѣ руку, она взяла и продолжала свободнымъ, пріятельскимъ тономъ разсказывать ему о своихъ прежнихъ прогулкахъ. Чувствовала себя съ нимъ свободно, словно знала его съ дѣтства. Иногда даже совсѣмъ забывала, что видитъ его впервые въ жизни. Онъ располагалъ ее въ свою пользу привѣтливостью лица и этой немного черезчуръ дикой прямотой характера; чувствовала въ немъ родственную и благородную душу.

Глоговскій слушалъ, отвѣчалъ и съ любопытствомъ смотрѣлъ на нее; наконецъ, уловивъ удобный моментъ, сказалъ откровенно:

— Пусть я издохну; но вы любопытная женщина...

очень любопытная! Скажу вамъ, что эта мысль блеснула у меня только сейчасъ и я открываю ее вамъ, прошу не удивляйтесь. Не терплю товарищескаго лицемѣрія, чувствительности актрисъ и т. д., считая до двадцати!.. а въ васъ именно я еще не замѣчаю этого. Вы мнѣ нравитесь просто какъ рѣдкій типъ. Любопытно, любопытно! — говорилъ онъ почти про себя.— Вѣдь мы можемъ сдѣлаться друзьями! — воскликнулъ обрадованный, громко высказавъ свою мысль.— Хотя бабы всегда тормозятъ дѣло, такъ какъ рано или поздно, а изъ каждой выползетъ самка; но новый экспериментъ можетъ быть чего-нибудь и стоитъ...

— Откровенность за откровенность — говорила Янка, смѣясь надъ быстротой, съ которой онъ рѣшалъ — вы также любопытный образецъ.

— Ну, значитъ союзъ!.. протянемъ другъ другу руку и будемъ друзьями! — воскликнулъ онъ, протягивая руку.

— Я еще не кончила: собственно говоря я великолѣпно обхожусь безъ повѣренныхъ и друзей; ибо это пахнетъ сентиментальностью и не совсѣмъ безопасно.

— Слова! Дружба!.. Однако начинаетъ лить не на шутку! Это собаки оплакиваютъ отвергнутую дружбу. Я васъ буду встрѣчать, не правда ли? Вы имѣете въ себѣ что-то, что-то... какъ бы осколокъ души, рѣдко встрѣчаемой.

— Я въ театрѣ ежедневно на репетиціяхъ и почти ежедневно на представленіяхъ...

— Пусть я издохну; но это не пройдетъ... Если бы я хоть недѣлю былъ вашимъ ассистентомъ, то распро-

странилось бы столько сплетенъ, пошли бы такіе разговоры, предположенія и т. д., считай до двадцати!

— А мнѣ что до того, что тамъ говорятъ обо мнѣ, — свободно разсмѣялась она.

— Хо, хо! куры отъ роду губаты! Люблю я это, когда человѣкъ не церемонится съ этой тряпкой, называемой мнѣніемъ общества.

— Я полагаю, что пока я сама себя ни въ чемъ упрекнуть не могу, до тѣхъ поръ могу спокойно смотрѣть и слушать то, что обо мнѣ говорятъ.

— Спесь, клянусь вамъ, капитальная спесь!

— Почему вы не поставили вашу пьесу въ Варшавскомъ театрѣ?

Потому что ее не хотѣли ставить. Видите ли, это заведеніе сильно надушенное, элегантное и только для деликатной, въ высшей степени чувствительной публики; моя же пьеса даже и не пахнетъ гостиной; самое большое отъ нея несетъ полемъ, слегка лѣсомъ и мужицкой хатой. Туда подавай флиртъ, интриги, выдумку и т. д., считайте до двадцати. Наконецъ я не имѣлъ протекціи, и они имѣютъ своихъ патентованныхъ фабрикантовъ пьесъ...

— А я думала, что достаточно написать хорошую вещь, чтобы ее тотчасъ же поставили.

— Боже мой!.. пусть я издохну... но все совсѣмъ не такъ. Вы замѣтьте, что чего не натерплюсь я, пока, наконецъ этакій Цабинскій поставитъ мою пьесу!.. Теперь возведите это въ квадратъ, и тогда будете имѣть нѣкоторое понятіе объ удовольствіи быть начинающимъ драматургомъ, который вдобавокъ ко всему не умѣетъ еще находить для своихъ пьесъ патроновъ...

Замолчали. Дождь шелъ все время и надѣлалъ уже по дорогѣ порядочныхъ лужъ.

Глоговскій угрюмо смотрѣлъ на городъ съ вырисовывающимися колокольнями на покрытомъ тучами горизонтѣ.

— Подлый городъ! — пробормоталъ онъ сердито.— Три года не могу съ нимъ справиться.... Борюсь, выбиваюсь изъ силъ... и ни одна собака меня не знаетъ!

— Пожалуй, если будете вѣчно говорить имъ, что они подлы и глупы, то этимъ никогда не покорите ихъ.

— Покорю. Меня не будутъ любить, но считаться со мной должны, пусть я издохну — должны!.. Такое рѣшеніе всего легче принимается актерами, пѣвцами и танцовщицами; однимъ выпадомъ пріобрѣтаешь все.

— Но и на одинъ день. Сходя со сцены, по себѣ не оставляютъ ни слѣда — словно камень въ воду! — говорила Янка съ нѣкоторой горечью въ голосѣ и всматриваясь во все приближающіяся сбитыя въ кучу стѣны Варшавы.

Только теперь въ эту минуту она поняла, что слава, о которой она мечтаетъ, только на одинъ день.

— Вижу, что у васъ аппетитъ къ тому же.

— Да! — отвѣтила она, и голосъ ея прозвучалъ сильно, словно послѣ долгаго сдерживанія.

— Да! — повторила еще разъ; но уже тише и безъ увлеченія.

Глаза ея померкли и, ничего не различая, блуждали по макушкамъ колоколенъ — ее угнетала мысль объ этой славѣ на одинъ день; вспомнились ей засохшіе вѣнки Цабинской, былая слава Станиславскаго, и все съ большей горечью думала она о тысячахъ этихъ слав-

ныхъ актеровъ, которые жили, умерли и никто даже именъ ихъ не знаетъ. Чувствовала въ сердцѣ своемъ какое-то тоскливое смятеніе. Оперлась сильнѣе на руку Глоговскаго и шла, не произнося ни слова.

На Закрогимской улицѣ сѣли на извозчика; Котлицкій вскочилъ къ нимъ третьимъ.

Янка сердито на него посмотрѣла; но онъ сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ, и продолжалъ смотрѣть на нее съ своей вѣчной усмѣшкой. Отвезли ее на квартиру. Времени у нея было ровно столько, чтобы забѣжать домой, переодѣться, взять нужныя вещи и тотчасъ же ѣхать въ театръ.

Благодаря дождю опоздало еще нѣсколько хористокъ.

Цабинскій, взволнованный ожидаемой по причинѣ непогоды пустотой въ театрѣ, бѣгалъ по сценѣ и кричалъ входящимъ:

— Грѣетесь, барышни... Уже девятый часъ, и ни одна еще не одѣта.

— Мы были у вечерни въ костелѣ святого Короля— объяснялась Зѣлинская.

— Меня мѣнять на вечерню! а!.. Прежде всего надо стараться услужить тому, кто дастъ хлѣбъ!

— О, директоръ, вы-то даете много! — отрѣзала со злостью въ голосѣ Янка, такъ какъ входя она сломала зонтикъ.

— Не даю?.. а на что же вы живете?

— На что?.. конечно, не на то жалованье, которое только все обѣщаютъ.

— О! И вы опаздываете?! — крикнулъ онъ входящей Янкѣ.

— Я играю только въ третьемъ дѣйствіи, такъ что времени у меня еще достаточно...

— Вицекъ! бѣги за Росенской... Гдѣ Зоская? Скорѣй начинайте!.. чтобы васъ собаки!..

Онъ заглянулъ черезъ дырку въ занавѣсѣ.

— Въ театрѣ полно, ей-Богу, а въ уборныхъ никого; потомъ еще кричать, что я не плачу! Господа, ради Бога, да оставайтесь же и начинайте!

— Сейчасъ, кончимъ банкъ!

Нѣсколько раздѣтыхъ, наполовину загримированныхъ актеровъ играли въ штоссъ. Одинъ только Станиславскій сидѣлъ въ углу, передъ небольшимъ кускомъ зеркала и «дѣлалъ лицо».

Уже третій разъ стиралъ онъ тряпочкой краску и гримировался наново; упражнялъ ротъ, гнѣвно стягивалъ брови, морщилъ лобъ, бросалъ всевозможные взгляды; красился и при каждомъ измѣненіи своей физіономіи вполголоса бормоталъ соотвѣтствующія мѣста роли, при чемъ изрѣдка въ сторону играющихъ бросалъ пятаки и пару словъ:

— Четверка! пятакъ!

— Публика скандалитъ! Пора звонить и начинать,— умолялъ Цабинскій.

— Не мѣшайте намъ, директоръ! Пускай подождутъ... очкомъ сыпь!

— Валетъ! позолотимъ!

Дама червей... пять дыдковъ*)!

— Готово! Поставьте-ка, директоръ, на Дездемону.

Потасовалъ, тряхнулъ картами и воскликнулъ:

---

*) Монета въ три крейцера.

— Ставьте, директоръ!

— Предатели! — прошипѣлъ Цабинскій, бросая на карту серебряную монету.

— А—такъ, а вотъ это тебѣ не измѣняетъ?

— Звонить! — кричалъ надсмотрщику Цабинскій, услыхавъ въ залѣ шопотъ.

Въ теченіе минуты ничего не было слышно, кромѣ шелеста картъ, съ быстротой молніи падающихъ на столъ.

— Четыре.

— Плати мѣдяки!

— Валетъ — внизъ!

— Пять, хорошо. Имѣемъ малую толику!

— Даму червей — въ лобъ.

— Больше уваженія къ прекрасной!

— Дама пикъ — по лбу ее. Платите!

— Довольно! Одѣвайтесь. Тамъ уже, клянусь Богомъ, свистятъ...

— Да, но если это доставляетъ имъ удовольствіе, такъ зачѣмъ же намъ мѣшать?

— Будетъ удовольствіе, когда станутъ выходить и брать обратно изъ кассы деньги! — крикнулъ Цабинскій выбѣгая.

Карты были брошены, и всѣ лихорадочно принялись одѣваться и гримироваться.

— Съ чего начинается?

— «Присяга».

— Станиславскій!

— Можно звонить, я иду уже! — отозвался Станиславскій.

И медленно пошелъ на сцену.

— Скорѣй! разнесутъ театръ! — кричалъ въ дверяхъ Цабинскій.

Играли такъ называемый драматическій букетъ, или иначе «кто что любитъ», то-есть: комедію, одноактную оперетку, отрывокъ изъ драмы и танецъ соло. Почти вся труппа принимаетъ участіе въ этомъ представленіи.

Янка уже въ костюмѣ сидѣла за кулисами и, глядя на сцену, ждала своей очереди. Чувствовала себя сильно утомленной впечатлѣніями дня. Глаза закрывались; припоминала себѣ слова Гржесикевича и его самого; внезапно вздрогнула, увидѣвъ за его лицомъ какъ бы вырывающуюся изъ глубины усмѣшку Котлицкаго и его физіономію сатира; а потомъ появился Глоговскій со своей огромной головой и добрыми глазами. Протирала руками глаза, какъ бы желая отогнать видѣнія, но эта усмѣшка все оставалась въ памяти.

— Какой противный пудель—эта Росинская!—стоя передъ Янкой, шептала Майковская.

Янка вздрогнула и съ нѣкоторой досадой посмотрѣла на нее.

Въ эту минуту какое ей дѣло до всего?..

И ее начинала уже сердить и раздражать эта вѣчная война всѣхъ и со всѣми.

Какое ей дѣло до Росинской, которая на самомъ дѣлѣ играла невозможно, шаржировала или впадала въ пошлый шаблонъ тамъ, гдѣ нужно было только немного чувства; выбивалась изъ силъ для первыхъ креселъ, что производило отвратительное впечатлѣніе.

— Цабинскіе могли бы не пускать ее больше на сцену,—говорила Майковская, не обращая вниманія на мол-

чаніе Янки; но быстро оборвала, такъ какъ подошла Зося, которая должна была танцовать соло pas съ шалью.

Уже одѣтая для танца, она стала рядомъ съ Майковской. Въ костюмѣ выглядѣла она не старше двѣнадцати лѣтъ; фигура ея была еще не развита, лицое худое и нервное, а въ сѣрыхъ глазахъ было выраженіе опытной куртизанки и цинизмъ въ складкѣ накрашенныхъ губъ. Слѣдила за игрой матери и сквозь сжатые зубы шипѣла съ досадой; наконецъ наклонилась къ Майковской и шепнула такъ, чтобы и Янка слышала:

— Посмотрите только, какъ играетъ эта старуха!

— Кто? мать?

— Ну да! Вы только посмотрите. Какъ старается, и все для того франта—въ цилиндрѣ. Подскакиваетъ, какъ старая индюшка... О, и какъ одѣлась! Во что бы то ни стало хочетъ казаться молодой, а даже, какъ слѣдуетъ, сдѣлать себѣ лица не умѣетъ, мнѣ стыдно за нее!.. Она думаетъ, что всѣ такъ глупы и не узнаютъ... ого! Во время туалета запирается отъ меня, чтобы я не видѣла, какъ она себя наштукатуриваетъ, ха! ха! ха! — смѣялась Зося почти съ ненавистью. — Эти мужчины такіе дураки: вѣрятъ всему, что ни видятъ... Мама всего накупаетъ себѣ, а я даже зонтика допроситься не могу.

— Зося, да слыханное ли это дѣло такъ нападать на свою мать!

— Фи! велика штука: мать! Въ четыре года, только захочу, и нѣсколько разъ сдѣлаюсь ею; но я не дура... ого! ребятъ!.. не дура!..

— Ты омерзительный и глупый щенокъ! Вотъ сей-

часъ скажу все матери...—прошептала Майковская, возмущенная до глубины души, и отошла.

— Сама она глупа, хотя по положенію и актриса. Люблю такихъ!..—бросила ей вслѣдъ Зося и зажала губы.

— Перестань, мѣшаешь мнѣ слушать...

— Тоже, нашли кого слушать, m-lle Янка! У старухи голосъ, какъ разбитый горшокъ,—снова продолжала она.

Янка сдѣлала нетерпѣливый жестъ.

— А, если бы вы знали, какъ она вретъ... Въ Люблинѣ ходилъ къ ней нѣкій Куласевичъ; я звала его «куласомъ», онъ мнѣ даже конфетъ не носилъ. Мать побила меня разъ и сказала, что это мой папаша... Ха! ха! ха! знаю я этихъ папашъ... Тамъ Куласъ, въ Лодзи Каминскій, и теперь ихъ у нея два.—Прячетъ ихъ... Думаетъ, что я ей завидую, тоже нашла кого! Такихъ голыхъ обожателей всегда много...

— Замолчи, Зоська, ты негодная дѣвочка,—шепнула Янка, возмущенная цинизмомъ этого актерскаго дѣтища.

— Развѣ я говорю что-либо скверное?.. Развѣ на самомъ дѣлѣ не такъ?..—отвѣтила она тономъ восхитительной невинности.

— Ты еще спрашиваешь!.. Да кто говоритъ такъ о родной матери?

— Но чего же она такая дура? Всѣ имѣютъ такихъ, которые имъ даютъ что-нибудь... а она! И мнѣ было бы лучше, если бы она была умнѣе... Я-то ужъ устроюсь иначе!..

Янка отодвинулась назадъ, продолжая задумчиво

смотрѣть на дѣвочку; но Зоська не поняла этого, а, наклонившись къ ней, многозначительно прошептала:

— А вы имѣете уже кого-нибудь?

Но тотчасъ же отбѣжала, такъ какъ опустили занавѣсъ; танецъ долженъ былъ быть въ антрактѣ между двумя дѣйствіями.

Янка сжалась, словно отъ прикосновенія какого-то гада. По тѣлу пробѣжала холодная дрожь, и на лицѣ выступилъ румянецъ стыда и униженія.

— Какая грязь! — шептала она, слѣдя за тѣмъ, какъ Зоська, улыбнувшаяся и порозовѣвшая, выходила на сцену.

Ея худенькая мордочка борзой мелькала въ бѣшеномъ темпѣ вальса.

Танцовала она ловко и съ темпераментомъ, такъ что въ залѣ раздался громъ аплодисментовъ. Кто-то бросилъ даже букетъ; она подняла его и пятилась назадъ со сцены, кокетливо улыбалась и какъ настоящая актриса раздутыми ноздрями втягивала въ себя эти проявленія восторга.

— Mademoiselle Янка, — крикнула она за кулисами, — букетъ, о! Теперь Цабанъ долженъ дать мнѣ à conto. Они пришли ради моего танца... они вызываютъ меня!..

Бросилась опять на открытую сцену кланяться публикѣ.

— Ваша болтовня не стоитъ фиги!.. Если бы не танецъ, было бы пусто такъ, что!..

Перекрутилась на пальцахъ ногъ, разсмѣялась торжествующе и побѣжала въ уборную.

Начали играть актъ необыкновенно чувствительной драмы «Дочь Фабриціюша». Фабриціюша изображалъ

Топольскій, а дочь — Майковская. Играли хорошо; хотя Морисъ былъ такъ пьянъ, что почти не соображалъ, что съ нимъ; но положенія его никто не замѣчалъ. Одинъ Станиславскій стоялъ за кулисами и громко смѣялся надъ его автоматичными движеніями и безсмысленными глазами. Майковская каждую минуту поддерживала партнера, такъ какъ онъ почти падалъ.

— Міровская! поди-ка сюда и полюбуйся, какъ они играютъ! — говорилъ Станиславскій старухѣ, апатично настроенной актрисѣ, и глаза его сверкали почти ненавистью.

— Это — моя роль!.. я долженъ былъ играть ее. Что сдѣлалъ изъ нея онъ?... Пьяная скотина!.. — шипѣлъ онъ сквозь стиснутые зубы, какъ вдругъ раздались дружные аплодисменты, несмотря ни на что, вполнѣ заслуженные. — Станиславскій даже посинѣлъ и ухватился за кулисы, чтобы не упасть, такъ сильно душила его зависть.

— Скоты! скоты! — шепталъ онъ, угрожая сжатымъ кулакомъ публикѣ.

Потомъ побѣжалъ къ сценаріусу, не могъ найти его и вернулся назадъ; затѣмъ ходилъ, уже еле волоча ноги, нервный и злой.

— ...Дочь моя! мое возлюбленное чадо! ты не оттолкнешь своего стараго отца?.. прижмешь отца-грабителя къ своему чистому сердцу?.. не сбѣжишь отъ слезъ его и поцѣлуевъ?.. — плылъ со сцены горячій шопотъ Топольскаго и такъ проникалъ въ душу стараго артиста, что онъ поднимался, увлеченный игрой, забывая обо всемъ, и въ эти тихіе отзвуки отцовской любви вкладывалъ столько чувства и слезъ, столько крови

и души и въ то же время былъ такъ смѣшонъ въ этомъ слабомъ освѣщеніи кулисъ, съ патетично-вытянутыми въ пространство руками, съ наклоненной впередъ головой, съ глазами, устремленными въ шнурокъ отъ занавѣса, что Вицекъ, увидѣвъ его, побѣжалъ съ крикомъ въ уборную:

— Господа!.. Станиславскій за кулисами опять показываетъ тамъ, что-то свое...

Толпой побѣжали любоваться зрѣлищемъ и, увидѣвъ его еще въ той же патетичной позѣ, всѣ въ одинъ голосъ разразились смѣхомъ.

— Ха! ха! вотъ обезьяна американская!

— Это такая горилла африканская, что сто лѣтъ живетъ! жретъ людей, жретъ бумагу, жретъ роли, жретъ славу и такъ обожралась, что даже корчи схватили! — кричалъ Ваврженкій, имитируя голосъ какого-то провинціальнаго покупателя рѣдкостей.

Станиславскій пришелъ въ себя и оглянулся, но, встрѣтившись глазами съ насмѣшниками, задрожалъ и грустно опустилъ голову на грудь.

Янка, которая была свидѣтельницей всей этой сцены и въ минуту его экстаза не осмѣливалась поднять даже руку, чтобы не помѣшать ему, была не въ силахъ сдержаться и, когда увидѣла въ его глазахъ слезы и всю эту банду издѣвающихся скотовъ, подошла къ нему и съ какимъ-то невольнымъ уваженіемъ поцѣловала у него руку.

— Дитя мое! дитя мое! — шепталъ онъ слабо, отворачивая голову, чтобы скрыть непрошенныя слезы, пожалъ ей сильно руку и вышелъ.

Буря сожалѣнія, боли и ненависти такъ сильно трясла его, что съ трудомъ спустилась съ лѣстницы.

Вышелъ въ садикъ, оттуда невыразимо грустнымъ взглядомъ окинулъ играющихъ на сценѣ и публику и направился черезъ веранду на улицу, но вдругъ повернулъ обратно и остался...

— О, это былъ бы хорошій покровитель, — крикнулъ кто-то Янкѣ по уходѣ Станиславскаго.

— Оснуютъ товарищество и будутъ вмѣстѣ играть любовниковъ! — громко бросилъ другой.

— Шакалы! шакалы! — съ вызывающимъ взглядомъ громко сказала Янка.

Ей страстно хотѣлось плюнуть имъ всѣмъ въ глаза, ненависть такъ сильно переполнила сердце и такими казались ей всѣ подлыми и безжалостными; однако сдержалась и сѣла на прежнее мѣсто, еще долго не будучи въ силахъ успокоиться.

Выходила на сцену съ хоромъ, еще дрожащая и возмущенная, и первая бросившаяся ей въ креслахъ фигура былъ — Гржесикевичъ; онъ сидѣлъ въ первомъ ряду. Встрѣтились глазами; онъ сдѣлалъ движеніе, какъ бы желая уйти, а она отъ удивленія пріостановилась на минуту по серединѣ сцены; но въ ту же минуту пришла въ себя: увидѣла Котлицкаго, сидящаго недалеко и осторожно оглядывающаго Гржесикевича, потомъ Нѣдзѣльскую, стоящую у ложъ и привѣтливо ей улыбающуюся.

Она не смотрѣла на Гржесикевича, но чувствовала на себѣ его глаза; это раздражало ее и волновало еще больше. Тутъ въ умѣ мелькнула мысль, что у нея слишкомъ короткій костюмъ, и стало какъ-то стыдно, что

стоитъ передъ нимъ въ этихъ блестящихъ, театральныхъ тряпкахъ.

Невозможно выразить всего, что начинало твориться съ нею. Никогда до этого она не чувствовала ничего подобнаго. Выходя на сцену, она обыкновенно смотрѣла на публику сверху внизъ, какъ на толпу, рабскую и почти неразумную; сегодня же ей казалось, что стоитъ она впереди въ большой клѣткѣ или что она какой-то звѣрь въ коллекціи рѣдкихъ экземпляровъ и что публика эта пришла смотрѣть на нее и забавляться продѣлываемыми фокусами: оглядываютъ ее со всѣхъ сторонъ, лорнируютъ и чуть не притрогиваются концами палокъ и зонтовъ.

Первый разъ замѣтила у нихъ эту улыбку, которой не было на отдѣльныхъ лицахъ, но которая извивалась на лицахъ всѣхъ и, казалось, наполняла театръ; это была улыбка какой-то добродушной и безотчетной ироніи, улыбка какого-то гнетущаго превосходства, одна изъ тѣхъ улыбокъ, которая бываетъ у старшихъ, когда они смотрятъ на играющихъ дѣтей. Чувствовала ее всюду.

Потомъ видѣла только неподвижные, устремленные на нее глаза Гржесикевича. Съ трудомъ оторвалась отъ него и смотрѣла въ другую сторону; но все-таки замѣтила, какъ Гржесикевичъ всталъ и вышелъ изъ театра. Она не ждала его, не надѣялась видѣться съ нимъ; но уходъ его подѣйствовалъ на нее тяжело. Съ нѣкоторымъ чувствомъ разочарованія смотрѣла она на пустое мѣсто, гдѣ за минуту до того сидѣлъ онъ.

Хоръ подвинулся дальше, такъ какъ Глясъ и Качковская запѣли комическій дуэтъ.

Глясъ стоялъ почти передъ самой будкой суфлера и тихо, но многозначительно стучалъ Добику: по обыкновенію оказался какой-то куплетъ соло, изъ котораго онъ не зналъ ни слова.

Хальтъ сдѣлалъ палочкой знакъ, и Глясъ, скорчивъ комичную рожу, сталъ пѣть первое, что пришло на память, и напрягалъ слухъ; но Добикъ не подсказывалъ.

Хальтъ энергично стучалъ о пюпитръ; но Глясъ пѣлъ все одно и то же, бросая въ паузахъ тихое и умоляющее:

— Суфлируй! суфлируй же!

Хоръ, расположенный сзади, сталъ путаться, изъ-за кулисъ кто-то громко подсказывалъ слова несчастной пѣсенки; но вспотѣвшій, красный Глясъ отъ гнѣва и напряженія вертѣлся все на одномъ мѣстѣ: «Ты моя прекрасная Рузя!» — ничего не слышалъ и не видѣлъ, что творится кругомъ.

— Суфлируй! — въ отчаяніи шепнулъ онъ еще одинъ разъ, такъ какъ оркестръ и часть публики сообразили въ чемъ дѣло и поднялся смѣхъ. Толкнулъ Добика въ лицо и вдругъ остановился, безсмысленно устремивъ глаза на публику.

Добикъ, получивъ зуботычину, схватилъ его за ногу и крѣпко держалъ.

— Видишь, сынокъ! не брыкайся! — шепталъ суфлеръ, такъ сильно держа Гляса, что тотъ не могъ пошевельнуться. Ага! расписывалъ Добика, а Добикъ самъ расписалъ тебя... Теперь мы квиты!

Положеніе спасли Хальтъ и Качковская, начавшіе слѣдующій номеръ.

Добикъ отпустилъ ногу Гляса, забился глубже въ

будку и преспокойно продолжалъ суфлировать на память, добродушно улыбаясь хористкамъ и угрожающему ему изъ-за кулисъ Цабинскому.

Янка не соображала, что творится на сценѣ, такъ какъ увидѣла возвращающагося съ огромнымъ букетомъ въ рукахъ Гржесикевича.

Онъ сѣлъ на прежнее мѣсто; когда хоръ снова вышелъ на авансцену, онъ поднялся и, дойдя до оркестра, бросилъ букетъ подъ ноги Янкѣ, затѣмъ повернулся, прошелъ всю залу и исчезъ, не обращая вниманія на то, что поступокъ его произвелъ въ театрѣ сенсацію.

Янка машинально подняла цвѣты, подвинулась вглубь сцены и спряталась за товарокъ, такъ какъ почувствовала, что глаза всей публики устремлены на нее.

— Вотъ такъ типъ! — шепнула ей Зѣлинская.

— Посмотрите въ цвѣтахъ, можетъ тамъ что-нибудь... — шепнула другая.

Янка осматривала ихъ; но почувствовала глубокую признательность къ Гржесикевичу за эти цвѣты.

Вышла на сцену, не обращая вниманія на странную грызню Добика съ Глясомъ, начавшуюся тотчасъ же послѣ окончанія дѣйствія.

Глясъ скакалъ отъ бѣшенства, а Добикъ медленно натягивалъ пальто и тихо, но съ злорадствомъ отвѣчалъ:

— Око-за око! Сладка месть сердцу человѣческому!

Мстилъ же онъ ему за то, что третьяго дня Глясъ напоилъ его пьянымъ и при помощи Владека загримировалъ негромъ. Добикъ отрезвившись преспокойно пошелъ изъ кабака въ театръ, ничего не подозрѣвая

о перемѣнѣ, происшедшей съ его лицомъ. За кулисами это произвело фуроръ, но Добикъ поклялся отомстить и сдержалъ слово, а теперь грозилъ еще, что и Владеку это такъ не сойдетъ.

Взволнованный Цабинскій говорилъ Глясу разныя глупости; но тотъ не отозвался даже, совсѣмъ уничтоженный своимъ пораженіемъ на сценѣ.

Янка, уже совсѣмъ одѣтая, ждала Совинскую итти вмѣстѣ домой, когда подвернулся Владекъ и мягко спросилъ:

— Не позволите ли вы проводить васъ?

— Я иду съ Совинской, да и вы вѣдь живете совсѣмъ въ противоположной сторонѣ...

— Именно Совинская велѣла мнѣ передать вамъ, что вернется только черезъ часъ... Она въ дирекціи.

— Ну, тогда пойдемъ.

— Букетъ не мѣшаетъ вамъ, я понесу.... — сказалъ онъ, протягивая руку.

— О, нѣтъ! Благодарю васъ!

— Дорогой?.. — произнесъ онъ, улыбкой подчеркивая слова.

— Не знаю, много ли стоитъ — отвѣтила она холодно и не проявляя совсѣмъ охоты разговаривать.

Владекъ разсмѣялся; потомъ говорилъ о матери и подъ конецъ прибавилъ:

— Не заглянете ли вы къ намъ?.. Мама больна; уже нѣсколько дней не встаетъ съ постели...

— Мама больна?.. Да я видѣла ее сегодня въ театрѣ.

— Быть не можетъ!.. — воскликнулъ онъ, смѣшавшись. — Даю вамъ слово, я былъ увѣренъ... такъ какъ

мать говорила мнѣ, что не встаетъ уже нѣсколько дней...

— Мама строитъ мнѣ какія-то козни... — добавилъ онъ угрюмо.

Нѣдзѣльская неустанно шпіонила за нимъ и всегда должна была знать все: съ кѣмъ у него романъ, такъ какъ вѣчно боялась, что Владекъ женится на какой-нибудь актрисѣ...

Попрощался съ нею у воротъ съ преувеличенной вѣжливостью и добавилъ, что долженъ бѣжать къ матери, чтобы убѣдиться въ томъ, что она здорова.

Какъ только Янка вошла въ домъ, Владекъ побѣжалъ къ театру и, встрѣтивъ Совинскую, долго и таинственно говорилъ съ нею. Старуха смотрѣла на него насмѣшливо и обѣщала свое посредничество.

Владекъ торопливо побѣжалъ къ Кржикевичу на карты; такіе карточные вечера они устраивали себѣ довольно часто и усердно приглашали на нихъ своихъ знакомыхъ изъ публики.

Янка, очутившись у себя въ комнатѣ, поставила цвѣты въ воду и отправилась спать, еще разъ посмотрѣла на розы и мягко шепнула:

— Добрый!

VIII.

— Барышня, повѣстка! — кричалъ Вицекъ.

— Что тамъ такое?

— Читка этой новой пьесы или что-то въ этомъ родѣ!.. — отвѣчалъ онъ, шныряя глазами по комнатѣ.

Янка расписалась на листѣ, въ которомъ режиссеръ просилъ гг. артистовъ собраться въ двѣнадцать часовъ дня для читки пьесы Глоговскаго «Хамы».

— Фэйнъ-букетъ! — воскликнулъ Вицекъ, осматривая цвѣты. — Можно бы его еще спустить...

— Говори по-человѣчески! — произнесла Янка, возвращая ему подписанный листъ.

— Я бы могъ его еще продать; дайте только.

— Кто же продаетъ такіе букеты и кто покупаетъ?..

— Охо! вы еще того... не знаете!.. Нѣкоторыя барыни, какъ только получатъ цвѣты, тотчасъ же продаютъ ихъ цвѣточницѣ — той, что вечеромъ продаетъ у насъ въ садикѣ цвѣты... Ой-ой! рубли за него можно взять... Я бы ужъ получилъ...

— Не получишь... На другой и будь здоровъ!

— Вицекъ поцѣловалъ Янку въ руку, обрадованный полученнымъ рублемъ, и выбѣжалъ.

Послѣ ухода Вицека Янка перемѣнила воду въ вазѣ съ цвѣтами и собственноручно уставляла ихъ на столикѣ, когда вошла Совинская съ завтракомъ.

Сегодня она сіяла; ея сѣрые, круглые глаза выражали столько сладкой угодливости, что это поразило Янку.

Поставивъ на столикѣ кофе и указывая на букетъ, она сказала, улыбаясь:

— Прекрасные цвѣты!.. Это отъ этого помѣщика?

— Да — отвѣтила она коротко.

— Я знаю кой-кого, кто съ большимъ удовольствіемъ ежедневно посылалъ бы такіе... — начала какъ бы неохотно Совинская, убирая комнату.

— Цвѣты?

— Ну... и кое-что побольше, только бы быть принятымъ.

— Видно тотъ, кто очень наивенъ и меня не знаетъ...

— Говорятъ, барышня, что отъ любви глупѣютъ.

— Быть можетъ — отвѣтила Янка коротко и слушала внимательнѣе, такъ какъ чувствовала, что послѣдуетъ какое-то предложеніе.

— И вы не догадываетесь, кто это?

— Совсѣмъ не интересуюсь.

— Между тѣмъ вы знаете его хорошо...

— Очень вамъ благодарна; но въ указаніяхъ не нуждаюсь.

— Не сердитесь, барышня... Что въ этомъ дурного? — продолжала цѣдить Совинская.

— А! вы вотъ какъ говорите?..

— Я вѣдь желаю вамъ добра, какъ родной дочери...

— Вы желаете мнѣ добра, какъ родной дочери? — медленно спросила Янка, глядя ей прямо въ глаза.

Совинская опустила вѣки, не будучи въ состояніи выдержать этого взгляда, и молча вышла изъ комнаты; но за дверьми остановилась и погрозила кулакомъ.

— Святая! Подожди!.. — прошептала она съ ненавистью. День былъ пасмурный и холодный, дождикъ, мелкій, какъ роса, моросилъ все время и образовалъ на улицахъ и тротуарахъ толстый слой грязи; плыли сѣрыя тучи и напоминали осень.

Въ театрѣ Янка застала Пѣся, Топольскаго и автора.

Глоговской съ улыбкой подошелъ къ ней и, протягивая руку, сказалъ:

— Съ добрымъ утромъ! Я думалъ вчера о васъ; непремѣнно поблагодарите меня за это...

— Благодарю! но меня очень интересуетъ...

— Не думалъ скверно... Не думалъ о васъ такъ, какъ мнѣ подобные думаютъ о такихъ красивыхъ, какъ вы, женщинахъ, нѣтъ! пусть я издохну!.. Я думалъ... Пресвятая Матерь! не могу никакъ выбраться изъ этого «я думалъ!».. Откуда въ васъ это что-то, что называется — сила?.. откуда — она?..

— Надо полагать, что оттуда, откуда беретъ начало и слабость, т.-е. это врожденное — отвѣтила Янка садясь.

— Вы, навѣрное, имѣете какой-нибудь завѣтъ, слѣдуя которому подвигаетесь впередъ. Имѣетъ онъ желтовато-рыжіе волосы, около десяти тысячъ годового дохода, носитъ очки и...

— И... не кончайте, сударь!.. Сказать глупость будетъ всегда время; она не залежится... — прервалъ Глоговскій Топольскаго.

— Эй — пятерка! четыре коньяку — вы вѣдь съ нами выпьете, барышня?..

— Благодарю! никогда не пила и не пью.

— Непремѣнно... хоть губки омочите. Это начало похоронныхъ поминокъ по моей пьесѣ.

— Преувеличенно! — промычалъ Пѣсь.

— А ну — увидимъ! Что тамъ, господа, еще по одной... на погибель... — кричалъ Глоговскій, наливая въ рюмки коньякъ.

Онъ смѣялся, острилъ, велъ приходившихъ актеровъ къ буфету, разрывался на всѣ стороны; но было видно,

что подъ этой искусственной веселостью скрывается грусть и неувѣренность въ успѣхѣ.

На верандѣ стало даже черезчуръ шумно, такъ какъ Глоговскій угощалъ всѣхъ; но въ общемъ расположеніе духа было подавленное, благодаря погодѣ.

Цабинскій ежеминутно смотрѣлъ на небо, снималъ цилиндръ и недовольно почесывалъ голову; директорша ходила пасмурная, какъ осенній день; Майковская съ недобрымъ огонькомъ въ глазахъ поглядывала на Топольскаго и повидимому имѣла желаніе закатить ему сцену, губы у нея были синія и глаза красные отъ слезъ или безсонницы; Глясъ тоже, послѣ вчерашней перепалки, ходилъ самъ не свой и не разсказалъ ни одной исторіи; Разовѣцъ передъ зеркаломъ осматривалъ языкъ и жаловался госпожѣ Пѣсь, даже Вавржецкій былъ не «въ ситуаціи», какъ самъ назвалъ свое состояніе духа.

Какая-то сонливость, въ родѣ той, что царила въ воздухѣ, охватила всѣхъ скукой и апатіей.

— Половина перваго... идемъ читать — сказалъ режиссеръ.

Выдвинули на середину сцены столъ, поставили стулья, и Топольскій, вооруженный карандашомъ, началъ читать.

Глоговскій не садился; ходилъ, описывая большіе круги и, ежеминутно проходя около Янки, дѣлалъ шопотомъ шутливыя замѣчанія, отъ которыхъ она смѣялась вполголоса; онъ шелъ еще дальше, косматилъ волосы, подбрасывалъ вверхъ шляпу и курилъ папиросу за папиросой; но, несмотря на это, внимательно слушалъ чтеніе.

Дождь все моросилъ, и вода съ шумомъ стекала по водосточнымъ трубамъ. День освѣщалъ все грязноватымъ свѣтомъ.

Было такъ скучно, что не могли уже выдержать и шептались все чаще.

Глясъ окурками папиросъ бросалъ въ носъ Добику, а Владекъ дулъ осторожно въ голову дремлющей Мировской.

Изъ уборной доносился скрипъ пилы, распиливающей доски, и стукъ вбиваемыхъ гвоздей; это машинистъ готовилъ къ вечеру подпорки.

— Здѣсь нужно вычеркнуть немного — говорилъ иногда Топольскій.

— Вычеркивайте! — отвѣчалъ Глоговскій, продолжая ходить.

Шопотъ становился все громче.

— Каминская, пойдете со мной на Налевки? Я хочу купить себѣ на платье.

— Хорошо, заодно посмотримъ осеннія накидки.

— Что это будетъ?.. вставка?.. — спросила Росинская жену Пѣся, усердно работающую крючкомъ.

— Да! Видите, какой красивый узоръ... Образчикъ получила отъ директорши...

Опять воцарилась тишина, среди которой слышался только спокойный и звонкій голосъ режиссера, стукъ дождя и скрипъ пилы.

— Дай мнѣ папиросу, — обратился Вавржецкій къ Владеку. — Ты выигралъ вчера?

— Продулся, какъ всегда. Скажу я тебѣ—шепталъ Владекъ, подвигаясь ближе — поставилъ на четверку, двадцать пять рублей очко. Играю — дублетъ, идетъ:

говорю: квадра — мое! Котлицкій предлагаетъ мнѣ снять половину. Я не хочу; всѣ перестали играть, такъ какъ стало жарко, я тяну дальше; шесть, семь, восемь, девять — мои! Всѣ смотрятъ. Котлицкій злится, такъ какъ уже около трехсотъ рублей мои; тяну одиннадцать — мои! Кричатъ мнѣ, чтобы я снялъ половину... Не хочу! Тяну двѣнадцатый разъ и... проваливаюсь. Нѣсколько сотъ рублей выбросилъ, какъ въ болото, вотъ ужъ не судьба, что?.. А есть у меня планъ!

Нагнулся къ его уху и шепталъ таинственно.

— Что ты сдѣлалъ съ квартирой?—спросилъ Кржикевичъ Гляса, протягивая ему папиросы.

— Ничего! продолжаю жить.

— Платишь?

— Нѣтъ, но буду! — отвѣтилъ комикъ, прищуривая одинъ глазъ.

— Послушай, Глясъ! Говорятъ Цабинскій покупаетъ на Лѣшнѣ домъ.

— Утка! Ей Богу сейчасъ же поселился бы у него, заживать свое жалованіе. Но это сказки! Откуда взялъ бы онъ столько денегъ?..

— Цѣнишевскій видѣлъ его съ комиссіонерами по продажѣ домовъ.

— Няня! — позвала Цабинская.

Няня поспѣшно приближалась, неся въ фартукѣ какое-то письмо.

— Это не я; это Феля разбила зеркало; цѣлилась въ подсвѣчникъ, а попала въ зеркало... Дзынь! — и тридцать рублей приписаны къ счету... Этотъ толстый только поморщился.

— Не ври! я вѣдь не была пьяна и хорошо помню, кто разбилъ.

— Помнишь?.. А помнишь, какъ ты прыгала со стола, а потомъ сняла башмаки и... ха! ха! ха!..

— Тише!..—рѣзко окрикнулъ Топольскій хористокъ, разсказывающихъ другъ другу впечатлѣнія вчерашняго дня.

Онѣ притихли; но зато Мими начала почти громко разсказыват Качковской о новомъ фасонѣ шляпы, которую видѣла на улицѣ Долгой.

— Если это такъ продолжится, я не выдержу. Хозяинъ отказалъ мнѣ отъ квартиры. Вчера заложила послѣднюю тряпку, чтобы купить вина Янеку. Бѣдняжка поправляется такъ медленно; хочетъ уже вставать, скучаетъ и капризничаетъ; ему нужно давать лучше кушать; а тутъ едва перебиваешься на чаѣ... Если меня не ангажируетъ Цѣнишевскій и не дастъ аванса, то хозяинъ вышвырнетъ меня на мостовую, нечѣмъ ему заплатить...

— Дѣйствительно ли только онъ основываетъ товарищество?

— Конечно; на этихъ дняхъ должна итти къ нему подписывать контрактъ.

— Значитъ вы не будете больше у Цабинскаго?

— Онъ не платитъ — шептала Вольская. — Тридцать лѣтъ оставили глубокій слѣдъ на ея помятомъ и измученномъ заботами лицѣ. Толстый слой пудры и румянъ не скрывалъ морщинъ и не скрадывалъ безпокойства, проглядывающаго въ глазахъ. Она имѣла шестилѣтняго сынка. Оберегала его съ отчаяньемъ, сама го-

лодала; отдавала все, только чтобы сохранить его, и сохранила, сдѣлавшись сама похожей на скелетъ.

— А, нашъ меценатъ! просимъ! — воскликнулъ Глясъ, увидавъ старика, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль не показывавшагося въ театрѣ.

Меценатъ подошелъ, со всѣми поздоровался. Чтеніе прекратилось, такъ какъ всѣ повскакивали съ мѣстъ.

— Здравствуйте! здравствуйте!.. Можетъ, мѣшаю?..

— Нѣтъ, нѣтъ!

— Садитесь, нашъ меценатъ — кричала Цабинская — будемъ слушать вмѣстѣ.

— А, молодой пророкъ! мое почтеніе!

— Старый идіотъ! — пробормоталъ Глоговскій, кивая ему головой, и скрылся за кулисы, такъ какъ его охватило бѣшенство отъ этихъ вѣчныхъ перерывовъ и разговоровъ.

— Тише!.. Честное слово настоящая синагога! — взволнованно кричалъ Топольскій и читалъ дальше. Но никто уже не слушалъ. Директорша и меценатъ вышли, а за ними потихоньку выскальзывали и другіе.

Дождь полилъ какъ изъ ведра и, съ шумомъ ударяясь о желѣзную крышу театра, заглушалъ все.

Стало такъ темно, что Топольскій не могъ читать.

Перешли въ мужскую уборную, тамъ было немного свѣтлѣе и тепло, а потому принялись болтать.

Янка, стоя въ дверяхъ съ Глоговскимъ, спорила о театрѣ, когда Росинская вдругъ насмѣшливо вмѣшалась въ разговоръ.

— Ну и забили же вы себѣ въ голову этотъ театръ,

право же никогда не повѣрила бы, не убѣдясь своими глазами...

— Очень просто; театръ для меня все.

— Я наоборотъ, живу внѣ театра.

— Такъ почему же вы не бросите сцену?

— Если бы могла только вырваться отсюда, ни минуты не оставалась бы здѣсь! — отвѣтила она съ горечью.

— Такъ говорится только! Каждая изъ насъ могла бы, да не хватитъ силъ оторваться отъ театра, — тихо произнесла Вольская. — Мнѣ тяжелѣе всѣхъ, и я знаю, что если брошу сцену, мнѣ будетъ лучше; но при одной мысли, что когда-нибудь я должна перестать играть, меня охватываетъ такой страхъ, что кажется вотъ-вотъ умру, только брошу сцену...

— О, театръ!.. это медленное отравленіе и ежедневное приближеніе къ концу! — жалобно прошепталъ Разовѣцъ.

— Не ворчи — ты боленъ не театромъ, а желудкомъ.

— Однако это постоянное отравленіе — въ то же время и извѣстное наслажденіе! — снова начала Янка.

— И!.. какое тамъ наслажденіе!.. развѣ, если наслажденіемъ называть голодъ, постоянную зависть и невозможность жить по-другому.

— Счастливы тѣ, кто не боленъ этой болѣзнью или во-время отъ нея избавился!

— Но вѣдь лучше же жить такъ, такъ страдать и гибнуть, но имѣть цѣль, искусство, нежели жить какъ улитка, жизнью пресмыкающагося. Въ тысячу разъ предпочитаю жить такъ, чѣмъ быть служанкой мужа,

рабой дѣтей, домашней утварью и не знать никакихъ заботъ, — выпалила Янка.

Владекъ съ комичнымъ паѳосомъ началъ декламировать:

«Жрецъ, тебѣ алтарь
Въ мірѣ искусства
Воздвигнуть велю!»...

— Извините пожалуйста! Я самъ говорю, что кромѣ искусства... нѣтъ ничего!.. что, если бы не театръ...

— Ты сталъ бы оперировать съ подметками! — вставилъ Глясъ.

— Такъ могутъ говорить только очень молоденькія очень наивныя, — злорадно замѣтила Качковская.

— Или не пробовала я, каковъ вкусъ у жалованія Цабинскаго.

— Достойная сожалѣнія особа! у васъ энтузіазмъ... возьметъ его нужда; у васъ душа... возьметъ ее нужда, у васъ — молодость, талантъ, красота... все заберетъ нужда! — говорилъ Пѣсь строгимъ голосомъ пророка.

— Нѣтъ, это ничего!.. но такое общество, такіе артисты, такія пьесы лишатъ васъ всего... А если переживете этотъ адъ, то будете великой артисткой! — шепталъ Станиславскій.

— Это сказалъ учитель, а потому склони долу голову и скажи, такъ быть должно! — издѣвался Вавржецкій.

— Клоунъ!.. — пробормоталъ Станиславскій и вышелъ.

— Мамонтъ!

— Разскажу вамъ, какъ начиналъ я, — сказалъ Владекъ.

— Извѣстное дѣло — у цырюльника.

— Не дурачься, Глясъ!.. непремѣнно хочешь казаться глупѣе, чѣмъ есть...

— Я былъ въ четвертомъ классѣ гимназіи, когда увидѣлъ въ Гамлетѣ Россини... Погибъ! Таскалъ у отца деньги, покупалъ себѣ трагедіи и ходилъ въ театръ, напролетъ дни и ночи училъ роли. Мечталъ завладѣть вселенной...

— А теперь теленочекъ Цабана, — язвилъ Добикъ.

— Какъ-то стало мнѣ извѣстно, что Рихтеръ пріѣхалъ въ Варшаву и хочетъ открыть драматическое училище. Пошелъ къ нему, такъ какъ почувствовалъ въ себѣ талантъ и желаніе учиться. Жилъ онъ на улицѣ св. Яна... Прихожу, звоню. Отъ страху стало мнѣ даже жарко... Не знаю, съ чего начать... Переминаюсь съ ноги на ногу. Онъ же преспокойно мылъ какую-то кастрюльку, потомъ налилъ въ машинку керосину; снялъ сюртукъ, надѣлъ какую-то кофту и давай чистить картофель.

Послѣ долгаго молчанія, видя, что не дождусь, начинаю лепетать о призваніи, о любви къ искусству, о желаніи учиться и такъ далѣе...

Онъ же все чиститъ картофель.

Наконецъ спрашиваю его, не будетъ ли онъ мнѣ давать уроки.

Поглядѣлъ на меня и буркнулъ:

— А сколько вамъ лѣтъ, кавалеръ?

Я опѣшилъ, а онъ тянетъ дальше:

— Вы пришли съ мамой?

У меня въ глазахъ слезы, а онъ продолжаетъ:

— Задастъ отецъ трепку... о, задастъ!.. и выпрутъ изъ гимназіи.

Стало мнѣ такъ грустно и такимъ униженнымъ почувствовалъ я себя, что слова не могъ вымолвить.

— А ну-ка, молодой человѣкъ, продекламируйте мнѣ стишки, напримѣръ. «Стась на курточкѣ сдѣлалъ пятно...» «Была темная ночь»... что-нибудь изъ произведеній Лукашевскаго... — тихо произнесъ онъ, аккуратно обрѣзывая картошку.

Я не понялъ ироніи, такъ какъ предо мной отверзлось небо. Декламировать передъ нимъ! Да вѣдь я мечталъ объ этомъ... — думалъ, что поражу его, увлеку, ибо всѣ мои кузины и вся гимназія восхищались моимъ голосомъ.

— Такъ это у тебя еще съ того времени страсть кричать?..

— Глясъ, не мѣшай!

— Ха! думаю, надо сразу показать себя... и хотя весь дрожу отъ волненія, принимаю трагическую позу и начинаю... но что... «Черную тѣнь», которая была тогда въ модѣ... Поборолъ страхъ и съ мѣста съ пафосомъ... ломаюсь, выворачиваю суставы, кричу, рычу, какъ Отелло, шиплю отъ ненависти, какъ самоваръ, и кончаю, весь облитый потомъ...

— Еще что-нибудь? — говоритъ онъ, продолжая чистить картофель, и ни одинъ мускулъ на лицѣ не выдалъ его мыслей.

Казалось мнѣ, что все идетъ хорошо, я выбираю «Хагару», ѣду во всю: мечусь, какъ Ніобея, проклинаю, какъ Лиръ... умоляю, грежу и взволнованный кончаю, а онъ:

— Еще!

Кончилъ съ картошкой и принялся рубить мясо.

Ослѣпленный этой благосклонностью и удовольствіемъ, которое, казалось мнѣ, слышалось въ его голосѣ, выбираю изъ «Мазепы» Словацкаго сцену четвертаго акта — въ тюрьмѣ — и декламирую ее всю...

Молю за Амелію, проклинаю за Збигнѣву, рычу за Воеводу... Вкладываю въ это столько чувства, столько голоса, что даже хрипну; волосы становятся дыбомъ, дрожу, забываюсь, вдохновеніе уносить меня, отъ меня какъ отъ печки пышетъ огонь; въ голосѣ у меня слезы, отъ усилій въ груди колики, но говорю... Уже проклялъ Амелію, мечусь отъ боли и любви; кончаю актъ четвертый и потокомъ лечу въ пятый. Трагичность уноситъ меня, подбрасываетъ почти подъ потолокъ, комната начинаетъ танцовать, въ глазахъ пестритъ, не хватаетъ воздуху, изнемогаю, волненіе душитъ меня, душа рвется на части, теряю сознаніе...

Тутъ онъ начинаетъ чихать и утираетъ рукавомъ слезы.

Умолкаю.

Онъ рѣзалъ лукъ; мнѣ же далъ въ руки кувшинъ и преспокойно произнесъ:

— Принеси-ка мнѣ воды...

Я принесъ.

Онъ полилъ картофель водой, поставилъ на машинку и зажегъ фитиль.

Робко спрашиваю его, могу ли приходить на уроки?

— Приходи, приходи! — отвѣчаетъ. — Подметешь, принесешь воды. А умѣешь ты по-китайски?

— Нѣтъ! — отвѣчаю я, не зная, къ чему онъ клонитъ.

— Такъ вотъ научись, а когда научишься, тогда приходи; поговоримъ о театрѣ!

Я вышелъ сильно огорченный; но это меня ничуть не охладило. Никогда въ жизни не забуду этой минуты!

— Можешь безъ чувствительности, Глоговскій ужъ не побѣжитъ за пивомъ.

— Говорите, что хотите; но только ради искусства жизнь чего-нибудь да стоитъ!

— И вы больше не видѣлись съ Рихтеромъ? — полюбопытствовала Янка.

— Вѣдь не научился же по-китайски...

— Нѣтъ, не видѣлся; впрочемъ, когда меня исключили изъ гимназіи, я сейчасъ сбѣжалъ изъ дому и поступилъ къ Кржижановскому.

— Ты былъ у Кржижа?..

— Цѣлый годъ волочился за нимъ, за его женой, за его сыномъ, безсмертнымъ Леосемъ и еще за одной коровой; говорю «волочился», такъ какъ не зналъ другихъ способовъ передвиженія. Часто нечего было ѣсть; но играть и декламировать могъ, сколько влѣзетъ. Репертуаръ у меня былъ огромный. Вчетверомъ разыгрывали мы Шекспира и Шиллера, удивительно передѣланныхъ для нашего употребленія Кржисемъ, который помимо этого имѣлъ много собственныхъ пьесъ съ тройными или четверными заглавіями. Кржижановскій самъ носилъ ихъ въ большомъ ящикѣ и гдѣ-нибудь на привалѣ, клея коробочки, говорилъ:

— Тутъ польскій Шекспиръ или Мольеръ. Нужда — глупость!.. когда безсмертность обезличена; Леось, слушай отца!

Всѣ принялись смѣяться отъ чистаго сердца.

На Янку смѣхъ этотъ подѣйствовалъ тяжело, и ей припомнился Станиславскій, а потому возразила энергично:

— Нужда и униженіе таланта не представляютъ ничего смѣшного.

— О, да, родственная душа! да!.. это былъ апостолъ искусства, геній безъ сапогъ и... прочаго!.. Шекспиръ задворковъ! Тальма кабацкій!..—кричалъ патетично Глясъ.

— Бродяги! скоты! сапожники... считать до двадцати!—мычалъ Глоговскій, видя, какъ уборная трясется отъ смѣха.

— Какія разыгрывали мы съ нимъ комедіи, вотъ была компаніи!.. Вы ужъ такихъ не увидите!—произнесъ горько сценаріусъ.

Начали издѣваться и дразнить его этой галицкой «компаніей».

— Комедіанты вы—не артисты!—крикнулъ разсерженный сценаріусъ и вышелъ въ садъ.

По очереди принялись разсказывать разные эпизоды, такъ какъ темы никогда не исчерпывались, всегда находились разсказчики и охотники слушать.

Дождь все еще шелъ, и становилось холодно, потому сбились въ кучу и разсказывали.

Со сцены внезапно донеслись крики, и бесѣда ихъ прервалась.

— Тише! Что это?.. Ага! Майковская contra Топольскій; сцена свободной любви.

Янка вышла, чтобы посмотрѣть, что тамъ творится.

На почти темной сценѣ ссорилась героическая пара труппы.

— Игралъ, что?.. а у меня нѣтъ платья! Не было, Топольскаго съ кулаками.

— Оставь меня въ покоѣ, Меля.

— Гдѣ ты былъ всю ночь?

— Прошу тебя, отойди... Если ты больна, такъ ступай домой.

— Игралъ, что?.. а у меня нѣтъ платья! Не имѣла на что поужинать!..

— Потому что не хотѣла?..

— А! Ты бы хотѣлъ, я знаю! Ты бы хотѣлъ, чтобы у меня были деньги... для твоей игры... Ты бы, пожалуй, помогалъ мнѣ имѣть деньги... подлецъ! бездѣльникъ!

Она съ бѣшенствомъ бросилась на него. Ея прекрасное лицо статуи пылало отъ гнѣва, а изъ горла вылетало короткое, протяжное шипѣніе. Съ нею сдѣлалась истерика: схватила его за руку, щипала и трясла, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что дѣлаетъ.

Вышедшій изъ себя Топольскій ударилъ ее и оттолкнулъ прочь.

Майковская, почти съ рычаніемъ, прерываемымъ смѣхомъ и плачемъ, трагично заламывая руки, упала передъ нимъ на колѣни.

— Морисъ!.. возлюбленный души моей, прости! Солнышко мое!.. ха! ха! ха! Собачій сынъ, бездѣльникъ! ты!.. ты!.. Дорогой мой—прости меня!..

Кланялась ему въ ноги, затѣмъ схватила его за руку и въ безпамятствѣ цѣловала ее.

Топольскій былъ угрюмъ; онъ жалѣлъ ее и въ то

же время стыдился своего порыва; покусывалъ папиросу и тихо шепталъ:

— Встань же... не играй комедіи... У тебя нѣтъ стыда... Сейчасъ всѣ сбѣгутся сюда...

Прибѣжала мать Майковской, старая женщина, похожая на вѣдьму; стала поднимать ее.

— Меля! дочурка!

— Заберите, мама, эту психопатку; скандалитъ только... — сказалъ Топольскій и вышелъ въ садъ.

— Дочка моя!.. вотъ видишь... говорила, просила, не бери его... что это за любовникъ! Не уважаетъ тебя и лишаетъ еще здоровья, а тотъ... Встань, Меля! Встань, дитя мое, встань!

— Убирайся, мама, къ лѣшему! — крикнула Майковская.

Она оттолкнула старуху, сорвалась съ полу, вытерла лицо и стала быстро ходить по сценѣ.

Послѣднимъ движеніемъ хотѣла утишить остатки злости; напѣвала про себя и улыбалась; а потомъ, уже естественнымъ голосомъ, обратилась къ Янкѣ:

— Не пойдете ли со мной въ городъ?

— Хорошо, и дождь пересталъ итти... — отвѣтила Янка, глядя ей въ лицо.

— Да! у меня солитеръ... вы видѣли?

— Видѣла и... не въ силахъ подавить волненія.

— И... глупости!

— Многое съ трудомъ поняла я уже въ театрѣ и объяснила себѣ, какъ могла; но такой сцены не сумѣю объяснить. Какъ можете вы переносить это?

— Я слишкомъ сильно люблю его, чтобы обращать вниманіе на такія мелочи.

Янка нервно разсмѣялась.

— Нѣчто въ этомъ родѣ можно увидѣть только въ опереткѣ и за кулисами.

— Ба! Ужъ я отомщу!

— Вы отомстите?.. Очень любопытно... Я тоже никогда бы не простила.

— Выйду за него замужъ... Долженъ на мнѣ жениться.

— Это будетъ мщеніе? — воскликнула удивленно Янка.

— Лучшей и не нужно. Ужъ я устрою ему такую жизнь! Знаете, зайдемте сначала въ кондитерскую; мнѣ нужно купить шоколада...

— У васъ не было на ужинъ!.. — невольно вырвалось у Янки.

— Ха! ха! и наивны же вы... ха! ха! Видѣли вы того, который присылаетъ мнѣ букеты и думаетъ, что я — безъ гроша! Ха! ха! Гдѣ вы воспитывались? Это право же прелестно!..

Она смѣялась, какъ сумасшедшая; даже прохожіе оглядывались на нихъ; вдругъ она перемѣнила тонъ и съ любопытствомъ спросила:

— А вы имѣете кого-нибудь?..

— Имѣю... искусство! — отвѣтила Янка важно, даже не обидѣвшись за этотъ вопросъ, такъ какъ знала, что въ театрѣ это считается вещью вполнѣ обыкновенной.

— Вы или очень честолюбивы или очень умны... я не знала васъ... — сказала Майковская и внимательно слушала.

— Честолюбива, быть можетъ! въ театрѣ имѣю одну цѣль: искусство.

— Ахъ, не разыгрывайте же со мной фарсы! ха! ха! Искусство: цѣль жизни! это великолѣпные мотивы для стихотворений — хотя и старые.

— Какъ для кого...

Майковская замолчала; начала хмуро раздумывать; чувствовала въ Янкѣ соперницу и къ тому же опасную, благодаря ея интеллигентности.

— Еле-еле догналъ васъ! — крикнулъ кто-то за ними.

— Меценатъ тутъ?.. не на службѣ?.. — злобно прошептала Майковская; онъ обыкновенно ходилъ съ Цабинской.

— Хочу перемѣнить... и ищу мѣста.

— У меня тяжелыя обязательства.

— О, тогда благодарю!.. я слишкомъ старъ... Но мнѣ извѣстенъ нѣкто, кто будетъ болѣе снисходителенъ къ моимъ лѣтамъ.

И преувеличенно-вѣжливо онъ склонился передъ Янкой.

— Вы пойдете съ нами, меценатъ?

— Съ удовольствіемъ; но вы разрѣшите, чтобы велъ я...

— Согласны.

— Мой планъ — завтракъ въ «Версалѣ».

— Я должна вернуться, — сказала Янка, — вѣдь пьесу не кончили.

— Кончатъ и безъ васъ. Идемъ!

Шли медленно; такъ какъ дождь совсѣмъ пересталъ и іюльское солнце осушило улицы.

Меценатъ забѣгалъ впередъ, заглядывалъ Янкѣ въ глаза и многозначительно улыбался; кланялся знакомымъ и при видѣ прохожихъ изъ молодежи корчилъ мину побѣдителя.

Въ «Версалѣ» было пусто. Сѣли у балюстрады, и меценатъ заказалъ утонченный завтракъ.

Янка конфузилась сначала; но, видя, что Майковская чувствуетъ себя свободно, развеселилась и не обращала вниманія ни на лакеевъ, ни на съ улыбкой разглядывающихъ ихъ прохожихъ.

Меценатъ былъ услужливъ только по отношенію къ Янкѣ, не отступалъ отъ нея ни на шагъ и сыпалъ комплиментами, надъ которыми Майковская громко смѣялась. Сначала Янкѣ это казалось немного страннымъ; но потомъ, сообразивъ всю комичность этого ухаживанія, заодно съ Майковской она смѣялась отъ всего сердца.

Завтракъ былъ великолѣпный, вина самыя тонкія, и солнце свѣтило такъ весело, что Янка чувствовала, что ее охватываетъ какое-то волнующее тепло и что такъ хорошо сидѣть беззаботно, ни о чемъ не думать и веселиться; но въ то же время вспомнила вдругъ репетицію.

— Пускай ждутъ! Вотъ буду еще считаться съ ними!

Майковская своими капризами была часто деспотична, управляла всѣмъ театромъ и заставляла ставить такія пьесы, въ которыхъ могла бы показать себя. Цабинскій подчинялся, т.-е. долженъ былъ подчиняться, ибо боялся, чтобы она въ серединѣ сезона не разбила ему товарищества выходомъ своимъ и Топольскаго.

Было уже послѣ трехъ, когда она вернулась въ театръ. Репетиція сегодняшняго спектакля была въ разгарѣ.

Цабинскій хотѣлъ было сдѣлать замѣчаніе; но Майковская такъ уничтожающе взглянула на него, что онъ только покривился и отошелъ.

Мать съ какимъ-то письмомъ подбѣжала къ ней. Майковская прочла, нацарапала нѣсколько словъ отвѣта и отдала старухѣ.

— Отнеси, мама, только сейчасъ.

— Меля, а если его не будетъ? — спросила старуха.

— Тогда подожди; но отдай самому... А имѣешь на это...

И, ткнувъ ей по карману, дала двугривенный.

Зеленоватые глаза старухи заблестѣли отъ удовольствія; она поцѣловала дочь въ руку и побѣжала.

Янка искала Глоговскаго; но его уже не было, а потому направилась въ кресла, къ меценату, который вернулся съ ними — вспомнила его гаданіе по рукѣ.

— Господинъ меценатъ... за вами долгъ... — начала она, садясь рядомъ.

— Я?.. за мной?.. клянусь вамъ, не помню... не можетъ быть...

— Вы обѣщали разсказать мнѣ то, что прочли у меня на рукѣ...

— Помню; но хотѣлъ бы еще разъ взглянуть...

— Не здѣсь. Пойдемте лучше въ уборную; тамъ по крайней мѣрѣ никто не обратитъ вниманія...

Пошли въ уборную хористокъ.

Меценатъ долго и подробно осматривалъ обѣ руки ея и наконецъ сказалъ озабоченно:

— Даю честное слово, что первый разъ вижу такія страшныя руки... Право же не знаю...

— Прошу только говорите все: ничего, ничего не скрывайте. Видите ли, хотя это и смѣшно, но скажу вамъ, что я почти вѣрю въ такое гаданіе, подобно тому, какъ вѣрю въ нѣкоторые сны и предчувствія... Быть можетъ это и смѣшно; но я вѣрю...

— Не могу сказать — впрочемъ я самъ далеко не увѣренъ, правда ли это.

— Все равно, правда это или нѣтъ, но вы должны мнѣ сказать, непремѣнно, золотой мой меценатъ! Обѣщаю вамъ не принимать близко къ сердцу того, что услышу — нѣжно просила Янка, взволнованная любопытствомъ и какимъ-то непонятнымъ страхомъ.

— Ожидаетъ васъ какая-то болѣзнь, такъ называемая болѣзнь мозга... Не знаю, я не вѣрю въ это, даю вамъ честное слово... Говорю, что вижу, но... но...

— А театръ?

— Вы будете знамениты... очень знамениты! — прошепталъ онъ быстро, не глядя на нее.

— Не правда; этого вы не нашли!.. — сказала она, прочитавъ ложь по его глазамъ.

— Слово! Честное слово... Добьетесь этого; но путемъ столькихъ страданій, столькихъ слезъ... Берегитесь мечтать.

— Пускай черезъ адъ, но только достигнуть — сказала она, сверкнувъ глазами.

— Вы позволите мнѣ всегда служить вамъ совѣтомъ, помощью, дружбой? Сердце у людей для того, чтобы итти другъ другу на помощь...

Почтительно поцѣловалъ ей руку.

— Благодарю; пойду одна, и если буду несчастлива, то также одна. Очень вамъ благодарна; но не перенести людского состраданія, а вы хотите быть сострадательнымъ...

Крикъ нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ, смѣшавшись со звуками музыки, донесся снизу и ударился о тишину, въ которую оба погрузились...

Меценатъ пожалъ Янкѣ руку и удаляясь сказалъ:

— Не вѣрьте въ это; но берегитесь воды!..

Съ минуту продолжала Янка сидѣть одна, потрясенная неясными предчувствіями, бывшими одновременно какъ бы какими-то опасеніями и болью, потомъ сошла внизъ.

Пошла домой, пообѣдала, даже читала еще что-то; но все время въ ушахъ звучали слова предсказанія.

— Любопытно, что будетъ и какъ?.. — думала она, безпокойно шагая по комнатѣ.

— «Вы будете очень знамениты!.. Берегитесь мечтать!» — повторяла она.

— Глупости!.. только разстроила себѣ нервы!

Но не такъ легко было отдѣлаться отъ этихъ темныхъ предчувствій.

— Буду знаменитой!

Она улыбалась, медленно и протяжно повторяя эти слова.

— «Берегитесь мечтать!..»

Затѣмъ сидѣла и думала о себѣ.

Подробно перебирала въ умѣ время, проведенное въ театрѣ, и передъ глазами проходили день за днемъ, сцена за сценой.

— Что я сдѣлала?.. — спросила она самое себя, незамѣтно ощипывая завядшій букетъ Гржесикевича.

— Я въ театрѣ, — отвѣтила она.

И снова мысленно представила себѣ этотъ міръ, въ которомъ жила, и онъ показался ей такимъ страннымъ въ сравненіи съ тѣмъ, прежнимъ. Оглядывала все какъ бы съ возвышенія и чувствовала себя словно на распутьи; и эти оба міра производили разныя движенія и имѣли совсѣмъ разныя центры притяженія.

Долго раздумывала она о своемъ прошломъ, только какъ-то невольно боялась углубляться въ свои мысли, дѣлать болѣе вѣроятныя предположенія, такъ какъ тотчасъ же что-то темное хватало ее и спутывало мысли.

Занялась шитьемъ, и понемногу мысли ея приняли иное направленіе. Она почти совсѣмъ здраво смотрѣла на вещи и, хотя временами думала еще о гаданіи мецената, но оно уже не производило на нее прежняго впечатлѣнія.

Вечеромъ того же дня меценатъ прислалъ ей букетъ, коробку конфетъ и письмо съ приглашеніемъ на ужинъ въ «Сѣлянки», упоминая, что будетъ Майковская съ Топольскимъ.

Янка прочла и, не зная что дѣлать, обратилась за совѣтомъ къ Совинской.

— Букетъ продать, конфеты съѣсть и итти ужинать.

— Вы совѣтуете?

Совинская презрительно пожала плечами и черство отвѣтила:

— И!.. рано или поздно это должно будетъ случиться... Всѣ вы...

Не кончила и вышла.

Янка со злостью швырнула букетъ въ уголъ, конфеты раздала и послѣ представленія пошла прямо домой, она до глубины души была возмущена меценатомъ, который произвелъ на нее впечатлѣніе серьезнаго и порядочнаго человѣка.

На слѣдующій день, на репетиціи Майковская колко замѣтила ей:

— Вы непорочная... романтичка.

— Нѣтъ, я только уважаю свое человѣческое достоинство.

— «Будь ты чиста, какъ снѣгъ, не уйти тебѣ отъ злословія... Ступай въ монастырь!» — декламировала Меля.

— Мнѣ нѣтъ дѣла до толковъ; только для себя самой хочу остаться чистой... Всякая грязь мнѣ противна, и даже для достиженія своей мечты я не сдѣлаю подлости.

— Фи! если бы я знала только, что такая подлость, грязь и тому подобныя выраженія дѣйствительно даютъ настоящія радости, тотчасъ же пустила бы ихъ въ дѣло — утромъ и вечеромъ, вмѣсто масла къ булкамъ.

Поглядѣли другъ другу въ глаза съ улыбающимся презрѣніемъ и разошлись.

Къ товаркамъ своимъ Янка начинала чувствовать досаду, связанную съ нѣкоторой долей брезгливости. Знала ихъ великолѣпно; они напоминали ей стаю попугаевъ, такъ были безсмысленны, злы и тупы. Возмущали ее своей вѣчной болтовней о нарядахъ и мужчинахъ. Ихъ улыбающіяся лица и вольныя мысли сер-

дили ее. Она смѣялась очень рѣдко и то только губами, сердцемъ же никогда — не переносила веселости...

Отправилась къ Цабинскимъ на урокъ, но не могла никакъ забыть этого презрительнаго движенія плечами Совинской и сегодняшнихъ словъ Майковской.

— «Будь чиста, какъ снѣгъ, не уйти тебѣ отъ злословія. Ступай въ монастырь!» — повторила она нѣсколько разъ; но поразила ее не первая фраза, а вторая.

— Нѣтъ, нѣтъ! — говорила она, отталкивая съ омерзеніемъ что-то невидимое.

Кончила урокъ и потомъ долго играла ноктюрны Шопена — въ ихъ меланхоліи находила облегченіе своей грусти.

— Вотъ мужъ оставилъ для васъ роль!.. — крикнула изъ другой комнаты директорша.

Янка закрыла рояль и стала просматривать оставленную роль. Роль эта состояла изъ нѣсколькихъ десятковъ фразъ пьесы Глоговскаго и совсѣмъ не удовлетворяла ее — это былъ маленькій эпизодъ; но сердце ея забилось быстрѣе, такъ какъ это былъ первый настоящій выходъ.

Постановку пьесы отложили до будущаго четверга, и ежедневно послѣ полдня производились репетиціи; Глоговскій охотно всѣхъ угощалъ, лишь бы учили роли.

Послѣ получки этой первой роли кончился мѣсяцъ, надо было платить за квартиру. Совинская еще утромъ напомнила о томъ Янкѣ, прося уплатить какъ можно скорѣе.

Янка дала ей десять рублей, обѣщая остальное заплатить на-дняхъ: она сама имѣла всего нѣсколько рублей.

Посчитала свои капиталы и была очень удивлена, замѣтивъ, что въ теченіи пяти недѣль истратила около двухсотъ рублей, съ которыми пріѣхала изъ Буковицъ.

— Что же будетъ дальше? — прошептала она, рѣшивъ какъ можно скорѣй поговорить съ Цабинскимъ объ обѣщанномъ жалованіи.

Сдѣлала это на первой репетиціи.

Цабинскій подскочилъ, словно его хотѣли зарѣзать.

— Нѣтъ, ей Богу нѣтъ! Впрочемъ... начинающимъ я первые мѣсяцы никогда не плачу. Хм! странно, что вамъ этого никто не объяснилъ. Другіе служатъ весь сезонъ и не тревожатъ меня жалованіемъ... Пока что вы должны довольствоваться тѣмъ, что вы — въ первоклассной труппѣ. Хм!.. впрочемъ... вамъ тамъ слѣдуетъ что-то за уроки?..

Слушала его со страхомъ и отвѣтила просто:

— Господинъ директоръ! но черезъ недѣлю мнѣ жить будетъ не на что... Я ничего до сихъ поръ не говорила, такъ какъ имѣла еще деньги изъ дому.

— А этотъ старый... меценатъ... не можетъ дать? вѣдь извѣстно, что...

— Директоръ...—прошептала она, и лицо ея залилъ румянецъ.

Громаднымъ усиліемъ воли она подавила въ себѣ возмущеніе и сказала:

— Десять рублей мнѣ нужны непремѣнно: должна купить костюмъ къ «Хамамъ».

— Десять рублей?.. ха! ха! ха! Нечего сказать — недурно! Майковская и то сразу не получитъ столько. Десять рублей!.. Нравятся мнѣ такія наивныя!

Онъ смѣялся отъ чистаго сердца, а потомъ уходя бросилъ:

— Напомните мнѣ вечеромъ, дамъ вамъ квитанцію въ кассу.

Вечеромъ она получила одинъ рубль.

Загрустила; поняла, что нужда стоитъ за дверьми и, еще немного, заглянетъ ей прямо въ глаза.

Янка прекрасно знала, что хористки послѣ удачнаго представленія получаютъ a'conto полтинникъ, а то обыкновенно тридцать, двадцать копеекъ. Теперь только вспомнились ей грустныя, изнуренныя лица старыхъ актрисъ.

Теперь только увидѣла она много того, чего до сихъ поръ не замѣчала или на чемъ просто не останавливалась. Ея собственный недостатокъ въ деньгахъ открылъ ей глаза, она увидѣла нужду, которая угнетала всѣхъ, и эту незамѣтную ежедневную борьбу съ нею, замаскированную на репетиціяхъ и представленіяхъ беззаботной веселостью.

Эта искусственная веселость, рисовка, шутовство — все это было напускное, т. е. другое лицо тѣхъ же людей... Она чувствовала, что и сама доходитъ до этихъ низинъ, гдѣ идетъ вѣчная война всѣхъ противъ всѣхъ и противъ каждаго, кто вздумалъ бы прійти, отнять роль и уменьшить авансъ.

До сихъ поръ она была только зрителемъ, а теперь сама должна была принять участіе въ свалкѣ.

Невольно чувствовала, какъ зыбка эта театральная почва, какъ крѣпко нужно держаться, чтобы не упасть другимъ подъ ноги, а увѣренно итти по нимъ впередъ.

Сколько нужно употребить силъ, воли, сколько вытерпѣть и на всѣхъ и все закрыть глаза, чтобы дойти...

— Дойти, дойду!..—съ силой отвѣтила она этимъ угрюмымъ образомъ, неясными силуэтами скользящимъ у нея въ мозгу; такъ какъ вспомнила ворожбу мецената.

Это ежедневное выстаиванiе подъ кассой послѣ представленiя и почти нищенское вымаливанiе денегъ набросило на ея душу какую-то тѣнь и наполнило ее горечью.

Еще сильнѣе жаждала она получить большую роль, чтобы выбраться изъ этого омерзительнаго хора; но никакъ не могла ея допроситься, и это причиняло ей страшную боль и глубоко унижало ее.

Котлицкiй неустанно увивался вокругъ нея; не возобновлялъ своихъ объясненiй въ любви и ждалъ.

Владекъ больше всѣхъ относился къ ней по-товарищески и громко всѣмъ разсказывалъ, что она навѣщаетъ его мать.

Янка дѣйствительно была нѣсколько разъ у Нѣдзѣльской, такъ какъ никакъ не могла отвязаться отъ приглашенiй старухи, съ которой часто встрѣчалась на улицѣ и въ театрѣ. Нѣдзѣльская упорно слѣдила за Владекомъ, такъ какъ знала о его страсти.

Вѣжливость и полунамеки Владека Янка принимала равнодушно, какъ и полные изысканнѣйшаго почтенiя слова и взгляды Котлицкаго, принимала также конфеты и букеты, ежедневно присылаемые меценатомъ.

Ни одинъ изъ этихъ трехъ тайныхъ обожателей, ничуть не трогалъ ее; она держала ихъ въ холодномъ отдаленiи.

Товарки издѣвались надъ ея непреклонностью, втайнѣ же сильно завидовали.

Она не возражала имъ на колкія замѣчанія, чтобы не вызывать еще большаго потока насмѣшекъ.

Она любила одного Глоговскаго, который въ виду постановки его пьесы, проводилъ въ театрѣ цѣлые дни.

Онъ открыто выдѣлялъ ее изъ среды остальныхъ женщинъ и только съ нею одной разговаривалъ о серьезныхъ вещахъ и на нее одну смотрѣлъ, какъ на человѣка. Это льстило ей, и она была ему благодарна. Любила его за парадоксальность и откровенность, съ которой онъ говорилъ иногда о самыхъ щекотливыхъ, общественныхъ вопросахъ, а также и за то, что не говорилъ о любви.

Они часто ходили вмѣстѣ на прогулки въ Лазенки.

Она держала себя съ нимъ, какъ съ товарищемъ, не смотрѣла на него, какъ на мужчину, а какъ на болѣе возвышенную душу, которой чужды всѣ жалкія мелочи.

Послѣ генеральной репетиціи «Хамовъ» вышли вмѣстѣ изъ театра.

Въ этотъ день Глоговскій былъ болѣе пасмуренъ, чѣмъ всегда, чаще говорилъ: «пусть я сдохну!» и «считай до двадцати». Его терзало безпокойство, но, несмотря на это, онъ громко смѣялся.

— Не катнуть ли на бельгійской лошадкѣ въ Ботаническій? Хорошо?

Янка утвердительно кивнула головой, и они поѣхали.

Нашли свободное мѣсто у бассейна, подъ огромнымъ кленомъ и нѣкоторое время сидѣли молча.

Въ саду было довольно пусто. Въ знойной атмосферѣ

нѣсколько человѣкъ какъ тѣни солнялись со скамейки на скамейку. Послѣднія розы пестрѣли изъ-за зелени низко опущенныхъ вѣтокъ; запахъ левкоевъ потоками все усиливающагося аромата струился отъ главной клумбы. Птицы сонными голосами изрѣдка щебетали въ густой листвѣ. Деревья стояли неподвижно, словно вслушиваясь въ солнечную тишину этого августовскаго дня. Иногда только какой-нибудь листикъ или сухая вѣтка спиралью сплывала на лужайку. Золотистыя пятна проникающаго изъ-за вѣтокъ солнца образовали на травѣ движущуюся мозаику и сверкали, какъ большіе листы бѣлой платины.

— Пускай чортъ побереть все! — говорилъ въ тишинѣ Глоговскій и задумчиво проводилъ по волосамъ.

Янка иногда окидывала его взглядомъ; жалко было нарушать словами эту тишину, которая окружала ее; эту тишину, усыпляющую тепломъ и наполняющую ея душу нѣжностью, непонятной и не связанной ни съ чѣмъ, но исходящей просто отъ лазури, пространства, бѣлыхъ, прозрачныхъ, медленно подвигающихся облаковъ и почти черный зелени деревьевъ.

Она съ наслажденіемъ вдыхала запахъ левкоевъ; но всякій разъ, когда она взглядывала на Глоговскаго, который не въ силахъ былъ усидѣть спокойно, ерзалъ, ерошилъ волосы, въ умѣ у нея мелькала одна упорная мысль, — что онъ хочетъ объясниться ей въ любви.

— Говорите же что-нибудь, или я сойду съ ума, взбѣшусь... — произнесъ онъ внезапно.

Разсмѣялась, такъ онъ былъ въ эту минуту коминченъ...

— Ну, о чемъ же будемъ говорить, положимъ о... вечерѣ...

— Хотите доканать меня?.. Пусть я издохну; но до вечера не выдержу!..

— Вѣдь вы говорили мнѣ, что это не первая ваша пьеса, а потому...

— Да, но все-таки каждый разъ меня трясетъ лихорадка, ибо я только въ послѣднюю минуту замѣчаю, что я написалъ свинство, гадость...

— Я не претендую казаться знатокомъ, но пьеса мнѣ очень нравится, она такъ искренна...

— Что, серьезно? — воскликнулъ онъ съ ноткой удовольствія въ голосѣ.

— Вѣдь вамъ извѣстно, что я не рѣшилась бы говорить ложь.

— Видите ли, я сказалъ себѣ, что если эта пьеса провалится, то... пусть я издохну, но...

— Бросите писать?

— Нѣтъ, но на нѣсколько мѣсяцевъ исчезну съ горизонта и начну писать другую... вторую, третью... до тѣхъ поръ, пока не создамъ чего-нибудь хорошаго!.. Хоть издохну, а напишу!.. Готовъ поступить въ театръ, чтобы лучше понять и изучить его... Вы думаете, что можно перестать писать?.. Нѣтъ, этого я не могъ бы. Скажите, ради чего я жилъ бы тогда? — добавилъ онъ и уставился впередъ.

Его ясное лицо, неправильныя и острыя черты, выражали удивленіе, словно только теперь первый разъ онъ задалъ себѣ этотъ вопросъ: для чего жить, разъ перестанешь писать?..

— Какъ вамъ кажется, будетъ Майковская хорошей Анткой? — спросилъ онъ внезапно.

— Мнѣ кажется, что эта роль въ ея характерѣ.

— Недуренъ еще будетъ Морисъ, а остальные... убожество... Ну! и провалъ, конечно!..

— Мими совсѣмъ не знаетъ мужиковъ и очень смѣшно говоритъ на діалектѣ.

— Слышалъ, у меня даже печенка заболѣла! А вы знаете крестьянъ?.. А!. клянусь Богомъ — воскликнулъ онъ быстро — почему эту роль играете не вы?

— Очень просто — мнѣ ея не дали.

— Отчего вы не сказали мнѣ раньше?.. Пусть я издохну, разнесъ бы театръ, вы бы играли. Всѣ бѣды обрушились на моихъ бѣдныхъ «хамовъ» и еще вы дорѣзываете!

— Не рѣшаюсь говорить вамъ этого; впрочемъ, директоръ далъ мнѣ жену Филиппа.

— Такъ себѣ — эпизодъ.. могъ взять кого угодно. Пусть я издохну; но чувствую, что Мими будетъ лепетать, какъ субретка изъ оперетки... Что вы надѣлали... Милосердный Боже! Если вы думаете, что жизнь — прекрасная оперетка, то вы ошибаетесь!

— Понимаю въ ней и я кое-что... — отвѣтила она, горько улыбаясь.

— Пока вы еще ничего не знаете... узнаете позже. Впрочемъ, женщинамъ всегда живется легче; къ нимъ часто самъ рокъ бываетъ галантенъ: подаетъ руку и проводитъ черезъ трудныя мѣста. Мы же съ трудомъ выдираемъ свою часть и, Богъ вѣсть, какъ дорого платимъ за жалкія радости.

— А женщины ничѣмъ не платятъ?

— Видите ли, дѣло обстоитъ такъ: женщины, въ особенности на сценѣ, успѣхомъ своимъ въ очень рѣдкихъ случаяхъ обязаны таланту — себѣ; больше — любовникамъ, которые имъ протежируютъ, а остальныя — любезности мужчинъ, надѣющихся когда-нибудь покровительствовать имъ...

Янка, хотя и чувствовала себя задѣтой, ничего не возразила, такъ какъ съ быстротой молніи представились ей: Майковская, а съ нею Топольскій, Мими и Вавржецкій, дальше Качковская и одинъ изъ журналистовъ и такъ дальше, почти всѣ — потому она печально опустила голову и молчала.

— Вы не сердитесь на меня, васъ это еще не касается. Указалъ только пришедшіе мнѣ на мысль факты.

— Нѣтъ, я не сержусь, сознаю справедливость вашихъ словъ.

— Съ вами, я чувствую, будетъ не такъ... Пойдемте! — сказалъ онъ, внезапно срываясь съ мѣста.

— Скажу еще слѣдующее... — произнесъ Глюговскій, когда шли назадъ по аллеѣ. — Скажу еще разъ, что говорилъ въ тотъ первый день на Бѣлянахъ, когда съ вами только что познакомился: будемъ друзьями!.. Какъ ни верти, а человѣкъ всегда останется стаднымъ животнымъ: онъ всегда долженъ имѣть кого-нибудь, чтобы ему хоть какъ-нибудь жилось на свѣтѣ... Человѣкъ не можетъ быть одинокимъ; долженъ всегда опираться, цѣпляться за другихъ, связывать свою жизнь съ другими, вмѣстѣ итти и вмѣстѣ чувствовать, чтобы имѣть возможность дѣлать что-нибудь... Правда, достаточно имѣть хоть одну родственную душу. Будемъ друзьями!

— Хорошо, — отвѣтила Янка, — но я ставлю одно условіе.

— Скорѣй, а то еще не приму!

— Вотъ что... дайте мнѣ честное слово, что вы никогда, никогда не будете говорить мнѣ о любви, что вы не влюбитесь въ меня и будете обращаться со мной, какъ съ младшимъ товарищемъ. Можете исповѣдываться мнѣ въ любви и другихъ сердечныхъ дѣлахъ...

— Принято по всей линіи; торжественно подтверждаю это честнымъ словомъ! — воскликнулъ обрадовавшись Глоговскій. — Мои же условія такія: полная откровенность, безграничное довѣріе... Аминь!

Торжественно пожали другъ другу руки.

— Это союзъ чистыхъ душъ, имѣющихъ въ виду идеальныя цѣли! — смѣялся онъ, моргая глазами. — Я теперь такъ веселъ, что взялъ бы въ руки собственную голову и сердечно расцѣловалъ ее.

— Это — предчувствіе побѣды... «Хамовъ».

— Не напоминайте мнѣ объ этомъ. Я знаю, что ждетъ меня. Я долженъ проститься съ вами...

— Не проводите меня до квартиры?

— Нѣтъ... а впрочемъ хорошо; но буду говорить о... любви! — воскликнулъ онъ весело.

— Ну такъ до свиданія! Да охранитъ васъ Господь Богъ отъ такой лжи. Ну и объѣлись же вы этой гадостью, тошнитъ отъ одного запаха...

— Ступайте ужъ себѣ... разскажу когда-нибудь...

Глоговскій сѣлъ на извозчика и погналъ на Гожую, а Янка пошла домой.

Примѣрила костюмъ, который шила ей для «Хамовъ» m-me Анна, и съ улыбкой думала о Глоговскомъ.

За кулисами и въ уборныхъ все напоминало о сегодняшней «премьерѣ».

Всѣ сходились пораньше, одѣвались и старательно гримировались; одинъ только Крушневичъ, по обыкновенію наполовину раздѣтый, съ краской въ рукахъ гулялъ по уборной и сценѣ.

Станиславскій, который обыкновенно, когда игралъ, приходилъ за два часа до начала, былъ уже одѣтъ и вполголоса читалъ.

Вавржецкій съ ролью въ рукахъ ходилъ по уборной и вполголоса повторялъ.

Сценаріусъ носился быстрѣе обыкновеннаго, а въ дамской уборной шла отчаянная руготня; всѣ были возбуждены. Суфлеръ слѣдилъ за постановкой сцены и смотрѣлъ на публику, толпами наполняющую садъ. Хористки въ крестьянскихъ костюмахъ должны были изображать толпу и слонялись по всѣмъ направленіямъ.

— Добикъ! — крикнула Майковская. — Золотой мой, поддержите меня!.. Я выучила; но только во второмъ актѣ, монологъ съ Григоріемъ, погромче мнѣ его...

Добикъ только головой кивалъ и еще не совсѣмъ пришелъ въ себя, когда его окликнулъ Глясъ.

— Добикъ! водку будешь пить?.. а то можетъ закусишь? — заботливо спрашивалъ онъ суфлера.

— На закуску вели подать пива, — съ блаженной улыбкой отвѣтилъ Добикъ.

— Золотой мой, ужъ поддержи меня!.. Я знаю роль; но мѣстами могу споткнуться...

— Но, но! не растянись самъ, а я не дамъ тебѣ погибнуть.

И такъ ежеминутно прибѣгалъ кто-нибудь, просилъ, угощалъ водкой, а Добикъ только кивалъ головой и обѣщалъ всѣхъ поддерживать.

— Добикъ! Мнѣ только первыя слова... помни! — закончилъ Топольскій.

Глоговскій вертѣлся по сценѣ, самъ уставлялъ внутренность хаты, давалъ актерамъ совѣты и нѣсколько разъ безпокойно смотрѣлъ въ первые ряды креселъ, занятые представителями прессы.

— Будетъ мнѣ завтра баня!.. — сказалъ про себя.

Принялся лихорадочно ходить, будучи не въ силахъ усидѣть на мѣстѣ, наконецъ, вышелъ въ садъ, сталъ тамъ подъ какимъ-то каштаномъ и съ сильнымъ біеніемъ сердца слѣдилъ за первымъ дѣйствіемъ только что начавшагося представленія, однако, не могъ выдержать: была видна вся сцена, но публика была сбоку.

Онъ вернулся обратно за кулисы и черезъ щелочку въ дверяхъ сталъ смотрѣть на публику.

Публика, холодная и невозмутимая, сидѣла и слушала: а въ саду царила гнетущая тишина. Онъ видѣлъ сотни неподвижныхъ глазъ и головъ; замѣтилъ даже лакеевъ, стоящихъ на стульяхъ и смотрящихъ на сцену. Прислушивался, не пролетитъ ли по залѣ шопотъ... ничего! тихо... Иногда кто-нибудь закашляется, да зашелеститъ афишей, и снова тишина.

Голоса играющихъ звучали отчетливо и тянулись къ этой черной, сбитой въ кучу толпѣ людей.

Глоговскій забился въ самый темный уголъ, спряталъ въ ладони лицо и слушалъ.

Ровно проходила сцена за сценой; въ залѣ царила все та же зловѣщая тишина; за кулисами же ходили на цыпочкахъ, а впрочемъ всѣ, кто только могъ, стояли и смотрѣли.

Нѣтъ! Онъ не можетъ усидѣть!..

Слышалъ баритонъ Топольскаго, сопрано Майковской и немного охрипшій голосъ Гляса; но нѣтъ, онъ хотѣлъ слышать не это!

Съ такимъ ожесточеніемъ кусалъ себѣ руки, что отъ боли въ глазахъ навертывались слезы. Приподнимался, хотѣлъ куда-то итти, что-то дѣлать, кричать; но садился обратно и слушалъ.

Дѣйствіе кончилось.

Сорвалось нѣсколько холодныхъ аплодисментовъ и потонуло въ общей тишинѣ.

Глоговскій вскочилъ и съ вытянутой головой, съ лихорадочно сверкающими глазами ждалъ; но услышалъ только стукъ упавшаго занавѣса и гулъ вдругъ начавшихся разговоровъ.

Въ антрактѣ снова разсматривалъ публику: выраженіе лицъ было какое-то странное. Представители прессы кривились, шептались и отмѣчали что-то въ своихъ записныхъ книжкахъ.

— Холодно мнѣ!..— прошепталъ онъ, трясясь какъ въ лихорадкѣ.

И, ничего не соображая, пошелъ бродить по театру.

Обычные, закулисные посѣтители вваливались толпами и старались внести оживленіе; но на лицахъ актеровъ отражалось безпокойство за судьбу остальныхъ четырехъ дѣйствій.

— Поздравляю васъ!.. Слишкомъ рѣзко, грубо; но

ново! — говорилъ Котлицкій, пожимая Глоговскому руку.

— Да: если не собака, не выдра—то что-то въ родѣ каплуна!.. — съ усиліемъ отвѣтилъ Глоговскій.

— Посмотримъ, что будетъ дальше... Публика удивлена, такъ какъ пьеса изъ народа и вдругъ безъ танцевъ...

— О, чортъ, возьми!.. да вѣдь это не балетъ! — съ досадой промычалъ Глоговскій.

— Но вы вѣдь знаете публику; она жаждетъ пѣнія и танцевъ.

— Такъ пускай идетъ смотрѣть оперетку! — сказалъ Глоговскій.

Повернулся и пошелъ, такъ какъ имъ овладѣвало бѣшенство.

Послѣ второго дѣйствія аплодисменты были гуще и длительнѣе.

Въ уборныхъ настроеніе повышалось.

Цабинскій уже два раза посылалъ Вицека въ кассу узнать, какъ дѣла. Первый разъ Гольдъ отвѣтилъ: «хорошо», а второй: «все продано».

Глоговскій продолжалъ мучиться; но уже по другой причинѣ; услыхавъ то, чего ждалъ такъ лихорадочно, т.-е. аплодисменты, онъ сѣлъ за кулисами и слѣдилъ за игрой.

Синѣлъ отъ злости, топталъ ногами шляпу и шипѣлъ отъ нетерпѣнія — не могъ выдержать... Его типы настоящихъ крестьянъ превратились въ какія-то блѣдныя фигуры сентиментальной мелодрамы, въ какихъ-то манекеновъ, переодѣтыхъ въ крестьянскія платья. Мужчины еще были туда-сюда; но женщины, исклю-

чая Майковской и Мировской, изображающей старуху-шищенку, играли изъ рукъ вонъ плохо; вмѣсто того, чтобы говорить — щебетали, ненависть, любовь, смѣхъ — все это выражали однимъ тономъ; все было такъ дѣланно, искусственно, безсмысленно, безъ единой капли чистосердечности — его охватило отчаянье... Это былъ только маскарадъ и ничего больше.

— Острѣй!.. смѣлѣй!.. энергичнѣе!..—шепталъ онъ, топая ногой.

Но никто не обращалъ вниманія на его замѣчанія.

Улыбка скользнула у него по губамъ: увидѣлъ Янку, выходящую на сцену. Янка замѣтила, и это спасло ее, такъ какъ голосъ замеръ въ груди и чувствовала себя почти парализованной; когда очутилась передъ публикой, ее охватилъ такой страхъ, что не видѣла ни сцены, ни актеровъ, ни публики; ей казалось, что она погружается въ какой-то блескъ...

Подхватила эту доброжелательную улыбку и сразу пришла въ себя.

Ея роль заключалась только въ томъ, чтобы взять метлу, потомъ схватить за воротникъ пьяницу мужа, выкрикнуть нѣсколько бранныхъ фразъ и подъ конецъ силой вывести его за дверь.

Сдѣлала все это немного черезчуръ стремительно; но такъ правдиво схватила его за шиворотъ и такъ энергично обрушилась на корчмаря, что вполнѣ походила на взбѣшенную деревенскую бабу.

Положеніе было довольно комичное, такъ какъ мужикъ объяснялся и упирался, а потому въ залѣ, когда они сходили со сцены, послышался тихій смѣхъ.

Глоговскій пошелъ отыскивать Янку. Она стояла

на ступенькахъ, ведущихъ въ уборную, и еще не совсѣмъ пришла въ себя; глаза ея горѣли глубокимъ самоудовлетворенiемъ.

— Очень хорошо!.. это была настоящая мужичка! Вы имѣете темпераментъ и голосъ, двѣ вещи первой необходимости! — сказалъ ей Глоговскiй и на цыпочкахъ вернулся на свое мѣсто.

— Не устроить ли вызовъ? — шепнулъ ему на ухо Цабинскiй.

— Издохните и убирайтесь къ чорту! — отвѣтилъ онъ такъ же тихо и почувствовалъ непреодолимое желанiе дать ему по загримированной физiономiи; но тутъ у него мелькнула новая мысль: увидѣлъ стоящую рядомъ няню, съ благоговѣнiемъ глядящую на сцену.

— Няня!

Няня неохотно приблизилась къ нему.

— Скажи, няня, какъ нравится тебѣ эта комедiя? — спросилъ съ любопытствомъ Глоговскiй.

— Назвали-то ее неполитично... Хамы! Извѣстное дѣло деревенскiй народъ — не дворяне какiе; но выставлять на посмѣшище людямъ: это — грѣхъ!

— Это не важно... А похожи они на крестьянъ?

— Похоже-то оно похоже!.. такiе они есть — мужики-то, только одѣты не такъ элегантно, да не такъ по-благородному говорятъ и ходятъ... Но, простите, баринъ, вотъ что спрошу я васъ: зачѣмъ это все?.. Жидовъ, господъ или кого другого представляйте себѣ, сколько влѣзетъ; но чтобы честныхъ хозяевъ выставлять такъ — на смѣхъ людямъ и дѣлать изъ этого кумедiю, это — грѣхъ! Господь Богъ накажетъ за та-

кое распутство!.. Хозяинъ, онъ и есть хозяинъ!.. чуръ его! — добавила она подъ конецъ.

Угрюмо и почти со слезами возмущенія продолжала смотрѣть на сцену.

Глоговскій не успѣлъ даже удивиться, такъ какъ въ эту минуту кончилось представленіе и раздался громъ аплодисментовъ и послышались вызовы автора; но онъ не вышелъ кланяться публикѣ.

Явилось нѣсколько журналистовъ, пожимали ему руки и хвалили пьесу. Слушалъ равнодушно, такъ какъ въ головѣ роились уже планы передѣлокъ драмы.

Только теперь дѣйствительно замѣтилъ онъ недостатки и непослѣдовательности; мысленно исправлялъ все это, добавлялъ сцены, переставлялъ положенія и такъ погрузился въ эту работу, что уже не обращалъ вниманія на то, какъ играютъ четвертое дѣйствіе.

Аплодисменты гремѣли во-всю, и слышался одинъ крикъ:

— Автора! автора!

— Идите же, вызываютъ! — шепнулъ ему кто-то на ухо.

— Пусть я издохну; но убирайся, милый, къ чорту!

Вызывали также Майковскую и Топольскаго.

Майковская запыхавшись прибѣжала къ Глоговскому.

— Глоговскій! Идемъ — скорѣй! — воскликнула она, беря его за руку.

— Оставьте меня въ покоѣ! — крикнулъ онъ сердито.

Майковская ушла, а онъ продолжалъ сидѣть и думать. Его интересовали не аплодисменты, не вызовы,

не успѣхъ пьесы — его угнетала увѣренность въ томъ, что пьеса дурна. Разсматривалъ ее и видѣлъ ее отчетливѣе; почти корчился отъ боли...

Съ безсильной злобой слушалъ онъ, какъ публика аплодировала грубымъ и типично-комичнымъ эпизодамъ; главнымъ образомъ фону, которымъ обрисовывалась большая часть его «Хамовъ»; въ то же время сущность, идея пьесы проходила, не производя впечатлѣнія.

— Я хочу, чтобы послѣ пятаго дѣйствія, если будутъ вызывать, вы вышли — рѣшительно объявила ему Янка, такъ какъ ей казалось страннымъ это мнимое его равнодушіе.

— Кто вызываетъ?.. Развѣ вы не видите, что это — галлерея! Не видите вы развѣ насмѣшки въ глазахъ прессы и публики изъ первыхъ рядовъ, а? Говорю вамъ, пьеса скверна, подла... свинство! Увидите, что завтра напишутъ о ней.

— Что будетъ завтра, — завтра увидимъ. Сегодня успѣхъ, и пьеса великолѣпна.

— Великолѣпна! — воскликнулъ онъ съ горечью. — Если бы вы видѣли только, какъ она вонзилась въ мой мозгъ, какъ она прекрасна и совершенна, такъ вы убѣдились бы тогда, что то, что играютъ — жалкое тряпье, отбросы...

Цабинскій, режиссеръ и Котлицкій прибѣжали всѣ вмѣстѣ и въ одинъ голосъ уговаривали его показаться публикѣ, но онъ продолжалъ упираться.

Послѣ окончанія пьесы, когда положительно вся публика съ увлеченіемъ аплодировала и, не помня себя, вызывала автора, онъ вышелъ вмѣстѣ съ Майковской,

размашисто поклонился, поправилъ волосы и неловко подался за кулисы.

— Если бы были танцы, пѣніе и музыка, ручаюсь вамъ, что мы играли бы ее до конца сезона — сказалъ Цабинскій.

— Директоръ, умри, сгори, напейся; но не городи глупостей — кричалъ Глоговскій.

— Пожалуй прибѣжитъ еще буфетчикъ и будетъ упрекать меня въ томъ, что благодаря мнѣ онъ продалъ меньше пива и водки — публика, которая принуждена слушать и рѣдко смѣется, предпочитаетъ горячій чай.

— Да, для людей, а не для...

Котлицкій пришелъ снова и долго говорилъ ему что-то, Глоговскій поморщился и сказалъ:

— Во-первыхъ, я бѣденъ, и это стоило бы много, а во-вторыхъ, я вовсе не хочу быть никакимъ «нашимъ знаменитымъ и уважаемымъ»; это — проституція!

— Мои средства къ вашимъ услугамъ... полагаю, что наши пріятельскія отношенія...

— Оставимъ это!.. — быстро перебилъ его Глоговскій. — Но это навело меня на мысль... Устроимъ ужинъ — такъ въ нѣсколько человѣкъ, а?..

— Хорошо, нужно сейчасъ же составить списокъ.

Цабинскіе, Майковская и Топольскій, Мими и Вавржецкій, Глясъ, конечно, вы. Кого бы еще?

Котлицкій хотѣлъ предложить Янку; но стѣснялся сказать это вслухъ.

— Ага! знаю... Орловскую... Жену Филиппа! Вы видѣли, какъ она великолѣпно сыграла ее...

— Въ самомъ дѣлѣ, хорошо... — отвѣтилъ и подозри-

тельно посмотрѣлъ на Глюговскаго, такъ какъ подумалъ, что и онъ должно быть имѣетъ на нее какіе-нибудь виды.

— Ступайте уговориться со всѣми... я приду сейчасъ.

Котлицкій направился въ садъ, а Глоговскій побѣжалъ наверхъ въ уборную хористокъ и позвалъ черезъ дверь:

— Mademoiselle Орловская!

Янка высунула голову.

— Одѣвайтесь поскорѣй; поѣдемъ всей бандой на ужинъ — только пожалуйста безъ отговорокъ.

Черезъ полчаса сидѣли уже всѣ въ отдѣльномъ кабинетѣ одного изъ лучшихъ ресторановъ на Новомъ Свѣтѣ.

Сначала энергично набросились на водку и закуски, такъ какъ нервничаніе въ теченіе нѣсколькихъ дней сильно развило апетиты. Говорили мало — пили же много.

Янка пить не хотѣла; но Глюговскій упрашивалъ и выкрикивалъ:

— Должны пить и баста! На такихъ торжественныхъ похоронахъ, какъ сегодня, вы должны пить...

Выпила одну рюмку на пробу; но потомъ должна была пить еще; впрочемъ замѣтила, что вино дѣйствуетъ на нее хорошо, такъ какъ въ ней еще не вполнѣ улегся страхъ за успѣхъ пьесы.

Послѣ разнообразныхъ кушаній лакеи поставили на столъ цѣлую батарею бутылокъ винъ и ликеровъ.

— Будетъ надъ чѣмъ поработать!.. — весело воскликнулъ Глясъ, ударяя ножомъ по бутылкамъ.

— Увидишь, падешь жертвой собственнаго пораженія, если будешь продолжать атаку съ такимъ же воодушевленіемъ.

— Вы себѣ толкуйте, а мы будемъ пить! — воскликнулъ Котлицкій, подымая рюмку. — За здоровье автора!

— Подавись ты!.. — промычалъ Глоговскій, поднимаясь и чокаясь со всѣми.

— Да здравствуетъ и пишетъ ежегодно новые шедевры — крикнулъ Цабинскій, уже порядкомъ охмелѣвшій.

— Директоръ вѣдь также что ни годъ творитъ новые шедевры, однако ему этого не ставятъ въ заслугу.

— Съ Божьей и человѣческой помощью, да, да! — сказалъ Цабинскій.

Зажѣцкая расхохоталась и за ней остальные.

— Дай, обниму тебя!.. хоть разъ не врешь! — кричалъ Глясъ.

Цабинскій катался со смѣху.

— За здоровье директора и его супруги! — крикнулъ Вавржецкій.

— Да здравствуютъ и съ Божьею и съ человѣческой помощью творятъ больше безсмертныхъ дѣлъ!..

— Здоровье всего товарищества!

— А теперь выпьемъ за публику!

— Съ позволенія сказать. Въ виду того, что я здѣсь единственный представитель ея, то и честь отдавайте мнѣ. Подходите ко мнѣ съ уваженіемъ, пейте за меня... разрѣшаю вамъ даже цѣловать меня и просить какой-нибудь милости; пораздумаю и, что буду въ состояніи дать, дамъ! — объявилъ разнѣженный Котлицкій.

Взялъ рюмку, сталъ передъ зеркаломъ и ждалъ.

— Спѣсь, клянусь Богомъ! Я первый лѣзу на огонь — воскликнулъ Глоговскій.

И съ полной рюмкой, немного уже пошатываясь, направился къ Котлицкому.

— Многоуважаемая и милостивая государыня!.. Тебѣ даю я произведенія, писанныя кровью и сердцемъ, пойми только ихъ и оцѣни справедливо! — произнесъ онъ патетично и поцѣловалъ его въ лицо.

— Если будешь писать ихъ для меня, учитель, если не будешь оскорблять меня грубостью и будешь считаться только со мной и писать только для меня, для моего развлеченія и удовольствія — будешь имѣть успѣхъ!

— Я толкну тебя сначала, издыхай себѣ! — горько прошепталъ Глоговскій.

Подошелъ Цабинскій.

— Уважаемая публика! Ты — солнце, ты — красота, ты — всемогущество, ты — мудрость и знаніе. Для тебя живетъ, играетъ, поетъ и тебѣ принадлежитъ эта дѣтвора Мельпомены!.. Скажи, многоуважаемая, почему ты не милостива къ намъ?.. Молю тебя, лучезарная, сдѣлай, чтобы ежедневно театръ былъ полонъ!..

— Милый! Имѣй только немного денегъ, когда пріѣзжаешь въ Варшаву, большой репертуаръ, подобранную труппу, хорошій хоръ и ставь то, что я люблю — и кассы твои ломиться будутъ подъ тяжестью золота.

— Уважаемая публика! — воскликнулъ съ комичнымъ паѳосомъ Глясъ, цѣлуя Котлицкаго въ бороду.

— Говори! — сказалъ Котлицкій.

— Почтенная!.. Дай мнѣ богатства и вели себѣ

обрить голову, одѣть въ желтый кафтанъ, оклеить въ зеленую бумагу, и мы сами отошлемъ тебя туда, куда нужно.

— Дастся тебѣ, сынокъ, но... delirium tremens...

Топольскій! Твоя очередь!

— Оставьте меня въ покоѣ!.. Довольно съ меня вашего балагана.

Не хотѣла также и Цабинская; зато Зажѣцкая комично подпрыгнула и погладила Котлицкаго по лицу.

— Милая моя!.. дорогая моя!.. — просила она нѣжно. — Сдѣлай такъ, чтобы Вавржикъ не влюблялся что ни день въ другую и.. видишь ли... очень пригодился бы мнѣ браслетъ, затѣмъ зеленый осеннiй костюмъ, какая-нибудь шубенка — на зиму и... чтобы директоръ платилъ...

— Получишь все, чего хочешь, ибо желанiе твое чистосердечно; и вотъ — адресъ.

Подалъ ей свою визитную карточку.

— Отлично! Браво!

— М-lle Майковская, не приступить ли, что-то сверху обѣщаютъ ужъ очень много.

— Ты старая развратница!.. только обѣщаешь; но никогда ничего не даешь! — сказала Меля.

— Дамъ тебѣ... черезъ годъ дебютъ въ Варшавскомъ театрѣ, и навѣрное ангажирую тебя.

Майковская презрительно пожала плечами и сѣла

— М-lle Орловская...

Янка поднялась, голова кружилась немного; но было ей такъ весело, и такими комичными казались ей эти препирательства, что она подошла и просящимъ голосомъ воскликнула:

— Я только одного хочу; имѣть возможность играть... прошу только роли...

— Объ этомъ поговоримъ съ директоромъ и получишь.

— Дайте покой, это становится скучнымъ... Котлицкій! Возьмитесь-ка за другую серію.

Началось пьянство во-всю. Комната наполнилась шумомъ и папироснымъ дымомъ. Каждый въ отдѣльности что-то доказывалъ и въ чемъ-то увѣрялъ, въ общемъ всѣ кричали глупости, такъ какъ были сильно пьяны.

Майковская пѣла, опершись о столъ и выбивая на бутылкахъ ножомъ тактъ.

Цабинская спорила съ Зажѣцкой и не переставая ѣла сухую малагу.

Топольскій молчалъ и пилъ одинъ. Вавржецкій разсказывалъ Янкѣ разныя разности, а Глоговскій, Глясъ и Котлицкій спорили о публикѣ.

— Я вамъ спою кое-что на эту тему, —сказалъ Глясъ.

Если бъ мнѣ такую барыню —
Все смотрѣлъ бы на сударыню;
Я улегся бъ ей подъ бокомъ,
А то стибрятъ не нарокомъ!
Ху — ха!..

Никто не слушалъ, увлекшись споромъ.

Янка смѣялась, возражала Вавржецкому, но уже хорошо не соображала, что творится съ нею. Комната начинала вертѣться вокругъ нея, свѣчи казались длинными, вытягивались до потолка; ей страшно хотѣлось танцовать, пускать утокъ — бутылки, такъ какъ большія зеркала казались водой; затѣмъ снова прилагала

всѣ усилія, чтобы понять Глоговскаго, который, раскраснѣвшись, пьяный, съ растрепанной прической и съ галстукомъ на плечахъ, кричалъ громче всѣхъ, размахивая руками, билъ кулакомъ вмѣсто стола по животу Гляса и сплевывалъ на колѣни Цабинскому, который дремалъ рядомъ въ креслѣ и только бормоталъ:

— Съ позволенія сказать!..

Глоговскій не слышалъ этого и продолжалъ кричать:

— Къ чорту сужденіе публики! Пьеса—плоха, говорю вамъ!.. А что нѣкоторые кричали... что вы говорите, то ваша правда, что только я одинъ говорю правду... Вѣдь васъ было тысяча, потому въ тысячу разъ труднѣе добиться правды... Единица — человѣкъ; но толпа... — значительно шепнулъ Котлицкій.

— «Громада великій человѣкъ!»—говоритъ пословица, — значительно шепнулъ Котлицкій.

— И говоритъ глупости! Громада эта — только большой крикъ, большой обманъ, большая галлюцинація.

— Учитель, ты — аристократъ и индивидуалистъ.

— Я — Глоговскій... Глоговскій, сударь, отъ колыбели до могилы.

— Это значитъ?

— Можете объяснять себѣ, какъ вамъ угодно.

— Вы даете большой просторъ предположеніямъ.

— А, филистеръ, ты думаешь, что дума моя — нѣчто столь мелкое, что можно взять ее, сжать въ кулакѣ, осмотрѣть и опредѣлить — она молъ того, а не иного сорта?!.. Безъ вывѣсокъ, господинъ Котлицкій. Прочь классификацію! Вы только и умѣете, что разбираться въ сортахъ!

— Учитель, чортъ тебя возьми, ты вѣренъ себѣ.

— Дилетантъ, я только — испытанъ.

— Чортъ возьми!.. столько безумія въ такомъ жалкомъ футлярѣ! — шепталъ Глясъ, ощупывая грудь Глоговскаго.

— Геніи обитаютъ не въ мясѣ... Толстый человѣкъ, это—только жирная скотина. Возвышенныя души не выносятъ жиру.

— Здоровый желудокъ.

— А такіе парадоксы — только толченіе воды въ ступѣ.

— Для ословъ и другихъ интеллигентовъ.

— Dixi, братъ! Райское созданіе говоритъ твоими устами.

— Начинайте наново! — перебилъ ихъ Глясъ, хватая обоихъ за шею.

— Если пить — я согласенъ; если говорить — иду спать! — оралъ Котлицкій.

— Итакъ — пьемъ!

— Вавржикъ, собачій сынъ! бери-ка Мими и еще какую-нибудь бакалею: устроимъ хоръ.

Затянули веселую пѣсню; не пѣлъ только Глоговскій, такъ какъ, опершись на Цабинскаго преспокойно уснулъ, а Янка совсѣмъ лишилась голоса.

Пѣсня звучала все веселѣе; между тѣмъ Янка чувствовала, что непреодолимая сонливость овладѣваетъ ею, что качается на стулѣ и что кто-то поддерживаетъ ее, прикрикиваетъ, ведетъ... и что она какъ бы ѣдетъ на извозчикѣ.

Чувствуетъ, что съ нею творится что-то, въ чемъ не можетъ дать себѣ отчета, ее овѣваетъ какое-то го-

рячее дыханіе, чьи-то руки обнимаютъ ее; слышитъ стукъ колесъ, чей-то шепчущій голосъ, разбираетъ съ трудомъ, почти повторяетъ: «Люблю тебя, люблю!» но ничего не понимаетъ...

Задрожала, почувствовавъ на губахъ горячіе, страстные поцѣлуи... Стремительно бросилась впередъ и пришла въ себя.

Рядомъ сидѣлъ Котлицкій, обнималъ и цѣловалъ ее; хотѣла оттолкнуть его; но руки безсильно упали; хотѣла крикнуть и не могла... сонливость снова лишила ее сознанія, она погрузилась почти въ летаргію.

Лошади вдругъ остановились, и эта внезапная тишина разбудила ее.

Увидѣла, что стоитъ на тротуарѣ, а Котлицкій звонитъ въ воротахъ какого-то дома.

— Боже! Боже! — шептала она удивленно, будучи не въ силахъ сообразить, гдѣ находится.

Съ быстротой молніи все поняла только тогда, когда Котлицкій придвинулся къ ней и сладко прошепталъ:

— Пойдемъ!

Вырвалась отъ него со всей силой безмѣрнаго страха. Хотѣлъ обнять ее; но она такъ толкнула его, что онъ повалился на стѣну... она же побѣжала прямо, къ Мохотовской заставѣ.

Бѣжала въ полубезпамятствѣ, такъ какъ ей казалось, что онъ гонится, догоняетъ и уже хватаетъ ее... сердце билось въ груди, какъ молотъ, лицо пылало отъ стыда и страха.

— Боже! Боже! — шептала она, все ускоряя шагъ.

На улицахъ было пусто, пугали отзвуки собственныхъ шаговъ, извозчики, встрѣчаемые на углахъ улицъ,

тѣни домовъ и эта каменная, страшная тишина уснувшаго города, въ которой, казалось, трепетали какія-то неумолимыя нотки плача, рыданій, хихиканье какого-то развратнаго смѣха, крики пьяницъ... Пріостанавливалась въ тѣни воротъ и тревожно оглядывалась, и медленно припоминала себѣ все: представленіе, ужинъ, вина... пѣніе... и опять кто-то заставляетъ ее пить, и въ этихъ отрывкахъ воспоминаній — длинное, лошадиное лицо Котлицкаго, ѣзда на извозчикѣ и поцѣлуи!..

— Подлецъ! подлецъ! — шептала она, уже совсѣмъ прійдя въ себя, и даже сжала кулаки отъ внезапно охватившаго ее гнѣва и ненависти...

Ее душили слезы безсилія и униженія — съ плачемъ возвращалась она домой.

Свѣтало уже.

Совинская отперла дверь.

— Слѣдовало бы вернуться уже днемъ, а не будить по ночамъ людей! — сердито шептала старуха.

Янка ничего не отвѣтила, склонивъ голову, какъ подъ ударомъ.

— Подлые! Подлые! — только одинъ этотъ крикъ былъ у нея въ сердцѣ, объятомъ возмущеніемъ и ненавистью.

Теперь она не чувствовала ни стыда, ни униженія, только безконечную злобу; бѣгала по комнатѣ, какъ безумная; безсознательно разорвала на себѣ лифъ и, будучи не въ силахъ отдѣлаться отъ своего волненія, въ платьѣ упала на кровать.

Во снѣ — металась; каждую минуту съ крикомъ срывалась, хотѣла куда-то бѣжать, снова поднимала кверху руку, какъ бы чокаясь рюмкой, и сквозь сонъ кри-

чала: «Виватъ!» Начинала пѣть, время отъ времени шептала спаленными лихорадкой губами: «Подлые! подлые!»

IX.

Черезъ нѣсколько дней послѣ представленія «Хамовъ», которые не сходили съ афиши, но публики привлекали все меньше, къ Янкѣ прибѣжалъ Глоговскій.

— Что съ вами? — воскликнула она, дружелюбно протягивая ему руку.

— Ничего! Въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ дней — маленькій «katzenjamer»... это послѣ той выпивки, да... и поправилъ немного пьесу... Читали вы критику?

— Читала — немного.

Немного покраснѣла при воспоминаніи о томъ вечерѣ, никакъ не могла забыть его. Ее мучила мысль, что вѣрно уже весь театръ знаетъ, что она поѣхала съ Котлицкимъ; но она даже не думала протестовать или объясняться; только еще выше держала голову и еще рѣже отзывалась на слова своихъ товарокъ.

— Я принесъ съ собой всѣ газеты, въ которыхъ имѣется критика о моей пьесѣ. Прочту ихъ вамъ, чтобы немного повеселить васъ.

Онъ началъ читать.

Одинъ серьезный еженедѣльникъ утверждалъ, что: «Хамы» пьеса очень хорошая, оригинальная и необычайно реалистичная, авторъ ея имѣетъ талантъ и большую будущность; въ лицѣ Глоговскаго объявился наконецъ настоящій драматургъ, который въ затхлую

и анемичную атмосферу нашего творчества пустилъ струю свѣжаго воздуха, далъ настоящихъ людей и настоящую жизнь; достойно сожалѣнія только то, что постановка пьесы была ниже критики, а игра за небольшимъ исключеніемъ — скандальная.

Другой не менѣе серьезный отзывъ гласилъ: «Авторъ «Хамовъ» несомнѣнно обладаетъ писательскимъ талантомъ новеллъ, которыхъ и написалъ нѣсколько штукъ; но сцены онъ не долженъ касаться, это не его отрасль; ему не хватаетъ театральной выпуклости, отчего герои его пьесы напоминаютъ скорѣй манекеновъ, а не людей, жизнь же и понятія, изображаемыя въ пьесѣ, это не жизнь и понятія нашихъ, крестьянъ, а по крайней мѣрѣ — папуасовъ» и т. д.

Корреспондентъ одной изъ самыхъ почтенныхъ ежедневныхъ газетъ дня два подъ рядъ говорилъ объ исторіи театра во Франціи, объ актерахъ въ Германіи, о примѣненіи искусства въ Нюренбергѣ... Говорилъ о какомъ-то благотворномъ вліяніи критики на драматическое творчество; разсказывалъ о театральныхъ новостяхъ, что ни строчка, дѣлалъ слѣдующія вводныя предложенія: видѣлъ его въ «Одеонѣ»... слышалъ въ «Бургѣ»... поражался игрой такою-то въ Лондонѣ... Приводилъ всевозможные театральные анекдоты, восхвалялъ актеровъ, умершихъ полвѣка тому назадъ, вспоминалъ сцену въ былое время, въ нѣсколькихъ строчкахъ говорилъ о красномъ тряпьѣ радикализма, начинающаго продаваться на сцену, съ отцовской снисходительностью хвалилъ актеровъ, играющихъ «Хамовъ», хвалилъ Цабинскаго и заключилъ, что о самой пьесѣ онъ поговоритъ пожалуй тогда, когда ав-

торъ напишетъ другую, такъ какъ эту можно только извинить начинающему писателю.

Другой дневникъ писалъ, что идея и обработка пьесы идiотская; что цинизмъ и грубость, съ которымъ авторъ проводитъ «главную идею», превосходятъ даже то, что можно увидѣть въ произведенiяхъ, ввозимыхъ изъ полусгнившей Францiи; извинительно это французу потому... (слѣдуетъ цѣлый столбецъ объясненiй и причинъ, почему французу позволительно писать мерзости), но простить это своему невозможно... И потому авторъ, осмѣлившiйся писать такъ, такъ унижать нравственные идеалы жизни, сѣять ненависть, плевать на вещи, болѣе всего святыя польскому сердцу, долженъ быть... (слѣдуетъ многоточiе и прозрачные намеки на то, что онъ долженъ быть просто подлецомъ).

Третiй увѣрялъ, что пьеса вовсе недурна и была бы даже великолѣпна, если бы авторъ держался старыхъ традицiй и ввелъ музыку и танцы.

Четвертый держался совсѣмъ противоположнаго мнѣнiя, утверждалъ, что пьеса рѣшительно ничего не стоитъ, просто одно свинство, однако у автора та заслуга, что онъ уберегся отъ пошлаго шаблона и не ввелъ пѣнiя и танцевъ, всегда уменьшающихъ цѣнность бытовыхъ пьесъ.

Въ пятомъ обозрѣватель лѣтнихъ театровъ написалъ строкъ сто въ такомъ духѣ: «Хамы» г. Глоговскаго — хи!.. вещь недурная... была бы совсѣмъ удовлетворительна... но ... принявъ во вниманiе... своимъ порядкомъ... нужно набраться смѣлости сказать правду... Во всякомъ случаѣ... будь, что будетъ... съ малой оговоркой, авторъ имѣетъ талантъ. Пьеса... гм!..

какъ бы опредѣлить это?.. Два мѣсяца тому назадъ писалъ кое-что объ этомъ, а потому интересующихся отсылаю туда... Играли великолѣпно! И переписалъ всю афишу, помѣщая рядомъ съ фамиліей каждой актрисы какой-нибудь эпитетъ, миленькое словечко, вѣжливое прозвище, меланхоличный полунамекъ или фразу..

— Что это?

— Либретто для оперетки; дай заглавіе: «Театральная критика», положи на музыку, и успѣхъ будетъ такой, что публика навалитъ, какъ на исповѣдь.

— Какъ же вы отнеслись къ этому?

— Я?.. да никакъ... Повернулся къ нимъ спиной, и въ виду того, что у меня великолѣпный планъ новой пьесы, принимаюсь сейчасъ за работу. Получилъ въ Радомѣ урокъ и уѣзжаю туда на цѣлые полгода. Жду окончательнаго рѣшенія.

— И вы непремѣнно должны уѣхать?

— Долженъ!.. вѣдь я живу только уроками. Два мѣсяца сижу безъ занятій. Промоталъ все: пьесу поставилъ, кланялся публикѣ, пожилъ въ Варшавѣ, а теперь — баста! Занавѣсъ опущенъ, надо приготовить новый фарсъ. До свиданія! Передъ отъѣздомъ забѣгу еще сюда или въ театръ.

Пожалъ ей руку, крикнулъ:—«пусть я издохну» и выбѣжалъ.

Янкѣ сдѣлалось грустно. Такъ она привыкла къ Глоговскому, къ его странностямъ, парадоксамъ и черствости, которою прикрывалъ онъ враждебную робость и чрезмѣрную деликатность — стало скучно при мысли, что останется одна.

Теперь, когда онъ уѣзжалъ, она поняла, что однихъ

занятій театромъ мало, и чувствовала все большую потребность въ дружбѣ, сближеніи съ какой-нибудь родственной душой, особенно когда ее начинали донимать неудачи.

Уже не имѣла собственныхъ денегъ и дѣйствительно жила только театромъ.

Не рѣшалась сознаться самой себѣ; но при каждой просьбѣ денегъ припоминался ей домъ и то время, когда ей не нужно было ни о чемъ думать, такъ какъ все было. Унижало ее очень это почти ежедневное собираніе нѣсколькихъ гривенниковъ; но не было другого выхода, кромѣ того, который читала въ сѣрыхъ глазахъ Совинской и видѣла въ жизни товарокъ, къ которымъ относилась съ презрѣніемъ. Ей мстили за это двумя способами. Разсказывали разныя небылицы о ея ночныхъ экскурсіяхъ и странныхъ привычкахъ; она съ нѣкотораго времени должна была почти ежедневно нѣсколько часовъ подъ рядъ ходить по улицамъ, чтобы успкоиться, чтобы хотя немного утишить почти бѣшеную жажду неустаннаго движенія, потребность слоняться съ мѣста на мѣсто, и почти ежедневно считала необходимымъ итти вечеромъ на Театральную площадь.

Если она очень торопилась куда-нибудь, то только переходила площадь, смотрѣла на Большой театръ и шла домой; если же времени было достаточно, то садилась въ скверѣ или на скамейкѣ у трамвайной будки и смотрѣла оттуда на тѣнь колоннъ, на величественный и чистый фасадъ и погружалась въ мечты... Не раздумывала надъ тѣмъ, зачѣмъ дѣлаетъ это; чувствовала минуты неподдѣльнаго и глубокаго удовольствія,

когда прогуливалась подъ колоннадой или когда въ тишинѣ свѣтлой ночи присматривалась къ сѣрому, длинному зданію.

Эта каменная громада разговаривала съ нею, она прислушивалась къ шуму, доносящемуся оттуда, къ отзвукамъ и звукамъ; въ ея воображеніи проходили сцены, игранныя тамъ недавно, расплывшіяся во мракѣ и видимыя только для ея души. Она любила это зданіе... даже больше: она обожала его...

Ея мечты принимали иногда просто формы какого-то мозгового расширенія. Это была буря, которая хотѣла бы въ мгновеніе ока завладѣть цѣлымъ свѣтомъ, но при первомъ сопротивленіи теряла силы.

Она мечтала еще такъ для того, чтобы не чувствовать нужды, такъ какъ вторая половина сезона въ матеріальномъ отношеніи была много разъ хуже первой.

Случалось, что Цабинскій въ серединѣ спектакля забиралъ кассу и уходилъ, притворяясь больнымъ; оставлялъ онъ всего нѣсколько рублей, которыхъ едва хватало на нѣсколько человѣкъ, когда же ему не давали сбѣжать, онъ плакался на нужду и сѣтовалъ:

— Горсточка зрителей... къ этому еще половина билетовъ даровыхъ; клянусь вамъ любовью дѣтей, половина зайцевъ... Что же мнѣ дѣлать?.. у самого нечѣмъ платить за квартиру!.. Спросите Гольда; онъ покажетъ вамъ непроданные билеты. Съ мѣшкомъ милостыню пойду просить скоро, если дѣла не улучшатся!.. Ступайте въ кассу, если есть что-нибудь... дамъ.

И если онъ подъ руку по-пріятельски подводилъ

кого-нибудь къ кассѣ, то это было условнымъ знакомъ для Гольда, что денегъ должно не быть; если проситель настаивалъ, кассиръ принималъ озабоченный видъ и говорилъ:

— На жалованіе не хватитъ... а гдѣ театръ, гдѣ рабочіе?... Попросту нечѣмъ покрыть расходы первой необходимости.

— Дайте что-нибудь... Можетъ гдѣ-нибудь что-нибудь не доплатимъ... — вмѣшивался Цабинскій.

Оставлялъ квитанцію на выдачу денегъ и уходилъ.

Почти всегда обстоятельства складывались такъ несчастливо, что суммы, на которую была выдана квитанція, у Гольда не было. Хоть нѣсколько копеекъ, а должно было не доставать. Ругали его пархатымъ и воромъ; но каждый бралъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ могъ ничего не получить.

Гольдъ принималъ видъ обиженнаго и печалился обыкновенно директоршѣ, которая всегда засѣдала въ кассѣ.

Тогда Цабинская рѣзко нападала на актеровъ и громко твердила о благородствѣ Гольда, который изъ того маленькаго жалованія, которое получалъ, помогаетъ еще сестрѣ. Гольдъ при воспоминаніи о сестрѣ краснѣлъ; глаза его блестѣли заботливостью, и тогда онъ увѣрялъ, что недостающія деньги доплатитъ завтра; но не доплачивалъ.

Въ театрѣ начались скандалы, всеобщія ссоры съ дирекціей и срываніе спектаклей. Большая часть артистовъ была подавлена этимъ вѣчнымъ неуспѣхомъ и нуждой. Все чаще въ умахъ зарождались проекты о новыхъ товариществахъ и все длиннѣе становились со-

вѣщанія за чашкой чернаго кофе въ кондитерской на Новомъ Свѣтѣ.

Представленія отбывали какъ-нибудь, какъ можно скорѣй, такъ какъ возбужденіе по причинѣ явныхъ злоупотребленій Цабинскаго все росло, а затѣмъ близость выѣзда изъ Варшавы, долги, въ которыхъ всѣ утопали, приближающаяся зима и заботы объ ангажементѣ никого не располагали къ игрѣ.

Цабинскій же все сѣтовалъ, цѣловался, обѣщалъ и не платилъ.

Онъ такъ умѣлъ притворяться и разыгрывать роль озабоченнаго, что Янка, сочувствуя и вѣря ему, иногда просто не рѣшалась напомнить о деньгахъ; она видѣла, что между мужемъ и женой Цабинскими происходятъ вѣчные споры относительно расходовъ и что няня довольно часто изъ собственныхъ сбереженій покупаетъ дѣтямъ разныя вещи, а Цабинская въ два раза дольше прежняго просиживаетъ въ кондитерской, чтобы не слышать жалобъ и не встрѣчаться такъ часто съ товарищами.

Все такъ сложилось, что Янка изъ одной бѣды попала въ другую, такъ какъ m-me Анна за каждымъ почти обѣдомъ разсказывала о все большей дороговизнѣ и объ увеличеніи платы за квартиру.

Янка не могла ѣсть, слыша эти жалобы, такъ какъ сама должна была за полмѣсяца и не имѣла чѣмъ заплатить.

Нужда медленно, но все болѣе тѣснымъ кругомъ охватывала ее и наложила на лицо печать постоянной тревоги.

Не приносили ей уже завтрака, забывали чистить

ботинки, подавать вечеромъ лампу, и этихъ мелкихъ упущеній и пренебреженія скапливалось такъ много, что каждый разъ, когда она приходила на обѣдъ и садилась за столъ, съ дурно скрываемымъ стыдомъ и страхомъ, дрожала при каждомъ болѣе громкомъ словѣ m-me Анны, съ безпокойствомъ смотрѣла на лица сидящихъ, и ей казалось, что у всѣхъ въ глазахъ она читаетъ брезгливость и презрѣніе къ себѣ или выраженіе состраданія тѣхъ людей, у которыхъ всегда имѣются деньги: этого презрѣнія она страшно боялась.

Съ виду она сдѣлалась болѣе медлительной; но въ ней самой вѣчно шла тяжелая, истощающая силы война между мечтами объ искусствѣ, славѣ и сознаніемъ своей нужды. Начинала чего-то бояться и со страхомъ глядѣла передъ собой.

Кромѣ того, городъ душилъ ее все сильнѣе. Душили стѣны домовъ, обезсиливалъ этотъ вѣчный хаосъ и торопливая бѣготня городской жизни, которая начинала дѣлаться ей противной, такъ какъ она увидѣла, что эта жизнь болѣе мелочна, раздроблена и болѣе скучна, чѣмъ деревенская. Здѣсь каждый былъ рабомъ своихъ потребностей, для которыхъ работалъ, кралъ, обманывалъ и торопливо подталкивалъ тачку своей жизни...

Тяготилась еще больше положеніемъ своимъ потому, что не могла отстраниться отъ людей, какъ дѣлала это бывало въ Буковицахъ, послѣ каждой ссоры съ отцомъ.

Бродила по городу; но всюду встрѣчала слишкомъ много людей. Охотно открыла бы Глоговскому все, что ее угнетало; но не рѣшалась; гордость удерживала ее отъ этого. Глоговскій, казалось, угадывалъ

ея положеніе, по крайней мѣрѣ печаль, и вѣчно напоминалъ ей, что она должна говорить ему все... все... Но она не говорила.

Въ квартирѣ проводила какъ можно меньше времени, но каждый разъ, когда входила, старалась дѣлать это такъ тихо, чтобы никто не слышалъ, чтобы никому не попасться на глаза и не вызвать разговоровъ о своемъ долгѣ.

Пугало ее не то, что завтра она можетъ очутиться на мостовой, а то, что m-me Анна или Совинская могутъ коротко сказать: «Заплатите, сударыня, свой долгъ!» и она не сможетъ заплатить...

И минута эта подошла, наконецъ.

Обѣдая въ тотъ день, она знала уже, что это непремѣнно должно случиться сегодня, хотя Стежинская, m-me Анна и даже Совинская были въ великолѣпномъ расположеніи духа; подхватила одинъ взглядъ m-me Анны, когда та разливала супъ, и прочла въ немъ все.

Ѣла медленно, такъ какъ сердце ея терзала такая тревога, что глотала она съ трудомъ и за столомъ сидѣла, какъ можно дольше, чтобы оттянуть предстоящій разговоръ; но въ концѣ-концовъ должна была итти въ свою комнату.

За нею сейчасъ же явилась m-me Анна и съ самымъ непринужденнымъ видомъ начала разсказыватъ о какой-то фантастичной кліенткѣ, а потомъ внезапно перескакивала на другую тему и, какъ бы только что вспомнивъ, сказала:

— Но... не можете ли вы заплатить мнѣ за эти

полмѣсяца, такъ какъ сегодня я должна платить за квартиру.

Янка поблѣднѣла и съ трудомъ могла выговорить:

— У меня нѣтъ сегодня...

Хотѣла еще что-то сказать; но не хватило голосу.

— Что значитъ: нѣтъ?.. Прошу заплатить то, что мнѣ полагается!.. Вѣдь вы не думаете же, что я могу кормить кого-нибудь даромъ... такъ себѣ!.. ради украшенія квартиры!.. Хорошее украшеніе, которое возвращается домой только утромъ!..

— Вѣдь отдамъ же вамъ!.. — воскликнула Янка, вдругъ придя въ себя, подъ ударами ея словъ.

— Мнѣ нужны деньги сейчасъ!

— Получите ихъ... черезъ часъ! — отвѣтила она, внезапно рѣшившись на что-то, и съ такимъ презрѣніемъ посмотрѣла на m-me Анну, что та вышла, не произнеся ни слова, только громко хлопнула дверью.

Янка слышала кое-что о ломбардѣ и тотчасъ же направилась туда заложить золотой браслетъ, единственное, что было у нея.

Вернувшись, тотчасъ же заплатила m-me Аннѣ, удивленной и необыкновенно предупредительной, прибавивъ:

— Я буду столоваться въ городѣ; не хочу обременять васъ хлопотами...

— Какъ вамъ угодно. Если у насъ скверно, вольному воля! — прошептала глубоко оскорбленная m-me Анна.

Благодаря этому поступку, отношенія въ домѣ обострились.

— Продамъ все... до конца! — рѣшила Янка.

Она высчитала, что за половину того, что платила m-me Анпѣ, великолѣпно прокормится.

Вольская указала ей дешевую кухмистерскую, и она стала тамъ обѣдать; а если не было и на это, то булки съ колбасками должно было хватить на цѣлый день.

Въ одинъ прекрасный день спектакль не состоялся, такъ какъ въ кассѣ было всего какихъ-нибудь двадцать рублей; на другой день представленія также не было по причинѣ страшнаго ливня. Она, какъ и прочіе, не получила отъ Цабинскаго ни копейки и въ теченіе этихъ двухъ дней положительно ничего не ѣла.

Этотъ первый голодъ, успокоить котораго было нечѣмъ, произвелъ на нее ужасное впечатлѣніе. Чувствовала въ себѣ какую-то постоянную и странную боль.

— Голодъ!.. голодъ!.. — шептала со страхомъ.

До этого времени она знала его только по названію. Страннымъ казалось это чувство, страннымъ казалось то, что ей въ самомъ дѣлѣ хочется ѣсть и что она не имѣетъ даже на что купить — булку!

— Неужели это правда, что мнѣ не на что купить ѣсть? — спрашивала себя.

Изъ передней долеталъ запахъ жаренаго мяса. Плотнѣе притворила дверь, такъ какъ отъ этого запаха ей дѣлалось дурно.

Вспоминала съ какимъ-то страннымъ состояніемъ духа, что большинство великихъ артистовъ разныхъ временъ также терпѣли нужду, и это на минуту радовало ее; чувствовала себя какъ бы принявшей первое мученичество во имя искусства...

Съ нѣкоторой сентиментальной рисовкой улыбалась въ зеркало своему желтому, истощенному лицу;

пробовала читать, забыть о себѣ, позабыть какъ-нибудь о своей личности; но не могла, такъ какъ все время чувствовала, что ей хочется ѣсть.

Смотрѣла въ окна на длинный дворъ, со всѣхъ сторонъ окруженный высокими флигелями; но увидѣла, какъ въ нѣкоторыхъ квартирахъ садятся обѣдать; внизу какіе-то рабочіе сидѣли у стѣны и тоже ѣли свой обѣдъ изъ красныхъ глиняныхъ горшковъ... Отвернулась, такъ какъ чувствовала, что голодъ, какъ какая-нибудь стальная рука съ острыми когтями, терзаетъ ее все сильнѣе.

— Всѣ ѣдятъ! — прошептала она удивленно, какъ бы только впервые обративъ вниманіе на этотъ фактъ.

Затѣмъ легла и спала до вечера, не была ни на репетиціи, ни у Цабинскихъ; чувствовала себя сильно ослабѣвшей, голова какъ-то болѣзненно кружилась, и безконечное сосаніе, которое чувствовала въ себѣ, раздражало ее до слезъ.

Вечеромъ въ уборной на нее напала вдругъ шумная веселость; все время смѣялась, острила, насмѣхалась надъ товарками, поссорилась изъ-за какого-то пустяка съ своими, а со сцены кокетничала съ первыми рядами.

Мецената, тотчасъ же во время антракта появившагося за кулисами съ коробкой конфетъ, встрѣтила такъ привѣтливо и такъ сильно сжала ему руку, что старикъ даже смутился. Потомъ, въ какомъ-то темномъ углу, куда забилась въ ожиданіи, когда сценаріусъ крикнетъ: «выходите!», когда ее охватила тишина и темнота, разразилась рыданіями.

Послѣ представленія получила четверныя a'conto, цѣ-

лыхъ два рубля. Цабинскій самъ далъ ей тайно отъ другихъ, чтобы обезпечить уроки дочери.

Пошла ужинать на веранду и опьянѣла съ одной рюмки водки, такъ что сама просила Владека проводить ее домой.

Съ этого вечера Владекъ ходилъ за нею какъ тѣнь и явно выказывалъ ей свою любовь, не обращая вниманія на то, что мать всѣхъ въ театрѣ разспрашиваетъ о нихъ и вѣчно выслѣживаетъ.

Однажды въ комнату Янки влетѣлъ Глоговскій и изъ дверей еще кричалъ:

— Ну-съ, ѣду къ этимъ своимъ сингалезамъ!

Бросилъ на сундукъ шляпу, усѣлся на кровати и принялся дѣлать папироску.

Янка спокойно смотрѣла на него и думала, что теперь ей уже все равно, между тѣмъ какъ раньше ее интересовалъ больше этотъ пріятель.

— Вы не плачете?.. Тяжело... однѣ собаки пожалуй заплачутъ по мнѣ, пусть я издохну! Но скажите, неизвѣстно вамъ, что съ Котлицкимъ?.. Не бываетъ въ театрѣ, и нигдѣ не могу встрѣтить... Должно быть уѣхалъ...

— Я не видѣла его съ того ужина... — отвѣтила она медленно.

— Тутъ что-то есть!.. — приключеніе, любовь... считайте до двадцати! Стоитъ мнѣ интересоваться такой зеленой обезьяной, хе? не правда ли?..

— Да! правда! — шепнула она, поворачиваясь къ окну.

— О! это что такое?.. — воскликнулъ онъ, быстро заглядывая ей въ глаза. — Какъ вы измѣнились!.. Гла-

за впали, лицо пожелтѣло, черты заостренныя... Что это значитъ?..—произнесъ онъ тихо.

Вдругъ схватилъ себя за голову и принялся какъ сумасшедшій бѣгать по комнатѣ.

— И идіотъ же я, готентотъ, чудовище!.. Я разгуливаю себѣ по Варшавѣ, а здѣсь артистическая нужда командуетъ во-всю!.. Послушайте!—воскликнулъ онъ, беря ее за руку и смотря ей энергично въ глаза — послушайте! я хочу знать все, какъ на исповѣди... Пусть я издохну!.. но вы должны мнѣ сказать!..

Янка молчала; но, видя его благородное лицо и слыша этотъ задушевный голосъ, въ которомъ звучали такія странныя, хватающія за сердце ноты, вдругъ расчувствовалась, и слезы появились у нея въ глазахъ; но отъ волненія не могла сказать ни слова.

— Ну, ну—плакать незачѣмъ и безъ того уѣду...— говорилъ онъ шутливо, чтобы замять и свое волненіе.— Послушайте... безъ всякихъ оппозицій... не терплю парламентаризма! Вы терпите нужду и еще какую,—театральную... мнѣ это извѣстно.

Да не краснѣйте же, чортъ возьми... Нужда, честно пріобрѣтенная, это не позоръ! простая оспа, которой всякій, какъ бы хорошъ онъ ни былъ, долженъ переболѣть... Хо! хо! да развѣ я первый годъ играю въ жмурки съ заботами... Ну, кончу галопомъ... Сдѣлаемъ такъ...

Онъ отвернулся, вынулъ изъ бумажника тридцать рублей, то-есть все, что ему прислали на дорогу, положилъ ихъ подъ подушку и вернулся на прежнее мѣсто.

— «Итакъ, между нами союзъ, мой кузенъ»...—сказалъ Людовикъ XI, обезглавивъ герцога Анжуйскаго.

Аппеляція принята не будетъ, вы не смѣете... этого!

Взялъ шляпу и тихо сказалъ, протягивая руку:

— До свиданія!

Янка быстро, движеніемъ, полнымъ отчаянія, заслонила дверь.

— Нѣтъ, нѣтъ!.. не унижайте вы меня!.. Я и безъ того уже такъ несчастлива,—шептала она, крѣпко держа его за руку.

— Ахъ, у васъ бабья философія!.. Пусть я издохну, но вѣдь это такъ же натурально, какъ и то, что я пущу пулю себѣ въ лобъ, а вы будете великой артисткой.

Янка начала объяснять ему, просить, наконецъ настаивать, чтобы взялъ обратно деньги; что ей ничего не нужно, что она ничего не приметъ и наконецъ просто-таки ей противна эта помощь.

Глоговскій сталъ мрачнымъ и грубо произнесъ:

— Что жъ?.. пусть я издохну; но изъ насъ двоихъ не я глупъ!.. Вотъ ужъ нѣтъ! Не буду волноваться, сажусь спокойно и поговоримъ серьезно. Не хочу, чтобы изъ-за жалкихъ грошей вы сердились на меня... Вы не хотите взять ихъ, хотя намъ нужно, почему?.. потому что это запрещаетъ ложный стыдъ, потому что васъ научили, что такая обыкновенная, людская вещь, какъ взаимная помощь, унижаетъ достоинство. Понятія такія уже потускли... Это глупые и скверные предразсудки. Честное слово, нужно обладать европейскими мозгами и истеричной мелочностью, чтобы отказываться взять деньги отъ человѣка себѣ подобнаго въ то время, когда онѣ необходимы. Скажите пожалуйста, какъ вы полагаете, зачѣмъ тогда людямъ общественность?.. для того только, чтобы

грызться и обкрадывать другъ друга, или для того, чтобы помогать себѣ? Вы скажете, что это не такъ, а я отвѣчу вамъ, что оттого-то и скверно; а разъ что признается сквернымъ, отъ того нужно уклоняться. Человѣкъ долженъ поступать хорошо, это его обязанность. Дѣлать добро—это именно самая мудрая математика. Боже!.. да что тутъ наконецъ долго толковать!.. — воскликнулъ онъ взволнованно.

Говорилъ еще долго: трунилъ, иногда ругался, кричалъ: «пусть издохну!», сердился, — но въ голосѣ его было столько искренности, сердечности и доброжелательности, что Янка, хотя совсѣмъ не убѣжденная его доводами, но чтобы только не сердить его отказомъ, приняла деньги и въ благодарность крѣпко пожала ему руку.

— Вотъ это люблю!.. А теперь... до свиданія!..

— До свиданія! Благодарю васъ отъ чистаго сердца... я столько вамъ обязана...

— Если бы вы только знали, сколько добра сдѣлали мнѣ люди!.. Только сотую часть хотѣлъ бы я сдѣлать того же другимъ... Скажу еще, что мы вѣрю встрѣтимся весной.

— Гдѣ?

— Ба! не знаю!.. въ театрѣ конечно, я вѣдь уже рѣшилъ поступить весной на сцену, хотя бы на полгода, чтобы лучше съ ней ознакомиться.

— Вотъ это было бы хорошо!

— Ну-съ, теперь все гладко, какъ говорилъ бывало мой отецъ, спуская съ меня шкуру... Оставляю вамъ мой адресъ и ничего не говорю, только напоминаю, что вы должны мнѣ писать все... все!.. Ну, слово?..

— Слово! — отвѣтила серьезно.

— Я вѣрю вашему слову, какъ мужскому, хотя въ общемъ у женщинъ слово только выраженіе, которое употребляется часто, но никогда не сдерживается. До свиданія!

Сильно пожалъ ей обѣ руки, приподнялъ ихъ вверхъ, словно хотѣлъ поцѣловать, но быстро опустилъ, заглянулъ въ глаза, разсмѣялся немного дѣланно — и выбѣжалъ.

Янка долго думала о немъ. Была ему очень благодарна; разговоръ этотъ такъ поправилъ ея расположеніе духа, очень жалѣла, что не знаетъ, съ какимъ поѣздомъ поѣдетъ Глоговскій — хотѣлось еще разъ позидаться съ нимъ.

Затѣмъ снова въ ней поднималось что-то, что сильно протестовало противъ этой помощи и непремѣнно хотѣло видѣть въ этой сердечности оскорбленіе.

— Милостыня! — шептала она горько, и отъ униженія было такъ больно...

— Какъ?.. я не могу жить сама, итти собственными силами, сама выбиваться?.. вѣчно должна опираться на кого-нибудь?.. кто-нибудь долженъ всегда бодрствовать надо мной!? А они, вѣдь они сами справляются...

Она задумалась надъ этимъ вопросомъ; но уже черезъ минуту отправилась выкупать изъ заклада браслетъ и по дорогѣ купила себѣ осеннюю шляпку.

Жизнь ползла медленно, лѣниво и скучно.

Янку поддерживала только одна надежда или скорѣе увѣренность, что все это скоро перемѣнится, и въ этомъ тоскливомъ ожиданіи она начала обращать

все больше вниманія на Владека. Она видѣла, что онъ любитъ ее... Почти ежедневно слушала она его увѣренія въ любви, улыбалась въ глубинѣ души и думала, что, несмотря ни на что, она все-таки не сдѣлается тѣмъ, чѣмъ были ея товарки, которыя все-таки заставили ее немного переродиться; прежде она чувствовала почти органическую брезгливость къ разнаго рода грязи, а теперь уловки Владека сдѣлали то, что въ ней самой начинали впервые рождаться извѣстныя мысли о любви.

Минутами она мечтала о любви человѣка, которому отдалась бы навсегда и вся; о жизни вдвоемъ, полной упоенія и любви, о такой жизни, которую изображали въ пьесахъ поэты,—и тогда въ мозгу у нея проскальзывали образы любовниковъ, страстный шопотъ, жаркія объятія, вулканическая страсть и вся эта жизнь, исполненная величественной любви, воспоминаніе о которой охватывало ее дрожью...

Она не знала, откуда берутся такія мечты; но онѣ становились все болѣе частыми, несмотря на нужду, которая все росла, несмотря на голодъ, который сжималъ ее въ своихъ костлявыхъ объятіяхъ. Браслетъ снова былъ отнесенъ въ ломбардъ, такъ какъ нужно было покупать все новыя тряпки, необходимыя для сцены; иногда нужно было лишать себя пищи, но покупать... Ставились все новыя пьесы, чтобы добиться успѣха; но успѣха не было...

Такое положеніе дѣлъ ее страшно угнетало и мучило, ослабляя силы; но порождало въ ней новый духъ возмущенія.

Сначала она почувствовала ко всѣмъ какое-то непріятное чувство. Съ дикой завистью присматривалась

она на улицѣ къ женщинамъ; не разъ появлялось безумное желаніе зацѣпить одну изъ такихъ разодѣтыхъ, прекрасныхъ дамъ и спросить: извѣстно ли ей, что такое нужда?

Она внимательно присматривалась къ ихъ лицамъ, платьямъ и улыбкамъ и приходила къ грустному заключенію, что такія дамы не могутъ знать о существованіи людей, страдающихъ, плачущихъ и голодныхъ.

Но потомъ она начинала разсуждать, что вѣдь и и сама она одѣта такъ же; что такихъ, которыя проходятъ около нея и такъ же съ голоду и отчаянья придираются взглядами къ лицамъ прохожихъ, очень много. Ей хотѣлось отличить въ толпѣ лица страдающихъ, и не могла. Всѣ выглядѣли довольными и счастливыми.

Тогда какъ бы тріумфъ собственнаго превосходства надъ толпой, нарядной и сытой, освѣтилъ ея лицо. Она чувствовала себя болѣе веселой, чѣмъ этотъ свѣтъ...

— У меня есть идея, цѣль! — думала она.

— Зачѣмъ живутъ они?.. на что?.. — не разъ спрашивала она себя.

И, не умѣя отвѣтить, сострадательно улыбалась надъ убожествомъ ихъ существованія.

— Міръ мотыльковъ. Не вѣдаютъ, откуда, зачѣмъ и куда? — шептала она, въ волю насыщаясь этимъ тихимъ презрѣніемъ къ людямъ, которое въ ней росло.

Директоршу она ненавидѣла теперь отъ всего сердца, такъ какъ Пепа, хотя и была къ ней всегда до приторности предупредительна, но за уроки не платила и такимъ образомъ извлекала для себя пользу изъ ея положенія.

Янка не могла порвать съ нею, такъ какъ чувство-

вала ясно, что за этой маской дружелюбія скрывается вѣдьма, которая никогда, ни за что не простила бы ее; впрочемъ она ненавидѣла ее и какъ женщину, и какъ мать, и какъ актрису. Она прекрасно поняла ее, и въ этомъ своемъ вѣчномъ разстройствѣ чувствъ и терзаніяхъ непремѣнно должна была или очень любить кого-нибудь или ненавидѣть...

Пока никого еще не любила; но уже ненавидѣла.

— Вы знаете — это просто невѣроятно, чтобы столь мало свѣдущая особа, какъ директорша, сама выбирала пьесы! — сказала она однажды Владеку, сильно огорченная тѣмъ, что ее обошли при возобновленіи одной старой мелодрамы «Подкидышъ Мартинъ».

— Жалко, что вы не просили у нея роли, такъ какъ сами видите, что директоръ сдѣлать ничего не можетъ...

— Правда! великолѣпная мысль!.. Завтра попробую...

— Просите у нея роль Маріи въ «Докторѣ Робинъ»; пойдетъ на той недѣлѣ. Просится къ намъ одинъ любитель и хочетъ дебютировать въ роли Гаррика.

— А что это за роль Маріи?..

— Прекрасная! Мнѣ кажется, вы сыграли бы ее великолѣпно... Можетъ быть принести пьесу...

— Хорошо, прочтемъ вмѣстѣ...

На слѣдующій день отъ Цабинской было получено торжественное обѣщаніе.

Въ полдень Владекъ принесъ «Доктора Робинъ». У Янки въ квартирѣ Владекъ былъ впервые, а потому старался казаться особенно красивымъ, нарядным, любезнымъ и какъ-то меланхолически растроганнымъ.

Онъ великолѣпно игралъ въ любовь и уваженіе; притихъ, словно отъ наплыва счастья!..

— Я первый разъ такъ робокъ и счастливъ! — сказалъ онъ, цѣлуя ей руку.

— Почему робокъ?.. Вы всегда такъ свободно держите себя на сценѣ! — возразила она, немного смущенная.

— Да, на сценѣ, гдѣ счастье только играется, а не здѣсь, гдѣ дѣйствительно чувствуешь себя счастливымъ.

— Счастливымъ?.. — повторила она.

Онъ такъ страстно взглянулъ на нее, такъ выразительно подчеркнулъ улыбкой и такъ мастерски выразилъ на лицѣ своемъ восхищеніе и любовное упоеніе, что будь это на сценѣ, аплодисменты были бы обезпечены.

Янка великолѣпно поняла его, и въ ней что-то затрепетало, словно въ сердцѣ слегка задѣли какую-то новую струну.

Владекъ началъ читать пьесу. Съ каждымъ словомъ Маріи возрастала экзальтированность Янки; затаивъ дыханіе, устремивъ взоръ на Владека, слушала она пьесу и не рѣшалась какимъ-нибудь словомъ или жестомъ испортить то впечатлѣніе, которое на нее производило чтеніе; она боялась спугнуть чары отъ звуковъ его словъ и красокъ его бархатисто-черныхъ глазъ.

Когда онъ окончилъ, Янка воскликнула въ восхищеніи:

— Чудная роль!

— Ручаюсь, что вы произведете въ ней фуроръ.

— Да... я чувствую, что сыграла бы ее недурно...

— «Гаррикъ, этотъ творецъ душъ, такъ величественъ въ «Коріоланѣ!» — прошептала она фразу, которую запомнила.

И лицо ея освѣтилось такимъ воодушевленіемъ, вся она освѣтилась такой глубокой радостью, что Владекъ почти не узнавалъ ее.

— Вы — энтузіастка!

— Да, такъ какъ люблю искусство! Все для него и все въ немъ!.. Это—мой лозунгъ. Кромѣ искусства я почти ничего не вижу! — говорила она, невольно воодушевляясь.

— И даже любви?..

Искусство кажется мнѣ болѣе великимъ и совершеннымъ идеаломъ, нежели любовь.

— Но оно болѣе чуждо людямъ и не такъ необходимо въ жизни, какъ любовь... Безъ искусства міръ могъ бы существовать; а безъ любви... никогда!.. впрочемъ у искусства болѣе мучительныя стремленія...

— Но и болѣе великое наслажденіе... любовь это—волненіе одного лица; искусство потрясаетъ многихъ, это—синтезъ. Его обожаютъ въ своей человѣчности; страдаютъ ради него; но только благодаря ему дѣлаются иногда безсмертными.

— Это — мечты... Тысячи, чтобы добиться осуществленія ихъ, пожертвовали жизнью, и тысячи проклинали призрачность этого маяка...

— Но у этихъ тысячъ этимъ маякомъ была заполнена жизнь, и они чувствовали больше, нежели можно чувствовать, ни о чемъ не мечтая...

— Но разъ они не были счастливы, то чѣмъ же дорожить?

— А развѣ масса счастлива?

— Въ тысячу разъ больше, чѣмъ мы!..

Это мы онъ многозначительно подчеркнулъ.

— Никогда! — воскликнула Янка, — такъ какъ наше счастье заключается какъ въ страданіи, такъ и въ радости, какъ въ уныніи, такъ и въ упованіи; уже счастье въ одномъ томъ, что имѣешь возможность развиваться духовно, проникать въ необъятное, сознавать въ своемъ умѣ міры болѣе великіе и прекрасные, нежели окружающіе насъ, пѣть, хоть сквозь слезы и страданія, гимны безсмертности и красоты; мечтать, но мечтать такъ, чтобы совершенно забыть о жизни и жить въ мечтахъ!

Янка почувствовала въ себѣ вдругъ такой приливъ счастья и восхищенія, что говорила какъ бы только намеками на мысли, не будучи въ силахъ высказать все...

Давно уже она не чувствовала себя такъ сильно восхищенной и ослѣпленной своимъ предвидѣньемъ будущаго; она говорила, совершенно забывъ, что ее слушаютъ; раскрывали вслухъ свои мечты, все болѣе великія и все менѣе ясныя...

Владекъ слушалъ сначала съ любопытствомъ, а потомъ все съ большимъ нетерпѣніемъ.

— Комедіантка! — думалъ онъ съ ироніей.

И онъ былъ увѣренъ, что Янка только для него показываетъ ему эти павлиньи перья увлеченія и энтузіазмъ, чтобы поразить его... Онъ не отвѣчалъ и не перебивалъ ее, такъ какъ это въ концѣ-концовъ на-

чинало становиться скучнымъ; свое личное счастье онъ опредѣлялъ словами: «кабакъ, деньги и дѣвки».

— Немного сентиментальна эта роль Маріи...—добавила Янка, послѣ довольно продолжительнаго молчанія.

Мнѣ она кажется только лиричной.

— Вотъ, хотѣлось бы мнѣ когда-нибудь играть Офелію.

— Вы знаете «Гамлета»?

— Послѣдніе два года я читала только драмы и мечтала о сценѣ, — отвѣтила она просто.

— Право, такое увлеченіе достойно поклоненія.

— Надо помочь ему только... выбиться...

— Если бы я могъ... Повѣрьте мнѣ, я всѣмъ сердцемъ жажду видѣть васъ на вершинѣ...

— Я вѣрю вамъ, — отвѣтила она тихо. За «Робина» большое спасибо.

— Не выписать ли вамъ роль?

— Я сама выпишу; это доставитъ мнѣ даже удовольствіе.

— Когда будете разучивать роль, если вамъ будетъ угодно, могу суфлировать.

— Это отниметъ у васъ много времени...

— Оставьте мнѣ ежедневно нѣсколько часовъ на представленіе, а остальнымъ моимъ временемъ прошу васъ распоряжайтесь, какъ вамъ заблагоразсудится,— сказалъ онъ съ увлеченіемъ.

Нѣсколько минутъ смотрѣли другъ на друга.

Янка подала ему руку; онъ задержалъ ее и долго цѣловалъ.

— Съ завтрашняго дня я начинаю учить; день у меня свободный.

— А я буду дѣлать указанія.

Онъ вышелъ; былъ золъ на себя, такъ какъ хотя и назвалъ ее «комедіанткой», но она обезкуражила его своей простотой и энтузіазмомъ; кромѣ того, онъ чувствовалъ въ ней умственное артистичное превосходство...

Онъ шелъ и насмѣшливо улыбался, припоминая себѣ ея слова; но нравилась она ему до безумія.

Янка лихорадочно принялась за «Робина».

Черезъ нѣсколько дней она знала наизусть не только свою роль, но и всю пьесу. Она такъ разохотилась играть эту роль, словно отъ этого представленія зависѣла вся жизнь. Прежнія мечты ея, временно подавленныя нуждой и лихорадочной жизнью театра, снова вспыхнули огнемъ, который ослѣплялъ ее и гипнотизировалъ. Театръ опять разросся въ ней такъ величественно, что въ ея сознаніи не было уже мѣста ни для чего иного; въ часы экстаза театръ казался ей таинственнымъ алтаремъ, высоко воздвигнутымъ надъ буднями жизни, съ неугасающимъ на немъ пламенемъ, подобно кусту Моисея; театръ былъ въ ея глазахъ вѣчнымъ чудомъ.

Владекъ ежедневно между репетиціей и представленіемъ приходилъ къ ней, хотя ему страшно надоѣли эти вѣчныя повторенія и раздражало то, что благодаря тому, что она такъ безумно отдается искусству, онъ совсѣмъ не можетъ обратить на себя ея вниманіе и пробиться со своей любовію черезъ этотъ болѣзненный энтузіазмъ; но все-таки продолжалъ ходить.

Онъ начиналъ все сильнѣе добиваться ея любви. Его возбуждали ея наивность и талантъ, который онъ чувствовалъ, да и кромѣ того, онъ давно хотѣлъ имѣть такую шикарную, образованную любовницу. Его грубая, чувственная натура уже заранѣе любовалась побѣдой.

Онъ непремѣнно хотѣлъ обладать этой оригинальной дѣвушкой, которая такъ сильно отличалась отъ его прежнихъ любовницъ и такъ возбуждала своимъ превосходствомъ; тріумфъ этотъ былъ бы тѣмъ полнѣе, что она напоминала ему одну изъ тѣхъ дамъ большого свѣта, на которыхъ онъ смотрѣлъ съ такимъ вожделѣніемъ на Уяздовской аллеѣ.

Она не говорила ему, что любитъ его; но онъ видѣлъ это и все больше запутывалъ ее въ сѣти, сплетенныя изъ улыбокъ, страстныхъ словъ, вздоховъ и преувеличеннаго уваженія.

Для Янки это было самое прекрасное время въ жизни. Къ нуждѣ она относилась презрительно, какъ къ чему-то, что досаждаетъ только временно и скоро пройдетъ.

Совинская, послѣ этихъ частыхъ визитовъ Владека, снова сдѣлалась любезной и посовѣтовала продать часть гардероба, котораго Янка имѣла достаточно; сама даже предложила ей уладить это.

И такъ текла жизнь — только бы поскорѣй дождаться представленія.

Она жила словно въ томительномъ снѣ. Сквозь призму мечтаній міръ снова казался ей свѣтлымъ и люди добрыми.

Она забыла обо всемъ, даже о Глоговскомъ, письмо

отъ котораго, прочитанное наполовину, положила въ ящикъ, рѣшивъ дочитать когда-нибудь въ будущемъ, ибо жила теперь только будущимъ.

Она пряталась отъ настоящаго въ мечтахъ о томъ, что будетъ.

И любила Владека.

Она не понимала, какъ это случилось, только обойтись безъ него не могла; чувствовала себя вполнѣ счастливой и спокойной, когда, прижавшись къ его рукѣ, шла по улицамъ и слушала его низкій, мелодичный голосъ, его признанія...

Взглядъ его бархатисто-мягкихъ, черныхъ глазъ обливалъ ее огнемъ и охватывалъ сладкимъ безсиліемъ...

Онъ привлекалъ ее всѣмъ.

Онъ такъ хорошо выглядѣлъ на сценѣ! съ такимъ увлеченіемъ и лиризмомъ игралъ несчастныхъ любовниковъ въ мелодрамахъ! говорилъ, двигался и даже рисовался съ такимъ оттѣнкомъ простоты!.. Онъ былъ любимцемъ публики, а пресса очень часто не жалѣла для него похвалъ и предсказывала ему прекрасную артистическую будущность.

Ей даже доставляло удовольствіе, когда ему аплодировали. Онъ такъ искусно обращался съ своимъ умственнымъ багажомъ, что считался человѣкомъ образованнымъ, на самомъ же дѣлѣ обладалъ только ловкостью и нахальствомъ варшавскаго уличника; при всемъ этомъ онъ былъ первый, которому она отдалась. Ей казалось, что это связало ихъ навсегда и нераздѣльно.

Это случилось какъ-то само собой, послѣ одной изъ

репетиціи «Робина», въ которой Владекъ замѣнялъ Гаррика.

Послѣ онъ говорилъ, то-есть скорѣе декламировалъ ей о любви съ такой вулканической страстностью и такъ подтушевывалъ паѳосомъ свое чувство, что ее охватило глубокое умиленіе; внезапно расчувствовавшись, она почувствовала въ глазахъ слезы, и жажда безпредѣльнаго счастья появилась въ ея смягченномъ сердцѣ. Вся душа ея жаждала любви.

Она сама не знала, что творится съ нею, не могла противиться очарованію его голоса, и это любовное щебетаніе, горячіе поцѣлуи, страстные взгляды всю ее охватили могучимъ желаніемъ наслажденій.

Она отдалась ему съ слѣпой довѣрчивостью, безъ слова возраженія, но и безсознательно; была просто-напросто загипнотизирована.

Она не могла дать себѣ отчета, что любитъ въ немъ: хорошаго актера, играющаго на ея чувствѣ и энтузіазмѣ, или же человѣка.

Она не думала объ этомъ.

Любила его, потому что любила, потому что онъ дополнялъ собой театръ и искусство, а потому какъ бы дополнялъ и ее самое.

Ей казалось, что его глазами она видитъ дальше и глубже.

Душа ея росла (такъ крестьяне опредѣляютъ извѣстное состояніе развитія у молодежи), а потому помимо отдѣльныхъ плановъ будущей славы она должна была имѣть кое-что и для себя, должна была окрѣпнуть и имѣть опору въ чьемъ-либо сердцѣ, которое было бы въ то же время ступенью для ея подъема.

Она не чувствовала себя одинокой, такъ какъ могла открыть ему свои самыя сокровенныя мысли и мечты, развивать планы будущаго; репетировать съ нимъ разныя героическія роли; онъ былъ какъ бы ея физическимъ дополненіемъ, стаканомъ, въ который она сливала излишекъ своей бурлящей энергіи и грёзъ...

Она погружалась и не исчезала въ немъ, наоборотъ, внутренно поглощала его.

И ни минуты не задумывалась надъ тѣмъ, что отдалась ему! что съ этого времени онъ — ея любовникъ и господинъ, а она — его собственность.

Не раздумывала даже надъ тѣмъ, имѣетъ ли онъ душу; ей было достаточно того, что онъ былъ прекрасенъ, любилъ ее и былъ ей необходимъ.

Въ ея признаніяхъ, любовномъ шопотѣ былъ всегда этотъ нѣкоторый тонъ превосходства. Она говорила съ нимъ всегда; но никогда не спрашивала его мнѣнія и рѣдко слушала его отвѣты.

Владекъ этого не понималъ, но чувствовалъ, и это стѣсняло его, такъ какъ, несмотря на ихъ близкія отношенія, онъ не сумѣлъ быть съ нею по-своему свободнымъ. Это терзало его сердце; но онъ не могъ ничего подѣлать. Обладалъ только ея тѣломъ, а души, а той любви, которая дѣйствительно жертвуетъ жизнью, не боится смерти и готова сдѣлаться подножкой любовника, этого онъ въ ней не чувствовалъ...

Иногда это волновало его, иногда раздражало; но его такъ неудержимо влекло къ ней, что онъ удваивалъ проявленія своей любви, такъ какъ думалъ, что большей дозой сентиментальной лжи, утонченной игрой благо-

родства наконецъ окончательно побѣдитъ ее и совсѣмъ расположитъ въ свою пользу.

Однако это не удавалось.

Янка между тѣмъ понемногу все распродала и, несмотря на это, чувствовала себя довольной. Не разъ была голодна, жаждала чего-то другого; но достаточно ей было быть рядомъ съ нимъ и углубиться въ роль, чтобы забыть все на свѣтѣ.

А постановку «Робина» все откладывали со дня на день,такъ какъ дебютантъ заболѣлъ. Сначала еще надо было поставить что-нибудь другое, потому что дѣла шли все хуже. Янка же ждала... пожираемая нетерпѣніемъ и желаніемъ сразу выбиться надъ толпой товарокъ, подталкиваемая нуждой, которая тогда должна была бы окончиться, да и наконецъ потребностью души, которая родила въ себѣ этотъ образъ Маріи и жаждала освободиться отъ него.

Она не замѣчала даже того, что за кулисами броженіе все увеличивается, что всѣ сговариваются, что почти ежедневно проектируются новыя товарищества и черезъ нѣсколько дней... разлетаются, какъ дымъ.

Кржисевичъ уже нѣсколько разъ деликатно намекалъ ей, что если она желаетъ, то Цѣнишевскій ее сейчасъ же ангажируетъ. Она отказывалась, такъ какъ, помня проектъ режиссера и рѣшивъ ждать его выполненія, знала, что тамъ на нее разсчитываютъ.

Топольскій въ самомъ дѣлѣ организовалъ товарищество; это была еще какъ бы тайна; но ее всѣ знали. Говорили громко, что Мими, Вавржецкій, Пѣсь съ женой и нѣкоторыя изъ младшихъ подписали уже контракты; что Топольскій уже уговаривался относительно

Люблинскаго театра, тогда только что выстроеннаго; всѣмъ было извѣстно, что Котлицкій и еще кто-то другой даютъ ему деньги.

Цабинскій само-собой разумѣется зналъ обо всемъ этомъ и громко издѣвался надъ проектами; онъ зналъ великолѣпно, что всѣхъ тѣхъ, которые уговорились съ Топольскимъ, можетъ и будетъ имѣть — стоитъ имъ только посулить немного больше жалованія; затѣмъ онъ предсказывалъ, что Топольскій не дотянетъ до конца сезона, такъ какъ никакъ не хотѣлъ вѣрить, что ему одолжитъ кто-нибудь денегъ для его затѣи.

— Такихъ дураковъ — нѣтъ уже! — говорилъ онъ громко и увѣренно.

Особенно смѣшной казалась ему эта предполагаемая реформа Топольскаго; онъ называлъ ее просто сумасшествіемъ... Онъ великолѣпно изучилъ нашу публику и зналъ, чего ей нужно.

Топольскій довольно часто устраивалъ у себя вечеринки и приглашалъ на нихъ тѣхъ, кто ему могъ быть впослѣдствіи полезенъ; но пока онъ громко ничего не говорилъ; это дѣлалъ за него Вавржецкій, который интересовался этимъ дѣломъ такъ горячо, словно это было его собственное дѣло, часто донималъ Цабинскаго и дѣлалъ скандалы по части жалованія.

Янка была нѣсколько разъ на этихъ вечеринкахъ Топольскаго; но адски скучала, такъ какъ мужчины обыкновенно играли въ карты, а женщины если не сплетничали и не жаловались, то собирались въ кучу и таинственно шептались, не подпуская къ себѣ Янку, изъ излишней предосторожности: вѣдь она ежедневно ходила къ Цабинскимъ на урокъ.

На послѣдней такой вечеринкѣ Майковская тихо попросила ее остаться дольше, говоря, что потомъ они оба проводятъ ее.

Владекъ тутъ никогда не бывалъ, такъ какъ онъ былъ явнымъ и постояннымъ сторонникомъ Цабинскихъ.

Послѣ того, какъ всѣ ушли, Топольскій сѣлъ противъ Янки и началъ разсказывать о товариществѣ, которое онъ основываетъ.

— Это будетъ образцовый театръ, служеніе настоящему искусству!.. Составъ труппы прекрасенъ, контрактъ заключенъ съ однимъ изъ лучшихъ городовъ, библіотека, костюмы почти готовы... затѣмъ имѣется уже почти все...

— Чего же еще не хватаетъ?..—спросила Янка и тотчасъ же рѣшила просить ангажировать ее.

— Немного денегъ... Пустяки!.. какихъ-нибудь тысячу рублей основного капитала, про запасъ на первый мѣсяцъ...

— Развѣ нельзя достать?..

— Можно... и именно объ этомъ я хочу поговорить съ вами по-товарищески, такъ какъ васъ мы почти считаемъ своей. Мы вамъ дадимъ хорошее жалованіе, сдѣлаемъ дублершей Мели—я знаю, что вы игратъ можете... Вы обладаете: наружностью, голосомъ и темпераментомъ; это все, не считая еще вашу интеллигентность, что нужно для хорошей актрисы.

— Спасибо!.. сердечное спасибо!—воскликнула Янка, просіявъ.

И отъ радости поцѣловала Майковскую, которая по

обыкновенію почти лежала на столѣ и безсмысленно смотрѣла на лампу.

— Но вы должны намъ помочь! — сказалъ Топольскій — послѣ нѣкоторой паузы.

— Я?.. что я могу?.. — спросила она удивленно.

— Очень много!.. если вы захотите только...

— Ну!.. если вы говорите, что могу, то само собой разумѣется, что захочу, потому что вѣдь это не только моя обязанность, но и моя собственная выгода!.. но любопытно, что я могу сдѣлать, любопытно!..

— Здѣсь дѣло въ той тысячѣ рублей... Деньги обѣщаны... но подъ однимъ условіемъ...

— Какимъ? — спросила она съ любопытствомъ.

Топольскій ближе подвинулся къ ней, по-пріятельски взялъ ее за руку и только тогда отвѣтилъ:

— Послушайте! Отъ этого зависитъ не только нашъ театръ, но и ваша артистическая будущность... поэтому буду говорить просто: нѣкто обѣщаетъ дать даже двѣ тысячи, но только лично вамъ, въ противномъ случаѣ онъ заявилъ, что не дастъ...

— Кто же это?.. — спросила она безпокойно.

— Котлицкій!

Янка опустила голову, и въ комнатѣ воцарилось молчаніе. Топольскій съ тревогой смотрѣлъ на нее, а у Майковской на лицѣ играла какая-то неопредѣленная насмѣшливая улыбка.

Янка чуть было не вскрикнула отъ боли, такъ сильно поразило ее это имя и предложеніе, и, рѣшительно поднимаясь черезъ минуту со стула, она отвѣтила:

— Нѣтъ, сударь!.. я не пойду къ Котлицкому... а то, что вы сказали мнѣ, просто-напросто — подлость!..

Только въ одномъ театрѣ люди способны быть до того безнравственными, чтобы подговаривать другихъ дѣлать подлости, умышленно сталкивать на дно торгашества, чтобы самимъ выгадать на этомъ... Вы ошиблись, сударь!.. я еще не пала такъ низко... Мнѣ больно только. что вы хоть одну минуту могли думать, что я соглашусь пойти къ Котлицкому, — къ Котлицкому, который противенъ мнѣ, какъ самое омерзительное пресмыкающееся!?.. — кричала она, забываясь.

— Послушайте! Поговоримъ хладнокровно.

— Вы смѣете еще говорить мнѣ: поговоримъ хладнокровно?!.

— Я долженъ, такъ какъ вы еще не вполнѣ освѣдомлены; вамъ кажется, что то, о чемъ я прошу, низко, грязно и безчестно...

— Да, что же оно, Боже милосердный?! — воскликнула она удивленно.

— Не будемъ разыгрывать комедій, играть въ прятки; посмотрѣвъ на дѣло трезво, мы увидимъ, что это самая простая вещь... О чемъ я прошу васъ?.. чтобы вы пошли къ Котлицкому за деньгами, которыя лягутъ фундаментомъ нашего общаго будущаго... за деньгами, которыя создадутъ намъ театръ и безъ которыхъ всѣ мы не можемъ тронуться изъ Варшавы. Что же въ этомъ дурного?.. что дурного въ томъ, что вы почти всѣхъ насъ осчастливите?..

— Какъ? вы не видите ничего дурного въ томъ, чтобы я, женщина, одна шла въ квартиру мужчины?.. И за что дастъ онъ мнѣ эту тысячу или двѣ тысячи рублей?..

— Когда вы жили съ Глоговскимъ, никто не видѣлъ въ этомъ ничего дурного; за то, что живете теперь

съ Владекомъ, упрекаетъ ли васъ кто-нибудь?.. Да, наконецъ, какой же это позоръ?.. Всѣ мы живемъ такъ и развѣ дѣлаемъ однѣ только подлости?.. Нѣтъ!.. Такъ какъ это — вещь второстепенная; въ мозгахъ нашихъ имѣется нѣчто поважнѣе: искусство!

— Нѣтъ, не пойду... — отвѣтила она тихо, подавленная тѣмъ, что всѣмъ извѣстны ея отношенія къ Владеку.

Она продолжала слушать Топольскаго, уже почти ничего не слыша и не понимая. Онъ принялся убѣждать ее, просить, объяснять, что вѣдь всѣ они посвящаютъ свою жизнь театру, что отказомъ своимъ она утверждаетъ смертный приговоръ цѣлому товариществу, что они разсчитывали на нее, что будутъ благодарны ей до смерти, такъ какъ жертвой своей она обезпечитъ существованіе столькимъ десяткамъ людей; что театръ этотъ будетъ всегда связанъ съ ея именемъ. Онъ хотѣлъ во что бы то ни стало сломить это упорство, которое было ему непонятно; но Янка оставалась непоколебимой.

— Если бы отъ этого зависѣла моя жизнь, я не пошла бы.... предпочла бы умереть!..

— Тогда—имѣю честь!—сказалъ ей со злостью Топольскій.

Янка смотрѣла на него и хотѣла еще объяснить что-то, но Майковская накинула ей на плечи накидку, грубо насадила на голову шляпу и, осыпая ее градомъ ругательствъ, распахнула настежь двери.

Янка какъ автоматъ не сопротивлялась и какъ автоматъ спустилась по лѣстницѣ и пошла по улицѣ домой.

Она сожалѣла объ этой труппѣ, о тѣхъ видахъ, которые имѣла на нее и которые должны были исчезнуть послѣ разрыва съ Топольскимъ; но становилось ужасно стыдно при мысли, что они считаютъ ее такой — послѣдней, разъ осмѣливаются дѣлать такія предложенія и надѣяться, что она ихъ приметъ...

Ночью снились ей то Котлицкій, то Владекъ, то театръ... Она слышала, какъ всѣ осуждаютъ ее и ругаютъ, какъ за ней гонится толпа какихъ-то людей въ лохмотьяхъ и съ проклятьями, съ ненавистью въ глазахъ хотятъ схватить ея и бить... Въ этихъ едва очерченныхъ лицахъ она узнала Мелю, Топольскаго, Мими, Вавржецкаго...

То опять снилось ей, что идетъ она по улицѣ и всѣ какъ-то странно смотрятъ на нее, такъ страшно, что предпочла бы лучше провалиться сквозь землю, только бы не видѣть этихъ взглядовъ, но нѣтъ силъ даже пошевельнуться, и толпа эта медленно движется вокругъ нея, а Топольскій стоитъ и насмѣшливо и такъ громко, что всѣ отворачиваются, говоритъ:

— Смотрите!.. она жила съ Глоговскимъ, а теперь — любовница Владека!

Не могла вынести этого: крикнула во снѣ со страху, такъ какъ увидѣла, что идетъ отецъ подъ руку съ Кренской и, указывая на нее, говоритъ:

— Она жила съ Глоговскимъ, а теперь — любовница Владека!...

— О, Господи! — шептала она, мучаясь въ этомъ тяжеломъ снѣ. — О, Господи!

А количество знакомыхъ лицъ росло: ксендзъ изъ

Буковицъ, пансіонерки, подруги, Гржесикевичъ — всѣ поспѣшно проходили около нея и смотрѣли на нее съ той страшной улыбкой, которая прокалывала ее какъ остріемъ ножа и хлестала какъ кнутомъ...

Проснулась, заплаканная и смертельно-утомленная.

Владекъ пришелъ еще до репетиціи.

Первый разъ она сама бросилась ему въ объятья.

— Всѣ знаютъ!.. — прошептала она, пряча лицо на его груди.

Онъ сообразилъ, въ чемъ дѣло.

— Ну такъ что жъ... преступленіе, что ли?! — отвѣтилъ онъ.

И сѣлъ нахмуренный, потиралъ колѣно и сердитый ерзалъ на стулѣ.

Янка замѣтила его настроеніе и, забывъ о себѣ, спросила:

— Что съ тобой?.. ты боленъ?..

— Ничего мнѣ не дѣлается... долженъ кое-кому нѣсколько рублей, а отдать не могу... Не могу сказать матери, совсѣмъ доконалъ бы ее... снова болѣетъ!.. Цабинскій давать ничего не хочетъ и хоть тресни...

Онъ лгалъ, какъ ни въ чемъ не бывало; онъ игралъ всю ночь напролетъ и проигралъ все.

Янка вспомнила о своемъ еще не уплаченномъ долгѣ Глоговскому, а потому, не долго думая, сняла золотые часы съ такой же цѣпочкой и положила передъ нимъ.

— Денегъ у меня нѣтъ. Заложи это и заплати свой долгъ, что останется, принеси мнѣ, я тоже безъ копейки — сказала она сердечно.

— Нѣтъ, никогда! Что — опять!.. Мнѣ вовсе не нуж-

— но... но, дитя мое!.. — отказывался изъ вѣжливости Владекъ.

— Возьми, прошу тебя... Если ты любишь меня, то возьмешь...

Владекъ еще упирался немного; но тутъ же подумалъ, что, имѣя деньги, могъ бы отыграться.

— Нѣтъ!.. на что это похоже! — шепталъ онъ, защищаясь все слабѣе.

— Ступай сейсасъ же, а на обратномъ пути зайди, — пойдемъ вмѣстѣ завтракать.

Владекъ поцѣловалъ ее, притворяясь сконфуженымъ, пробормоталъ что-то о благодарности и т. д., но часы взялъ и пошелъ ихъ закладывать.

Вернулся онъ скоро, принеся тридцать рублей, изъ которыхъ двадцат сейчасъ же занялъ у нея и хотѣлъ даже выдать ей расписку. Янка такъ разсердилась, что онъ принужденъ былъ извиниться, и они отправились завтракать.

Они жили почти вмѣстѣ. Въ театрѣ знали объ ихъ связи; но на такія обыкновенныя вещи никто не обращалъ вниманія.

Только одна Совинская иногда донимала Янку полунамеками за легкомысленность и, хотя недавно восхваляла ей Владека, теперь говорила о немъ мерзости... Ей доставляло огромное наслажденіе мучить такимъ образомъ Янку.

Такъ она мстила за сына.

Наконецъ были назначены репетиціи «Робина».

Эту новость принесъ Янкѣ Владекъ, такъ какъ сама она уже въ теченіе нѣсколькихъ дней совсѣмъ не выходила изъ дому, чувствуя себя нездоровой. На нее напа-

дала то какая-то сонливость — до тошноты, то несносныя боли спинного хребта; иногда овладѣвало чувство апатіи и безсилія, хотѣлось плакать и не двигаться съ кровати — лежала цѣлыми днями, устремивъ глаза въ потолокъ. Въ головѣ шумѣло, и мучила такая жажда, которую ничѣмъ не могла унять; но когда она узнала, что наконецъ-то будетъ играть, сразу почувствовала себя здоровой и сильной.

Съ тревогой въ сердцѣ отправилась на репетицію, но увидавъ будущаго Гаррика, быстро овладѣла собой. Дебютантъ этотъ былъ худой, мѣшковатый юноша; не выговаривалъ буквы л, ходилъ какъ утка, но, благодаря тому, что приходился двоюроднымъ братомъ одного изъ вліятельныхъ журналистовъ, который и тянулъ его, на театръ смотрѣлъ свысока и обращался со всѣми снисходительно. Всѣ осторожно издѣвались надъ нимъ въ глаза и громко смѣялись за спиной.

На репетицію, словно сговорившись, собрались всѣ въ полномъ комплектѣ.

Какъ только Янка вышла на сцену, Майковская высокомѣрно скрылась за кулисами, Топольскій же даже не кивнулъ ей головой.

Она поняла, что съ ними полный разрывъ; но не имѣла времени раздумывать, такъ какъ сейчасъ же началась репетиція. Хотя Янка рѣшила себѣ только намѣтить систему игры, но не могла удержаться, чтобы нѣсколькими широкими штрихами не обрисовать роли.

Сильно раздражало ее то, что всѣ смотрятъ на нее, что отовсюду чувствуетъ устремленные на себя взгляды; ей казалось, что у всѣхъ въ глазахъ насмѣшки, на губахъ язвительныя улыбки, а потому минутами

нервничала и играла со всѣмъ темпераментомъ, а затѣмъ вдругъ снова говорила черезчуръ тихо.

Майковская шикала и смѣялась, громко высказывая Жарнецкой свое мнѣніе о ея игрѣ. Топольскій нѣсколько разъ возвращалъ ее къ выходу, такъ какъ она нервничая скверно входила на сцену.

Янка знала, къ чему все это клонится, а потому не принимала близко къ сердцу ни насмѣшекъ, ни педантичныхъ замѣчаній режиссера. Продолжала играть; роль выходила неровной; но сильной.

Сдѣлалось вдругъ необыкновенно тихо; никто не смѣялся и не дурачился.

Сценаріусъ ходилъ изъ кулисы въ кулису и, потирая руки, бормоталъ:

— Хорошо, но мало паѳоса, мало!..

— Вѣдь она кричитъ уже, а не говоритъ! — насмѣшливо замѣтила ему Майковская.

— А вы!.. развѣ съ вами не дѣлается на сценѣ конвульсіи и никто вѣдь изъ вѣжливости не упрекаетъ васъ за это — отвѣтилъ за друга Станиславскій.

— Не такъ!.. Что вы — флюгеръ, что ли?.. кто же размахиваетъ такъ руками? — кричалъ режиссеръ.

— Не сбивайте ее, вѣдь это первая репетиція! — крикнула изъ креселъ Цабинская.

— Ходите по сценѣ, какъ гусь! — снова бросилъ взволнованный Топольскій.

— Она хороша; но въ прачешную! — прошипѣла Меля.

Несмотря на все это, хотя Янка и чувствовала подъ вѣками слезы злости, она продолжала играть, не давала сбить себя и ни на минуту не теряла присутствія духа.

Когда она кончила, Цабинская гордо поцѣловала ее и громко, такъ, чтобы могла слышать Майковская, принялась ее расхваливать.

— Поздравляю; вы будете отлично играть эту роль.

— Обработайте получше детали — совѣтовалъ ей Станиславскій.

— Вѣдь это только репетиція!.. въ цѣломъ — образъ готовъ у меня въ умѣ...

— Наконецъ-то будетъ у насъ настоящая героиня и по красотѣ, и по таланту! — воскликнула громко Росинская.

Майковская съ бѣшенствомъ взглянула на нее; но ничего не отвѣтила.

Янка чувствовала себя такой веселой и доброй, что готова была всѣхъ расцѣловать.

Черезъ два дня долженъ былъ состояться спектакль.

Это время казалось Янкѣ однимъ сплошнымъ сіяніемъ, въ которое она погружалась съ наслажденіемъ. И казалось ей тогда, что она вполнѣ счастлива.

— Наконецъ-то! наконецъ!.. — шептала она съ упоеніемъ. Кончится нужда, кончатся униженія.

Она думала, что сейчасъ же ей дадутъ нѣкоторыя роли. Давала волю своему воображенію и видѣла себя уже на вершинѣ чего-то. Была уже въ этой обѣтованной землѣ возвышенныхъ чувствъ, о которой мечтала ежедневно; была уже въ томъ мірѣ, который представлялся ей раемъ богатырскихъ образовъ, сверхчеловѣческихъ чувствъ, ослѣпительной красоты, тамъ, гдѣ была полная гармонія грезъ и дѣйствительности.

Съ сожалѣніемъ улыбалась она этимъ тяжелымъ днямъ, словно прощалась съ ними навсегда. Все, даже

Владекъ, какъ-то поблѣднѣло въ ея загипнотизированныхъ глазахъ.

Тысячу разъ повторяла она эту роль Маріи. Цѣлыми часами просиживала передъ зеркаломъ, упражняясь въ мимикѣ, и почти дрожала отъ нетерпѣнія.

Сквозь сонъ садилась вдругъ ночью на кровати и смотрѣла; видѣла полный театръ, представителей печати... казалось, слышала тихіе голоса публики, видѣла блескъ взглядовъ и то, какъ выходитъ на сцену и играетъ... Въ полубезпамятствѣ повторяла она слова роли, воспламенялась, съ увлеченіемъ декламируя, а потомъ, погружаясь въ болѣе крѣпкій сонъ, улыбалась сквозь слезы счастья, такъ какъ слышала отчетливо этотъ знакомый потрясающій гулъ аплодисментовъ и криковъ:

— Орловская! Орловская...

И съ этой улыбкой засыпала и просыпалась для новыхъ грезъ.

Она продала все, что могла, чтобы только одѣться соотвѣтственно роли. Съ довольнымъ смѣхомъ прогоняла отъ себя Владека; онъ мѣшалъ ей.

Въ день, столь рѣшительный, важный для Янки, передъ генеральной репетиціей, Цабинскій отнялъ у нея роль и отдалъ Майковской.

Интриги и зависть сдѣлали свое.

Цабинскій сдался, такъ какъ Топольскій пригрозилъ ему, что съ половиной артистовъ тотчасъ же выйдетъ изъ состава труппы, если онъ не отниметъ у Янки роли и не дастъ ее Майковской.

Это была месть за Котлицкаго.

Янка почти лишилась сознанія, ударъ былъ въ са-

мое сердце; зашаталась, чувствуя, что театръ начинаетъ кружиться и летитъ съ нею вмѣстѣ въ какую-то черную пропасть... Взглядомъ невыразимой боли окинула всѣхъ, словно ища поддержки, но у большинства на лицахъ была улыбка удовольствія при видѣ такого ловкаго номера и животная радость критиковъ, душащихъ талантъ. Издѣвались взглядами надъ побѣжденной: догадки, грубыя насмѣшки раздавались со всѣхъ сторонъ и обрушивались на ея пораженную непредвидѣннымъ ударомъ душу. Послышался грубый смѣхъ, подхлестывающій ее какъ бичомъ, и вся людская подлость радости чужому страданію нашла тутъ свою пристань.

А она стояла неподвижная, не находя словъ, съ той ужасной болью сердца, въ которомъ какъ бы рвутся всѣ артеріи и заливаютъ его кровью отчаянья.

Но все-таки собралась съ силами и спросила:

— Почему не могу играть я?

— Ну не можете и баста! — коротко отвѣтилъ Цабинскій.

И тотчасъ же улепетнулъ, боясь сцены, да и ее было немного жалко.

Янка осталась въ кулисахъ съ тяжелымъ, терзающимъ чувствомъ разочарованія. Почувствовала такую пустоту и одиночество; минутами казалось, что она совсѣмъ одна на свѣтѣ и что что-то придавило ее страшной тяжестью и душитъ; что гибнетъ въ какихъ-то глубинахъ, стремительно катится по наклонности на самое дно, гдѣ глухо шумитъ какая-то сѣровато-зеленая вода...

Мысли блуждали, и тяжесть на сердцѣ заливала

глаза слезами безнадежности. Пошла въ уборную и тамъ забилась въ самый темный уголъ.

Мечты разсѣялись; чудные лучи тонули во мглѣ отдаленія, очаровательные образы какъ издырявленныя лохмотья висѣли въ ея мозгу и душѣ.

Ее всю охватила эта какая-то безцвѣтность, истекающая отъ этихъ грязныхъ стѣнъ и декорацій, отъ этой безцвѣтной толпы жалкихъ насмѣшниковъ.

Она почувствовала себя такой измученной, разбитой и неспособной ни къ чему, что направилась въ садъ искать Владека, чтобы тотъ проводилъ ее домой, такъ какъ она была совсѣмъ безъ силъ...

Не нашла его; онъ ушелъ раньше; она вернулась въ уборную и сидѣла тамъ, ни о чемъ не думая.

— Берегитесь мечтать!.. берегитесь воды!.. — шептала она, съ трудомъ припоминая, кто говорилъ ей это.

И вдругъ поблѣднѣла и отшатнулась назадъ, такъ какъ въ мозгу у нея поднялся такой хаосъ, что, казалось, сойдетъ съ ума...

Сидѣла долго, ничего не соображая, и плакала. Плакала, такъ какъ не могла сдержаться, а, пріійдя въ себя, сразу припомнила себѣ всѣ свои страданія и разочарованія.

Наконецъ, измученная, убаюканная тишиной, которая воцарилась въ театрѣ послѣ окончанія репетиціи, заснула.

Разбудила ее Росинская, которая пришла нынче раньше, такъ какъ начинала пьесу; увидѣвъ спящую, она почувствовала къ ней сострадание; въ ней зашевелились остатки затертой театральной жизнью женственности при видѣ этого блѣднаго, изнуреннаго

нуждой и притѣсненіями лица.

— M-lle Янка! — шепнула она мягко.

Янка вскочила и нервно принялась утирать слѣды слезъ на лицѣ.

— Вы не видѣли Нѣдзѣльскаго?—спросила она Росинскую.

— Нѣтъ! Бѣдный ребенокъ! вотъ подстроили вамъ! но не слѣдуетъ принимать этого такъ близко къ сердцу... Хотите быть артисткой, такъ должны многое выстрадать... Милая моя, не такія вещи переносила я и переношу теперь. Если станешь принимать такъ близко къ сердцу всѣ горести, волноваться изъ-за каждой сплетни, которую выдумаютъ про тебя, и плакать послѣ каждой интриги, которой опутаютъ тебя, то ни слезъ, ни глазъ, ни силъ не хватитъ... Трудно; впрочемъ въ театрѣ и должно быть такъ! Ничего не потеряно!.. одно разочарованіе, зато и одною увѣренностью въ своихъ силахъ больше.

— Можетъ быть они правы?.. Видно, я совсѣмъ не имѣю таланта, если Цабинскій отнялъ у меня роль...

— Какъ вы наивны, а еще актриса! Именно потому, что онъ имѣется у васъ, подстроили вамъ этотъ номеръ... Я слышала, что на первой репетиціи говорилъ двоюродный братъ этого дилетанта.

— На что мнѣ все это, разъ я не могу играть и мнѣ не на что жить?

— Это все продѣлки Майковской. Она заставила Цабинскаго отнять у васъ роль...

— Я знаю, она сердита на меня; но чтобы сейчасъ же мстить такъ безчеловѣчно!..

— О, вы не знаете ее... Мнѣ неизвѣстна причина

вашей ссоры; но знаю я одно, что какъ только она увидѣла васъ на первой репетиціи — то тутъ же испугалась, что при васъ можетъ сойти на второй планъ, и начала копать яму. Я видѣла, какъ она увивалась вокругъ этого дебютанта, какъ подъѣзжала къ его двоюродному брату и Цабинскому, какъ цѣловала директоршѣ руки! сама видѣла!.. Слыханное ли это дѣло, чтобы такъ унижаться?.. Но своего добилась. Ужъ она такъ загрызла не одну. О, вы не знаете, что я, актриса съ положеніемъ и большимъ репертуаромъ, должна терпѣть изъ-за нея... О, это — бѣшеная вѣдьма! Вы не могли ничего замѣтить, такъ какъ это обдѣлывалось такъ тихо, что кромѣ меня никто вѣрно ничего не видѣлъ. Такая... всегда имѣетъ счастье!.. Но подождите, ужъ я ей устрою сегодня; расплачусь съ ней за обѣихъ!..

Уборная понемногу стала наполняться актрисами, шумомъ, запахомъ пудры и красокъ, разогрѣваемыхъ на свѣчахъ. Начинали одѣваться.

Подъ конецъ пришла Майковская, сіяющая, торжествующая съ букетомъ въ рукахъ и розами у корсажа и, увидавъ сидящую рядомъ съ Росинской Янку, сразу сдѣлалась мрачной.

— Мнѣ кажется, что это уборная не для хористокъ! — произнесла она со злостью.

— Скверно, кажется, пантомимная артистка, — отвѣтила Росинская.

— Не вамъ говорю.

— Но я отвѣчаю. Останьтесь, прошу васъ — обернулась она къ Янкѣ, намѣревавшейся уходить.

— Прошу васъ не задѣвать меня... Стану я одѣваться со всякими коровами...

— Подождите! получите отдѣльный номеръ съ кафтаномъ и другимъ великолѣпіемъ; не миновать вамъ этого.

— Молчать! сорокалѣтняя наивность.

— Засѣчешься до моихъ лѣтъ, героическая калѣка.

— На сценѣ выглядитъ какъ мокрая курица и еще будетъ здѣсь возвышать голосъ.

Уборная тряслась со смѣху, а онѣ ссорились все болѣе грубо, ни на минуту не прерывая гримировки и поспѣшнаго одѣванія.

Янка молча смотрѣла на эту ссору. Она уже почти не чувствовала злобы на Мелю за роль, чувствовала только какую-то физическую брезгливость къ ея особѣ. Казалась ей такой грязной, подлой и такъ не похожей на человѣка, что даже голосъ ея звучалъ какъ-то омерзительно.

Только, когда началось представленіе «Доктора Робина», она пошла въ кулисы посмотрѣть на свою роль. Нельзя описать ту мучительную боль, которая терзала ея душу, когда увидѣла Майковскую — Марію на сценѣ. Чувствовала, что каждое ея слово, каждый жестъ, интонація и акцентъ сверлитъ ей мозгъ и разрываетъ сердце.

— Мое! мое! — шептала она, будучи не въ силахъ сладить съ собой. — Мое! — И она то пожирала Мелю глазами, то снова закрывала ихъ, чтобы уже ничего не видѣть и не терзать души воспоминаніями. — Злодѣйка! — шепнула она наконецъ такъ громко, что Майковская даже вздрогнула на сценѣ.

Росинская сидѣла на другой сторонѣ сцены за кулисами; какъ только Майковская вышла на сцену, сейчасъ же началась сцена на сценѣ, такъ какъ каждое слово Мели она повторяла вполголоса съ фальшивой интонаціей, громко смѣялась надъ ея игрой, издѣвалась, передразнивала комично ея движенія — это была настоящая травля...

Майковская сначала не обращала на это вниманія, но потомъ не могла уже удержаться, чтобы не смотрѣть за кулисы и не слушать насмѣшки и передразниванія. Она начала мѣшаться и забывать: минутами не слышала суфлера и останавливалась на половинѣ слова, а Росинская все сильнѣе добивала ее.

Майковская бѣсилась отъ безсильной злобы; но играла скверно и чувствовала это, бросаясь по сценѣ, какъ безумная. Во всѣхъ кулисахъ видѣла она насмѣшливыя лица, даже Добикъ въ своей будкѣ затыкалъ себѣ ротъ, такъ смѣшила его эта травля — все это отнимало у нея послѣднее самообладаніе.

Не успѣвъ сойти со сцены, она набросилась съ кулаками на Росинскую.

Произошелъ такой скандалъ, что мужчины должны были растаскивать ихъ, такъ какъ онѣ чуть не повыдирали себѣ косъ.

Майковская, силой отведенная въ уборную, почти обезумѣла, и отъ злости съ ней сдѣлалась страшная истерика. Била зеркала, рвала платья и такъ бросалась во всѣ стороны, что должны были вызвать доктора и связать ей руки и ноги.

Цабинскій въ отчаяньи рвалъ на себѣ остатки во-

лось; а актеры въ уборныхъ только смѣялись и радовались...

Въ серединѣ пьесы пришлось опустить занавѣсъ, и Топольскій, почти синій отъ гнѣва, объявилъ:

— Уважаемая публика! По причинѣ внезапной и сильной болѣзни панны Майковской «Докторъ Робинъ» окончень быть не можетъ. Сію же минуту начнется, согласно объявленію въ афишѣ, слѣдующая пьеса.

Янкѣ, несмотря на удовлетвореніе, которое она должна была бы чувствовать при такомъ фіаско своей непріятельницы, стало жалко ее, когда увидѣла ее больною и безсознанія. Она еще не была настолько актрисой, чтобы оставаться безстрастной, и пошла къ ней; но, увидѣвъ въ кабинетѣ доктора и Цабинскаго, ссорящагося съ Росинской, быстро вернулась назадъ.

Росинская, Вольская и Мировская, всѣ вмѣстѣ заявили Цабинскому, что если Майковская останется въ труппѣ, ихъ завтра же не будетъ...

Цабинскій бросился удирать; но опять наткнулся на Станиславскаго и Кржикевича, которые заявили ему то же, добавляя, что не будутъ ни одного дня дольше въ товариществѣ, въ которомъ происходятъ подобные публичные скандалы...

Директоръ чуть съ ума не сошелъ, такъ какъ былъ совсѣмъ не приготовленъ ни къ чему подобному; выкручивался, какъ могъ, каждому давалъ въ кассу квитанціи, а, увидѣвъ Янку, воскликнулъ громко, желая хоть чѣмъ-нибудь смягчить свой поступокъ:

— Если хотите получить квитанцію въ кассу, то берите, а то ухожу сейчасъ...

Она попросила пять рублей; Цабинскій даже не поморщился, выдалъ квитанцію и побѣжалъ къ Пепѣ; но по дорогѣ на него опять напали вышеупомянутый дебютантъ со своимъ двоюроднымъ братомъ, а за кулисами начинало дѣлаться такъ шумно, что даже публика начала безпокойно прислушиваться.

Представлеиіе кончилось при гробовой тишинѣ публики; не раздалось ни одного аплодисмента!..

Янка, отходя съ деньгами отъ кассы, встрѣтила медленно ковыляющую Нѣдзѣльскую.

Остановилась и хотѣла поздороваться съ ней; но Нѣдзѣльская грозно на нее посмотрѣла:

— Тебѣ чего, ты, ты!..

Старуха сильно закашлялась, погрозила ей палкой, на которую опиралась, и поплелась дальше.

Янка машинально оглянулась — въ надеждѣ увидать гдѣ-нибудь Владека, но онъ повидимому исчезъ уже, она не видѣла его съ утра.

Онъ нарочно избѣгалъ ее, такъ какъ окончательно пришелъ къ заключенію, что лучше имѣть дѣло съ женщинами обыкновенными: не нужно стѣсняться, притворяться и вѣчно со всѣмъ считаться.

Кромѣ того, Янка провалилась: попрежнему была только хористкой, а мать угрожала еще лишить его наслѣдства за нее...

Янка еще долго смотрѣла вслѣдъ старухѣ, которая навѣрное отправилась искать сына, и потомъ медленно пошла домой.

X.

Янка была больна и лежала.

Ей казалось, что лежитъ она на днѣ колодца и изъ этой глубины, въ которую ее столкнули, она видитъ только блѣдную лазурь неба, иногда темную ночь, иногда миганіе звѣздъ, а временами какія-то пролетающія крылья бросали ей на глаза тѣнь, такъ что она совсѣмъ переставала видѣть; чувствовала только одно, что это волненіе жизни и ея отзвуки, ея смятеніе, крики, слезы и отчаянье стекаютъ по гладкимъ каменнымъ стѣнамъ и скапливаются въ ея душѣ, и всю ее пронизываютъ безотчетной болью, которую она чувствовала въ каждомъ нервѣ своего существа.

Ей казалось, что она все отдаляется не только отъ жизни, но и отъ грезъ, такъ какъ, всякій разъ когда хотѣла думать, считать, мысленно представить себѣ какой-нибудь образъ или понятіе — все тотчасъ же испарялось у нея изъ мозга, словно сквозь огромныя щели, и чувствовала тогда пустоту и боль одиночества.

Дни ползли такъ медленно, словно были нанизаны на цѣпи вѣковъ; ползли такъ, какъ время ползетъ для потерявшихъ все, даже надежду.

Она увѣдомила дирекцію, что больна; но никто даже не навѣстилъ ее, только Цабинская черезъ Вицека велѣла сказать, что Ядвига скучаетъ по урокамъ, и больше ничего.

Тамъ играютъ, учатся, что-то творятъ, живутъ! Она

лежитъ, погруженная въ апатію, подавленная такъ, что едва осмѣливается думать о томъ, что еще существуетъ, и снова начиналась агонія, не дающая забвенія — смерти.

Она собственно не была больна тѣлесно, такъ какъ у ней ничего не болѣло; но почти умирала отъ внутренняго истощенія.

Ей казалось, что въ теченіе этихъ трехъ мѣсяцевъ театральной жизни она израсходовала весь запасъ силъ и теперь умираетъ отъ голода души, которой больше нечѣмъ жить.

Въ эти долгіе дни, въ эти безконечныя мучительно тихія ночи она размышляла, скорѣй перебирала въ душѣ все и всѣхъ; и это медленное, но вполнѣ опредѣленное уясненіе себѣ окружающаго охватывало ее грызущей тоской.

— На свѣтѣ нѣтъ счастья... — шептала она, и ей казалось тогда, что до сихъ поръ у нея на глазахъ была катаракта, теперь грубо снятая судьбой. Она прозрѣла; но были минуты, когда она жалѣла о прежней слѣпотѣ и хожденіи наощупь.

— Счастья нѣтъ! — говорила она горько, и пессимизмъ, этотъ пессимизмъ женщинъ и страстныхъ натуръ, бунтовщическій и стремительный, всецѣло овладѣвалъ ея душой.

Она видѣла всюду только злобу и подлость.

Какъ въ волшебномъ фонарѣ проходили передъ ней знакомые образы, и она всѣхъ ихъ съ презрѣніемъ сталкивала па дно, не исключая и Владека, который всего только одинъ разъ заглянулъ къ ней и тотчасъ же при-

нялся объясняться; но она нетерпѣливо перебила его и попросила уйти.

Она знала теперь его великолѣпно и съ удивленіемъ видѣла, что никогда не любила его.

— Почему? почему? — спрашивала она себя.

Ей стало стыдно и досадно, что она могла пасть такъ низко, и для кого!

Онъ казался ей теперь такимъ ничтожнымъ и пошлымъ...

Не могла простить себѣ этого.

Страшно мучило ее еще и то, что теперь нельзя уже ничего измѣнить.

— Какой злой рокъ поставилъ его на моей дорогѣ?.. — спрашивала она себя снова.

И даже въ отношении къ самой себѣ чувствовала себя глубоко униженной.

— Я не любила его... — думала она — и ее охватывала дрожь брезгливости и омерзенія.

Онъ дѣлался ей ненавистнымъ. Театръ также сильно палъ въ ея глазахъ въ теченіе этихъ часовъ размышленія.

Она смотрѣла на него сквозь эти его вѣчныя ссоры и закулисныя интриги, сквозь ничтожность его жрецовъ и свои личныя разочарованія.

— Не такимъ онъ мнѣ казался прежде, — сокрушалась она.

Все въ ней какъ-то уменьшалось и сѣрѣло; всюду видѣла она жалкое тряпье, ложь и обманъ... Люди закрывали собой все.

Она не жаждала больше царствовать на сценѣ.

— Что это?.. — шептала она. — Что это?..

И видѣла она пеструю публику, которая совсѣмъ безстрастно отнеслась къ тому, имѣетъ ли искусство какую-нибудь цѣнность или нѣтъ. Приходила развлекаться и хохотать; ей нужны скоморохи и циркъ.

— Что это?.. Комедіанство ради заработка и увеселенія толпы...

Въ сценѣ видѣла она только арену для штукъ клоуновъ и дрессированныхъ обезьянъ.

— О! о!.. — стонала она, больно затронутая этимъ.— Я хотѣла увеселять чернь... а гдѣ же искусство?— спрашивала она себя, всматриваясь въ какую-то безконечную даль. — Что такое настоящее искусство? идеалъ!.. то, чему сотни людей посвящаютъ свою жизнь?.. Что это и гдѣ оно? — снова спрашивала она себя безпокойно, но видѣла, что все это скорѣй только игра, нежели цѣль.

Литература, поэзія, музыка, живопись, всѣ изящныя искусства пронеслись у нея въ мысляхъ, и она не могла отдѣлить ихъ матеріальную сторону отъ чисто артистической.

Она видѣла, что всѣ играютъ, поютъ, творятъ только для того, чтобы развлекать эту огромную, грубую толпу... Ей посвящаютъ жизнь, кровь и мечты; за нее сражаются и страдаютъ, ради нея живутъ и умираютъ...

Она увидѣла въ этой огромной толпѣ Гржесикевичей, Котлицкихъ, меценатовъ, того жестокаго по своей глупости и низменнымъ инстинктамъ господина, который съ полунасмѣшливой и полуласковой улыбкой глядитъ на всю эту массу людей, поющихъ передъ нимъ, рисующихъ, читающихъ, творящихъ и умильно выпрашивающихъ ласки и признанія...

И видѣла она по одну сторону эту сплошную поверхность людской толпы, разлившуюся по низинамъ, медленно зыблющуюся, безъ всякихъ стремленій, а по другую—людей, которые что-то громко говорили, пѣли съ воодушевленіемъ, указывали въ пространство, показывали на звѣзды, хотѣли навести хоть какой-нибудь порядокъ въ этой нестройно колеблющейся толпѣ, прокладывали дороги, умоляли, заклинали; но толпа или смѣялась или глухо поддакивала и оставалась на мѣстѣ, волнуясь и отталкивая этихъ людей назадъ или растаптывая ихъ.

— Что это? Почему?—роняла она тревожные вопросы.—Разъ мы не нужны имъ, то и оставимъ ихъ однихъ, а сами, оставшись въ сторонѣ, будемъ жить только для себя и съ собой,—думала она. Но это все опять такъ перепутывалось у нея въ головѣ, что она не могла даже понять, какъ можно жить безъ всего этого. Отъ мыслей подобнаго рода у нея въ головѣ образовался хаосъ.

Совинская, которая ухаживала за ней съ материнской заботливостью, прервала ея мечты.

— Поѣзжайте-ка домой,—сказала она откровенно.

— Никогда.

— Чего вамъ изводить себя такъ. Отдохнете немного, наберетесь силъ и снова вернетесь въ театръ.

— Нѣтъ,—отвѣтила она тихо.

— Ну вотъ, была здѣсь у меня вчера старая Нѣдзѣльская.

— Вы знакомы съ ней?

— Нѣтъ, но у нея ко мнѣ маленькое дѣльце. Ну и пройдоха же баба!—добавила Совинская.

— Да! немного слишкомъ скупа. Но вообщемъ это достойная уваженія женщина.

— Достойная уваженія, и вы говорите мнѣ еще объ уваженіи къ ней.

— Почему же нѣтъ? — спросила Янка безъ оттѣнка любопытства; какое ей до всего этого дѣло?

— Скажу вамъ одно, она совсѣмъ васъ не любитъ. О! совсѣмъ!

— Странно; вѣдь я же ей ничего дурного не сдѣлала.

Совинская сразу перемѣнилась, со злостью взглянула на Янку и хотѣла рѣзко замѣтить что-то; но, увидавъ, что у нея на лицѣ полное безразличіе, ничего не сказала и вышла.

Янка принялась думать о Буковицахъ.

— У меня нѣтъ дома, — думала она почти безъ горечи. — Свѣтъ для жизни широкъ, — добавила она; но вспоминала слова Гржесикевича объ отцѣ, и что-то въ въ ней какъ бы зашевелилось, заныло...

Безпокойство, не такое, какъ въ предчуствіи чего-то, а то, которое охватываетъ при воспоминаніи о чемъ-то хорошемъ, утраченномъ навсегда, овладѣло ея сердцемъ.

Это было какъ бы страданіе за прошлое, какъ бы тихое воспоминаніе объ умершихъ въ часы раздумія и счетовъ съ самимъ собой.

Однако воспоминаніе о Буковицахъ и тѣхъ ночахъ одиночества, когда она мечтала, забывая обо всемъ, и создавала такіе чудные міры, ярко вспыхнуло у нея въ мозгу. Воспоминанія о плодородной и пышной природѣ, огромныхъ поляхъ яровыхъ хлѣбовъ,

полныхъ шороха и пѣсенъ, величественной красотѣ, зелени и дикости навѣвали на нее меланхолію и убаюкивали чарами ея душу, измученную жизнью и борьбой.

И эти лѣса, въ которыхъ она росла, эти мрачныя чащи, полныя невыразимыхъ чудесъ, эти огромныя деревья, среди которыхъ она чувствовала себя, какъ среди братьевъ, съ которыми была связана тысячами родственныхъ узъ, — рисовались въ ея воображеніи все болѣе и болѣе величественными.

Теперь она тосковала по нихъ; прислушивалась по ночамъ, такъ какъ ей казалось, что слышитъ глухой шумъ осенняго бора, сонный шопотъ вѣтвей, ощущаетъ въ себѣ это медленное, безустанное качаніе громадъ; эти мягкія золотистыя движенія, радостные крики птицъ, запахъ молодыхъ сосновыхъ почекъ и можжевельника; всю эту тихую жизнь природы.

Цѣлыми часами лежала она безъ словъ, безъ мыслей и безъ движеній, такъ какъ душа ея была тамъ, въ тѣхъ зеленыхъ лѣсахъ; она бродила по лужайкамъ, на которыхъ цвѣла дикая малина и деренъ, шла черезъ поля, покрытыя словно лѣсомъ высокой рожью, которая качалась съ тихимъ шумомъ и поблескивала на солнцѣ росой: она продиралась сквозь гущи сосенъ съ тяжелымъ, живительнымъ запахомъ. Она ходила по каждой дорогѣ, просѣкѣ и тропинкѣ и здоровалась со всѣми, говоря и полямъ, и лѣсамъ, и лазури, и горамъ:

— Я — здѣсь! я — здѣсь! — И она улыбалась, словно вновь нашла потерянное счастье.

Эти воспоминанія почти вылѣчили ее.

На восьмой день она встала и, чувствуя себя довольно сильной, пошла гулять. Ей захотѣлось вдругъ свѣ-

жаго воздуха, зелени, непокрытой городской пылью, солнца и великаго, неохватнаго взоромъ простора.

Она чувствовала, что городъ душитъ ее все сильнѣе, что здѣсь на каждомъ шагу она должна ограничивать свое я, быть вѣчно сосредоточенной и зависѣть отъ разнаго рода условностей.

Она шла по сырому песку къ Бѣлянамъ.

Солнце свѣтило ласково и ярко; но отъ воды тянуло пронизывающимъ холодомъ.

Она смотрѣла на рѣку, катящуюся впередъ съ тихимъ журчаніемъ и усѣянную кучками бѣлой пѣны, на силуэты лодокъ, двигающихся по серединѣ. Медленно и всей грудью упивалась она этимъ спокойствіемъ, окружающимъ ее, и чувствовала какъ бы приливъ свѣжихъ силъ.

Она легла на берегу на желтый песокъ и, засмотрѣвшись на сверкающія полосы воды, забыла обо всемъ. Ей казалось, что плыветъ она вмѣстѣ съ теченіемъ: проносятся берега, дома, лѣса, а она все плыветъ въ какую-то безконечную, синеватую даль, словно въ повисшую надъ нею безпредѣльность; ей казалось, что она ничего уже не соображаетъ, только чувствуетъ невыразимое наслажденіе качаться съ волной и что именно это и есть безконечное счастье — отдаваться ласкамъ стихіи безъ какихъ бы то ни было желаній, мыслей; дать похитить себя и унести и засыпать все крѣпче подъ этотъ мѣрный шопотъ волнъ; не жить, не думать — только слегка ощущать краски, благоуханіе, звуки, миганіе звѣздъ, жизнь этихъ деревьевъ, вообще это біеніе жизни матери-земли и безконечности.

Очнулась изъ этого забытія, такъ какъ рядомъ прошелъ какой-то старикъ съ удочкой въ рукѣ.

Проходя мимо, онъ посмотрѣлъ на нее и сѣлъ почти рядомъ, у самаго берега, спокойно забросилъ удочку и ждалъ.

Лицо у него было такое доброе, что у Янки явилось даже желаніе поговорить съ нимъ; она хотѣла было начать уже, но онъ самъ первый обратился къ ней:

— Вы хотите, барышня, прокатиться на ту сторону?

Янка вопросительно посмотрѣла на него.

— Ага! вы не понимаете. Я думалъ, что вы хотите утопиться.

— Я даже и не думала о смерти — отвѣтила Янка тихо.

— Хо! хо! Для рѣки была бы совсѣмъ неожиданная честь!

Онъ поправилъ удочку и замолчалъ, сосредоточивая все свое вниманіе на рыбкахъ, которыя увивались вокругъ приманки и крючка.

Воцарилась еще болѣе глубокая тишина, и душа Янки погрузилась въ наслажденіе покоемъ; она чувствовала, что ее охватываетъ блаженство, что величіе пространства, воды и зелени радуетъ ее и исторгаетъ изъ ея груди гимны благодарности и упоенія существованіемъ, не связаннымъ ни съ какими предметами житейскаго обихода. Она сразу какъ-то выпрямилась и начала жить на-ново.

Старикъ поглядывалъ на нее, и по узкимъ губамъ его змѣилась мягкая усмѣшка.

Янка почувствовала этотъ взглядъ и въ свою очередь посмотрѣла на него. Глаза ихъ встрѣтились, и смотрѣли долго и доброжелательно.

Янку охватило внезапное желаніе высказать ему все.

У этого незнакомца было такое добродушное выраженіе лица, столько ума свѣтилось въ его глазахъ, что онъ всецѣло завладѣлъ ея симпатіей.

Она подвинулась къ нему ближе и сказала:

— Я не думала о смерти.

— Значитъ искали успокоенія?

— Да. Я хотѣла взглянуть на природу и забыть.

— Что?

— Жизнь!—прошептала она глухо, и слезы умиленія засверкали у нея въ глазахъ.

— Вы — дитя, барышня. Конечно, трагично настроило васъ какое-нибудь любовное разочарованіе, амбиція или можетъ быть отсутствіе презрѣннаго металла на обѣдъ?

— И всего этого вмѣстѣ недостаточно, чтобы чувствовать себя очень и очень несчастной?

— И все это вмѣстѣ ничего еще не значитъ, такъ какъ я думаю, что нѣтъ ничего, что могло бы сдѣлать цѣльнаго сознательнаго человѣка несчастнымъ.

— Кто вы? — спросилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія — то-есть чѣмъ занимаетесь?

— Я служу въ театрѣ.

— Ага! міръ комедіантовъ! Притворство, которое потомъ принимаете за настоящее. Химера! Это портитъ человѣческую душу. Самые великіе актеры — это толь-

ко машинки, иногда заведенныя мудрецами, иногда геніями, а большей частью глупостью, обращающейся къ еще большей глупости. Актеры, артисты, творцы! это — только слѣпые инструменты природы, которая пользуется ими для того, чтобы показать себя, и для цѣлей, ей одной извѣстныхъ. Имъ кажется, что они нѣчто самостоятельное — грустное заблужденіе: они только орудіе, которое будетъ уничтожено, когда перестанетъ быть нужнымъ или годнымъ къ употребленію.

— Кто вы? — спросила она почти безсознательно, заинтересованная его словами.

— Какъ вы видите, старый человѣкъ, который любитъ удить рыбу и болтать. О, да, я очень старъ. Лѣтомъ въ хорошую погоду я прихожу сюда ежедневно на нѣсколько часовъ и ловлю рыбокъ, когда онѣ даютъ ловить себя. На что вамъ это? Имя ничего вамъ не объяснитъ. Я только одна единица въ одной цифрѣ съ номеромъ, подъ которымъ она является на свѣтъ и съ которымъ будетъ уходить изъ него. Я — одна каморочка чувства, давно записанная и подведенная ближними подъ рубрику «остолоповъ» — говорилъ онъ, шутливо улыбаясь.

— Вопросомъ я не хотѣла обидѣть васъ.

— Я никогда и ни на что не сержусь. Сердятся только дураки — отвѣтилъ онъ. — Человѣкъ долженъ смотрѣть, созерцать, — добавилъ онъ, снимая съ крючка пескаря.

Янкѣ становилось немного холодно отъ этого важнаго, недопускающаго возраженій разговора.

— Вы изъ Варшавскаго театра? — спросилъ онъ, снова закидывая удочку.

— Нѣтъ! Я изъ труппы Цабинскаго, вы знаете вѣрно?

— Нѣтъ, не знаю, не слышалъ...

— Какъ, вы не слышали ничего о Цабинскомъ и о Тиволи, не читали? — спрашивала она, очень удивленная тѣмъ, что въ Варшавѣ можетъ быть такой человѣкъ, который не знаетъ и не интересуется театромъ.

— Я никогда не хожу въ театръ и не читаю газетъ.

— Да это невозможно!

— Сейчасъ видно, что вамъ двадцать лѣтъ, такъ какъ вы восклицаете: «Невозможно!» и смотрите на меня, какъ на помѣшаннаго или варвара.

— Но, разговаривая съ вами, я даже на минуту не могла допустить, что...

— Что я не интересуюсь театромъ и не читаю газетъ, да, — отвѣтилъ онъ за нее.

— Не могу даже объяснить себѣ, — почему?

— Ибо это меня совсѣмъ не интересуетъ — отвѣтилъ онъ просто.

— Васъ не интересуетъ и вамъ нѣтъ дѣла до того, что творится на свѣтѣ, какъ живутъ, что дѣлаютъ, какъ думаютъ?

— Нѣтъ. Вамъ это кажется преступленіемъ, а это весьма естественно. Развѣ наши Каськи, Бартки и др. занимаются театромъ или дѣлами вселенной? Не правда ли?

— Да вѣдь это мужики, это другое дѣло!

— То же самое; только еще то, что для нихъ не существуетъ вашихъ словъ и величія и имъ совсѣмъ

безразлично, существовали ли какіе-то Ньютонъ и Шекспиръ или нѣтъ. Имъ и безъ того хорошо, хорошо.

Янка молчала, такъ какъ это напоминало ей парадоксы и не очень правильные.

— Что я вынесу изъ вашихъ газетъ и театровъ? Что люди влюбляются, ненавидятъ другъ друга, грызутся, что теперь, какъ и прежде, господство зла и насилія, что свѣтъ и жизнь, это — большая мельница, въ которой растираются мозги и сомнѣнія. Такъ ужъ гораздо выгоднѣе не знать ничего.

— Но въ правѣ ли вы такъ эгоистично устраняться отъ всего?

— Въ этомъ именно мудрость. Ничего для себя не хотѣть, не заботиться ни о чемъ и быть равнодушнымъ, къ этому именно слѣдуетъ стремиться.

— А развѣ возможно достиженіе такого абсолютнаго безчувствія?

— Достигается это житейскимъ опытомъ и размышленіемъ. Запомните, что самое маленькое удовольствіе, минутная радость — обыкновенно обходится намъ дороже, чѣмъ она того стоитъ. Опытный человѣкъ не заплатить тысячу рублей за грушу, такъ какъ это несомнѣнно было бы безуміемъ, да и онъ знаетъ цѣнность тысячи и груши; но изъ своего капитала жизни онъ готовъ на всякую мелочь расходовать тысячи, на любовь, напримѣръ, которая длится ровно столько времени, сколько нужно грушѣ цѣною въ два гроша, чтобы дозрѣть; происходитъ это оттого, что онъ никогда не задумывался надъ цѣнностью своей, можно сказать, безцѣнной жизненной энергіи, не видитъ ничего, какъ

быкъ, которому тореадоръ машетъ передъ глазами краснымъ покрываломъ, и за это ослѣпленіе платится жизнью. Большинство умираетъ по такъ называемой естественной необходимости, какъ лампа, когда выгоритъ керосинъ, благодаря банкротству, израсходованію силъ на глупости, стоящія въ тысячу разъ менѣе одного дня существованія.

— Не хотѣла бы я такой холодной и систематичной жизни безъ безумія, мечты и любви.

— Міръ и безъ любви не превратился бы въ ничто.

— Нѣтъ, тогда лучше покончить съ собой, нежели жить и усыхать, какъ дерево.

— Самоубійство, это — пошлый крикъ страдающаго звѣря, это бунтъ атома противъ міровыхъ законовъ. Надо догорѣть спокойно и безъ остатка — въ этомъ счастье.

— Таково счастье?—спросила она, пронизанная какимъ-то холодомъ.

— Да. Покой есть счастье. Отрицаніе всего, подавленіе въ себѣ страстей, обмановъ и желаній. Это значитъ взять свою душу въ горсть познанія и не допускать ее размѣниваться на глупости.

— Кто же захочетъ жить въ такомъ ярмѣ? какая душа выдержитъ это?

— Душа, это — познаніе.

— Ничего, кромѣ каменнаго равнодушія, покоя! Никогда ничего, предпочитаю просто жить.

— Есть еще одно средство: лучшее лѣкарство отъ страданій мозга, это — расширеніе нашего сердца, сліяніе съ природой...

— Оставимъ, не люблю этого.

Они долго молчали.

Старикъ смотрѣлъ на воду и шопотомъ бормоталъ что-то, а Янка размышляла.

— Все глупости — снова началъ онъ. — Смотрите, хотя бы на воду и удивляйтесь, хватитъ вамъ надолго. Присматривайтесь къ птицамъ, звѣздамъ, стихіямъ; слѣдите за тѣмъ, какъ разрастаются деревья, вслушивайтесь въ вихрь, упивайтесь благоуханіемъ и красками, и всюду найдете неслыханныя, вѣчно существующія чудеса и познаете невыразимыя наслажденія. Этого довольно, чтобы прожить среди людей. Не смотрите только на міръ взглядомъ всякаго пошляка, такъ какъ тогда прекраснѣйшее пѣніе птицъ будетъ казаться крикомъ; роскошные лѣса — годными только на топливо; въ животныхъ будете видѣть только мясо для пищи; въ лугахъ — сѣно; и тогда вмѣсто того, чтобы чувствовать, будете только высчитывать.

— Всѣ таковы.

— Немного такихъ, которые читаютъ по книгѣ природы и въ ней ищутъ пищи для своей души.

Они снова погрузились въ молчаніе.

Солнце пряталось за холмы противоположнаго берега; словно израсходовавъ всю свою теплоту, оно свѣтило все холоднѣе и кровянило воду послѣдними лучами.

Деревья словно сбились въ кучи; казались низкими, но болѣе широкими. Желтый береговый песокъ подернулся сѣрымъ налетомъ сумерекъ. Далекій горизонтъ, казалось, погрузился въ туманъ, поднимающійся къ небу, какъ дымъ догорающаго солнца.

Воцарился еще болѣе глубокій покой и усталостью расползся по землѣ, сонной послѣ дневныхъ трудовъ.

Янка задумалась надъ словами старика, и какая-то тихая, угрюмая грусть наполнила ея сердце, неясный страхъ оцѣпенѣніемъ охватилъ ея душу.

Она поднялась уходить, такъ какъ сильно уже стемнѣло.

— Вы идете?

— Пора, до Варшавы не рукой подать.

— Пойдемте вмѣстѣ.

Старикъ сложилъ удочку, рыбокъ положилъ въ жестянку и быстро зашагалъ рядомъ.

— Я не знаю вашей фамиліи — медленно началъ онъ — это не мое дѣло; но вижу, что должно быть живется вамъ не сладко. Я старый сумасшедшій, какъ говорятъ про меня кумушки; я одинокъ и, примирившись съ судьбой, жду конца... Когда-то и я страдалъ немного, любилъ; но это давно прошло, давно! — шепталъ онъ, какъ бы засматривая съ блѣдной улыбкой воспоминанія въ далекое прошлое. — Самое большое благо для человѣка, это — то, что онъ можетъ забывать, въ противномъ случаѣ онъ не могъ бы жить вовсе. Вамъ до этого нѣтъ дѣла, правда? Я брежу иногда и часто ловлю себя на разговорахъ съ самимъ собой, забываюсь — это старость. У васъ доброе лицо, и какъ человѣкъ опытный я посовѣтую вамъ: всякій разъ, когда будете страдать, разочаруйтесь въ чемъ-нибудь, будетъ больно отъ жизни — бѣгите вонъ изъ города, ступайте въ поля, дышите чистымъ воздухомъ, купайтесь въ солнцѣ, смотрите въ небо, думайте о безконечности и молитесь... и забудете обо всемъ. Почувствуете себя доброй и болѣе сильной. Убожество современныхъ людей — отъ разрыва съ природой и Бо-

гомъ, отъ внутренней уединенности. И еще одно скажу вамъ: прощайте все и имѣйте ко всему состраданіе. Люди злы благодаря глупости, будьте доброй. Самая великая мудрость — доброта. Не истощайте силъ на глупости. Я бываю здѣсь ежедневно, пока тепло. Можетъ быть встрѣтимся еще когда-нибудь. Ну, будьте счастливы! — Онъ кивнулъ на прощаніе головой и улыбнулся.

Янка долго смотрѣла ему вслѣдъ, пока гдѣ-то около костела не скрылся у нея изъ глазъ.

Она протерла себѣ глаза, ей показалось, что это — галлюцинація.

— Нѣтъ! — прошептала она, такъ какъ еще ощущала на лицѣ своемъ этотъ чистый взглядъ спокойной старости, слышала еще его голосъ.

— «Будьте доброй! Молитесь! Прощайте!» — повторяла она, проходя по улицамъ.

— «Прощайте всѣмъ!» — и видѣла она отца, затѣмъ театръ, Цабинскаго, Майковскую, Котлицкаго, m-me Анну, Совинскую и вспомнила дни голодовки и униженія своего человѣческаго достоинства, свои страданія.

— «Будьте доброй!» — и снова видѣла она Мировскую, которая съ улыбкой переносила самыя чувствительныя обиды, которая никогда никому не сдѣлала ничего дурного и была посмѣшищемъ для всей труппы; Вольскую, которая цѣной своей жизни вырывала у смерти ребенка, которую всѣ обманывали и сталкивали внизъ, въ нужду; няню, посвятившую себя чужимъ дѣтямъ; сценаріуса; деревенскихъ мужиковъ, съ которыми обходятся, какъ съ животными; эксплуатируемыхъ ра-

бочихъ; плутовство, обманъ, разбои, о которыхъ она вѣчно слышала и которые были и будутъ всегда. Она чувствовала, что въ ней дрожитъ что-то, кричитъ, рушится, вздувается отъ боли; что всѣ ея несправедливости, всѣ обиды, всѣ слезы, страданія — встаютъ передъ ней, а какой-то медленный голосъ говоритъ.

— Будьте доброй... прощайте всѣмъ... молитесь... а кругомъ въ отвѣтъ раздается лишь кощунственный смѣхъ.

Прійдя домой, она долго не могла успокоиться. Хваталась за голову, такъ все тамъ спуталось, перемѣшалось; не знала, гдѣ правда и гдѣ ложь. Словно въ какомъ-то внезапномъ ясновидѣніи она увидѣла, что добрые и злые страдаютъ одинаково, что всѣ лѣчатся, всѣ кричатъ о какомъ-то избавленіи и жалуются.

— Я сойду съ ума! я сойду съ ума! — шептала она.

Утромъ прибѣжалъ Владекъ. Онъ былъ сегодня такой добрый, такъ цѣловалъ ей руки, что она даже обратила на это вниманіе. Ругалъ Цабинскаго и долго жаловался на мать.

Янка холодно смотрѣла на него и тотчасъ же поняла, что онъ хочетъ одолжить у нея денегъ.

— Купи мнѣ пудры, сегодня я должна уже итти въ театръ.

— Запри эту дверь; я буду одѣваться.

Владекъ охотно поднялся.

Заперъ двери ея комнаты на задвижку, ключъ отъ которой находился у него, и пошелъ.

На улицѣ почти у воротъ встрѣтилъ мецената.

У Владека блеснула какая-то мысль, такъ какъ онъ улыбнулся и вѣжливо подошелъ къ старику.

— Съ добрымъ утромъ, нашъ уважаемый меценатъ

— Съ добрымъ утромъ, какъ живете, хе?

— Благодарю! Я совершенно здоровъ, а вотъ панна Орловская... Директорша поручила мнѣ освѣдомиться о состояніи ея здоровья...

— Что? m-lle Янка больна? Говорили мнѣ что-то за кулисами; я не повѣрилъ, думалъ...

— Больна, и я бѣгу за лѣкарствомъ.

— Ничего опаснаго?..

— О, нѣтъ! Но быть можетъ вы желаете лично убѣдиться?

Меценатъ вдругъ задвигался; но, поправляя очки, скромно заявилъ:

— Правда, хотѣлъ, хотѣлъ не разъ; но она такъ неприступна.

— Ужъ я обдѣлаю вамъ.

— Вы шутите, развѣ это возможно... Хотя моя доброжелательность...

— Можно. Вотъ вамъ ключъ. Приметъ васъ; она говорила мнѣ даже, что съ удовольствіемъ повидала бы у себя знакомыхъ; какъ ни говорите, а въ такомъ одиночествѣ проводить время...

— Но... если...

— Ступайте; коль скоро доступна для меня, то тѣмъ болѣе для васъ, меценатъ. Я вернусь черезъ часъ, посидимъ. — И онъ быстро отошелъ.

Меценатъ протиралъ очки, вертѣлся на одномъ мѣстѣ и еще не могъ рѣшиться войти, когда Владекъ вернулся и воскликнулъ:

— Мой золотой, меценатъ, одолжите пять рублей. Приходится искать Цабинскаго, чтобы далъ денегъ,

а лѣкарство нужно сію минуту. Взялъ на себя непріятную обязанность; но что подѣлаешь... по-товарищески. Вечеромъ отдамъ вамъ... прошу только сохранить втайнѣ и извинить меня...

Меценатъ охотно полѣзъ за бумажникомъ и, протягивая десять рублей, сказалъ:

— Пожалуйста, съ большимъ удовольствіемъ... если потребуется больше, передайте паннѣ Орловской, пусть только словечко вымолвитъ.

Владекъ отошелъ, взявъ деньги и весело посвистывая.

Меценатъ отправился, потихоньку отперъ двери, снялъ въ передней пальто и вошелъ.

Янка причесывалась, на стукъ она не обратила вниманія, такъ какъ думала, что вернулся Владекъ.

Меценатъ уже отъ дверей покашливалъ и съ протянутой рукой подвигался къ Янкѣ.

Она вдругъ оглянулась и поспѣшно накинула на голыя плечи платокъ.

— Панъ Владиславъ говорилъ мнѣ, что вы больны, слѣдовательно было бы грѣшно не навѣстить васъ — проговорилъ онъ быстро, поправляя очки и сладко улыбаясь.

Янка удивленно смотрѣла на него и, почувствовавъ прикосновеніе его холодной и потной руки, покраснѣла, бросилась къ двери, такъ что даже платокъ скользнулъ на землю, открывая ея красивыя плечи, и, энергичнымъ жестомъ распахивая дверь, воскликнула:

— Убирайтесь, сударь!

— Даю вамъ честное слово, и въ мысляхъ не имѣлъ

обидѣть васъ. Право же какъ настоящій другъ пришелъ со словами сочувствія. Такъ Владиславъ...

— Подлецъ!

— Я согласенъ съ вами, но зачѣмъ сердиться на меня и выражать свое возмущеніе такимъ манеромъ, это немного....

Прошу васъ, уходите вонъ, —кричала она, вся трясясь отъ гнѣва.

— Комедіантка! Комедіантка, честное слово, — шепталъ меценатъ, быстро надѣвая пальто, такъ какъ былъ взволнованъ и обиженъ. Со злостью захлопнулъ онъ за собой дверь.

— О жалкій, о!.. и я принадлежала такому человѣку, я!.. ахъ!.. Шакалы; не люди, шакалы! Нельзя никуда толкнуться — всюду болото...

И это возмущеніе было въ ней такъ велико, что она почти кричала сквозь слезы:

— Подлые! подлые! подлые!

Скоро вернулся Владекъ, принесъ пудру, бутылку водки и въ бумагѣ закуску. Смотрѣлъ на Янку и скользилъ глазами по комнатѣ.

— Здѣсь былъ меценатъ! — рѣзко бросила она ему.

Актеръ цинично разсмѣялся и воскликнулъ съ кабацкимъ жаргономъ:

— Нагрѣлъ я его. Устроимъ себѣ небольшую фрайду...

Янка хотѣла было швырнуть ему въ лицо его подлость; но вдругъ съ быстротой молніи съ ея губъ сорвались слова:

— Будьте доброй... прощайте всѣмъ!.. Сдержалась и принялась хохотать—спазматично и долго, упала на

кровать и, катаясь по ней, сквозь истеричный смѣхъ все повторяла:

— Будьте доброй... прощайте... ха! ха! ха!

* * *

Послѣ послѣдняго перерыва снова началась прежняя тяжелая жизнь, еще болѣе отчаянная борьба—уже только изъ-за хлѣба.

Янка какъ и прежде пѣла въ хорѣ, одѣвалась, смотрѣла черезъ занавѣсъ на публику, которой приходило все меньше; такъ же слонялась въ антрактахъ по сценѣ и уборнымъ, слушала любовный шопотъ, музыку, ссоры; но какъ измѣнились теперь ея мысли и чувства, какъ непохожа была она на ту прежнюю Янку.

Въ глазахъ публики она не искала уже воодушевленія и любви къ искусству; она не бросала уже вызывающихъ взглядовъ на первые ряды креселъ, такъ какъ нужда научила ее считать публику со сцены и отсюда приходить къ заключенію о величинѣ аконтъ.

Благодаря голоду научилась она тайкомъ брать изъ реквизиторской хлѣбъ, употребляемый на сценѣ, и потомъ по дорогѣ домой съѣдать его; часто за цѣлый день это было ея единственной пищей. Никто уже не поклонялся ей и не провожалъ домой; она не спорила уже больше объ искусствѣ.

Котлицкій куда-то исчезъ; меценатъ разсердился и не приходилъ, а Владекъ изрѣдка только разговаривалъ съ нею и все рѣже заглядывалъ къ ней, объясняя это тѣмъ, что мать хвораетъ все чаще и онъ долженъ просиживать съ нею. Она знала, что онъ лжетъ, но не возражала ему, такъ какъ была къ нему равнодушна.

Она глубоко презирала его; но какъ бы въ память тѣхъ солнечныхъ минутъ — не рѣшалась порвать съ нимъ окончательно. Она обращалась съ нимъ холодно, не позволяла цѣловать себя; но и не могла сказать ему просто «подлецъ», такъ какъ онъ былъ какъ бы послѣднимъ звеномъ, связывающимъ ее съ ея прежней душой.

Она страшно похудѣла; лицо ея съ нездоровымъ синеватымъ цвѣтомъ покрылось желтыми пятнами, и изъ расширенныхъ, стеклянистыхъ глазъ глядѣлъ вѣчный, непрерывный, страшный голодъ!

Она ходила по театру, какъ тѣнь, съ виду тихая и спокойная, но съ ощущеніемъ этого вѣчнаго голода, который терзалъ ея внутренности: она была готова на все.

Были дни, когда она не имѣла во рту ни крошки пищи, когда въ черепѣ чувствовалась какая-то болѣзненная пустота и когда въ умѣ копошилась только одна мысль — ѣсть!

Наѣсться!.. Все исчезло кромѣ этого и не имѣло значенія...

Такая нищета царила во всей труппѣ.

Женщины еще находили выходъ; но мужчины, главнымъ образомъ болѣе порядочные, — продавали все, что находилось, даже парики, лишь бы не умереть съ голоду.

Сколько тревоги приносилъ каждый вечеръ.

— Состоится ли спектакль?

Этотъ шопотъ слышался всюду, выбивался въ садъ, въ которомъ часто гулялъ только осенній вѣтеръ, бренчалъ на пустой верандѣ, произносимый гарсонами,

тщетно ожидающими гостей. Твердилъ его Гольдъ, съежившійся отъ холода въ своей будкѣ кассира.

Гнетущая тишина царила въ уборныхъ. Остроумнѣйшія шутки Гляса не въ силахъ были прояснить помутнѣвшіе отъ заботъ взоры.

Гримировались небрежно. Никто не училъ роли, такъ какъ каждый съ треговой ждалъ представленія, околачивался вокругъ кассы и шепталъ:

— Будемъ ли играть?

Цабинскій почти ежедневно ставилъ новую пьесу, и было попрежнему пусто. Поставили «Путешествіе по Варшавѣ» — пусто. Сыграли «Разбойниковъ» — пусто. Ставили даже такіе номера, какъ «Донъ Цезарь де-Безанъ», «Статуя командора», «Ворожея la Voison» — пусто и пусто.

— Клянусь Богомъ, чего вы хотите? — кричалъ изъ-за занавѣса директоръ публикѣ.

Вы думаете, они знаютъ. Будь здѣсь человѣкъ триста, явилось бы еще триста; но такъ какъ здѣсь всего пятьдесятъ съ придачей холода и дождя, то остается только двадцать, — объяснялъ Цабинскому редакторъ, который одинъ только изъ личныхъ знакомыхъ появлялся за кулисами, такъ какъ остальные разлетѣлись съ первыми дождями.

— Это — стадо, которое сегодня не знаетъ, гдѣ будетъ завтра, — сказалъ съ ненавистью Пѣсь.

Такъ ненавидѣли эту публику и такъ молились на нее. Проклинали ее, называли стадомъ, скотомъ, грозили кулаками, плевали въ нее; но только явись она немного въ большемъ количествѣ, падали передъ нею ницъ и чувствовали глубокую благодарность къ этой

капризной рабынѣ, у которой ежедневно другое расположеніе духа и которая ежедневно даритъ кого-нибудь своими взглядами.

— Уличная дѣвка!—шепталъ грозно Топольскій,—сегодня у монарха, завтра у клоуна!

— Ты изрекъ истину; но это не дастъ тебѣ ни одного рубля,—отвѣтилъ Вавржецкій: у него одного держалось еще хорошее расположеніе духа, но и оно уже было пропитано горечью, такъ какъ Мими выбыла изъ группы и уѣхала въ Познань.

Всѣ понемногу разъѣзжались, хотя до конца сезона была еще цѣлая недѣля. Главнымъ образомъ разсыпался хоръ; онъ терпѣлъ нужду больше другихъ.

Дождь шелъ утромъ, въ полдень и вечеромъ.

Атмосфера становилась просто невыносимой. Сквозняки въ уборныхъ, на полу грязь, такъ какъ сквозь крыши текла вода, холодъ собачій.

Янкѣ казалось, что этотъ театръ медленно разрушается и погребаетъ всѣхъ подъ развалинами. А тотъ на Театральной площади стоялъ твердо. Онъ почернѣлъ отъ дождя, но казался еще болѣе суровымъ, величественнымъ, и всякій разъ, когда она смотрѣла на него, ее охватывалъ какой-то необъяснимый, благоговѣйный страхъ. Иногда ей казалось, что это огромное зданіе опирается своими колоннами на цѣлыя горы труповъ, что оно пьетъ кровь, жизнь, мозги у всѣхъ и потому такъ растетъ и крѣпнетъ...

Въ своихъ кошмарныхъ снахъ-галлюцинаціяхъ, которые бывали все чаще, она нерѣдко смотрѣла прямо въ глаза искусству и умирала отъ ужаса, такъ какъ это была вовсе не одна изъ тѣхъ божественныхъ музъ,

которыя изображаются поэтами и художниками. Это было угрюмое лицо Діаны, суровой и неумолимой. На ея чистомъ, дѣвичьемъ челѣ, пересѣченномъ складкой сосредоточенности, не было милосердія; на устахъ ея было выраженіе кровожадной силы, а глаза были полны какой-то божественной жестокости и смотрѣли далеко — въ безконечность; холодные для людского убожества, равнодушные къ крикамъ и къ страданіямъ смертныхъ, которые рвались къ ней и хотѣли обладать ею.

Безсмертная и недоступная!

— Я сойду съ ума! Я сойду съ ума! — не разъ шептала Янка, сжимая разгоряченную голову, такъ какъ такіе сны, такія галлюцинаціи изнуряли ее сильнѣе голода.

Было еще одно, что ее страшно угнетало: цѣлыми часами она вслушивалась въ себя; цѣлыми часами думала она о тѣхъ странныхъ и непонятныхъ ощущеніяхъ и чувствахъ, которыя охватывали ее все чаще. Она чувствовала, что съ нею творится что-то ужасное; что этотъ трепетъ, этотъ внезапный безпричинный плачъ, быстрыя перемѣны настроенія, эти странныя страданія — неестественны и происходятъ отъ чего-то такого, о чемъ она даже думать боялась.

У нея не было матери, не было никого, кому могла бы довѣриться и кто могъ бы объяснить ей все; но пришла минута, когда своимъ женскимъ инстинктомъ она поняла, что будетъ матерью.

Послѣ этого открытія она долго плакала; но это не были слезы отчаянья: это были скорѣе слезы состраданія, умиленія и стыда. Она почувствовала тогда, что

сзади стоитъ смерть и стоитъ такъ близко, что дрожь безсилія охватила ее всю и наполнила апатіей, безсмысленнымъ равнодушіемъ ко всему. Она перестала думать, поддавшись всецѣло покорности судьбѣ людей, долго страдающихъ или разбитыхъ могучимъ ударомъ какой-то волны, которая мчала ее куда-то, и она не спрашивала даже куда?

Однажды, будучи не въ силахъ вынести мукъ голода, она начала искать, что бы продать. Она лихорадочно перерыла корзины; но тамъ было всего нѣсколько обшитыхъ лентами элегантныхъ костюмовъ. Стоили они дорого и напоминали ей цѣлую цѣпь вечеровъ, проведенныхъ въ упоеніи на сценѣ...

Совинская ежедневно напоминала ей о платѣ за квартиру, и Янку страшно мучила эта ежедневная травля.

Она не могла просить ее продать эти остатки, такъ какъ та несомнѣнно забрала бы деньги себѣ.

А потому она рѣшила, что продастъ сама.

Завернула костюмъ въ бумагу и вышла на лѣстницу ждать жида; по двору ходилъ дворникъ, бѣгали служанки, сквозь стекла оконъ видѣла она женскія лица, которыя съ презрѣніемъ смотрѣли на нее.

Нѣтъ, здѣсь нельзя, такъ какъ черезъ нѣсколько минутъ весь домъ будетъ знать о ея нищетѣ. Отправилась въ сосѣдній домъ и тамъ ждала недолго.

— Хандель, хандель! — кричалъ какой-то старый жидъ, гнусавымъ голосомъ.

Она позвала его.

Еврей оглянулся и подошелъ. Онъ былъ настолько же грязенъ, насколько и старъ.

Янка отправилась съ нимъ на какую-то лѣстницу.

— Панна продаетъ что-нибудь?

Онъ положилъ мѣшокъ и палку на ступеньки и вытянулъ худое съ красными глазами лицо къ свертку.

— Да.

Янка развернула бумагу.

Жидъ взялъ костюмъ своими грязными руками, посмотрѣлъ его на свѣтъ, встряхнулъ нѣсколько разъ, неопредѣленно улыбнулся, завернулъ обратно въ бумагу, поднялъ мѣшокъ и палку и только тогда сказалъ:

— Э — это вещь не для меня — и пошелъ съ лѣстницы, насмѣшливо почмокивая губами.

— Дешево продамъ — крикнула Янка.

«Хоть одинъ рубль, хоть полтинникъ», думала она тревожно.

— Можетъ, панна имѣетъ старыя ботинки, юбки, подушки — куплю; но такой товаръ. Кто купитъ?

— Дешево продамъ — крикнула Янка.

— Ну, что мнѣ дать?

— Рубль.

— Хо, да это и двугривеннаго не стоитъ. И что это? кто купитъ? — И онъ снова вернулся, развернулъ пакетъ и равнодушно осмотрѣлъ костюмъ.

— Однѣ ленты стоили нѣсколько рублей.

Она замолчала, про себя рѣшивъ согласиться на все.

— Ленты! что такое — одни куски — говорилъ онъ, быстро разсматривая костюмъ. — Ха, тридцать бы копеекъ далъ. Возьмете? На мою совѣсть; больше дать не могу; у меня доброе сердце, но не могу. Ну — платить?

Эта торговля съ жидомъ была такъ противна, на-

полнила ее такимъ стыдомъ и такъ разстроила, что она хотѣла все бросить и бѣжать.

Жидъ отсчиталъ деньги, взялъ костюмъ и пошелъ. Еще въ окно видѣла она, какъ на дворѣ при полномъ свѣтѣ онъ разсматривалъ юбку. — Что дѣлать съ этимъ? — шептала она, безпомощно сжимая липкіе отъ грязи мѣдяки.

Она задолжала за квартиру, въ театральномъ буфетѣ, нѣсколькимъ товаркамъ; но уже не думала объ этомъ; съ этими деньгами она направилась только въ лавочку купить поѣсть.

Вернувшись домой, она съѣла принесенные съ собой припасы и хотѣла уже лечь спать, когда вошла Совинская, говоря, что уже около получаса здѣсь ждетъ ее чья-то служанка; вошла раскраснѣвшаяся и заплаканная прислуга Нѣдзѣльской.

— Барышня, пойдемте со мной, а то моей барынѣ очень худо, и она непремѣнно проситъ васъ къ себѣ.

— Развѣ барыня такъ больна? — воскликнула Янка, быстро вскакивая съ постели и надѣвая шляпу.

— Уже ксендзъ августинскаго костела былъ со св. Дарами; уже едва дышитъ — шептала сквозь слезы старая повѣренная и служанка Нѣдзѣльской — я поняла только, что она велѣла бѣжать за вами — хочетъ непремѣнно видѣться.

— А молодой баринъ гдѣ?

— Откуда же мнѣ знать, вѣдь долженъ былъ бы быть при матери.

— Долженъ, дожидайся — не такой онъ сынъ, — прошептала она глухо. — Съ недѣлю вѣрно и не загля-

дывалъ даже домой, такъ страшно поссорился съ моей барыней. Боже мой! Боже мой! Такъ проклиналъ, такъ ругалъ, даже побить хотѣлъ барыню. О, Боже Милосердный; это за то, что она такъ сильно любила его, лишала себя куска хлѣба, а давала ему деньги. Поскупилась на доктора, на лѣкарства, а онъ! о! накажетъ его Богъ за слезы матери! Я знаю, вы не виноваты... это такъ... но... — говорила она тихо, сѣменя рядомъ съ Янкой и каждую минуту утирая концомъ платка красные отъ слезъ и безсонницы глаза.

Янка почти ничего не разслышала изъ этихъ словъ, такъ какъ стукъ и шумъ улицы, хлюпаніе воды, стекающей по водосточнымъ трубамъ на тротуары, заглушали все.

Она шла только потому, что ее вызывала умирающая.

Первая комната была почти полна людей, она прошла ее, произнося громко слова привѣтствія; но никто не отвѣтилъ ей, и всѣ взоры слѣдили за ней съ какимъ-то напряженнымъ любопытствомъ.

Въ комнатѣ, въ которой лежала Нѣдзѣльская, около ея кровати также сидѣло нѣсколько человѣкъ.

Янка подошла прямо къ больной.

Старуха лежала на спинѣ; но уже отъ самаго порога не спускала съ нея глазъ.

Всѣ разговаривающіе замолчали такъ быстро, что воцарившаяся тишина охватила Янку какой-то странной дрожью; она встрѣтилась съ взглядомъ Нѣдзѣльской и не могла уже оторваться отъ него. Сѣла у кровати и вполголоса поздоровалась съ нею.

Старуха вдругъ сильно схватила ее за руку и ти-

химъ, но удивительно настойчивымъ голосомъ спросила:

— Гдѣ Владекъ?

Строгая складка обрисовалась на ея челѣ, и въ желтыхъ бѣлкахъ блеснула ненависть.

— Я не знаю. Откуда же я могу знать? — отвѣтила Янка почти со страхомъ.

— Не знаешь, злодѣйка! ты не знаешь, украла у меня сына! — шептала она, стараясь возвысить голосъ; но онъ звучалъ глухо и дико. Глаза ея все больше расширялись и свѣтились угрозой и ненавистью, посинѣвшія губы нервно тряслись, а желтое похудѣвшее лицо дергалось не переставая. Она приподнялась немного и хрипло, какъ бы изъ послѣднихъ силъ, крикнула:

— Потаскушка, злодѣйка, ты... — и опрокинулась навзничь.

Янка вскочила, словно отъ удара электрическимъ прутомъ; но рука старухи такъ сильно сжала ея кисть, что она обратно упала въ кресло, не будучи въ силахъ вырвать руку. Съ отчаяньемъ во взглядѣ посмотрѣла она на окружающихъ; но ихъ лица были суровы. На минуту закрыла глаза, чтобы не видать этихъ желтыхъ, сморщенныхъ лицъ женщинъ, которыя стояли вокругъ, въ полутьмѣ комнаты, какъ привидѣнія, бѣлѣя своими скелетообразными лицами.

— Эта — эта! Такая молодая и уже...

— Подлая гадина!

— Я бы убила ее, какъ собаку, если бы это случилось съ моимъ Антономъ.

— Передала бы полиціи — въ тюрьму.

— Въ мое время такихъ ставили у позорнаго столба... хорошо помню.

— Тише! тише! — успокаивалъ женщинъ какой-то старичокъ.

— И ради нея пошелъ къ комедіянтамъ, на нее тратилъ столько, ради такой послѣдней женщины побилъ мать... чтобъ тебя, подлая!..

И вокругъ Янки шипѣли полные ненависти голоса; и презрѣніе и злость сочились изъ ихъ словъ и взглядовъ и заливали ея сердце моремъ боли и стыда.

Хотѣла крикнуть имъ: милосердія! люди! я невинна; но все ниже опускала голову и все хуже соображала, гдѣ она и что съ ней творится; ея душа была ужъ слишкомъ слаба для такихъ ударовъ. Огромная волна страха трясла ее: ей казалось, что эта рука старухи, которая держитъ ее такъ сильно, и эти страшные глаза ея, вышедшіе изъ орбитъ — влекутъ ее въ пропасть, что теперь смерть и конецъ всему...

Потомъ она уже не слышала ничего и не видѣла никого, кромѣ этой умирающей женщины. Минутами хотѣла вскочить и бѣжать; но этотъ внезапный приливъ энергіи только скользилъ по нервамъ и испарялся.

Такая масса впечатлѣній и этотъ ударъ въ самое сердце затемнили мозгъ тихимъ помѣшательствомъ. Она страшно поблѣднѣла, сидѣла, какъ мертвая, устремивъ взглядъ на лицо умирающей; въ умѣ роились тѣ же отрывки мыслей, что и прежде; такъ же, какъ и прежде, огромная зеленая масса воды заливала ея сознаніе. Она не чувствовала, какъ ее оторвали отъ старухи и толкну-

ли въ уголъ, гдѣ она и стояла, неподвижная и безчувственная.

Нѣдзѣльская умирала; со смертью она какъ бы только ждала Янку. Злость и ненависть продлили ея жизнь на нѣсколько часовъ.

Теперь уже все кончалось.

Она лежала окостенѣвшая, прямая, съ руками поверхъ одѣяла, за которое судорожно цѣплялась сведенными пальцами, и съ взглядомъ, устремленнымъ вверхъ, какъ бы въ безконечность, въ которую уходила.

Лицо ея было желто; безпорядочно разсыпанные сѣдые волосы образовали какъ бы фонъ, на которомъ еще отчетливѣе обрисовывалась ея сухая голова, безсознательно и страшно встряхиваемая приближающейся смертью.

Дышала она тяжело и медленно, ловя воздухъ посинѣвшими губами. Иногда лицо кривилось въ страшныхъ корчахъ, и руки приближались къ головѣ, словно хотѣли разорвать горло, чтобы оно зачерпнуло побольше воздуха. Въ спазмахъ она высовывала бѣлый, воспаленный языкъ и въ этой борьбѣ со смертью такъ страшно напрягала силы, что жилы какъ черные канаты вздувались на ея вискахъ и горлѣ.

— Въ тишинѣ слышались плачъ и рыданіе, и пронизывающіе стоны умирающей. Лихорадочно шептались молитвы, слышалось всхлипываніе служанки и дѣтей, и все это мучительное состояніе душъ наполняло воздухъ страшнымъ и потрясающимъ трагизмомъ.

Въ глубинѣ комнаты дрожали тѣни, какъ бы поглощая ту жизнь, которая тамъ кончилась. Зажженная на

столикѣ свѣча разливала какое-то желтое, пронизывающее болью сіяніе.

Комната наполнилась колѣнопреклоненными, только та, что лежала тамъ вытянувшись, безъ сознанія и умирала, лежала какъ побѣдительница въ послѣдній разъ на своей постели, она владычествовала съ этого трона смерти надъ этими согбенными и шепчущими слова молитвы...

Какой-то старичокъ, сѣдой, какъ лунь, протискался къ ложу умирающей, сталъ на колѣни и, вынувъ изъ кармана книжку, при свѣтѣ свѣчи сталъ читать покаянные псалмы.

Голосъ у него былъ чистый и звонкій, и слова псалмовъ, полные слезъ, тревоги и ласки разносились надъ головами окружающихъ.

«Смилуйся надо мною, о Господи! ибо я — немощенъ; исцѣли меня о Господи! ибо я удрученъ печалію».

* * *

«Ты убѣжище скорби моей. О, Боже! Избавь меня отъ муки...»

* * *

«Много бичей противу грѣшника; но на вѣрующаго въ Господа снидетъ милосердіе...»

* * *

«Други и недруги мои возстали на меня».

* * *

«А ближніе мои стали далекими мнѣ; весь день поносили меня, были вѣроломны...»

Всѣ повторяли за читающимъ, и этотъ гулъ смѣшанныхъ голосовъ, монотонный и прерываемый рыданіями, вывелъ Янку изъ одервенѣнія.

Она почувствовала, что живетъ еще, на самомъ порогѣ стала на колѣни и спаленными лихорадкой губами повторяла эти сладкія слова, о которыхъ давно забыла, и въ нихъ черпала утѣшеніе, полное грусти и умиленія.

«Ты омоешь меня; и буду я бѣлѣе снѣга...»

* * *

«Не отвергай лица Своего отъ меня, или подобенъ стану падшему низко...»

* * *

«Ты погубишь всѣхъ, терзающихъ душу мою, ибо я рабъ Твой...»

Она жадно повторяла эти слова, и слезы какъ жемчужины катились по ея лицу и, какъ бы смѣшиваясь со слезами остальныхъ, омывали ея душу отъ боли и страданій; позднѣе слезы эти такъ стали страшно душить ее, что она должна была подняться и тихо выйти.

На улицѣ встрѣтила Владека, поспѣшно бѣгущаго домой и съ тревогой на лицѣ; онъ хотѣлъ спросить ее о чемъ-то; но она прошла мимо, даже не взглянула на него.

Она не чувствовала ничего, кромѣ смертельной усталости.

По дорогѣ зашла въ ярко освѣщенный костелъ св. Анны на Краковскомъ предместьѣ, сѣла тамъ на лавочкѣ и сидѣла. Смотрѣла на освѣщенный алтарь, на толпу колѣнопреклоненныхъ людей, слышала серьезные звуки органа, пѣніе; она видѣла, что со стѣнъ и съ алтаря смотрятъ на нее счастливыя лица святыхъ, но ничего не чувствовала.

— Погубишь всѣхъ, терзающихъ душу мою. Погубишь... погубишь...—повторяла она безсмысленно и вышла изъ костела; нѣтъ, нѣтъ—она не можетъ молиться, не можетъ.

Послѣ всего этого она долго спала какимъ-то каменнымъ, глухимъ сномъ безъ сновидѣній и галлюцинацій.

На другой день Цабинскій далъ ей большую роль, оставшуюся послѣ ухода Мими—она приняла ее равнодушно. Такъ же равнодушно отправилась она на похороны Нѣдзѣльской. Она шла въ самомъ концѣ процессіи, никѣмъ не замѣченная; равнодушно смотрѣла на могилы и почти не дрогнула даже при звукахъ громкаго плача.

Вечеромъ она пошла въ театръ, одѣлась какъ обыкновенно и сидѣла, безсмысленно устремивъ взоръ въ рядъ свѣчей, приклеенныхъ къ столамъ, и на актрисъ, сидящихъ передъ зеркалами.

Совинская все время вертѣлась въ уборной и съ любопытствомъ къ ней присматривалась.

Къ ней обращались, она не отвѣчала; почти каждую минуту впадала въ какое-то состояніе каталепсіи—ко-

гда смотришь и не видишь; живешь и не чувствуешь этого; глубоко же на самомъ днѣ души жило отраженіе умирающей и шипѣлъ кровавый шопотъ, смѣшанный со словами покаянныхъ псалмовъ.

Внезапно вздрогнула, такъ какъ со сцены долетѣли къ ней звуки голоса; въ умѣ мелькнуло, что это вѣрно Гржесикевичъ, она поднялась и пошла.

Владекъ стоялъ на сценѣ и что-то живо говорилъ Майковской, цѣлуя ее въ обнаженныя плечи.

Янка на минуту пріостановилась въ кулисахъ, такъ какъ какое-то неопредѣленное чувство холоднымъ остріемъ скользнуло у нея по сердцу; но это скоро прошло и прояснило ея сознаніе...

— Господинъ Нѣдзѣльскій — крикнула она.

Актеръ вскинулъ плечами; по его бритому лицу скользнула тѣнь нетерпѣнія и скука; шепнулъ еще что-то на ухо Мелѣ, та разсмѣялась и вышла, а онъ медленно, не скрывая сквернаго расположенія духа, подошелъ къ ней.

— Тебѣ чего? — спросилъ онъ сердито.

— Нужно...

Хотѣла было сказать ему, что она несчастна и больна. Она жаждала услышать теплое слово, чувствовала почти потребность пожаловаться, выплакаться на чьей-либо груди; но рѣзкій тонъ его голоса напомнилъ ей, сколько выстрадала она изъ-за него, какой онъ подлый, а потому она ничего не сказала.

— Что, будемъ играть сегодня?

— Будемъ. Въ кассѣ есть рублей сто.

— Попроси для меня денегъ.

— Что? снова! Буду еще нарываться на насмѣшки, впрочемъ я сейчасъ ухожу домой.

Она взглянула на него и сказала тихимъ, почти беззвучнымъ голосомъ:

— Проводи меня домой, я чувствую себя такъ скверно.

— Времени нѣтъ; долженъ сейчасъ бѣжать домой, тамъ ждутъ только меня.

— Ахъ! какой ты подлецъ! какой ты подлецъ! — прошептала она.

Актеръ отшатнулся, не зная, что выразить на своемъ лицѣ: смѣхъ или обиду.

— Это меня... меня.... ты?..

Онъ не осмѣлился ругнуться. Эта дѣвушка своимъ взглядомъ и гордымъ лицомъ всегда внушала ему къ себѣ уваженіе, и грубыя слова, которыя онъ хотѣлъ бросить въ нее, застревали у него въ горлѣ.

— Тебя! Ты — подлецъ! самый подлый изъ людей, слышишь! самый подлый!

— Янка! — воскликнулъ онъ, какъ бы желая защититься.

— Я запрещаю вамъ, сударь, обращаться ко мнѣ такъ; это меня оскорбляетъ.

— Съ ума ты сошла что ли? Что за травля такая? — прошипѣлъ онъ со злостью.

— Я поняла васъ и презираю васъ до глубины души.

— Фи! Тоже выбрала себѣ сильную роль. Не для дебюта ли въ Варшавскомъ?

Она отвѣтила взглядомъ презрѣнія и отошла.

Совинская подбѣжала къ ней и съ таинственнымъ, по жестокимъ состраданіемъ шепнула:

— Не волнуйтесь же такъ — и не хорошо такъ стягиваться корсетомъ.

— Почему?

— Это можетъ повредить, такъ какъ... И остальное она сказала ей на ухо.

Лицо Янки залилъ румянецъ стыда; Совинская знаетъ ея положеніе, которое она такъ скрывала.

У нея не было силъ отвѣтить что-нибудь, да и надо было уже итти на сцену.

Играли «Крестьянскую эмиграцію»; она выходила въ первомъ дѣйствіи.

Въ этотъ вечеръ въ мужской уборной разразилась буря.

Въ антрактѣ передъ вторымъ дѣйствіемъ Топольскій, игравшій Бартека, послалъ Цабинскому письмо, что-то въ родѣ ультиматума, требуя для себя и Майковской пятьдесятъ рублей, въ противномъ случаѣ онъ отказывался играть дальше. Еще до отвѣта Цабинскаго онъ началъ медленно разгримировываться.

Цабинскій прибѣжалъ почти плача.

— Двадцать рублей дамъ! О, люди! люди...

— Дашь пятьдесятъ — продолжаю играть, а не то — онъ отклеилъ одинъ усъ и началъ стягивать ботфорты.

— Матерь Божія! Да въ кассѣ наберется не больше ста рублей — едва на расходы хватитъ.

— Пятьдесятъ рублей и сейчасъ, а то будешь самъ кончать пьесу или возвращать публикѣ деньги — говорилъ спокойно Топольскій, стягивая и второй ботфортъ.

— До сихъ поръ думалъ я, что хоть ты одинъ человѣкъ! Подумай только, что ты дѣлаешь.

— Какъ видишь, раздѣваюсь.

Антрактъ затянулся, публика начинала кричать и топать.

— Нѣтъ, всего могъ ждать! Но ты, лучшій мой другъ, ты...

— Пожалуйста безъ разговоровъ. Можешь себѣ надувать кого угодно; но себя я не позволю...

— Да у меня нѣтъ; если дамъ тебѣ теперь тридцать рублей, то нечѣмъ будетъ заплатить за театръ — кричалъ въ отчаяніи Цабинскій, бѣгая по уборной.

— Я вѣдь сказалъ; сейчасъ мы уходимъ домой...

Въ саду поднялся настоящій адъ отъ криковъ и свистковъ...

— Хорошо, на пятьдесятъ рублей, на — грабишь своихъ же товарищей; тебѣ до этого нѣтъ дѣла; будешь имѣть, на что основать свое товарищество. На! мы квиты!

— Обо мнѣ и моей труппѣ не безпокойся, оставлю за тобой мѣсто машиниста.

— Скорѣе ты будешь у меня подавать пальто, нежели я буду въ твоей труппѣ.

— Молчи, болванъ!

— Позову полицію, такъ тебя сейчасъ успокоютъ — кричалъ, какъ бѣшеный, Цабинскій.

— Я тебя сейчасъ успокою, шутъ гороховый—крикнулъ Топольскій, приведя въ порядокъ свой туалетъ и схвативъ Цабинскаго за воротникъ; далъ ему пинка

и выбросилъ изъ уборной; самъ же побѣжалъ на сцену.

Спектакль кончился спокойно, но у кассы опять началась ссора.

Стояли, сбившись въ кучу, такъ что при тускломъ освѣщеніи блестѣли только головы и лица, намазанныя саломъ, которымъ стирали краску.

Всѣ хотѣли денегъ и требовали уплаты гонорара. Грозили въ оконце кулаками; бросали молніеносные взгляды, и голоса даже хрипѣли отъ напряженія.

Цабинскій еще красный и дрожащій послѣ недавняго инцидента, ссорился съ каждымъ и ругался во всю, желая давать лишь обычныя а cont'ы.

— Кому не угодно — пускай отправляется къ Топольскому. Мнѣ все равно.

Янка также приблизилась къ окошечку.

— Вы обѣщали мнѣ дать сегодня, директоръ.

— Нѣтъ у меня!

— Но у меня тоже нѣтъ ничего — просила она тихо.

— Другимъ не даю, а они не лѣзутъ такъ назойливо.

— Господинъ Цабинскій, я почти умираю отъ нищеты — сказала она просто.

— Такъ заработайте себѣ... Всѣ управляются, какъ могутъ... Люблю наивныхъ, но на сценѣ... Комедіантка! Ступайте къ Топольскому, онъ дастъ.

— О! я увѣрена, что Топольскій не допуститъ, чтобы его артисты терпѣли нужду, и уплатитъ каждому все, что слѣдуетъ; онъ не будетъ такъ безбожно обманывать — произнесла она энергично.

— Можете сейчасъ же отправляться къ нему и мнѣ

на глаза не показываться — крикнулъ онъ со злостью, выведенный изъ себя напоминаніемъ о Топольскомъ.

— Слушай-ка, директоръ, собачья морда! — началъ Глясъ; но Янка уже ничего не слышала, она протолкалась сквозь толпу и вышла.

— Заработайте....

Она шла по почти пустыннымъ улицамъ.

Желтоватые огоньки фонарей уныло освѣщали тихіе, безлюдные улицы и переулки.

Темно-синее небо раскинулось надъ городомъ, какъ огромный куполъ, усѣянный яркими золотыми звѣздами. Дулъ холодный и пронизывающій до костей вѣтеръ.

— Заработайте... — повторила она, останавливаясь передъ Большимъ театромъ. Какъ-то безсознательно она очутилась здѣсь.

Потемнѣвшее зданіе словно заснуло въ этой тишинѣ ночи; оно стояло крѣпко, и ряды колоннъ мрачно вырисовывались своими контурами на фонѣ ночи.

Она поглядѣла на него и пошла назадъ.

Невыносимая боль какъ раскаленнымъ обручемъ стягивала ея голову; она была такъ измучена, что иногда готова была сѣсть здѣсь на тротуарѣ. И вдругъ снова она такъ ясно сознавала всю отчаянность своего положенія, что, казалось, готова была бы отдаться первому попавшемуся, кто пожелалъ бы этого, если бы только могла этимъ отдѣлаться отъ этой внутренней, болѣзненной дрожи, этого почти замиранія, которое чувствовала въ себѣ.

Она тяжело плелась по улицамъ, такъ какъ не знала, что съ собой дѣлать, и этотъ холодъ, и эта смертельная

усталость доставляли ей даже какъ бы какое-то наслажденіе страданіемъ. Передъ глазами мелькали какія-то видѣнія, какія-то искры, такъ что не знала, гдѣ она и что съ ней. Она чувствовала только одно, что дальше не выдержитъ.

— Что же дальше? — безсмысленно спрашивала она себя, смотря впередъ.

Отвѣтомъ была тишина заснувшаго города и молчаніе синяго неба.

Она чувствовала, что теперь она все быстрѣй катится по какой-то плоскости; летитъ туда — и на самомъ концѣ ея пути лежитъ распростертый трупъ Нѣдзѣльской.

— Смерть! — отвѣтила она себѣ — смерть!... И всматривалась въ суровое лицо — мертвое, со слезами, застывшими на щекахъ, и ее охватывалъ не страхъ, а великая тишина.

Она осмотрѣлась кругомъ, словно ища причинъ этой великой тишины.

Она думала еще объ отцѣ, о матери, о себѣ; но думала такъ, какъ о вещахъ, которыя она видѣла когда-то или о которыхъ, быть можетъ, читала...

— Что дальше? — спрашивала она себя громко, очутившись дома; не могла ни подумать, ни представить себѣ этого завтра.

— Въ такомъ положеніи не могу быть ни въ театрѣ, ни гдѣ бы то ни было; что же дальше? — Этотъ невольно вырвавшійся вопросъ билъ ее какъ обухомъ по головѣ.

Загорался день и заливалъ комнату мутнымъ свѣтомъ, а она все еще сидѣла на прежнемъ мѣстѣ, глядя

въ окно глубоко впавшими глазами, и покраснѣвшими отъ лихорадки губами все шептала:

— Что же дальше? Что дальше?

XI.

Сезонъ кончился.

Цабинскій уѣзжалъ въ Плоцкъ съ совершенно новой труппой, такъ какъ Топольскій отнялъ у него лучшія силы, а другіе разбрелись по разнымъ товариществамъ.

Въ кондитерской на Новомъ-Свѣтѣ Кржикевичъ, порвавъ съ Цѣпишевскимъ, основывалъ свое товарищество.

Станиславсій также организовалъ маленькое дѣло.

Топольскій съ труппой уже перекочевывалъ въ Люблинъ.

Въ театрѣ была мертвая тишина.

Сцена была забита досками, уборныя и переднія были наглухо заперты, на верандахъ стояли поломанныя кресла и всякая рухлядь.

Листья опадали на землю, а лоскутки послѣднихъ афишъ грустно шелестѣли на вѣтрѣ.

Сезонъ кончился.

Никто уже не приходилъ сюда, перелетныя птицы собирались въ дорогу; только Янка по старой привычкѣ еще приходила сюда, нѣсколько минутъ смотрѣла на это опустѣніе и уходила.

Цабинская написала ей очень сердечное посланіе, приглашая къ себѣ.

Она пошла.

Тамъ упаковывались.

По серединѣ комнатъ стояли огромные сундуки и корзинки, наполненныя разными театральными принадлежностями; матрацы, сѣнники и другая рухлядь кочевой жизни лежали на полу.

Въ комнатѣ Цабинской не было уже ни вѣнковъ, ни мебели, ни павильона съ кроватью; голыя стѣны, послѣ того какъ съ нихъ сняли картины, выглядѣли другими. По срединѣ стояла длинная корзина, и няня, вспотѣвшая отъ натуги, укладывала гардеробъ Пети. Цабинская съ папироской въ зубахъ командовала укладкой и каждую минуту кричала на дѣтей, въ восторгѣ кувыркающихся по матрацамъ и разбросанной на полу соломѣ.

Она поздоровалась съ Янкой съ преувеличенной сердечностью.

— Здѣсь такая пыль, что просто не выдержать. Няня, укладывай осторожно, чтобы платья не очень мялись. Выйдемъ — сказала она, надѣвая накидку и шляпу.

Она затянула Янку въ свою излюбленную кондитерскую и тамъ принялась передъ ней извиняться за мужа.

— Повѣрьте мнѣ, мужъ былъ такъ раздраженъ тогда, что не зналъ самъ, что дѣлалъ. Ничего удивительнаго; онъ старается, закладываетъ собственныя вещи, чтобы только сдѣлать лучше артистамъ; а тутъ Топольскій строитъ казни и разбиваетъ товарищество. Тутъ и святой вышелъ бы изъ терпѣнія; впрочемъ самъ Топольскій сказалъ мужу, что вы ѣдете съ ними.

Янка ничего не отвѣтила на это, такъ какъ ей это

было совсѣмъ безразлично; только, когда Цабинская сказала ей, что послѣ обѣда они уѣзжаютъ въ Плоцкъ и пускай она тотчасъ же идетъ укладывать вещи, такъ какъ за ними заѣдетъ подвода, — она отвѣтила рѣшительно:

— Благодарю васъ за ваше сердечное отношеніе ко мнѣ; но я не поѣду.

Цабинская почти ушамъ не вѣрила и удивленно воскликнула:

— Вы ангажированы уже! Куда?

— Никуда — и нигдѣ не буду!

— Какъ! Вы бросаете сцену? вы, съ такимъ будущимъ?

— Я достаточно наигралась,—отвѣтила она горько.

— Извините; но вѣдь вы только первый годъ на сценѣ; вамъ нигдѣ не дали бы большой роли.

— О! Я не буду больше стремиться къ этому.

— А я составила себѣ уже планъ, какъ мы въ Плоцкѣ будемъ жить вмѣстѣ; и вамъ было бы легче, и моя дочурка выиграла бы отъ этого. Подумайте, увѣряю васъ, что и роли получать будете.

— Нѣтъ, нѣтъ! Достаточно натерпѣлась я нужды; нѣтъ силъ больше, да, впрочемъ, я и не могу, не могу— отвѣтила она тихо, со слезами въ глазахъ, такъ какъ предложеніе это блеснуло передъ ней лучшимъ будущимъ и на минуту пробудило прежнія желанія и мечты о тріумфахъ; но тутъ же вспоминала она свое положеніе и все, что должна была бы вынести благодаря этому, а потому добавила еще энергичнѣе:

— Я не могу, не могу — и слезы, которыя она не могла уже сдержать, ручьемъ потекли по ея лицу, да-

же Цабинская подвинулась къ ней ближе и спросила съ неподдѣльнымъ сочувствіемъ:

— Но, ради Бога! скажите, что съ вами? Скажите, быть можетъ я могу помочь чѣмъ-нибудь.

Янка не отвѣтила, только немного покраснѣла, сильно пожала ей руку и поспѣшно вышла изъ кондитерской.

Ее душили слезы, ее душила жизнь.

Сейчасъ же послѣ этого пришелъ Станиславскій и уговаривалъ ее ѣхать съ ними въ провинцію. Онъ основалъ товарищество изъ восьми или десяти человѣкъ. Предоставлялъ Янкѣ первыя роли любовницъ и горячо расписывалъ ей вѣрный успѣхъ въ уѣздныхъ городкахъ. Пересчитывалъ, кого ангажировалъ; самая молодежь, кандидаты и кандидатки, все полно силъ, воодушевленія и таланта; онъ сказалъ себѣ, что поведетъ ихъ стезей настоящаго искусства, что это будетъ въ дѣйствительности драматическая школа и онъ будетъ учителемъ и отцомъ и сдѣлаетъ изъ этихъ людей настоящихъ артистовъ, вѣрныхъ ему и его традиціямъ.

Янка рѣшительно отказала ему.

Поблагодарила за сердечное отношеніе къ ней въ теченіе лѣта и какъ бы навсегда тепло попрощалась съ нимъ.

Когда онъ ушелъ, она окончательно рѣшила покончить со всѣмъ этимъ.

Она еще не сказала себѣ окончательно — умру! Если бы кто-нибудь сказалъ ей, что она думаетъ о смерти, она искренно воспротивилась бы этому; но мысль объ этомъ и желаніе смерти были уже давно гдѣ-то глубоко въ мозгу.

Она видѣла, какъ уѣзжали Цабинскіе, и отправилась на пароходную пристань.

Стояла на мосту и смотрѣла, какъ они отплывали, смотрѣла на сѣрыя волны Вислы, съ шумомъ ударяющіяся о пристань, и ей стало такъ грустно и такъ чего-то жалко, что не могла ни двинуться, ни оторвать взора отъ воды.

Уже спускалась ночь, а она все стояла, глядя предъ собой; цѣпи прибрежныхъ фонарей вырисовывались изъ мрака какъ золотистые цвѣты и бросали на зеленоватую поверхность воды бѣловатыя дрожащія пятна; до нея долеталъ глухой шумъ и стукъ города; по мосту съ грохотомъ проносились извозчики, не переставая звонили звонки трамваевъ, двигались со смѣхомъ волны людей; иногда какъ эхо долетала какая-нибудь пѣсенка или отрывистые звуки шарманки, иногда теплое дуновеніе вѣтра, иногда сырой запахъ тони, и все это ударялось о нее и отражалось какъ отъ полированнаго камня.

Вода въ глубинѣ мѣнялась и дѣлалась все болѣе странной, черной; но иногда въ этой чернотѣ мелькали какія-то искры, красные огоньки, а порой фіолетовыя и желтыя полосы. Тамъ, казалось, была жизнь болѣе полная и совершенная; волны такъ радостно гудѣли, разбиваясь о пристань и каменныя стѣны, и съ безумнымъ хохотомъ цѣплялись, смѣшивались, лѣзли одна на другую и плыли дальше. Она, казалось, слышала ихъ свободный смѣхъ и голоса возвышенной радости.

— Что вы дѣлаете здѣсь?

Янка вздрогнула, медленно поворачиваясь. Передъ

нею стояла Вольская и любопытно и тревожно смотрѣла на нее.

— Ничего, смотрѣла — отвѣтила она тихо.

— Пойдемте, здѣсь нездоровый воздухъ, — сказала она, беря ее подъ руку, такъ какъ въ ея потуснѣвшихъ глазахъ прочла мысль о самоубійствѣ.

Янка позволила увести себя и только на Съѣздѣ спросила ее тихо:

— Вы не уѣхали?

— Я не могла. Видите ли, мой Янекъ опять боленъ. Докторъ запретилъ трогать его изъ постели, и, я вѣрю, это могло бы добить его — грустно прошептала Вольская. Я должна была остаться, вѣдь не отдамъ же я его въ больницу. Ужъ если на то пошло, то умремъ вмѣстѣ; но я его не отпущу отъ себя. Докторъ обнадежилъ меня; говоритъ, что пройдетъ.

Янка съ какимъ-то непонятнымъ чувствомъ смотрѣла на ея сѣрое лицо, озаренное сіяніемъ любви. Она выглядѣла, какъ нищая, въ своемъ темномъ, покрытомъ пятнами плащѣ и сѣромъ, обтрепанномъ внизу платьѣ; на ней была сѣраго цвѣта шляпа, на рукахъ черныя, заштопанныя перчатки и порыжѣвшій отъ дождя зонтикъ; но сквозь эту нищету сверкала, какъ солнце, любовь къ ребенку. Она ничего не видѣла и ни на что не обращала вниманія, такъ какъ ничто, что не касалось ея мальчика, не имѣло для нея значенія.

Янка шла рядомъ съ нею и съ удивленіемъ присматривалась къ этой женщинѣ.

Она знала ея исторію.

Это была дочь состоятельныхъ и интеллигентныхъ родителей, влюбилась въ актера и поступила на

сцену; и хотя потомъ любовникъ и бросилъ ее, хотя она терпѣла нужду и униженія, но уже отъ театра оторваться не могла; а теперь всю свою любовь и всѣ свои надежды перенесла на ребенка, который съ весны не переставая хворалъ.

— И откуда берутся у нея силы? — думала Янка.

— Что вы дѣлаете теперь?

Вольская вздрогнула, легкій румянецъ покрылъ ея изнуренное лицо, и губы болѣзненно задрожали.

— Я... пою... что мнѣ оставалось дѣлать? вѣдь должна же я жить чѣмъ-нибудь и лѣчить Янека, должна... хотя мнѣ страшно стыдно; но я принуждена... Ахъ! судьба моя, горькая судьба! — жалобно застонала она.

— Я ничего не знаю... — Янка не понимала, почему та стыдится пѣть.

— Видите, панна Янка, это останется между нами, хорошо? — умоляла она со слезами.

— Даю вамъ слово; да наконецъ, кому же я могу разсказать, — развѣ я не такъ же одинока.

— Я пою въ ресторанѣ — на Подвалѣ — быстро и вполголоса произнесла Вольская.

— Въ ресторанѣ! — прошептала Янка и даже пріостановилась отъ удивленія.

— Что же мнѣ было дѣлать. Скажите — что? Вѣдь нужно же ѣсть и жить гдѣ-нибудь... Чѣмъ же я заработаю, вѣдь я даже шить-то не умѣю. Дома я умѣла играть немного на роялѣ, немного говорить по-французски, но вѣдь этимъ не заработаешь ни копейки. Въ «Курьерѣ» напала на объявленіе, что требуется пѣвица — пошла и пою... Платятъ мнѣ ежедневно рубль,

Пропитаніе и... но... — слезы заглушили ея слова; она схватила Янку за руку и лихорадочно пожала ее. Янка отвѣтила такимъ же пожатіемъ, и онѣ шли уже дальше молча.

— Пойдемте со мной; мнѣ будетъ немного легче, хорошо?

Янка охотно согласилась.

Вошли въ трактиръ подъ «Мостомъ» на Подвалѣ.

Это былъ длинный, узкій садикъ съ нѣсколькими жалкими деревцами. Сейчасъ же у входа былъ колодецъ. Съ лѣвой стороны заборъ, вымазанный известью, отдѣлялъ сосѣднія владѣнія, въ которыхъ повидимому былъ дровяной складъ, такъ какъ изъ-за забора торчали цѣлыя горы балокъ и досокъ. Нѣсколько керосиновыхъ фонарей освѣщали эту площадку.

Нѣсколько десятковъ столиковъ и гораздо большее количество грубо сколоченныхъ стульевъ составляли всю меблировку этого лѣтняго ресторана. Правая сторона ограждалась одноэтажнымъ флигелемъ и стѣной сосѣдняго дома; прямо же высилась неоштукатуренная стѣна съ безчисленнымъ количествомъ маленькихъ грязныхъ оконъ; это задній фасадъ прежняго дворца Кохановскихъ на углу Медовой.

У забора небольшая, подъ полотняной крышей, эстрада; съ двухъ сторонъ открытая публикѣ, она представляла какъ бы нишу, обклеенную внутри толстой, синей съ серебряными звѣздами бумагой.

По бокамъ керосиновыя лампы коптили надъ какимъ-то музыкантомъ съ сѣдой бородой въ замасленномъ сюртукѣ — онъ отчаянно колотилъ по клавишамъ жалкаго рояля.

Садъ былъ наполненъ публикой со Стараго города и ремесленниками.

Онѣ протискались къ флигелю, въ которомъ была комната для одѣванія выступающихъ на эстрадѣ, перегороженная красной занавѣской на двѣ уборныхъ: мужскую и женскую.

— Я жду уже! — загремѣлъ изъ-за загородки охрипшій отъ пьянства голосъ.

Черезъ нѣсколько минутъ Вольская была готова къ выходу.

Янка вышла съ нею и сѣла противъ эстрады. Вольская, разгоряченная, поспѣшно застегивая послѣдніе крючки и пуговицы, появилась на сценѣ, глубокимъ поклономъ привѣтствуя публику. Музыкантъ ударилъ по желтымъ клавишамъ, и послышалось пѣніе:

Между двумя дубами на пенечкѣ
Двѣ горлицы сидѣли —
Я не знаю — развлечься ль хотѣли,
Но цѣловались онѣ въ уголочкѣ.

Звучала старая, сентиментальная пѣсенка изъ «Краковяковъ и горцевъ», часто перебиваемая аплодисментами, звономъ кружекъ, бренчаніемъ тарелокъ, хлопаніемъ дверей и стрѣльбой въ цѣль. Фонари свѣтили какъ-то мутно и грязно; дѣвушки въ бѣлыхъ фартукахъ, съ кружками въ рукахъ, шныряли между столиками, громко считали выручку, звенѣли сдачей, благодарили пьющихъ и роняли циничныя замѣчанія и отвѣты задѣвающимъ ихъ... Грубый смѣхъ, неприличныя остроты, уличныя шутки звучали въ воздухѣ, и имъ тотчасъ же отвѣчалъ громкій, безсмысленный смѣхъ.

Публика выражала свое удовольствіе пѣніемъ, крикомъ, выбиваніемъ палками такта и звономъ кружекъ. Иногда вѣтеръ совсѣмъ заглушалъ пѣніе, или съ шумомъ качалъ жалкія деревца и посыпалъ желтыми листьями головы сидящихъ и эстраду.

Разъ у насъ коровку угнали...

продолжала пѣть Вольская. Ея красный туалетъ съ большимъ вырѣзомъ на груди казался яркимъ пятномъ на синемъ фонѣ и великолѣпно обрисовывалъ худое, грубо нарумяненное лицо, запавшіе и обведенные синими кругами глаза и заостренныя, какъ у трупа, черты лица. Она тяжело покачивалась въ тактъ пѣснѣ:

Я такъ сильно любила —
Стаха обнимала...

Голосъ звучалъ глухо и какимъ-то ворчаніемъ врѣзывался въ пьяный гулъ трактира.

Грубый смѣхъ заглушался острыми, пронизывающими гаммами; эти «браво», выжимаемыя изъ пьяныхъ глотокъ воскресной публики, прерываемыя икоткой, звучали глухо и неслись къ эстрадѣ какимъ-то храпомъ заодно съ насмѣшками, которыхъ не щадили по адресу пѣвицы.

Но Вольская ничего не слышала; она пѣла, равнодушная и холодная ко всему; съ автоматичностью загипнотизированной — пѣла, двигалась, только иногда искала взгляда Янки и словно молила о состраданіи.

Янка блѣднѣла и синѣла, будучи не въ силахъ выдержать дальше въ этой насыщенной алкоголемъ ат-

мосферѣ и пьяномъ гвалтѣ, который охватывалъ ее омерзѣніемъ.

«Лучше умереть, думала она. О нѣтъ, нѣтъ, она не могла бы развлекать эту публику, плюнула бы въ глаза и дала бы пощечину, самой себѣ, и потомъ — хоть бы въ Вислу.

Вольская кончила пѣсню, и ея партнеръ, одѣтый въ краковскій костюмъ, съ нотами обходилъ поющихъ. Ему въ глаза бросали леденящія цинизмомъ и грубой откровенностью замѣчанія; онъ только улыбался тупо, какъ настоящій пьяница, и низко кланялся за тѣ мѣдяки, которые ему бросали на ноты.

Вольская, закрывъ глаза, стояла у рояля, нервно теребила золотой галунъ у корсажа и со стономъ, болѣзненнымъ напряженіемъ въ душѣ считала количество тѣхъ мѣдяковъ, которые онъ положилъ съ нотами передъ нею. Акомпаніаторъ снова ударилъ по клавишамъ, и они снова запѣли, теперь уже вдвоемъ, какой-то комическій куплетъ на мотивъ краковяка, которому подплясывали уже почти сонные.

Янка съ трудомъ дождалась конца и, ничего не говоря о впечатлѣніи, которое произвелъ на нее этотъ кабакъ, попрощалась съ Вольской и почти бѣгомъ пустилась вонъ изъ этого садика, отъ этой публики и этого униженія.

Весь слѣдующій день она совсѣмъ не выходила изъ комнаты; ничего не ѣла и ни о чемъ не думала; лежала на кровати и смотрѣла въ потолокъ, безсмысленно водя глазами за послѣдней мухой, полуживой и сонно перелѣзавшей съ мѣста на мѣсто.

Вечеромъ пришла Совинская, сѣла на сундукъ и черство, безъ всякаго вступленія, сказала:

— Квартира уже сдана, а потому завтра ступайте себѣ съ Богомъ; въ виду же того, что намъ слѣдуетъ съ васъ пятнадцать рублей, мы задержимъ ваши вещи, когда вернете — отдадимъ.

— Хорошо, — отвѣтила Янка и равнодушно посмотрѣла на нее, словно это была самая обыкновенная вещь. — Хорошо, я пойду себѣ съ Богомъ! — добавила она чуть слышно и поднялась съ кровати.

— Неправда ли, вы ужъ найдете выходъ? Еще въ колясkѣ пріѣзжать ко мнѣ будете что? — говорила Совинская, и скверный злой огонекъ дрожалъ въ ея круглыхъ глазахъ.

— Хорошо, — снова повторила Янка и начала ходить по комнатѣ.

Совинская, не дождавшись отвѣта, вышла.

— Итакъ все кончено? — прошептала Янка глухо, и мысль о смерти стала ясной и притягательной.

— Что такое смерть? Забвеніе, забвеніе! — отвѣтила она себѣ громко, останавливаясь и обращая взглядъ въ какія-то мрачныя глубины, которыя открывались передъ ней.

— Да, забвеніе! Да, забвеніе! — повторяла она медленно и сидѣла долго, не двигаясь, устремивъ взоръ въ пламя лампы.

Ночь надвигалась медленно, домъ затихалъ, свѣтъ по очереди гасъ во всѣхъ окнахъ, воцарялось все болѣе глубокое молчаніе, и, наконецъ, все потонуло въ какомъ-то сонномъ покоѣ, какъ вдругъ у воротъ раздался звонокъ, и съ улицы донесся стукъ извозчика.

Уже сѣрѣло, и свѣтъ понемногу озарялъ дали и вырисовывалъ контуры крышъ, когда Янка вдругъ очнулась и окинула взглядомъ комнату; она почти рѣшилась; быстро встала со стула и, подталкиваемая какой-то мыслью, которая освѣтила ея глаза какимъ-то страннымъ огнемъ, быстро направилась къ двери; внезапный трескъ ручки двери, которую она нажала, охватилъ ее ужасомъ; она задрожала, оперлась на косякъ и нѣсколько секундъ тяжело дышала; наконецъ тихо скинула съ ногъ ботинки и уже смѣло, но съ величайшей осторожностью прошла переднюю и очутилась въ большой комнатѣ, въ которой днемъ обѣдали и шили и которую вечеромъ превращали въ спальню для мастерицъ. Ее охватилъ душный, тяжелый воздухъ. Вытянувъ руки и затаивъ дыханіе, она такъ медленно подвигалась къ кухнѣ, что время это казалось ей цѣлой вѣчностью. Пріостанавливалась и, подавивъ дрожь, эту страшную дрожь, прислушивалась къ дыханію и храпѣнію спящихъ, и снова шла, сжимая со всей силой отчаянья зубы. Дверь въ кухню была пріоткрыта, какъ тѣнь она скользнула въ нее и споткнулась о стоящую у самыхъ дверей кроват служанки. Она даже помертвѣла отъ ужаса, долго стояла безъ движенія и не дышала, впивалась безсмысленнымъ взглядомъ въ слегка обрисованныя въ темнотѣ контуры кровати; но, собравъ весь свой запасъ силъ и храбрости, пошла прямо къ полкамъ, на которыхъ стояла разнаго рода кухонная утварь; съ величайшей осторожностью по очереди ощупывала все, пока наконецъ не наткнулась на плоскую, четырехугольную бутылочку съ уксусной эссенціей, она видѣла ее за нѣсколько часовъ до этого и теперь, отыскавъ ее, такъ

стремительно выхватила изъ окружающихъ ее предметовъ, что какая-то жестяная крышка съ громкимъ звономъ упала на землю. Янка испуганно наклонила голову, такъ какъ этотъ звонъ такъ громко отдался въ ея мозгу, что ей показалось, будто весь свѣтъ рушится на нее.

— Кто тамъ? — крикнула разбуженная шумомъ служанка, — кто тамъ? — повторила она громко.

— Это я... пришла воды напиться...— глухо отвѣтила Янка, нервно прижимая къ груди бутылочку. Служанка неясно промычала что-то и больше не отзывалась. Янка, какъ бы подгоняемая фуріями безумія, не заботясь о томъ, услышитъ ли ее кто или нѣтъ, разбудитъ ли она кого-нибудь, бросилась въ свою комнату, заперлась на ключъ и упала на кровать, полуживая отъ волненія, тряслась такъ, что казалось разлетится въ куски; слезы, которыхъ она даже не чувствовала, ручьями потекли у нея по лицу. Это такъ облегчило ее, что она заснула. Утромъ Совинская снова напомнила ей о выѣздѣ и, грубо отпирая передъ ней двери, велѣла убираться вонъ. Янка поспѣшно одѣлась и, не отвѣчая ей ни слова, пошла въ городъ.

Она долго ходила по улицамъ, чувствуя одно—свою бездомность и этотъ какой-то водоворотъ, въ который мозгъ ея погружался все глубже. Прошла Новый-Свѣтъ, Уяздовскія аллеи и остановилась только у пруда.

Деревья умирали, и желтые листья покрывали дорожки золотистымъ ковромъ. Царила тишина осенняго дня; иногда только съ крикомъ проносилась стая воробьевъ или жалобно кричали лебеди и долго били

крыльями о грязную, зеленаго цвѣта воду, похожую на выцвѣтшій бархатъ.

На всемъ была видна печать желтой, убивающей всякую жизнь осени; здѣсь она тронула деревья, тамъ сохли и опадали листья, чернѣла трава, а послѣднія осеннія астры, наклонивъ головки, истекали росой, какъ предсмертными слезами.

— Смерть, — прошептала Янка, сжимая добытую ночью бутылочку, и сѣла, быть можетъ, на ту же скамейку, что и весной, и казалось ей, что она медленно засыпаетъ, что мысли ея уползаютъ куда-то; она начинала терять сознаніе, переставала чувствовать и видѣть.

Опадаетъ съ нея все, и обмираетъ она, какъ эта природа, которая, казалось ей, тоже догорала и была при послѣднемъ издыханіи.

Наслажденіе покоемъ и тишиной наполнило сердце Янки; все испарилось изъ памяти; нужда, разочарованія и борьба затерлись, поблѣднѣли, исчезли, какъ бы поглощенныя этимъ блѣднымъ осеннимъ солнцемъ, повисшимъ надъ паркомъ; не она пережила все это, она никогда ничего не чувствовала и не страдала никогда... Ей казалось, что дѣлается она такой маленькой и хрупкой, какъ этотъ кругъ на водѣ, разбитый грудью лебедя; вотъ уже онъ распластался, уже гибнетъ... ей казалось, что она какъ-то ушла въ себя и уменьшилась, что она подобна тому вонъ листочку, зацѣпившемуся на кольцахъ проволочной ограды; онъ шепчетъ чуть слышно, дрожитъ и сейчасъ отвяжется, и сейчасъ это легкое дуновеніе вѣтерка сброситъ его туда... въ пропасть... смерть... То снова казалось ей, что она разсѣется, какъ

эта паутина, опутавшая лужайку и блестящими волокнами плывущая въ воздухѣ; что сама она растягивается въ такія полосы, волокна и перестаетъ уже чувствовать, растворенная въ безконечности... Это страшно растрогало ее и наполнило сердце слезами сострадація.

— Какая бѣдная!.. какая несчастная!.. — шептала она, какъ бы о комъ-то другомъ, страданіямъ котораго она сочувствуетъ; спазмы невыразимыхъ мученій сжимали ея сердце.

Душа ея была въ такой агоніи, что уже теперь она не соображала, какая нужда побѣдила ее? Какія несчастья разбили?.. Отчего плачетъ?.. Кто — она?..

— Смерть! — отрывисто повторяла она, и это слово встрѣчало неопредѣленные, но глубокіе отзвуки въ ея мозгу и нервахъ и съ трудомъ выжимало изъ глазъ слезы.

Остановилась, не зная зачѣмъ, передъ танцующимъ фавномъ.

Дожди сдѣлали темнѣе его каменное тѣло, локоны, завитые, какъ цвѣты гіацинтовъ, порыжѣли, лицо, запачканное потоками воды, сдѣлалось какъ бы длиннѣе, но въ глазахъ искрился все тотъ же огонь насмѣшки, и ноги, не переставая, бѣшено выплясывали.

— Ijo! Ijo! Ijo!.. — казалось пѣлъ онъ и помахивалъ флейтой, и смѣялся, и издѣвался надо всѣмъ, и дерзко поднималъ къ солнцу голову, какъ вѣнкомъ вакханокъ увѣнчанную опавшими листьями.

Она смотрѣла на него долго; но не будучи въ силахъ вспомнить что-либо или понять, пошла дальше.

На Новомъ-Свѣтѣ въ однихъ Chambres-garniers она

велѣла дать себѣ номеръ, чернилъ, почтовой бумаги и конвертъ. Когда ей доставили все это, она заперла дверь на ключъ и написала два письма: одно коротенькое, сухое и какое-то болѣзненно-ироническое — отцу; другое длинное и въ совершенно спокойномъ тонѣ—Глоговскому. Обоихъ извѣщала о своемъ самоубійствѣ.

Надписала подробные адреса, даже съ нѣкоторой старательностью, и положила на видномъ мѣстѣ.

Затѣмъ спокойно вынула изъ кармана бутылочку, откупорила, посмотрѣла жидкость на свѣтъ и, не думая больше ни о чемъ, не колеблясь, выпила до дна...

Внезапно распростерла руки, блѣдное посинѣвшее лицо какъ бы озарилось тревогой, глаза, ослѣпленные какой-то безмѣрной, вдругъ отверзшейся передъ ней пустотой, закрылись, и Янка опрокинулась навзничь въ страшныхъ боляхъ.

*
* *

Нѣсколько дней спустя Котлицкій, вернувшись изъ Люблина, гдѣ онъ былъ съ труппой Топольскаго, просматривалъ въ кондитерской газеты и благодаря какой-то странной случайности прочелъ подъ рубрикой происшествій слѣдующее:

«Самоубійство актрисы.

«Во вторникъ въ Chambres-garniers на Новомъ Свѣтѣ прислуга услыхала стоны, доносящіеся изъ номера, за часъ до того занятаго незнакомой женщиной; выломали двери и увидѣли страшную картину.

«На землѣ извивалась отъ боли молодая красивая женщина. Изъ оставленныхъ писемъ выяснилось, что это — нѣкая Янка Орловская, которая была хористкой

въ труппѣ подъ дирекціей Цабинскаго, дававшей въ этомъ сезонѣ представленія въ театрѣ NN.

Былъ вызванъ врачъ, и больную безъ сознанія отвезли въ больницу Младенца Іисуса. Положеніе больной опасно, но не безнадежно... Орловская отравилась уксусной эссенціей, бутылочка отъ которой найдена въ номерѣ. Причины этого отчаяннаго шага неизвѣстны. Ведется слѣдствіе...»

Котлицкій нѣсколько разъ подъ рядъ перечитывалъ эту замѣтку, блѣднѣлъ, дергалъ усы, перечитывалъ снова, наконецъ смялъ газету и со злостью бросилъ на землю.

— Комедіантка! комедіантка!.. — съ презрѣніемъ прошепталъ онъ, закусивъ губы.